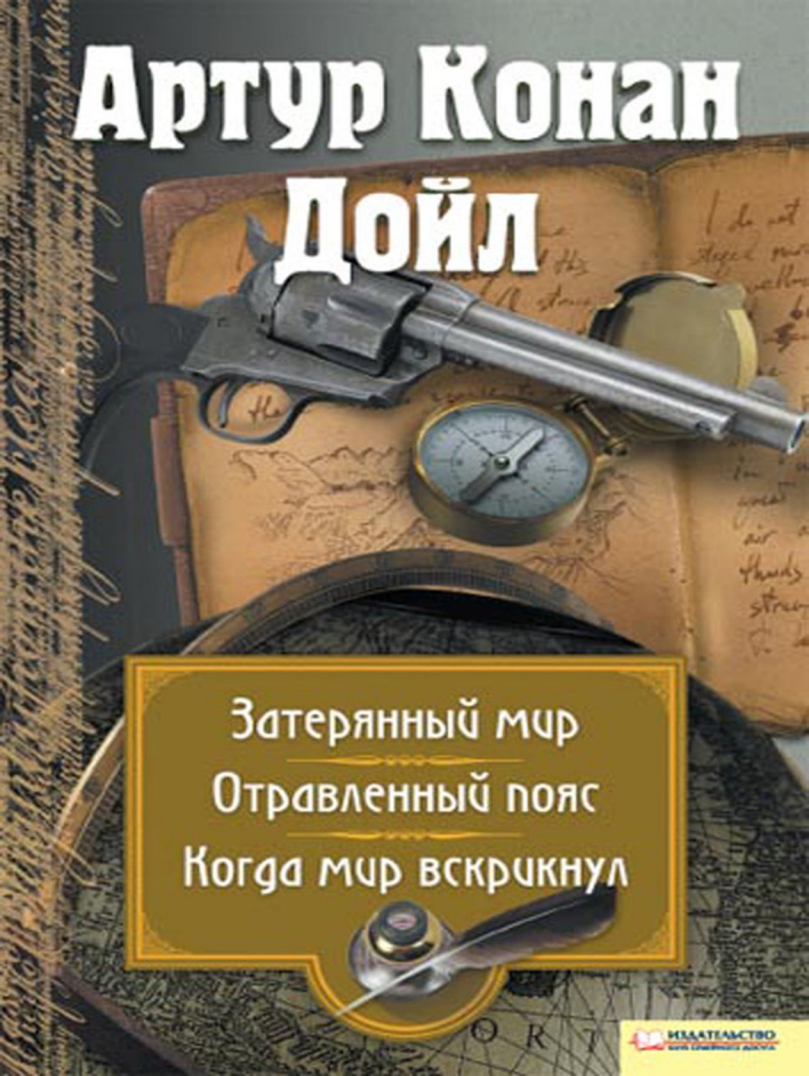
Артур Конан Дойл



Затерянный мир

Отравленный пояс

Когда мир вскрикнул

Издательство

Затерянный мир. Отравленный пояс. Когда мир вскрикнул (сборник)

Артур Конан Дойл

Аннотация
Артур Конан Дойл. Затерянный мир. Отравленный пояс. Когда мир вскрикнул
Затерянный мир
Предисловие
Глава I. Всегда есть возможность совершить подвиг
Глава II. Попытайте счастья с профессором Челленджером
Глава III. Он абсолютно невыносимый человек
Глава IV. Это самое великое открытие!
Глава V. Это еще вопрос!
Глава VI. Меня называли бичом Господним
Глава VII. Завтра мы отправляемся в неизведанное
Глава VIII. Передовые заставы другого мира
Глава IX. Кто мог такое предвидеть?
Глава X. Произошли совершенно немыслимые события
Глава XI. Наконец-то я тоже стал героем

Глава XII. В лесу было жутко
Глава XIII. Картина, которую я никогда не забуду
Глава XIV. Это была полная победа
Глава XV. Наши глаза видели великие чудеса
Глава XVI. Процессия! Процессия!
Отравленный пояс
Глава I. Размытые линии
Глава II. Смертоносный поток
Глава III. Затопленные волной
Глава IV. Дневник умирающего
Глава V. Мертвый мир
Глава VI. Великое пробуждение
Когда мир вскрикнул
Комментарии
«Затерянный мир»
«Отравленный пояс»
«Когда мир вскрикнул»

Аннотация

В книге собраны самые известные истории о профессоре Челленджере и его друзьях.

Начинающий журналист Эдвард Мэлоун отправляется в полную опасностей научную экспедицию. Ее возглавляет скандально известный профессор Челленджер, утверждающий, что… на земле сохранился уголок, где до сих пор обитают динозавры. Мэлоуну и его товарищам предстоит очутиться в парке юрского периода и стать первооткрывателями затерянного мира…

Артур Конан Дойл
Затерянный мир. Отравленный пояс. Когда мир вскрикнул

Arthur Conan Doyle
«The Lost World. The Poison Belt. When the World Screamed»
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2008, 2011
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2008

Затерянный мир

Я провожу читателей своих
Тропой сюжета, призрачной и зыбкой,
—
Юнца, в ком голос мужа еще тих,
Или мужчину с детскою улыбкой.

1912 год

Предисловие

Настоящим мистер Э. Д. Мэлоун официально заявляет, что все судебные ограничения и обвинения в клевете в настоящий момент профессором Дж. Э. Челленджером безоговорочно отозваны, и профессор, будучи удовлетворенным тем, что никакая критика или комментарии в этой книге не носят оскорбительного характера, гарантировал, что не будет чинить препятствий ее изданию и распространению.

Глава I
Всегда есть возможность совершить подвиг

Мистер Хангертон, отец моей возлюбленной, поистине был самым бестактным человеком на земле. Он напоминал распустившего перья неряшливого попугая, вполне добродушного, впрочем, но полностью сконцентрированного на собственной глуповатой особе. Если что-то и могло заставить меня отказаться от моей Глэдис, то только мысль о таком вот тесте. Я убежден, что в глубине души он искренне верил, что я трижды в неделю приезжал в «Честнатс» исключительно ради удовольствия побыть в его компании, и в особенности послушать его рассуждения по поводу биметаллизма[1] — область, в которой мистер Хангертон считал себя крупным авторитетом.

В тот вечер я битый час выслушивал его монотонную болтовню о символической стоимости

[1] Примечания: 1

Биметаллический стандарт — денежная система, основанная на двух металлах, обычно на золоте и серебре. *(Примеч. пер.)*

серебра, об обесценивании рупии[2] и о справедливости обменных курсов.

— Представьте себе, — воскликнул он своим слабым голоском, — что во всем мире одновременно предъявили бы к оплате все долги, настаивая на немедленном их погашении! Что произошло бы в условиях нынешней денежной системы?

Я, разумеется, ответил, что лично я бы при этом разорился, после чего мистер Хангертон вскочил со своего стула, упрекнул меня в обычном легкомыслии, которое делало невозможным для него в моем присутствии обсуждать сколько-нибудь серьезные вопросы, и вылетел из комнаты переодеваться к собранию своей масонской ложи[3].

Наконец-то я оказался с Глэдис наедине, и наступил решительный момент, от которого зависела наша судьба! Весь вечер я ощущал себя солдатом, который ждет сигнала к выступлению на безнадежное задание и в душе которого надежда на победу постоянно сменяется страхом

---

[2] Примечания: 2

…рупии… — Рупия (от санскрит. рупья — чеканенное серебро) — денежная единица Индии и других стран. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[3] Примечания: 3

…масонской ложи. — См. т. 1 комментарий на с. 391–392. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

поражения.

Какая горделивая, полная достоинства осанка, тонкий профиль на фоне красных штор… До чего же Глэдис была прекрасна! И при этом так далека от меня! Мы были друзьями, просто хорошими друзьями; мне никак не удавалось увести ее за рамки обычной дружбы, которая могла быть у меня с любым из моих коллег-репортеров из «Газетт» — абсолютно искренней, абсолютно сердечной и абсолютно лишенной разделения по половому признаку. Меня возмущает, когда женщина ведет себя по отношению ко мне слишком открыто и свободно. Это не делает чести мужчине[4]. Там, где возникает настоящее влечение, ему должны сопутствовать робость и сомнение — пережитки старых, безнравственных времен, когда любовь и принуждение часто шли рука об руку. Склоненная голова, отведенные в сторону глаза, дрожащий голос, неуверенная походка

---

[4] Примечания: 4

Меня возмущает, когда женщина ведет себя по отношению ко мне слишком открыто и свободно. Это не делает чести мужчине. — Здесь и далее в этом абзаце Мэлоун высказывает соображения самого А. Конан Дойла — принципиального противника суфражизма и крайних форм женской эмансипации. Дж. Д. Карр приводит слова, сказанные А. Конан Дойлом во время парламентских выборов 1905 года перед избирателями: «Когда мужчина возвращается домой после целого дня работы, я не думаю, что он мечтает встретить у своего очага политика в юбке» (Карр Дж. Д. Жизнь сэра Артура Конан Дойла… — С. 155). *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

— вот истинные признаки страсти, а уж никак не твердый взгляд и открытая речь. За свою короткую жизнь я уже успел это усвоить, — или унаследовал на уровне родовой памяти, которую мы называем инстинктом.

Глэдис была воплощением лучших женских качеств. Кто-то мог счесть ее холодной и суровой, но это впечатление было обманчиво. Смуглая кожа с почти восточным бронзовым отливом, волосы цвета воронова крыла, немного пухлые, но изящные губы, большие ясные глаза — в ней присутствовали все приметы страстной натуры. Но я с грустью должен был признать, что до сих пор мне не удавалось раскрыть секрет, как дать всему этому выход. Однако будь что будет, я должен покончить с этой неопределенностью и сегодня вечером открыться Глэдис. Она может отвергнуть меня, но лучше уж быть отвергнутым возлюбленным, чем смириться с ролью брата.

Я был охвачен своими мыслями и уже готов был прервать затянувшееся неловкое молчание, как она взглянула на меня темными глазами и покачала гордой головкой, укоризненно улыбаясь.

— Тэд, я догадываюсь, что вы хотите сделать мне предложение. Мне бы этого не хотелось; пусть все останется как есть, так будет намного

лучше.

Я придвинул свой стул немного ближе к ней.

— Но как вы узнали, что я собираюсь сделать вам предложение? — спросил я с неподдельным удивлением.

— Женщины всегда чувствуют это. Уверяю вас, что ни одну женщину в мире такие вещи застать врасплох не могут. Но… О Тэд, наша дружба была такой светлой и радостной! Как жаль будет все испортить! Разве вы не ощущаете, как это замечательно, когда молодая женщина и молодой мужчина, находясь наедине, могут спокойно разговаривать друг с другом, как мы с вами сейчас?

— Право, не знаю, Глэдис. Видите ли, я могу спокойно разговаривать наедине разве что с… с начальником железнодорожной станции. — Не знаю, почему мне пришел на ум этот чиновник, но так уж вышло, и мы с Глэдис рассмеялись. — Это ни в коей мере меня не устраивает. Я хотел бы, чтобы мои руки обнимали вас, чтобы ваша голова прижималась к моей груди… О Глэдис, я хотел бы…

Заметив, что я уже готов воплотить некоторые из моих желаний в жизнь, Глэдис вскочила со стула.

— Вы все испортили, Тэд, — сказала она. — Все

так прекрасно и естественно, пока не начинаются такие разговоры! Как жаль! Почему вы не можете держать себя в руках?

— Не я первый все это придумал, — оправдывался я. — Все очень естественно. Это любовь.

— Что ж, если любят двое, это, возможно, и происходит иначе. Я же никогда не испытывала таких чувств.

— Но вы должны их испытать — с вашей красотой, с вашей прекрасной душой! О Глэдис, вы созданы для любви! Вы просто обязаны любить!

— Только нужно дождаться, когда придет это чувство.

— Но почему вы не можете полюбить меня, Глэдис? Дело в моей внешности или в чем-то еще?

Немного смягчившись, она протянула руку и грациозным и снисходительным жестом отвела мою голову назад. Затем с задумчивой улыбкой заглянула мне в глаза.

— Дело не в этом, — наконец произнесла Глэдис. — Вы по своей природе юноша не самоуверенный, поэтому вам я могу спокойно сказать это. Все намного сложнее.

— Мой характер?

Она серьезно кивнула.

— Я исправлю его, скажите только, что я дол-

жен для этого сделать! Присядьте и давайте все обсудим. Ладно, не будем обсуждать, только присядьте!

Она посмотрела на меня с удивлением и сомнением, которое было для меня дороже, чем ее полное доверие. Когда излагаешь наш разговор на бумаге, все представляется примитивным и грубым, хотя, возможно, мне это только кажется. Так или иначе, но Глэдис снова села.

— А теперь расскажите мне, что во мне вам не нравится?

— Я люблю другого человека, — сказала она.

Настала моя очередь вскочить со стула.

— Это не конкретный человек, — пояснила она, рассмеявшись выражению моего лица. — Это пока идеал. Я еще не встречала мужчину, которого имею в виду.

— Расскажите мне о нем. Как он выглядит?

— О, он, может быть, очень даже похож на вас.

— Как это мило с вашей стороны! Ладно, что же в нем такого, чего нет во мне? Хотя бы намекните — он трезвенник, вегетарианец, воздухоплава-

тель, теософ[5], сверхчеловек[6]? Я обязательно попробую измениться, Глэдис, только подскажите мне, что вам было бы по душе.

Моя необычная сговорчивость рассмешила ее.

— Ну, во-первых, не думаю, что мой идеал мог бы говорить подобным образом, — сказала Глэдис. — Он должен быть более твердым, более решительным мужчиной и не потакать с такой готовностью глупым девичьим капризам. Но прежде всего он должен быть человеком, способным принимать решения, способным действовать, способным бесстрашно смотреть в лицо смерти; человеком, готовым к великим поступкам и необычным событиям. Я смогла бы полюбить даже не самого человека, а завоеванную им славу, потому что отблеск ее падал бы и

---

[5] Примечания: 5

…теософ… — Здесь: мистик, наделенный особой, «надчеловеческой» мудростью. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[6] Примечания: 6

…сверхчеловек… — Одно из центральных понятий философии Фридриха Ницше (1844–1900), сформулированной им в работах «Так говорил Заратустра» (1883–1884), «По ту сторону добра и зла» (1886), «Воля к власти» (1889) и др. Согласно Ф. Ницше, сверхчеловек — это сильная личность, чьи воля, желания и поступки не подчинены «рабской морали» масс. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

на меня. Вспомните о Ричарде Бертоне![7] Когда я читаю его биографию, написанную его женой, я так понимаю ее любовь! А леди Стэнли![8] Вы читали замечательную последнюю главу ее книги о муже? Вот каких мужчин женщины готовы боготворить всей своей душой. Такая любовь не унижает женщину, а еще более возвеличивает ее и приносит ей почитание всего мира как вдохновительнице великих дел.

В своем порыве Глэдис была так прекрасна, что я опять чуть не скомкал наш возвышенный разговор; однако мне удалось взять себя в руки, и я продолжил спор.

— Но все не могут быть Бертонами или Стэнли, — возразил я, — да и к тому же не всем представляется возможность как-то отличиться

---

[7] Примечания: 7

Бёртон, Ричард Фрэнсис (1821–1890) — британский путешественник, писатель, поэт, переводчик, этнограф, лингвист, гипнотизер, фехтовальщик и дипломат. Прославился исследованиями Азии и Африки, а также исключительным знанием различных языков и культур. *(Примеч. пер.)*

[8] Примечания: 8

…леди Стэнли… — Супруга английского журналиста и исследователя Африки Генри Мортона Стэнли (1841–1904), в 1871–1872 годах в качестве корреспондента газеты «Нью-Йорк геральд» участвовавшего в поисках пропавшего без вести английского путешественника Д. Ливингстона и отыскавшего его. Кроме того, Г. М. Стэнли открыл исток реки Конго, озеро Эдуард, массив Рувензори, верховье реки Нил и др. Автор книг «Как я нашел Ливингстона», «В дебрях Африки» и др. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

— у меня, например, такого шанса никогда не было. А если бы был, я не преминул бы им воспользоваться.

— Но такие шансы постоянно находятся вокруг. Это как раз и отличает настоящего мужчину; я хочу сказать, что он ищет их. Его невозможно удержать. Я никогда не встречала такого джентльмена, но, тем не менее, мне кажется, что я его хорошо знаю. Всегда есть возможность совершить подвиг[9], который просто ждет своего героя. Удел мужчин — совершать героические поступки, а женщин — награждать их за это своей любовью. Вы только вспомните молодого француза, который на прошлой неделе поднялся в воздух на воздушном шаре! Дул штормовой ветер, но поскольку о старте было сообщено за-

---

[9] Примечания: 9

Всегда есть возможность совершить подвиг. — В оригинале: «There are heroisms all round us». Вероятный парафраз из «Старухи Изергиль» (1895) М. Горького, где заглавная героиня говорит рассказчику: «А когда человек любит подвиги, он всегда умеет их сделать и найдет, где это можно. В жизни, знаешь ли ты, всегда есть место подвигам. И те, которые не находят их для себя, — те просто лентяи или трусы, или не понимают жизни, потому что, кабы люди понимали жизнь, каждый захотел бы оставить после себя свою тень в ней» (Горький М. Собрание сочинений: В 16 т. — М.: Правда, 1979. — Т. 1: Рассказы 1892–1897. — С. 79). // У А. Конан Дойла эту фразу тоже произносит женщина, и тоже обращаясь к мужчине: «Но такие шансы постоянно находятся вокруг. Это как раз и отличает настоящего мужчину; я хочу сказать, что он ищет их. Его невозможно удержать. Я никогда не встречала такого джентльмена, но, тем не менее, мне кажется, что я его хорошо знаю. Всегда есть возможность совершить подвиг, который просто ждет

своего героя. Удел мужчины — совершать героические поступки ‹…›». И чуть далее: «Это должно происходить само собой, потому что вы просто не можете себя сдержать, потому что это у вас в крови, потому что человек внутри вас жаждет проявить себя в героическом поступке». // А между этими двумя монологами — автор словно усиливает аллюзию — Глэдис упоминает Россию, куда занесло воздушный шар некоего героя-француза. \\ Известно, что ранние произведения М. Горького, в том числе и «Старуха Изергиль», в 1900 годах стали чрезвычайно популярными в Старом и Новом Свете: их перевели на все основные европейские языки, и А. Конан Дойл мог вполне быть с ними знаком. К тому же героико-романтическая устремленность раннего М. Горького должна была быть близка неоромантику А. Конан Дойлу. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

ранее, он настоял на этом полете. За двадцать четыре часа его забросило ураганом на полторы тысячи миль, и он упал где-то посреди просторов России. Именно такого мужчину я и имею в виду. Подумайте только о его возлюбленной и о том, как должны завидовать ей другие женщины! Я тоже очень хотела бы, чтобы все дамы завидовали мне, потому что у меня такой муж.

— Ради вас я мог бы сделать то же самое.

— Но вам следовало бы сделать это не просто ради меня. Это должно происходить само собой, потому что вы просто не можете себя сдержать, потому что это у вас в крови, потому что человек внутри вас жаждет проявить себя в героическом поступке. А теперь скажите мне: когда в прошлом месяце вы писали о взрыве на шахте в Уигане[10], вы могли бы и сами спуститься туда, чтобы помочь этим людям, несмотря на удушливый дым?

— Я и так спускался.

— Вы мне об этом не рассказывали.

---

[10] Примечания: 10

...в Уигане... — Уиган — город в графстве Ланкашир, крупном угледобывающем районе на западе Англии. (Здесь и далее в некоторых отдельно не оговариваемых случаях использованы содержательные лингвострановедческие комментарии И. М. Владер из издания: Конан Дойл А. Затерянный мир. Книга для чтения на английском языке для студентов II курса пед. ин-тов / Обраб. текста, послесл. и коммент. И. М. Владер. — Л.: Просвещение, 1974.) *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

— А о чем тут, собственно, было рассказывать?

— Я не знала этого. — Глэдис взглянула на меня с интересом. — Это был смелый поступок.

— Я должен был это сделать. Если хочешь написать хороший репортаж, обязательно нужно побывать на месте события.

— Какой прозаический мотив! От романтики не остается и следа. И все же, чем бы вы ни руководствовались при этом, я рада, что вы спускались в шахту. — Глэдис протянула мне руку с таким достоинством и изяществом, что я не смог удержаться, чтобы не поцеловать ее. — Может быть, я просто глупая женщина с романтическими фантазиями в голове. И все же для меня они очень реальны, это часть меня самой, и поэтому я не могу им противиться. Если я когда-нибудь и выйду замуж, то только за знаменитого человека!

— А почему бы и нет?! — воскликнул я. — Мужчин вдохновляют именно такие женщины, как вы. Только дайте мне шанс, и вы увидите, как я им воспользуюсь! К тому же вы сами сказали, что мужчины должны искать возможность совершить подвиг, а не ждать, пока она им представится. Взять хотя бы Клайва — простой

чиновник, а завоевал Индию![11] Черт побери, мир еще услышит обо мне!

Моя ирландская запальчивость снова рассмешила Глэдис.

— А что? — сказала она. — У вас есть все, что для этого необходимо — молодость, здоровье, сила, образованность, энергия. Я уже жалела, что завела этот разговор, а теперь я рада, очень рада, потому что он пробудил в вас такие мысли!

— А если я смогу…

Ее мягкая рука, словно теплым бархатом, коснулась моих губ.

— Ни слова больше, сэр! Вы должны были явиться на вечернее дежурство в свою редакцию еще полчаса назад; я все не решалась вам об этом напомнить. Может быть, когда-нибудь, когда вы завоюете свое место в мире, мы с вами вернемся к этому разговору.

Так я снова оказался на улице этим туманным ноябрьским вечером; когда я гнался за своим трамваем на Камберуэлл[12], сердце мое горело.

---

[11] Примечания: 11

Генерал Роберт Клайв (1725–1774) — завоеватель Индии и первый британский губернатор Бенгалии. *(Примеч. пер.)*

[12] Примечания: 12

…Камберуэлл… — См. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 396. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

Я твердо решил, что должен, не теряя ни единого дня, найти для себя благородное деяние, достойное моей возлюбленной. Но кто, кто в этом необъятном мире мог тогда себе представить, какую невероятную форму суждено будет принять этому деянию и какие необычные шаги приведут меня к этому?

В конце концов, читателю может показаться, что первая глава не имеет никакого отношения к моему повествованию; тем не менее, без нее никакого повествования не было бы вообще, потому что только тогда, когда человек выходит навстречу миру с мыслью о том, что всегда есть возможность совершить подвиг, и с горячим желанием в сердце найти свой путь, только тогда он без сожаления меняет устоявшуюся жизнь, как это сделал я, и бросается на поиски неизведанной страны, призрачной и мистической, где его ждут великие приключения и великие награды.

Вы можете представить себе, как я, ничем не примечательный сотрудник «Дейли газетт», страдал у себя в конторе, обуреваемый страстным желанием прямо сейчас, если это возможно, совершить подвиг, достойный моей Глэдис! Что руководило ею, когда она предлагала мне рискнуть своей жизнью ради ее славы? Бессердечие?

Или, может быть, эгоизм? Такая мысль могла прийти в голову человеку зрелому, но никак не пылкому двадцатитрехлетнему юноше, горящему в пламени первой любви.

Глава II
Попытайте счастья с профессором Челленджером

Мне всегда нравился Мак-Ардл, наш редактор отдела новостей — ворчливый, сгорбленный рыжеволосый старичок; надеюсь, что и я был ему симпатичен. Разумеется, настоящим начальником был Бомон; но он обитал в разреженной атмосфере каких-то заоблачных олимпийских высот, откуда невозможно разглядеть события, менее значительные, чем международный кризис или раскол в кабинете министров. Иногда мы видели, как он одиноко и величаво шествовал в святая святых — к себе в кабинет; взгляд его был туманен, а мысли витали где-то над Балканами или Персидским заливом. Для нас он был кем-то неземным, тогда как Мак-Ардл был его первым заместителем, с которым и приходилось иметь дело нам. Когда я вошел в комнату, старик кивнул мне и сдвинул очки вверх, на лысину.

— Итак, мистер Мэлоун, судя по тому, что я слышал, дела у вас идут в гору, — приветливо произнес он с шотландским акцентом.

Я поблагодарил его.

— Репортаж о взрыве на угольных шахтах был просто великолепен. Как и о пожаре в Саутуорке[13]. В ваших описаниях чувствуется настоящая хватка. Так зачем я вам понадобился?

— Я хотел попросить вас об одолжении.

Глаза его испуганно забегали, избегая встречи с моими.

— Хм, что вы имеете в виду?

— Как вы думаете, сэр, не могли бы вы послать меня от нашей газеты с каким-нибудь заданием или особым поручением? Я бы приложил все свои силы, чтобы успешно справиться с ним и привезти вам хороший материал.

— О какого рода задании вы говорите, мистер Мэлоун?

— О чем-то таком, сэр, что связано с приключениями и опасностью. Я действительно готов сделать все, что от меня зависит. Чем сложнее задание, тем больше оно меня устроит.

— Похоже, вам просто не терпится расстаться с собственной жизнью.

— Точнее, найти ей достойное применение, сэр.

---

[13] Примечания: 13

Саутуорк — административный район в Южном Лондоне. *(Примеч. пер.)*

— Дорогой мой мистер Мэлоун, все это очень… очень возвышенно. Но боюсь, что времена такого рода заданий уже миновали. Расходы на «особое поручение», как вы изволили выразиться, едва ли окупятся его результатами. И, разумеется, с таким делом может справиться только человек опытный, с именем, который пользуется доверием общественности. Крупные белые пятна на карте уже давно освоены, и места для романтики на земле не осталось. Впрочем… погодите-ка! — вдруг добавил он, и по лицу его скользнула улыбка. — Упоминание о белых пятнах на карте навело меня на мысль. Как насчет того, чтобы разоблачить одного мошенника — современного Мюнхгаузена — и сделать из него посмешище? Вы могли бы публично уличить его во лжи, поскольку он того заслуживает! Эх, вот было бы здорово! Как вам такое предложение?

— Куда угодно, за чем угодно — я готов на все.

Мак-Ардл на несколько минут задумался.

— Я вот только не знаю, сможете ли вы установить контакт или, по крайней мере, хотя бы переговорить с этим человеком, — наконец сказал он. — Хотя, похоже, у вас есть своего рода талант налаживать отношения с людьми — думаю, тут дело во взаимопонимании, в каком-то

животном магнетизме[14], жизненной силе юности или еще в чем-то в этом роде. Я и сам ощущаю это на себе.

— Вы очень добры ко мне, сэр.

— Тогда почему бы вам не попытать счастья с профессором Челленджером из Энмор-парка?

Должен сказать, что это несколько ошеломило меня.

— С Челленджером?! — воскликнул я. — С профессором Челленджером, знаменитым зоологом? С тем самым, который проломил голову Бланделу из «Телеграф»[15]?

Редактор отдела новостей мрачно улыбнулся.

— Так вы отказываетесь? Разве не вы только что говорили, что вас манят приключения?

— Но только в интересах дела, сэр, — ответил я.

— Вот именно. Не думаю, что Челленджер всегда такой вспыльчивый. Мне кажется, что Бландел обратился к нему в неподходящий мо-

---

[14] Примечания: 14

…животном магнетизме… — Согласно некоторым научным, но большей частью околонаучным представлениям XIX века, особая жизненная сила, вызывающая в человеке способность воздействовать на людей гипнотически или телепатически. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[15] Примечания: 15

…из «Телеграф»… — «Дейли телеграф» — см. т. 1 наст. изд. комментарий на с. 393. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

мент либо, возможно, неподобающим образом. Может быть, вам повезет и вы проявите больше такта при общении с профессором. Я уверен, что здесь определенно есть то, что вы ищете, а «Газетт» охотно напечатает такой материал.

— На самом деле я почти ничего не знаю о Челленджере, — сказал я. — Я запомнил его имя только в связи с судебным разбирательством по поводу инцидента с Бланделом.

— У меня есть кое-какие наброски, мистер Мэлоун, которые могут вам помочь. Я уже некоторое время слежу за профессором. — Мак-Ардл вынул из ящика стола лист бумаги. — Вот собранные мной общие сведения о нем. Я приведу вам вкратце только самое главное.

«Челленджер, Джордж Эдвард. Родился в Ларгсе, Шотландия, в 1863 году. Окончил школу в Ларгсе, затем Эдинбургский университет. В 1892 году — ассистент Британского музея. В 1893 году — помощник хранителя отдела сравнительной антропологии[16]. В том же году ушел с этой должности в результате желчных перепалок с

[16] Примечания: 16

…антропологии… — Антропология (от греч. ánthrōpos — человек и logos — слово, понятие, учение) — учение о происхождении и эволюции человека. Как самостоятельная наука сформировалась в середине XIX века. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Красящих)*

руководством. Удостоен медали Крейстона за научные труды в области зоологии. Является членом ряда зарубежных научных обществ — тут идет целый абзац мелким шрифтом: Бельгийское научное общество, Американская академия наук в Ла-Плате[17], и так далее, и тому подобное. Экс-президент Общества палеонтологов[18]. Секция „Эйч“ Британской ассоциации[19]… и тому подобное. Публикации: „Некоторые наблюдения относительно строения черепа у калмыков“, „Заметки об эволюции позвоночных“ и многочисленные статьи, включая „Основополагающую ошибку Вейсмана[20]“, вызвавшую ожесточенную дискуссию на Зоологическом конгрессе в Вене. Увлечения: пешеходные прогулки, альпинизм. Адрес: Энмор-парк, Кенсингтон, Западный Лон-

---

[17] Примечания: 17

…в Ла-Плате… — Ла-Плата — город в Аргентине, административный центр провинции Буэнос-Айрес. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[18] Примечания: 18

…Британской ассоциации… — То есть Британской ассоциации по распространению научных знаний. Основана в 1831 году, проводит ежегодные форумы ученых с докладами о последних научных достижениях. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[19] Примечания: 19

…палеонтологов… — Палеонтология (от греч. palaiys — древний, ontos — существо — и logos — слово, понятие, учение) — наука о вымерших, сохранившихся лишь в виде ископаемых остатков, растениях и животных. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[20] Примечания: 20

…ошибку Вейсмана… — Согласно теории немецкого биолога-неодарвиниста Августа Вейсмана (1834–1914), передача наследственных признаков происходит благодаря особым носителям генетической информации, заключенным в зародышевой плазме. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

дон[21]».

Вот, возьмите пока это, больше у меня ничего для вас сегодня нет.

Я положил листок в карман.

— Еще минутку, сэр, — торопливо выпалил я, когда понял, что вижу перед собой уже не красное лицо Мак-Ардла, а его розовую лысину. — Я так и не понял, почему я должен взять интервью у этого джентльмена. Что он такого сделал?

Перед моими глазами снова появилось красное лицо редактора.

— Два года назад Челленджер в одиночку отправился в экспедицию в Южную Америку. Вернулся в прошлом году. Он, без сомнения, был в Южной Америке, но отказывается говорить, где именно. Профессор начал рассказывать о своих приключениях очень туманно, а когда кто-то стал придираться к деталям, вообще закрылся, как устрица. Либо с этим человеком действительно произошло нечто поразительное, либо он бьет все рекорды вранья, что является гораздо более вероятным. У Челленджера есть несколько

---

[21] Примечания: 21

Адрес: Энмор-парк, Кенсингтон, Западный Лондон. — Английские адреса часто не содержат ни названия улицы, ни номера дома. Вместо этого указывается название дома (здесь: Энмор-парк), района (здесь: Кенсингтон) и части города (здесь: Западный Лондон). *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

испорченных фотографий, о которых говорят, что это подделка. Он настолько вспыльчив, что сразу же набрасывается на тех, кто начинает задавать ему вопросы, а репортеров просто спускает с лестницы. С моей точки зрения, на почве увлечения наукой он одержим тягой к убийству и манией величия. Как раз такой человек, какой вам нужен, мистер Мэлоун. А теперь — вперед, и посмотрим, что вам удастся из него выжать. Вы уже достаточно взрослый мальчик, чтобы постоять за себя. В любом случае вы находитесь под защитой «Закона об ответственности работодателей».

Его ухмыляющаяся красная физиономия снова превратилась в розовый овал лысины, окаймленной рыжеватым пушком волос. Разговор наш на этом был завершен.

Выйдя из редакции, я направился к клубу «Савидж»[22], но вместо того чтобы зайти туда, оперся на парапет на террасе Адельфи[23] и принялся задумчиво смотреть на неторопливые темные воды реки. На свежем воздухе мне всегда думалось

---

[22] Примечания: 22

Лондонский клуб актеров, художников, эстрадных артистов и т. п.; основан в 1857 году. *(Примеч. пер.)*

[23] Примечания: 23

Садельфи… — Эстрадный театр в Лондоне. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

лучше. Я вынул листок с перечнем достижений профессора Челленджера и перечитал его при свете электрического фонаря. После этого во мне проснулось то, что я мог бы назвать не иначе как вдохновением. Как газетчик, исходя из услышанного, я понимал, что у меня нет шансов наладить контакт с этим вздорным профессором. Но судебные разбирательства, дважды упоминавшиеся в его краткой биографии, могли означать только одно — Челленджер был фанатично предан науке. Так может быть это и есть уязвимое место, благодаря которому я смогу к нему подобраться? Как бы то ни было, я должен был попробовать.

Я вошел в клуб. Было начало двенадцатого, и в большом зале уже толкалось довольно много народу, хотя до полного сбора было еще далеко. В кресле у камина сидел высокий, худой, угловатый человек. Я пододвинул к огню свой стул, и мужчина обернулся в мою сторону. Это была самая удачная встреча, какую я только мог себе вообразить, — Тарп Генри, сотрудник журнала «Природа»[24], тощее, сухощавое создание,

[24] Примечания: 24

…журнала «Природа»… — «Природа» («Nature») — еженедельный научно-популярный журнал. Освещает вопросы связи общества с природой. Издается в Лондоне с 1869 года. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

о котором знавшие его люди отзывались как о добрейшем человеке. Я сразу же перешел к сути дела.

— Что вы знаете о профессоре Челленджере?

— Челленджер? — Брови Генри неодобрительно нахмурились. — Челленджер — это человек, который приехал из Южной Америки и привез с собой кучу разных небылиц.

— Что за небылицы?

— О, всякие выдумки относительно открытых им странных животных. Думаю, что он уже взял свои слова обратно. Так или иначе, все затихло. Сначала Челленджер дал интервью корреспонденту «Рейтер»[25], но после этого поднялась жуткая шумиха, и он понял, что так дело не пойдет. Довольно постыдная история. Пара человек склонна была воспринимать Челленджера всерьез, но вскоре он сам их отвадил.

— Каким образом?

— Своим невозможным поведением и невыносимой грубостью. Там был старина Уодли из Зоологического института, который послал ему такое приглашение: «Президент Зоологического

---

[25] Примечания: 25

...«Рейтер»... — Крупнейшее английское информационное агентство. Основано в 1851 году П. Ю. Рейтером. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

института выражает профессору Челленджеру свое искреннее почтение и сочтет за честь, если тот окажет ему любезность и посетит следующее собрание». На что последовал совершенно непечатный ответ.

— Не может быть!

— Может. Цензурная версия этого послания звучит примерно так: «Профессор Челленджер выражает президенту Зоологического института свое искреннее почтение и сочтет за честь, если тот окажет ему любезность и отправится к черту».

— Господи!

— Да, думаю, старина Уодли сказал примерно то же самое. Помню его скорбные причитания на собрании, которые начинались словами: «За пятьдесят лет моего общения с представителями науки…» Это буквально надломило старика.

— А что еще известно о Челленджере?

— Как вы знаете, сам я — бактериолог. Я живу в мире, который виден в микроскоп с увеличением в девятьсот раз, и не могу сказать, что отношусь серьезно к тому, что вижу невооруженным глазом. Я нахожусь на передовом крае Неизведанного и чувствую себя не в своей тарелке, когда мне приходится покидать кабинет и сталкивать-

ся со всеми вами — такими большими, грубыми и неуклюжими. Я веду слишком уединенный образ жизни, чтобы обсуждать всякие скандалы, но вот в научных беседах я *действительно слыхал* кое-что о Челленджере, потому что он относится к такому типу людей, которых нельзя просто игнорировать. О нем говорят, что он умен, полон энергии и жизненных сил. Но при этом — сварливый, дурно воспитанный чудак, да еще и абсолютно неразборчивый в средствах. Он даже пошел на подделку нескольких фотографий, связанных с его экспедицией в Южную Америку.

— Вы сказали, что он чудак. А в чем заключаются его чудачества?

— Их у него тысячи. Последнее касается теории Вейсмана и эволюции. Говорят, что в Вене Челленджер устроил по этому поводу жуткий скандал.

— Вы могли бы рассказать мне, о чем там шла речь?

— В данный момент нет, но имеется перевод протоколов этого заседания. Он находится у нас в редакции. Заглянете к нам?

— Именно об этом я и хотел вас попросить. Я должен взять интервью у этого типа, и мне нужно как-то к нему подступиться. Было бы просто

замечательно, если бы вы смогли мне в этом помочь. Я бы пошел вместе с вами прямо сейчас, если, конечно, еще не слишком поздно.

Еще через час я сидел в конторе журнала, а передо мной лежал огромный том, открытый на статье под названием «Дарвин против Вейсмана» с подзаголовком «Бурные протесты в Вене. Документальные протоколы заседания». В свое время я несколько пренебрег своим научным образованием и поэтому не мог в полной мере вникнуть в суть спора, но было очевидно, что английский профессор подал свою точку зрения в чрезвычайно агрессивной форме, что вызвало у его континентальных коллег сильнейшее раздражение. В глаза мне сразу бросились взятые в скобки комментарии к тексту — «Возгласы протеста», «Неодобрительный гул в зале», «Апелляция к председателю». Что касается содержания дебатов, то текст мог быть с таким же успехом написан и по-китайски, поскольку я все равно ничего не понял.

— Не могли бы вы перевести все это для меня? — жалобно попросил я своего коллегу.

— Так это же и есть перевод.

— Тогда, видимо, мне нужно попытать счастья с оригиналом.

— Он, пожалуй, сложноват для неспециалиста.

— Чтобы уцепиться за общий смысл, мне следует найти хотя бы одну хорошую, содержательную фразу, выражающую определенную человеческую мысль. Ага, вот эта, похоже, мне подойдет. Я даже почти понимаю ее смысл. Сейчас я ее перепишу. Она будет моей путеводной ниточкой к этому ужасному профессору.

— Могу я еще чем-то помочь вам?

— Да, пожалуйста, я собираюсь написать ему письмо. Если бы я мог написать его на вашем бланке и использовать ваш обратный адрес, это придало бы вес моему посланию.

— Тогда этот тип заявится сюда и начнет ломать здесь мебель.

— Нет-нет, вы сами увидите это письмо — ничего вздорного, уверяю вас.

— Что ж, тогда садитесь за мой письменный стол. Там найдете и бумагу. Но перед отправкой я бы хотел ознакомиться с посланием.

На составление письма ушло какое-то время, но когда все было закончено, я тешил себя надеждой, что получилось совсем неплохо. Я прочел письмо придирчивому бактериологу вслух с чувством гордости за свое рукописное творение.

«Дорогой профессор Челленджер, — говорилось в письме, — будучи скромным сотрудником журнала „Природа“, я всегда интересовался вашими рассуждениями относительно различий в теориях Дарвина и Вейсмана. Недавно мне представился случай перечитать…»

— Жалкий лжец! — проворчал Тарп Генри.

— «…перечитать ваше блестящее выступление в Вене. Ваши четкие и достойные восхищения высказывания представляются мне новейшим словом в этой области. Однако там есть одна фраза, а именно: „*Я решительно протестую против совершенно немыслимого догматического утверждения о том, что каждый отдельный индивидуум является микрокосмом, обладающим исторически сложившейся структурой, постепенно и медленно вырабатывавшейся на протяжении целого ряда поколений*“. Не считаете ли вы, что данное положение следовало бы пересмотреть в свете последних научных исследований? Не находите ли вы его слишком акцентиро-

ванным? С вашего позволения, я просил бы вас принять меня, поскольку данный вопрос очень меня интересует и некоторые соображения я мог бы обсудить с вами только в личной беседе. С вашего согласия, я буду иметь честь посетить вас послезавтра, в среду, в одиннадцать часов утра.

Ваш покорный слуга,
с заверением глубокого уважения,
искренне ваш, ЭДВАРД Д. МЭЛОУН».

— Ну как? — спросил я с торжеством в голосе.

— Что ж, если совесть вас не замучит…

— Раньше она меня никогда не подводила.

— Но что вы собираетесь делать дальше?

— Попасть к Челленджеру. Оказавшись у него в кабинете, я найду какой-то выход. Я могу даже открыто ему во всем сознаться. Если он спортсмен, это позабавит его, пощекочет ему нервы.

— Пощекочет, говорите? Как бы он сам вас основательно не пощекотал! Вам для этих целей больше всего подошла бы кольчуга или экипировка для американского футбола. В среду утром у меня будет ответ для вас — если Челленджер вообще соблаговолит ответить. Это вспыльчивый,

опасный и вздорный тип, которого ненавидят все, кто с ним пересекался. Это также объект для насмешек студентов, которые позволяют себе дразнить его. Возможно, для вас было бы лучше, если бы вы о нем вообще никогда не слышали.

Глава III
Он абсолютно невыносимый человек

Опасениям (или надеждам) моего друга не суждено было сбыться. Когда я пришел к Генри в среду, меня ждало письмо с почтовым штемпелем Западного Кенсингтона, на котором почерком, скорее напоминавшим завитки колючей проволоки, было нацарапано мое имя. Содержание письма было следующим:

«ЭНМОР-ПАРК, ЗАПАДНЫЙ ЛОНДОН

Сэр, я своевременно получил ваше письмо, в котором вы утверждаете, что разделяете и поддерживаете мои взгляды, хотя они не нуждаются ни в вашей, ни чьей-либо еще поддержке. Вы соизволили употребить слово „рассуждения“ относительно моих утверждений о сути дарвинизма, и я хотел бы обратить ваше внимание на тот факт, что это слово в данной связи является в некоторой степени оскорбительным. Контекст вашего письма, впрочем, убедил меня, что вы употребили его скорее из-за невежества

и бестактности, чем по злому умыслу, и поэтому я согласен не обращать на это внимания. Вы процитировали отдельную фразу из моей лекции, и у вас, видимо, есть проблемы с ее пониманием. Я склонен полагать, что не уловить значения сказанного мог только крайне неразвитый человек, но если фраза действительно нуждается в каких-то пояснениях, я готов встретиться с вами в указанное время, хотя любого рода посетители для меня чрезвычайно неприятны. Что же касается вашего предположения о том, что я мог бы пересмотреть свое мнение, то я хотел бы вам заметить, что не в моих правилах делать это после взвешенного изложения сложившейся у меня точки зрения. Убедительно прошу вас, когда придете, показать конверт этого письма моему слуге, Остину, поскольку ему приказано предпринимать все меры предосторожности, чтобы оградить меня от этих назойливых жуликов, именующих себя журналистами.

С уважением,
Джордж Эдвард Челленджер».

Это письмо я и прочел Тарпу Генри вслух — он специально пришел пораньше, чтобы узнать, чем закончилось мое рискованное предприятие. Реакция его оказалась для меня несколько неожиданной:

— Говорят, что недавно открыли средство для быстрого рассасывания синяков, которое действует даже лучше, чем арника[26]; называется «кутикура» или что-то в этом роде. — Некоторые люди обладают довольно своеобразным чувством юмора.

Я получил письмо в половине одиннадцатого, но такси доставило меня на встречу почти вовремя. Автомобиль остановился перед внушительным особняком с портиком; тяжелые дорогие занавески на окнах также свидетельствовали о том, что этот грозный профессор был человеком состоятельным. Дверь открыл странный смуглолицый сухой человек неопределенного возраста, одетый в темную кожаную куртку, как

---

[26] Примечания: 26

...арника... — Род многолетних трав семейства сложноцветных. Некоторые из них используются в медицине как кровоостанавливающее средство. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

у пилотов, и коричневые краги, тоже кожаные. Позднее я узнал, что это шофер, выполнявший к тому же обязанности дворецкого вместо целого ряда своих сбежавших предшественников. Слуга испытующе оглядел меня голубыми глазами с ног до головы.

— Вас ожидают?

— У меня назначена встреча.

— Письмо с вами?

Я протянул ему конверт.

— Все верно! — Похоже, человек он был немногословный.

Когда я следовал за ним по коридору, меня внезапно перехватила миниатюрная женщина, появившаяся из-за двери, ведущей, видимо, в столовую. Это была привлекательная, живая леди с темными глазами, с внешностью скорее французского, чем английского типа.

— Одну минутку, — сказала она. — Подождите нас, Остин. Пройдите сюда, сэр. Могу ли я спросить вас: вы встречались с моим мужем ранее?

— Нет, мадам, не имел чести.

— Тогда я заранее прошу у вас извинения. Должна сказать вам, что он совершенно невыносимый человек — абсолютно невыносимый. Я хочу предупредить вас об этом, чтобы вы были подго-

товлены и смогли принять это во внимание.

— Мадам, это весьма предусмотрительно с вашей стороны.

— Быстро покиньте комнату при малейшем намеке у него на приступ ярости. Не ожидайте, пока у вас с ним начнется спор. Несколько человек от этого уже пострадали. После такого, к тому же, обычно разгорается общественный скандал, который бросает тень на меня и всех нас. Надеюсь, ваша встреча не связана с Южной Америкой?

Я не мог солгать даме.

— Господи! Это самая опасная из всех возможных тем. Вы не поверите ни единому его слову — и, честно говоря, я этому не удивлюсь. Но только не признавайтесь ему в этом, иначе он придет в бешенство. Сделайте вид, что вы поверили, и тогда, Бог даст, все и обойдется. Помните, что сам он твердо верит в то, о чем говорит; в этом вы можете не сомневаться. Профессор Челленджер исключительно честный человек, таких еще поискать. А теперь идите, а то он может что-то заподозрить. Если почувствуете, что он становится опасен, — по-настоящему опасен, — звоните в колокольчик и до моего прихода держитесь от него подальше. Даже в самых критических ситуациях мне, как правило, удается обуздать его.

С этими ободряющими словами женщина передала меня молчаливому Остину, который в течение нашего короткого разговора благоразумно ожидал в отдалении, стоя неподвижно, как бронзовая статуя, после чего проводил меня в конец коридора. На стук в дверь донесся какой-то бычий рев, и я оказался лицом к лицу с профессором.

Он восседал на вращающемся кресле за широким столом, заваленным книгами, картами и графиками. Когда я вошел, Челленджер резко крутанул кресло и повернулся ко мне лицом. От его вида у меня перехватило дыхание. Я ожидал встретиться с по-своему странным человеком, но не настолько подавляющей внешности. Больше всего поражали его габариты — габариты и величественная осанка. Голова у него была просто громадной, я таких еще никогда не видел. Держу пари, что, если бы я когда-либо рискнул надеть его шляпу, она накрыла бы меня полностью, по самые плечи. Лицо и борода Челленджера вызывали у меня ассоциации с ассирийским быком[27]:

---

[27] Примечания: 27

...ассирийским быком... — Среди множества ассиро-вавилонских богов быки занимали особо почетное место. Обычно их изображали с крыльями и человеческой головой, украшенной огромной волнистой бородой. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

лицо раскраснелось, а иссиня-черная борода в форме широкой лопаты волнами спускалась на грудь. Прическа была необычной: на массивном лбу лежала прилизанная изогнутая прядь. Из-под густых черных кустистых бровей смотрели серо-голубые глаза; взгляд их был ясным, испытывающим, очень властным. Над столом также виднелись огромные плечи и широкая, как бочка, грудь; картину дополняли две здоровенные руки, покрытые длинной черной шерстью. Все это в сочетании с ревущим грохотом его голоса и составили мое первое впечатление о пресловутом профессоре Челленджере.

— Итак? — сказал он, смерив меня надменным взглядом. — Что теперь?

Мне не следовало сразу раскрывать свой обман, в противном случае на этом бы наш разговор и завершился.

— Вы были настолько любезны, что назначили мне встречу, сэр, — робко сказал я, протягивая конверт его письма.

Профессор посмотрел на него и положил на стол перед собой.

— А, так вы тот самый молодой человек, который не знает простого английского языка? Но, насколько я понимаю, мои общие рассуждения

вы все-таки соизволили одобрить?

— Полностью, сэр, полностью! — с жаром откликнулся я.

— Слава Богу! Теперь мои позиции можно считать нерушимыми, не так ли? Ваш возраст и внешний вид делают такую поддержку ценной вдвойне. Но вы, по крайней мере, все же лучше, чем это стадо свиней в Вене, чье дружное хрюканье, впрочем, не более оскорбительно, чем отдельные попытки какого-то английского борова. — Сейчас, глядя на меня, он и сам очень напоминал одного из представителей этого вида животных.

— Видимо, они действительно повели себя с вами отвратительно, — сказал я.

— Уверяю вас, что я в состоянии сам постоять за себя и не нуждаюсь в чьем-либо сочувствии. Если спину надежно прикрывает стена, то для Джорджа Эдварда Челленджера нет большей радости, чем остаться один на один с противником. Ладно, сэр, давайте-ка сделаем все возможное, чтобы побыстрее завершить этот ваш визит, который вряд ли может быть приятным для вас и является исключительно раздражающим для меня. Насколько я понимаю, предполагается, что у вас были какие-то комментарии относительно неко-

торых положений, высказанных в моем докладе.

Жесткая прямота в его манере разговора очень осложняла дальнейшее увиливание, но я должен был продолжать вести свою игру и ждать удобного случая. Со стороны это выглядело довольно простой задачей. О, моя ирландская сообразительность, неужели ты не выручишь меня и на этот раз, когда я так нуждаюсь в твоей помощи? Челленджер сверлил меня острым взглядом своих стальных глаз.

— Ну же, давайте! — проворчал он.

— Конечно, я пока всего лишь простой студент, — сказал я с глупой улыбкой, — который, можно сказать, только начинает искать ответы на серьезные научные вопросы. Но мне в то же время кажется, что вы слишком суровы по отношению к Вейсману и его теории. Разве полученные с тех пор общие доказательства не… ну, не укрепляют как-то его позицию?

— Какие еще доказательства? — с угрожающим спокойствием в голосе спросил профессор.

— Ну, мне, разумеется, известно, что нет ничего такого, что вы могли бы признать *определенными* доказательствами. Я просто имею в виду тенденцию современной научной мысли и общую научную точку зрения, если можно так

выразиться.

Лицо его стало серьезным, и он весь подался вперед.

— Я полагаю, вам известно, — сказал Челленджер, загибая палец на руке, — что черепной индекс является фактором постоянным?

— Естественно, — ответил я.

— И что статус телегонии[28] по-прежнему все еще не определен?

— Безусловно.

— И что плазма эмбриона отличается от партеногенетического яйца?[29]

— Понятное дело! — воскликнул я, испытывая гордость от собственной наглости.

— Но что это все доказывает? — спросил он тихим вкрадчивым голосом.

— Да, действительно, — пробормотал я, — что это все доказывает?

---

[28] Примечания: 28

Предполагаемое влияние предшествующего спаривания на потомство, полученное от последующего спаривания. *(Примеч. пер.)*

[29] Примечания: 29

...партеногенетического яйца? — Партеногенез (от греч. parthenos — девственница — и genesis — рождение) — размножение, при котором развитие зародыша в материнской яйцеклетке происходит без оплодотворения. Встречается у некоторых видов растений и животных (например, у пчел). Здесь и до этого профессор Челленджер перечисляет Мэлоуну несколько наукообразно звучащих, но бессмысленных утверждений, с которыми тот соглашается, чем и выдает себя с головой. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

— Так мне сказать вам? — проворковал он.

— Да, прошу вас.

— Это доказывает, — проревел Челленджер во внезапном приступе ярости, — что вы — самый гнусный обманщик во всем Лондоне, подлый и жалкий журналистишка, который смыслит в науке еще меньше, чем в соблюдении правил приличия!

Когда он вскочил с кресла, в глазах его пылал безумный огонь. Даже в такой напряженный момент я успел изумиться тому, что профессор оказался совсем не высокого роста и макушка его едва доходила до моего плеча — низкорослый Геркулес, чья огромная жизненная сила пошла вширь, вглубь и на развитие ума.

— Абракадабра! — прокричал он, опираясь руками на стол и подавшись вперед. — Все, что я только что говорил вам, сэр, было полной абракадаброй с научной точки зрения! И вы рассчитывали провести меня! Вы, с вашим мозгом величиной с грецкий орех! Вы ведь считаете себя всемогущими, вы, грязные бумагомаратели! Считаете, что ваша похвала может поднять человека, а порицание — сломать его? Мы все должны вам кланяться, стараясь добиться вашей благожелательности, не так ли? Этого мы поддержим, а

этого — смешаем с грязью, да? Я знаю вас, жалкие мерзавцы! Что вы о себе возомнили? Раньше вы вели себя тихо, а сейчас потеряли всякое чувство меры! Презренные пустомели! Я найду способ поставить вас на место! Да, сэр, вам не удастся провести Джорджа Эдварда Челленджера, он не позволит командовать собой. Он предупреждал вас, но вы все равно *пришли*, и, видит Бог, вы знали, на что идете. И вы поплатитесь за это, мой любезный мистер Мэлоун! Вы затеяли довольно опасную игру и, сдается мне, проиграли!

— Послушайте, сэр, — сказал я, пятясь к двери и на всякий случай открывая ее, — вы, конечно, можете браниться, как вам заблагорассудится. Но всему есть предел. Нельзя же так набрасываться на человека.

— Ах нельзя? — До этого профессор медленно угрожающе надвигался на меня, но теперь остановился и сунул свои большие руки в боковые карманы короткого пиджака, который на нем выглядел как-то по-мальчишески. — Я уже вышвырнул нескольких из ваших коллег из этого дома. Вы будете четвертым или пятым. В среднем получается по три фунта пятнадцать шиллингов штрафа за каждого. Дороговато, конечно, но это просто необходимо было сделать. А теперь, сэр,

почему бы вам не последовать вслед за вашими собратьями по перу? Я, например, полагаю, что вы просто обязаны это сделать. — С этими словами он продолжил свое пугающее и неумолимое продвижение вперед, аккуратно отводя носки в стороны, словно учитель танцев.

Я мог бы тут же броситься к двери в коридор, но такое бегство было бы слишком унизительным. К тому же во мне тоже потихоньку начал разгораться огонь праведного негодования. До этого момента я был безнадежно неправ, но угрозы со стороны этого человека развязывали мне руки.

— Не вздумайте махать кулаками, сэр. Я этого не потерплю.

— Да что вы говорите! — Его черный ус приподнялся, и презрительная улыбка обнажила белый клык. — Неужели не потерпите?

— Не глупите, профессор! — воскликнул я. — На что вы, собственно, надеетесь? Я вешу двести десять фунтов, я в хорошей форме и каждую субботу играю центрфорвардом за сборную лондонских

ирландцев по регби[30]. Я не тот человек, чтобы…

В этот момент он ринулся на меня. Хорошо, что я открыл дверь, потому что в противном случае мы бы ее вынесли. Сцепившись, мы кубарем вылетели в коридор. По пути мы каким-то образом зацепили стул и теперь катились к выходу вместе с ним. Борода Челленджера забилась мне в рот, тела наши переплелись; мы крепко сжимали друг друга руками, да еще постоянно натыкались на ножки этого чертова стула. Предусмотрительный Остин распахнул перед нами входную дверь, и мы кувырком слетели по ступенькам крыльца. Я как-то видел, как двое шотландцев пытались выделывать подобные штучки в цирке, но перед этим они определенно немало тренировались, чтобы не свернуть себе шею. В самом низу стул разлетелся в щепки, и мы с профессором наконец отцепились друг от друга и свалились в сточную канаву. Он тут же вскочил на ноги, размахивая

---

[30] Примечания: 30

…играю центрфорвардом за сборную лондонских ирландцев по регби. — О том, что А. Конан Дойл был знаком с регби не понаслышке, узнаем из его воспоминаний: «‹…› я какое-то время был форвардом в команде Эдинбургского университета‹…›». И еще: «Если бокс — лучший мужской вид спорта для одиночки, то регби — лучший для коллектива. Сила, мужество, скорость и изобретательность — великие качества, и все они сошлись в одной игре» (Конан Дойл А. Воспоминания и приключения… — С. 220). *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

кулаками и сопя, как астматик.

— Ну что, довольно с вас? — задыхаясь, прохрипел он.

— Сумасшедший хулиган! — крикнул я в ответ, приводя себя в порядок.

Мы чуть было не сцепились снова, поскольку профессор все еще находился в пылу схватки, но, к счастью для меня, глупейшая ситуация разрядилась сама собой. Рядом с нами стоял полисмен с блокнотом в руках.

— Что все это значит? Как вам не стыдно! — возмутился он. Это было самое здравомыслящее замечание из всего, что я слышал в Энмор-парке до сих пор. — Итак, — настойчиво продолжил полисмен, поворачиваясь ко мне, — что здесь происходит?

— Этот человек набросился на меня, — ответил я.

— Вы действительно набросились на него? — спросил полисмен.

Челленджер тяжело дышал и ничего не ответил.

— А ведь это с вами уже не в первый раз, — сурово заметил полицейский, качая головой. — В прошлом месяце у вас были такие же неприятности. Вы поставили этому молодому человеку

синяк под глазом. Пострадавший, вы предъявляете обвинение в этой связи?

Но я уже успокоился.

— Нет, — сказал я, — не предъявляю.

— А, собственно, почему? — спросил полисмен.

— Я сам в этом виноват. Я пришел к нему в дом без приглашения. К тому же он честно предупредил меня.

Полисмен захлопнул свой блокнот.

— Вы должны прекратить такое постыдное поведение, — сказал он. — А ну-ка, расходитесь! Расходитесь! — Это относилось уже к посыльному из мясной лавки, к горничной и нескольким прохожим, успевшим собраться на месте происшествия. Полисмен тяжелой поступью двинулся вниз по улице, оттесняя эту небольшую толпу. Профессор взглянул на меня, и в глубине его глаз мелькнула веселая искорка.

— Пойдемте! — сказал он. — Мы еще не закончили.

Слова эти прозвучали несколько зловеще, но я, тем не менее, последовал за ним в дом. Слуга Остин с лицом деревянного истукана молча закрыл за нами дверь.

Глава IV
Это самое великое открытие!

Едва входная дверь за нами закрылась, как из столовой вылетела миссис Челленджер. Маленькая женщина была вне себя от возмущения. Она преградила дорогу своему мужу, словно разъяренный цыпленок бульдогу. Было очевидно, что миссис Челленджер видела, как я уходил, но не знала, что я вернулся.

— Ты настоящий зверь, Джордж! — воскликнула она. — Как можно было побить такого милого молодого человека?!

Профессор показал большим пальцем себе за спину.

— Да вот он, позади меня, жив и невредим.

Она смутилась, но не слишком.

— Простите, я вас не заметила.

— Все в порядке, мадам, уверяю вас.

— Господи, что у вас с лицом! О Джордж, ты невыносим! Каждую неделю обязательно какой-нибудь скандал. Все ненавидят тебя, ты делаешь из себя посмешище. Все, довольно. Терпение мое лопнуло.

— Не стоит перебирать грязное белье при посторонних, — проворчал он.

— Это и так уже ни для кого не секрет! — воскликнула миссис Челленджер. — Об этом знает вся наша улица, — да что там улица, весь Лондон. Остин, оставьте нас, вы нам пока не нужны. Как ты думаешь, что об этом говорят люди? Где же твое чувство собственного достоинства? А ведь ты мог бы стать профессором королевской кафедры[31] в каком-нибудь большом университете, где тысячи студентов почитали бы тебя. Где же твоя гордость, Джордж?

— А как насчет твоей гордости, дорогая?

— Ты слишком долго испытывал мое терпение. Ты превратился в заурядного скандального грубияна!

— Успокойся, Джесси.

— Неуемный свирепый хулиган!

— Ну все, довольно с меня! Отправляйся на место покаяния! — сказал Челленджер.

К моему удивлению, он наклонился, поднял жену на руки и посадил на стоявший в углу холла

---

[31] Примечания: 31

…профессором королевской кафедры… — Королевские кафедры учреждены английским королем Генрихом VIII (1491–1547) в Оксфордском и Кембриджском университетах. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

постамент из черного мрамора. Постамент был высотой более двух метров и такой тонкий, что миссис Челленджер с трудом удерживалась на нем. Трудно представить себе более нелепую картину, чем женщина с перекошенным от гнева лицом, восседающая подобным образом, болтая ногами и сжимаясь от страха и обиды.

— Немедленно сними меня! — завизжала она.

— Скажи «пожалуйста».

— Это свинство, Джордж! Сейчас же опусти меня!

— Пойдемте в мой кабинет, мистер Мэлоун.

— Нет, сэр, действительно!.. — начал я, глядя на бедную женщину.

— Мистер Мэлоун просит за тебя, Джесси. Скажи «пожалуйста» и сразу же окажешься внизу.

— Какой же ты негодяй! Ну, пожалуйста! Пожалуйста!

— Ты должна вести себя пристойно, дорогая. Мистер Мэлоун — представитель прессы. Завтра он напечатает все это в своей газетенке, да еще продаст лишний десяток экземпляров среди наших соседей. «Странности одной высокопоставленной особы» — на этом постаменте ты действительно можешь считаться поставленной достаточно высоко, не так ли? Далее идет

подзаголовок: «Беглое знакомство с жизнью одной супружеской четы». Мистер Мэлоун ведь питается падалью и отбросами, как и вся эта братия, — *porcus ex grege diaboli* — свинья из дьявольского стада[32]. Я все правильно говорю, мистер Мэлоун?

— Вы действительно абсолютно невыносимы! — с жаром воскликнул я.

Челленджер расхохотался.

— Похоже, вы уже готовы вступить в коалицию, — пророкотал он, поглядывая то на жену, то на меня. Затем его тон внезапно изменился. — Простите нам эту фривольную семейную сценку, мистер Мэлоун. Я предложил вам вернуться вовсе не для того, чтобы продемонстрировать наши маленькие домашние шалости, а по гораздо более

---

[32] Примечания: 32

…porcus ex grege diaboli — свинья из дьявольского стада. — Это латинское выражение отсылает к Евангельской истории о Гадаринском бесноватом: «И пришли на другой берег моря, в страну Гадаринскую. И когда вышел Он из лодки, тотчас встретил Его вышедший из гробов человек, одержимый нечистым духом, он имел жилище в гробах, и никто не мог его связать даже цепями ‹…› и, вскричав громким голосом, сказал: *что* Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? заклинаю Тебя Богом, не мучь меня! Ибо Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека. И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много. И много просили Его, чтобы не высылал их вон из страны той. Паслось же там при горе большое стадо свиней. И просили Его все бесы, говоря: пошли нас в свиней, чтобы нам войти в них. Иисус тотчас позволил им. И нечистые духи, вышедши, вошли в свиней; и устремилось стадо с крутизны в море, а их было около двух тысяч; и потонули в море» (Марк 5:1-13). *(Коммент. канд. филол. наук*

доцента А. П. Краснящих)

серьезному поводу. Беги, маленькая женщина, и не сердись. — Он положил свои громадные руки на плечи миссис Челленджер. — Все, что ты сказала, — чистая правда. Я был бы гораздо лучше, если бы следовал твоим советам, но это был бы уже не я. Есть масса более достойных мужчин, но Джордж Эдвард Челленджер — только один. Так что ты уж постарайся с ним поладить. — Внезапно он звонко поцеловал ее, что сбило меня с толку даже больше, чем его недавняя жестокая выходка. — А теперь, мистер Мэлоун, — продолжил профессор с большим достоинством, — *будьте любезны* следовать за мной.

Мы вновь вошли в ту же комнату, которую покинули столь бурно всего каких-то десять минут назад. Профессор тщательно прикрыл за нами дверь, усадил меня в кресло и сунул под нос коробку сигар.

— Это настоящие «Сан-Хуан Колорадо», — сказал он. — Легковозбудимые люди, вроде вас, весьма подвержены действию наркотиков. О Господи, ну кто же откусывает кончик! Его нужно только отрезать — сигара требует уважения! А теперь откиньтесь на спинку кресла и внимательно послушайте то, что я соблаговолю вам сообщить. Не перебивайте меня, и если у вас

появятся какие-либо вопросы, приберегите их на потом. Прежде всего, что касается вашего возвращения в мой дом после такого совершенно справедливого изгнания… — Здесь он вытянул шею и вызывающе посмотрел на меня, словно приглашая возразить. — …после, как я уже сказал, вполне обоснованного изгнания. Причина этого заключается в вашем ответе этому строгому полисмену, где, как мне показалось, содержались проблески некоего доброго отношения; так или иначе, обычно это не свойственно людям вашей профессии. Признав, что вина за этот инцидент лежит на вас, вы продемонстрировали признаки определенной внутренней непредвзятости и широты взглядов, что и привлекло мое благосклонное внимание. Тот подвид человеческой расы, к которому вы имеете несчастье принадлежать, всегда находился вне моего умственного кругозора, а благодаря вашим словам вы оказались в поле моего зрения. Вы заставили посмотреть на вас серьезно. По этой причине я и попросил вас вернуться со мной, поскольку мне захотелось познакомиться с вами поближе. Если вас не затруднит, стряхивайте, пожалуйста, пепел на небольшой японский поднос, который стоит на бамбуковом столике у вашего левого

локтя.

Все это Челленджер выдал на одном дыхании, словно на лекции перед студентами. Повернувшись на вращающемся кресле ко мне лицом, он сидел, надувшись, словно огромная лягушка, откинув голову немного назад и высокомерно прикрыв глаза. Неожиданно он повернулся ко мне боком, и теперь мне были видны только его спутанные волосы с выступающим из них красным ухом. Он принялся копаться в каких-то бумагах, беспорядочно разбросанных на столе, после чего снова повернулся ко мне, держа в руках записную книжку довольно потрепанного вида.

— Я хочу рассказать вам о Южной Америке, — заявил профессор. — И прошу вас, без комментариев. В первую очередь, я хочу, чтобы вы поняли: все, что я сейчас вам сообщу, запрещается предавать какой-либо огласке без моего особого разрешения. А такого разрешения, по всей видимости, я никогда не дам. Надеюсь, все понятно?

— Это очень сложно, — сказал я. — Разумеется, непредвзятое изложение…

Он снова положил записную книжку на стол.

— Тогда на этом и закончим, — сказал Челлен-

джер. — Желаю вам всего наилучшего.

— Нет-нет! — вскричал я. — Я принимаю любые ваши условия. Насколько я понимаю, выбора у меня нет.

— Ни малейшего, — подтвердил он.

— Что ж, тогда я обещаю вам это.

— Слово чести?

— Слово чести.

Он с сомнением посмотрел на меня надменным взглядом.

— С другой стороны, что мне известно о вашей чести? — произнес он.

— Ну, знаете, сэр! — Я был просто в ярости. — Вы слишком много себе позволяете! Меня никогда еще так не оскорбляли!

Моя вспышка вызвала у Челленджера скорее любопытство, чем раздражение.

— Голова круглая, — пробормотал он. — Брахицефальный тип[33], глаза серые, волосы черные, некоторые черты негроида… Вы — кельт[34], я

---

[33] Примечания: 33

Брахицефальный тип… — Брахицефал (от греч. brachys — короткий — и kephalē — голова) — коротко— или круглоголовый, в противоположность долихоцефалу — длинноголовому. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[34] Примечания: 34

…кельт… — См. т. 1, комментарий на с. 378. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

полагаю?

— Я ирландец, сэр.

— Чистокровный ирландец?

— Да, сэр.

— Тогда это, конечно, многое объясняет. Позвольте, вы только что пообещали не злоупотреблять моим доверием. Должен сказать, что доверие это будет далеко не полным. Но я готов сообщить несколько фактов, которые представляют интерес. Во-первых, вам, должно быть, известно, что два года назад я предпринял путешествие в Южную Америку, путешествие, которое войдет в анналы научной истории всего мира. Целью моей экспедиции была проверка некоторых выводов Уоллеса[35] и Бейтса[36], что можно было сделать, только наблюдая отмеченные ими факты в тех же

---

[35] Примечания: 35

…Уоллеса… — Алфред Рассел Уоллес (1823–1913) — английский натуралист, независимо от Ч. Дарвина пришедший к теории происхождения видов животных и растений путем естественного отбора, автор капитального труда «Географическое распространение животных и изменения земной поверхности, на которые оно указывает». А. Р. Уоллес, как и Ч. Дарвин, был для А. Конан Дойла своего рода идеалом героя-ученого: «В духовном облике Уоллеса и Дарвина есть удивительное сходство — та же смелость, нравственная и физическая, та же спокойная настойчивость, те же всеобъемлющие познания и широчайший кругозор, та же страсть к наблюдениям над природой» (Конан Дойл А. За волшебной дверью // Конан Дойл А. Мир, полный приключений. — М.: Вагриус, 2003. — С. 355). *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[36] Примечания: 36

…Бейтса… — Генри Уолтер Бейтс (1825–1892) — английский натуралист, принимавший совместно с А. Р. Уоллесом участие в экспедиции в Бразилию, где за одиннадцать лет собрал огромную коллекцию насекомых, содержащую несколько тысяч новых видов. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

условиях, что и они. Если бы моя экспедиция не дала никаких других результатов, кроме названных, она все равно заслуживала бы внимания; но, когда я находился там, со мной произошел странный случай, указавший совершенно новое направление исследований.

Вам, конечно, известно, — хотя в наши полуграмотные времена вы вполне можете ничего об этом и не знать, — что земли вокруг некоторых участков Амазонки исследованы лишь частично и что в основное русло этой реки стекается масса притоков, причем многие из них даже не нанесены на карту. Моей задачей было посетить эти малоосвоенные края и изучить местную фауну, что должно было дать материал для нескольких глав моего грандиозного и монументального труда по зоологии, который является делом всей моей жизни. Когда эта работа была завершена и я находился уже на пути назад, мне пришлось заночевать в небольшой индейской деревушке, расположенной в том месте, где в реку впадает один из ее притоков, название и местоположение которого я опущу. Местные жители — индейцы кукама — дружелюбное, но деградирующее племя, с умственными способностями на уровне среднестатистического лондонца. Еще по дороге

туда я дал им несколько лекарственных препаратов и произвел на них большое впечатление как личность, поэтому меня не удивило, что они с нетерпением ждали моего возвращения. По их жестикуляции я понял, что кто-то из них нуждается в срочной медицинской помощи, и последовал за вождем в одну из хижин. Когда я вошел туда, то оказалось, что человек, для помощи которому меня пригласили, только что скончался. К моему удивлению, это был не индеец, а белый человек; я бы даже сказал, очень белый, поскольку волосы у него были соломенного цвета и во внешности присутствовали некоторые характерные черты альбиноса. На нем были какие-то лохмотья. Истощенное тело свидетельствовало о том, что он перенес длительные невзгоды. Насколько мне удалось понять знаки жителей деревни, он был среди них чужаком и пришел к ним через лес один и в самой последней стадии изможденья.

Рядом с покойником лежал вещевой мешок, и я изучил его содержимое. На нашивке с внутренней стороны было написано имя — Мейпл Уайт, Лейк-авеню, Детройт, штат Мичиган. Это был человек, перед которым я всегда готов снять шляпу. Достаточно будет сказать, что, когда настанет время отдать должное этому великому

открытию, заслуги Мейпла Уайта будут стоять наравне с моими собственными.

По содержимому вещевого мешка стало ясно, что этот человек был художником и поэтом, отправившимся на поиски впечатлений. Там были наброски стихов. Я не берусь судить о таких вещах профессионально, но мне они показались необычайно талантливыми. Там также находились довольно банальные зарисовки речных пейзажей, ящичек с красками, коробка с цветными мелками, несколько кисточек, эта изогнутая кость, которая сейчас лежит на моем письменном приборе, книга Бакстера «Мотыльки и бабочки», дешевый револьвер и несколько патронов. Таким было все имущество этого странного представителя американской богемы. Каких-то личных вещей у него либо не было, либо он растерял их в своем путешествии.

Уже отворачиваясь от тела, я внезапно заметил что-то, выглядывавшее из обтрепанной куртки. Там оказалась вот эта записная книжка, которая уже тогда была в таком же неприглядном виде, в котором вы видите ее сейчас. Могу вас заверить, что с того момента, как эта реликвия попала ко мне в руки, к ней относились с бóльшим почтением, чем к первому изданию Шекспира. А теперь

я вручаю записную книжку вам и прошу внимательнейшим образом изучить ее содержимое, страницу за страницей.

Челленджер взял себе еще одну сигару и откинулся на спинку кресла, сверля меня критическим взглядом и наблюдая за эффектом, который произведет на меня этот документ.

Я открыл записную книжку в ожидании какой-то тайны, хотя даже не догадывался, какой именно. Первая страничка меня разочаровала: на ней был изображен очень толстый человек в матросском бушлате, под рисунком было написано «Джимми Колвер на почтовом корабле». Затем следовало несколько страниц с зарисовками индейцев за их занятиями. Далее шел рисунок веселого полного священника, сидевшего напротив тощего европейца, с подписью: «Завтрак с братом Кристоферо в Росарио[37]». Следующие несколько страниц были заняты эскизами женщин и детей, после которых следовала прекрасная серия рисунков животных с поясняющими надпися-

[37] Примечания: 37

…Росарио… — Город в Аргентине, порт на реке Парана. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

ми, вроде «Ламантин[38] на песчаной отмели», «Черепахи откладывают яйца», «Черный агути под пальмой мирити» с изображением какого-то похожего на свинью животного[39]. Завершалось это двойной страницей с эскизами крайне неприятного вида ящеров с длинными мордами. Мне это ни о чем не говорило, и я признался в этом профессору.

— Это, конечно же, всего лишь крокодилы?

— Аллигаторы, милейший, аллигаторы! В Южной Америке настоящие крокодилы не водятся. Различие между этими двумя видами заключается в том…

— Я хотел сказать, что не вижу в этом ничего необычного — ничего такого, что подтверждало бы ваши слова.

---

[38] Примечания: 38

Ламантин… — Млекопитающее из отряда сирен. Обитает у морских берегов и в реках Бразилии, а также у западного побережья Африки. Похоже на моржа и тюленя, но не родственно им. Дальний потомок копытных, приспособившийся к жизни на воде. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[39] Примечания: 39

«Черный агути под пальмой мирити» с изображением какого-то похожего на свинью животного. — А. Конан Дойл допускает ошибку: агути — крупные грызуны, которые водятся в лесах Центральной и Южной Америки — похожи скорее на морскую свинку. (Здесь и далее в некоторых не обязательно отдельно оговариваемых случаях использованы научные комментарии А. К. Рождественского из издания: Конан Дойль А. Затерянный мир. — М.: Государственное издательство географической литературы, 1957.) *(Коммент. канд. филол. наук*

доцента А. П. Краснящих)

Он невозмутимо улыбнулся.

— Попробуйте взглянуть на следующую страницу, — сказал профессор.

Я по-прежнему был настроен весьма скептически. Передо мной во весь разворот был грубо раскрашенный эскиз ландшафта; художники, рисующие с натуры, делают такие в качестве набросков для будущих более тщательно выписанных работ. На переднем плане была какая-то бледно-зеленая, напоминающая перья, растительность, которая уходила по склону холма вверх и заканчивалась линией темно-красных скал со странной ребристой поверхностью, как у базальтовых формирований[40], которые мне уже приходилось видеть ранее. Далее они переходили в сплошную вертикальную стену, закрывавшую весь задний план. В одном месте высился стоявший отдельно пирамидальный утес с огромным деревом на вершине, который, казалось, был отделен от основной скалы расселиной. Позади всего этого виднелось синее тропическое небо. Верхушку рыжеватой гряды обрамляла тонкая зеленая полоска растительности.

---

[40] Примечания: 40

...базальтовых формирований... — Базальт — черная, реже — красная горная порода. На поверхность Земли попадает в результате извержений вулканов. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

— Ну, что скажете? — спросил Челленджер.

— Это, без сомнения, довольно любопытная формация, — сказал я, — но я далеко не геолог, чтобы заметить в ней что-то примечательное.

— Примечательное?! — повторил он. — Да это уникально! Невообразимо. Никто на земле даже не мечтал о такой возможности. Взгляните теперь дальше.

Когда я перевернул страницу, у меня невольно вырвался возглас удивления. Там на весь лист было изображено самое необыкновенное существо, какое мне когда-либо приходилось видеть. Это напоминало сон курильщика опиума, некое бредовое видение. Голова у чудища была птичьей, тело — как у раздувшейся ящерицы, стелившийся сзади хвост имел направленные вверх шипы, а искривленную спину венчала высокая зазубренная кайма, напоминавшая дюжину петушиных бородок, расположенных друг за другом. Перед существом стояла абсурдно крошечная фигурка рассматривавшего его человека, — пигмея или карлика.

— Итак, что вы скажете об этом?! — воскликнул профессор, с видом триумфатора потирая руки.

— Какое-то гротескное чудовище.

— Но что же заставило Уайта нарисовать такое

животное?

— Полагаю, злоупотребление джином.

— И это единственное предположение, на которое вы способны?

— Да, сэр. А каково ваше объяснение?

— Самое очевидное: это животное действительно существует. Рисунок сделан с натуры.

Если бы не были так свежи воспоминания о том, как мы с профессором катились кувырком с парадного крыльца, я бы обязательно расхохотался.

— Несомненно, несомненно, — торопливо сказал я, как человек, потакающий фантазиям слабоумного. — Признаюсь, однако, — добавил я, — что меня несколько озадачивает крошечная человеческая фигурка. Если бы это был индеец, рисунок можно было бы рассматривать как свидетельство существования в Америке некой расы пигмеев, хотя по внешнему виду человек напоминает европейца в широкополой шляпе от солнца.

Профессор засопел, как разозленный буйвол.

— Вы действительно перешли все возможные границы, — сказал он. — Мои представления о пределах возможной тупости несказанно раздви-

нулись. Умственный парез![41] Поразительная инертность мышления! Потрясающе!

Его замечания были слишком смехотворны, чтобы разозлить меня. На самом деле это было просто бессмысленной тратой энергии, поскольку, если бы вы решили разозлиться на этого человека, вам пришлось бы находиться в таком состоянии постоянно. Поэтому я довольствовался лишь усталой улыбкой.

— Меня просто поразило, что человек такой маленький, — сказал я.

— Да посмотрите же сюда! — вскричал профессор, перегнувшись через стол и тыча толстой волосатой сосиской своего пальца в рисунок. — Видите это растение позади животного? Полагаю, что вы приняли его за одуванчик, брюссельскую капусту или нечто в этом роде. А это слоновая пальма[42], они достигают пятидесяти или даже шестидесяти футов в высоту. Неужели вы не понимаете, что Уайт поместил здесь человека

---

[41] Примечания: 41

Умственный парез! — Парез (от греч. paresis — ослабление) — ослабление функций, неполный паралич. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[42] Примечания: 42

…слоновая пальма… — Слоновая пальма (юбея) — вид крупной, до восемнадцати метров в высоту, пальмы. Произрастает в Чили на высоте до 1200 метров. Содержит сок, из которого готовят вино, плоды съедобны. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

умышленно? Он не мог на самом деле стоять перед этим зверем, когда рисовал его. Художник изобразил здесь себя, чтобы дать представление о масштабе. Ростом Мейпл Уайт был, скажем, чуть более пяти футов. А дерево в десять раз выше его, чего и следовало ожидать.

— Черт побери! — воскликнул я. — Значит, вы думаете, что это чудище было… Тогда его логово должно быть больше, чем вокзал Чаринг-Кросс!

— Если здесь нет некоторого преувеличения, то это действительно вполне взрослый экземпляр, — с довольной улыбкой согласился профессор.

— И тем не менее, — с жаром продолжал я, — нельзя же отбрасывать весь предыдущий опыт человечества на основании какой-то зарисовки. — Я пролистал остальные страницы и убедился, что там больше ничего подобного не было. — Одного рисунка какого-то странствующего американского художника, который мог сделать ее под влиянием гашиша или во время приступа лихорадки, или просто потакая капризам своего нездорового воображения. Как человек науки вы не можете занимать такую шаткую позицию.

Вместо ответа профессор снял с полки книгу.

— Это великолепная монография моего талант-

ливого друга Рея Ланкастера![43] — торжественно сказал он. — Здесь есть одна иллюстрация, которая, несомненно, вас заинтересует. Ага, вот она! Надпись под ней гласит: «Возможный внешний вид стегозавра[44] — динозавра[45] юрского периода[46]. Задняя нога в два человеческих роста». Ну, что вы на это скажете?

Он протянул мне открытую книгу. Взглянув на рисунок в ней, я вздрогнул. Это восстановленное по найденным останкам животное из давно ушедшего мира удивительно напоминало эскиз неизвестного художника.

— Это на самом деле поразительно, — сказал я.

— Но вы по-прежнему не признаете это решающим доводом?

— Конечно, это может быть простым совпаде-

---

[43] Примечания: 43

…Рея Ланкастера… — См. выше. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

[44] Примечания: 44

…*стегозавра*… — Стегозавр (от греч. stegē — покрывало — и zauros — ящер: «покрытые ящеры») — крупные, до двадцати метров в длину, четвероногие травоядные динозавры, чье тело покрывали два ряда огромных шипов-пластин. Обитали на территории Восточной Африки, Северной Америки и Англии 100–200 миллионов лет назад. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[45] Примечания: 45

…*динозавра*… — Динозавры (от греч. dinos — удивительный, необычный, страшный — и zauros — ящер) — самый многочисленный и разнообразный надотряд вымерших пресмыкающихся. Длиной — от

20 сантиметров до 30 метров. Жили в мезозойскую эру. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[46] Примечания: 46

…юрского периода… — Юрский период — средний отдел мезозоя, около 730 миллионов лет назад. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

нием, либо американец видел подобного рода картинку ранее и сохранил ее в памяти. И она всплыла в сознании человека с нарушенной психикой.

— Очень хорошо, — снисходительно сказал профессор, — на этом мы пока остановимся. А сейчас я попрошу вас взглянуть вот на это. — Он протянул мне кость, о которой уже рассказывал как о части имущества погибшего. Она была длиной примерно шесть дюймов, чуть толще моего большого пальца, со следами высохшего хряща с одной стороны.

— Какому известному вам существу принадлежит эта кость? — спросил профессор.

Я внимательно осмотрел ее, пытаясь оживить свои полузабытые познания из этой области.

— Это может быть очень толстая человеческая ключица, — предположил я.

Мой собеседник снисходительно замахал руками.

— Ну что вы! Человеческая ключица изогнута, а эта кость — прямая. На поверхности имеется глубокая выемка, указывающая на то, что здесь проходило мощное сухожилие, которое не может иметь к ключице никакого отношения.

— Тогда вынужден признаться: я понятия не

имею, что это такое.

— Вам не стоит стыдиться своего невежества; не думаю, что во всем Южном Кенсингтоне[47] найдется хоть один человек, который сможет ответить на этот вопрос. — Челленджер вынул из небольшой коробочки еще одну косточку, величиной с боб. — Насколько я могу судить, эта человеческая кость является аналогом той, которую вы сейчас держите в своих руках. Это должно дать вам некоторое представление об истинных размерах животного. По остаткам хряща вы можете видеть, что это не ископаемый образец, а довольно свежий. Что вы скажете на это?

— Возможно, слон…

Лицо профессора болезненно скривилось.

— Помилуйте! Какие слоны в Южной Америке?! Сейчас даже в школах-интернатах дети знают…

— Ладно, — прервал я его, — тогда какое-то другое крупное южноамериканское животное — тапир, например.

— Можете мне поверить, юноша, что в своем деле я — человек сведущий. Такая кость не может принадлежать ни тапиру, ни какому-либо

---

[47] Примечания: 47

…Южном Кенсингтоне… — Район Лондона, где расположен естественно-исторический отдел Британского музея. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

другому животному, которое известно зоологии. Это кость очень большого, очень сильного и, судя по всему, очень свирепого животного, которое действительно существует в природе, но до сих пор так и не попадалось на глаза ученым. Это вас все еще не убедило?

— По крайней мере, я заинтригован.

— Тогда вы не безнадежны. Я чувствую, что с вами имеет смысл поработать, поэтому мы терпеливо и не торопясь двинемся дальше. Оставим теперь этого мертвого американца и вернемся к моему повествованию. Вы, разумеется, понимаете, что я не мог просто так покинуть Амазонку, не попробовав глубже разобраться в этом деле. Имелись некоторые указания на направление, откуда пришел этот путешественник. Но моими проводниками могли стать лишь индейские легенды, поскольку, как я выяснил, слухи о неведомой стране были распространены среди племен, живущих на берегах великой реки. Вы, безусловно, слышали о Курупури?

— Признаться, никогда.

— Курупури — это дух леса, нечто ужасное, злобное, чего следует всеми силами избегать. Никто не может толком описать, как он выглядит, но это слово вызывает трепет по всей Амазонке. И

при этом все племена соглашаются относительно места, где живет Курупури. Оно обитает как раз в том направлении, откуда пришел американец. В той стороне явно находится что-то, вселяющее страх. Поэтому я решил выяснить, что это такое.

— И что же вы предприняли? — Все мое легкомыслие улетучилось. Этот крепкий мужчина вызывал уважение, а его рассказ буквально приковывал к себе внимание.

— Мне удалось преодолеть решительное сопротивление туземцев — сопротивление, запрещавшее им даже говорить на эту тему, — и путем логических убеждений и подарков, приправленных, должен признаться, также и угрозами применения силы, я смог заполучить двух проводников. После многочисленных приключений, которые я не стану здесь описывать, пройдя расстояние, которое я не стану здесь называть, в направлении, о котором я умолчу, мы наконец подошли к стране, которая не только никогда не была описана, но на самом деле ее даже никто никогда не посещал, за исключением моего несчастного предшественника. Не соблаговолите ли взглянуть на это?

И он протянул мне фотографию размером в половину стандартной фотопластинки.

— Плохое качество изображения объясняется тем, — сказал Челленджер, — что, возвращаясь вниз по реке, наша лодка перевернулась, а ящик, в котором лежали не проявленные пленки, разбился, со всеми вытекающими отсюда пагубными последствиями. Почти все снимки были полностью уничтожены — невосполнимая потеря. Эта фотография — одна из немногих, избежавших печальной участи. Данное обстоятельство также объясняет дефекты и недостатки изображения, которые вы, надеюсь, великодушно простите. Велись также разговоры о возможной подделке. Но сейчас я не в настроении спорить по этому поводу.

Фотография и вправду была очень бледной. Неблагожелательный критик мог бы без труда истолковать неясное изображение как угодно. На снимке был тусклый серый ландшафт, и по мере того как я постепенно начинал различать его детали, я понимал, что он представляет собой длинную линию невероятно высоких гор, похожих на громадный водопад, а на переднем плане была заросшая деревьями равнина.

— Мне кажется, что это напоминает место, нарисованное в записной книжке, — сказал я.

— Это и есть то самое место, — ответил профес-

сор. — Я нашел здесь следы лагеря Мейпла Уайта. Посмотрите сюда.

Он показал мне более крупный план того же вида, хотя и эта фотография была сильно повреждена. Я смог ясно различить стоявший отдельно остроконечный утес с деревом на вершине, отделенный от основной скалы расселиной.

— Теперь я в этом не сомневаюсь.

— Что ж, кое-чего мы все-таки достигли, — заметил Челленджер. — Мы явно прогрессируем, не так ли? А теперь обратите внимание на верхушку этого скалистого утеса. Что вы там видите?

— Огромное дерево.

— А на дереве?

— Большую птицу, — ответил я.

Он подал мне увеличительное стекло.

— Ну да, — подтвердил я, рассматривая теперь увеличенное изображение, — на дереве сидит большая птица. И у нее, похоже, весьма приличный клюв. Я бы сказал, что это пеликан.

— Что ж, вас нельзя поздравить с отличным зрением, — скептически заявил профессор. — Это не пеликан, и, собственно, даже не птица. Возможно, вам будет интересно узнать, что мне все-таки удалось застрелить именно этот экземпляр. Это было единственным безусловным

доказательством увиденного мной, которое я был в состоянии увезти с собой.

— Значит, оно у вас есть? — Наконец-то речь зашла о каком-то материальном подтверждении его слов.

— Оно у меня было. И, к великому сожалению, в числе многого прочего пропало во время той же аварии с лодкой, из-за которой пострадали мои фотографии. Я схватился за него, когда оно исчезало в завихрениях быстрого течения, и у меня в руке осталась только часть крыла. Выбравшись на берег, я потерял сознание, но, тем не менее, жалкий остаток моего грандиозного трофея сохранился, и сейчас я вам его продемонстрирую.

Из верхнего ящика стола профессор извлек то, что сначала показалось мне частью крыла громадной летучей мыши. Фрагмент был не менее двух футов в длину и представлял собой изогнутую кость с висевшей под ней кожистой перепонкой.

— Чудовищная летучая мышь! — вырвалось у меня.

— Ничего подобного, — сурово отрезал профессор. — Вращаясь в просвещенной, научной среде, я даже не представлял, что основополагающие принципы зоологии могут быть настолько плохо

известны. Я допускаю, что вы можете не знать того элементарного факта из сравнительной анатомии, что крыло птицы представляет собой, по сути, предплечье, тогда как крыло летучей мыши состоит из трех удлиненных пальцев с перепонками между ними. В нашем случае данная кость определенно не является предплечьем; вы сами видите, что здесь на одиночной кости находится одиночная перепонка, и поэтому она никак не может принадлежать летучей мыши. Но если это не птица и не летучая мышь, тогда что же?

Мой небогатый запас познаний был исчерпан.

— Я действительно не знаю, — сказал я.

Челленджер открыл классический труд, к которому уже отсылал меня для справки.

— Вот, — сказал он, указывая на рисунок необычного летающего чудовища, — здесь дана прекрасная репродукция птеродактиля[48], летающей рептилии юрского периода. На следующей странице изображено устройство его крыла. Будьте любезны сравнить это с тем, что находится в вашей руке.

По мере того, как я рассматривал рисунок, во

[48] Примечания: 48

…птеродактиля… — Птеродактиль (от греч. pteron — крыло — и daktylos — палец) — летающий ящер конца юрского — начала мелового периода. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

мне нарастала волна изумления. Теперь я уже был убежден в правоте профессора, — в этом не могло быть никаких сомнений. Совокупность всех доказательств была исчерпывающей. Рисунок, фотографии, рассказ Челленджера и, наконец, настоящий образец — все это полностью подтверждало его правоту. И я сказал об этом профессору со всей горячностью, на какую только был способен, потому что чувствовал, что с этим человеком обошлись незаслуженно дурно. Он откинулся на спинку кресла, прищурив глаза и примирительно улыбаясь. Профессор словно грелся под неожиданно появившимися из-за туч лучами человеческого тепла.

— Это самое великое открытие, о котором мне когда-либо приходилось слышать! — воскликнул я, хотя здесь во мне говорил энтузиазм скорее журналиста, чем ученого. — Это просто колоссально! Вы — настоящий Колумб науки, открывший человечеству затерянный мир. Я чрезвычайно сожалею, что сомневался в вас. В это трудно было поверить, это было немыслимо. Но теперь я познакомился с вашими доказательствами и уверен, что они смогут убедить любого.

Профессор удовлетворенно мурлыкал.

— А дальше, сэр? Что вы сделали потом?

— В то время был сезон дождей, мистер Мэлоун, и мои запасы истощились. Я обследовал часть этого огромного горного хребта, но так и не смог найти способ на него взобраться. Пирамидальный утес, на котором я увидел и подстрелил птеродактиля, был более доступен. Поскольку я в свое время немного занимался альпинизмом, мне удалось подняться до середины утеса. С этой высоты я получил более полное представление о плато, расположенном на вершине скал. Оно оказалось очень большим; я не смог увидеть края обрамленных зеленым лесом скал ни в восточном, ни в западном направлении. Внизу находился болотистый участок джунглей, где путника подстерегали змеи, ядовитые насекомые и лихорадка — естественная защита этой уединенной страны.

— Заметили ли вы там какие-нибудь следы жизни?

— Нет, сэр, но в течение недели, которую мы простояли лагерем у подножия скал, мы неоднократно слышали доносившиеся сверху весьма странные звуки.

— А как же животное, которое нарисовал американец? Что вы думаете о нем?

— Мы можем только предположить, что Уайт

поднялся на вершину и увидел его там. Таким образом, мы знаем, что путь наверх существует. Нам также известно, что путь этот должен быть чрезвычайно сложным, в противном случае животные спустились бы и разбежались по окружающим джунглям. Думаю, это понятно?

— Но как же они могли там оказаться?

— По-моему, эта загадка не такая уж и запутанная, — сказал профессор. — Этому может быть всего одно объяснение. Возможно, вы слышали, что Южная Америка является гранитным континентом. Когда-то, в далеком прошлом, в этом месте произошло внезапное гигантское вулканическое смещение пластов земной коры. Эти скалы, должен заметить, базальтовые, а следовательно, имеют магматическое происхождение. Обширная территория, размером с графство Суссекс, была поднята вверх вместе со всеми своими обитателями и отрезана от остального континента вертикальными обрывами из твердых скальных пород, не подверженных эрозии. Что же произошло в результате? Действие обычных законов природы здесь приостановилось. Различные факторы, влиявшие на борьбу за существование во всем остальном мире, здесь были нейтрализованы или видоизменены. Со-

хранились животные, которые в других условиях исчезли бы. Вы можете обратить внимание, что и птеродактиль, и стегозавр относятся к юрскому периоду, который закончился по меркам развития жизни на Земле очень и очень давно. А в этих случайно образовавшихся особых условиях животные оказались как бы искусственно законсервированы.

— Ваши доказательства, без сомнения, чрезвычайно убедительны. Вам стоит только предъявить их авторитетным специалистам.

— По простоте душевной я и сам сначала так думал, — горько произнес профессор. — Могу вам только сказать, что это совершенно не так: на каждом шагу меня встречало недоверие, порожденное частично глупостью, а частично завистью. Не в моих правилах, сэр, раболепствовать перед кем бы то ни было или искать способ что-то доказать, если мои слова подвергают сомнению. После первых попыток я больше не снисходил до того, чтобы демонстрировать кому-то убедительные доказательства, которыми я обладаю. Сам предмет стал мне ненавистен — мне не хотелось об этом говорить. Когда люди, представляющие интересы любопытствующей толпы, к которым относитесь и вы, приходили, чтобы вторгнуться

в мою частную жизнь, я просто не мог встречать их со сдержанным достоинством. Должен согласиться, что по своей натуре я несколько вспыльчив и любая провокация легко приводит меня в ярость. Боюсь, что у вас была возможность в этом убедиться.

Я пощупал свой глаз и промолчал.

— Моя жена также часто увещевала меня по этому поводу, и все же я убежден, что любой человек чести должен чувствовать то же, что и я. Однако сегодня вечером я собираюсь продемонстрировать небывалый образец превосходства силы воли над эмоциями. Я приглашаю вас посетить одно публичное мероприятие. — Он взял со стола приглашение и показал его мне. — Вы сможете побывать на лекции мистера Персиваля Уолдрона, довольно известного натуралиста, которая состоится сегодня в восемь тридцать вечера в зале Зоологического института и называется «Свидетельства из глубины веков». Я получил специальное приглашение подняться на сцену и произнести слова благодарности лектору. Я воспользуюсь случаем и с бесконечным тактом и деликатностью сделаю несколько замечаний, которые смогут заинтересовать слушателей и вызвать у них желание взглянуть на проблему

пристальнее. Никаких открытых дискуссий, как вы понимаете, просто указание на то, что существует и более глубокий подход. Я буду строго контролировать себя, и мы посмотрим, сумею ли я через такое самоограничение достичь более благоприятного результата.

— А я могу туда прийти? — с жаром спросил я.

— Ну, разумеется, — радушно ответил Челленджер. Его подчеркнутое дружелюбие в общении было не менее всепоглощающим, чем его неистовая вспыльчивость. Благожелательная улыбка была просто великолепна: щеки внезапно превращались в сочные яблоки, красневшие между его полуопущенными глазами и внушительной черной бородой. — Приходите во что бы то ни стало. Мне будет приятно сознавать, что в зале у меня есть по крайней мере один союзник, каким бы неумелым и несведущим в предмете разговора он ни был. Я полагаю, что зрителей будет много, поскольку Уолдрон, хоть он и абсолютнейший шарлатан, весьма популярен среди своих приверженцев. А теперь, мистер Мэлоун… Я уделил вам несколько больше времени, чем рассчитывал. Один индивидуум не должен монополизировать то, что принадлежит всему человечеству. Буду рад встретиться с вами сегодня вечером на

лекции. Надеюсь, вы понимаете, что никому не должны рассказывать о том, о чем мы с вами сегодня говорили.

— Но ведь мистер Мак-Ардл, мой редактор отдела новостей, захочет узнать, что мне удалось выяснить.

— Скажите ему что угодно. Можете, кстати, сказать, что, если он пришлет еще кого-нибудь, чтобы вторгнуться в мою приватную жизнь, я приду к нему лично, прихватив с собой хлыст для верховой езды. Но я целиком полагаюсь на вас: ничего не должно появиться в прессе. Прекрасно. Тогда до встречи в зале Зоологического института в восемь тридцать вечера. — Последнее, что мне запомнилось, когда Челленджер выпроваживал меня из своего кабинета, были его красные щеки, иссиня-черная волнистая борода и нетерпеливый взгляд.

Глава V
Это еще вопрос!

В связи с тем, что мой первый разговор с профессором Челленджером сопровождался физическими потрясениями, а второй — умственным шоком, к моменту, когда я снова оказался в Энмор-парке, я был деморализован как журналист. В моей больной голове пульсировала единственная мысль: рассказ этого человека правдив, это будет иметь огромные последствия и, когда я получу разрешение на публикацию такого сенсационного материала, приведет к невообразимому скачку тиражей «Газетт». В конце улицы меня ждало такси, поэтому я сразу же запрыгнул в него и поехал в редакцию. Мак-Ардл, как всегда, был на своем посту.

— Ну вот, — с готовностью воскликнул он, — к чему еще это могло привести?! Сдается мне, молодой человек, что вы попали в переделку. Только не говорите мне, что он на вас напал.

— Поначалу у нас были некоторые разногласия.

— Что за человек! И что же дальше?

— Ну, он немного успокоился, и нам удалось поговорить. Но я так ничего от него и не узнал — ничего, что можно было бы опубликовать.

— А вот насчет этого я так не думаю. Вы заработали синяк под глазом, и об этом уже нужно написать. Мы не можем попустительствовать применению силы, мистер Мэлоун. Мы обязаны поставить этого человека на место. Завтра я опубликую короткую редакционную заметку о Челленджере, которая повлечет за собой вызов в суд. Дайте мне только материал, и мы навсегда заклеймим этого субъекта позором. «Профессор Мюнхгаузен» — как вам такой заголовок на вкладыше? Сэр Джон Мандевиль[49] — Калиостро[50] — все проходимцы и хулиганы в истории! Этот жулик у меня еще поплатится!

— Я бы не делал этого, сэр.

— Почему?

---

[49] Примечания: 49

Джон или Жан де Мандевиль (ок. 1300–1372) — английский писатель, автор популярнейшей в средние века книги фантастических путешествий по Востоку; в некоторых источниках считается вымышленной фигурой. *(Примеч. пер.)*

[50] Примечания: 50

...Калиостро... — Алессандро Калиостро (1743–1795; настоящие имя и фамилия — Джузеппе Бальзамо) — итальянский авантюрист, иллюзионист, мистификатор, писатель. Выступал при дворах европейских монархов как целитель, алхимик, чародей, ясновидец и т. п. Умер в тюрьме. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

— Потому что он вовсе не жулик.

— Что?! — взревел Мак-Ардл. — Вы хотите сказать, что действительно поверили всей этой ерунде относительно мамонтов, мастодонтов и громадных морских змей?

— Ну, об этом мне ничего не известно. Не думаю, что профессор делает какие-либо заявления подобного рода. Зато я уверен, что он открыл нечто новое.

— Тогда, ради Бога, напишите об этом!

— Я и сам страстно желал бы сделать это, но все, что мне известно на данный момент, Челленджер сообщил мне конфиденциально и под мое честное слово ничего не публиковать. — Я в нескольких словах повторил рассказ профессора. — Вот как все это выглядит на самом деле.

Мак-Ардл был настроен крайне скептически.

— Ладно, Мэлоун, — произнес он наконец. — Насчет этого научного собрания сегодня вечером: уж его-то в любом случае никакая конфиденциальность не касается. Не думаю, что какая-нибудь из газет захочет написать об этом, потому что об Уолдроне и так уже писали десяток раз, а о том, что там будет выступать Челленджер, никому не известно. Если нам повезет, мы сможем узнать сенсационную новость. Вы ведь все равно там

будете. Вот и подготовите для нас подробный репортаж. Я буду до полуночи держать для него место.

День у меня был очень загруженный, и я отправился в клуб «Савидж» на ужин с Тарпом Генри, которому вкратце рассказал о своих приключениях. Он слушал меня со скептической улыбкой на вытянутом лице, а когда я сказал, что профессор убедил меня, громко расхохотался.

— Мой дорогой друг, в реальной жизни так не бывает. Люди не натыкаются на грандиозные открытия, чтобы потом потерять свои доказательства. Оставьте это для писателей. У этого типа столько разных выдумок, что обезьяны в зоопарке могут только позавидовать. Все это полнейшая чепуха.

— А как же американский поэт?

— Его никогда не существовало.

— Но я видел его записную книжку.

— Это записная книжка Челленджера.

— Вы думаете, он сам нарисовал этих животных?

— Конечно, он, кто же еще?

— Ладно, а как же фотографии?

— На фотографиях ничего такого не было. Вы сами сказали, что рассмотрели только птицу.

— Птеродактиля.

— Это *Челленджер* вам так сказал. Это *он* вбил вам в голову этого птеродактиля.

— Ну а кости?

— Первая была из ирландского рагу. Вторую он по случаю изготовил из подручных материалов. Челленджер не дурак и знает свое дело. Он сможет подделать любую косточку так же умело, как вы — фотографию.

Я начинал чувствовать себя неловко. Возможно, в конце концов, я действительно поторопился с выводами. Внезапно меня озарила удачная мысль.

— Пойдете со мной на собрание? — спросил я.

Тарп Генри задумался.

— Он непопулярен, этот ваш гениальный Челленджер. Многие хотели бы свести с ним счеты. Я бы даже сказал, что этого человека ненавидят в Лондоне больше всех. Если обо всем пронюхают студенты-медики, гвалт будет стоять невероятный. Не люблю я шумных сборищ.

— Вы могли бы, по крайней мере, выслушать, что он сам говорит по этому поводу.

— Да, пожалуй, это было бы справедливо. Хорошо. На сегодняшний вечер я ваш.

Когда мы подъехали к Зоологическому ин-

ституту, людей там оказалось намного больше, чем я предполагал. Из вереницы электрических автомобилей высаживались почтенные седобородые профессора, а сплошной темный поток желающих послушать лекцию явно указывал на то, что аудитория сегодня будет состоять не только из ученых, но и из обычной публики. И действительно: когда мы заняли свои места, стало понятно, что на галерке и в задних рядах зала витал бунтарский юношеский и даже ребячий дух. Оглянувшись назад, я заметил лица знакомого мне вида — это были студенты-медики. Очевидно, все крупные больницы прислали сюда своих представителей. В настоящий момент поведение публики было благожелательным, хотя и озорным. Распевавшиеся с энтузиазмом обрывки популярных песен были довольно странной прелюдией к научной лекции, а наметившаяся уже сейчас тенденция к публичному подшучиванию над отдельными лицами обещала для всех остальных веселый вечер, каким бы обидным это ни было для адресатов сомнительных почестей.

Когда на сцене появился доктор Мелдрам в знаменитом складном цилиндре с загнутыми краями, публика дружно стала интересоваться, откуда он взял эту гончарную трубу. Мелдрам

торопливо снял шляпу и украдкой спрятал ее под свой стул. Когда страдающий подагрой профессор Уодли уселся на свое место, по залу прокатилась волна вопросов относительно состояния пальцев на ногах, явно его беспокоивших. Наибольшее оживление, однако, вызвало появление на сцене моего нового знакомого, профессора Челленджера, который расположился в президиуме крайним в первом ряду. Когда из-за угла сначала появилась его выставленная вперед черная борода, в зале раздались такие бурные возгласы, что я начал подозревать, что Тарп Генри был прав в своих догадках и такое количество народу собралось здесь не ради самой лекции, а потому что прокатился слух об участии в этом заседании скандально известного профессора.

При появлении Челленджера со стороны хорошо одетых зрителей первого ряда послышался сочувствующий смешок, как если бы вопли студентов по этому поводу показались им недостаточно неодобрительными. На самом деле ропот такого приветствия был пугающим, как рычание в клетке с хищниками, которые заслышали приближающиеся шаги смотрителя, несущего им мясо. Вероятно, там сквозили и оскорбительные нотки, но тем не менее я воспринял это как

бурный всплеск, шумную реакцию на появление человека, который вызывал скорее интерес и удивление, чем нелюбовь и презрение.

Челленджер снисходительно улыбнулся усталой и смиренной улыбкой — так добрый человек реагирует на тявканье несмышленых щенков. Профессор медленно сел, расправил плечи, аккуратно пригладил рукой бороду и надменно взглянул из-под полуопущенных век на переполненный зал. Гул, связанный с его появлением, еще не затих, когда вперед вышли профессор Рональд Мюррей, председатель, и мистер Уолдрон, лектор, после чего и началось собственно заседание.

Надеюсь, профессор Мюррей простит меня, если я скажу, что ему был присущ недостаток всех англичан: он не умел говорить. Почему люди, которым есть что сказать, не могут приложить немного усилий и научиться изъясняться так, чтобы их можно было услышать, остается одной из самых больших загадок современности. Их методы настолько же абсурдны, как попытка налить в резервуар драгоценную жидкость из живительного источника с помощью закупоренной трубки, которую можно было бы легко открыть. Профессор Мюррей сделал несколько

проникновенных заявлений, обращаясь к своему белому галстуку и графину с водой на столе, и с юмором подмигнул серебряному подсвечнику справа от себя. Затем он сел, и под шелест общих аплодисментов поднялся известный публичный лектор мистер Уолдрон. Это был сухопарый человек строгого вида с резким голосом и агрессивной манерой говорить, но заслуга его заключалась в умении впитывать идеи других людей и подавать их так, чтобы они были понятны и даже интересны для неподготовленных слушателей; он умел с завидной сноровкой делать забавными самые непривлекательные темы, так что смещение точек равноденствия в связи с прецессией земной оси[51] или возникновение позвоночных животных в его изложении превращалось в крайне комичный процесс.

Понятным и местами даже живописным языком мистер Уолдрон развернул перед нами научное видение картины возникновения мира с высоты птичьего полета. Он говорил о Земле как о громадном скоплении пылающего газа,

[51] Примечания: 51

…прецессией земной оси… — Прецессия (от позднелат. praecessio — движение впереди) — медленное движение оси вращения Земли по круговому конусу. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

мерцающего во Вселенной. Затем лектор стал описывать затвердение этой массы, охлаждение, сжатие поверхности, образовавшее горы, пар, превратившийся в воду, медленную подготовку сцены, на которой предстояло разыграться непостижимой драме жизни. О самом источнике возникновения жизни он осмотрительно высказался весьма туманно. Ее зародыши, как заявил мистер Уолдрон, безусловно, не могли бы пережить такого нагрева. Значит, они появились позднее. Возникли ли они сами по себе из охлаждающихся неорганических элементов Земли? Весьма вероятно. А может быть, жизнь попала сюда на метеорите? В это очень трудно поверить. Вообще же наиболее разумным подходом к данному вопросу является наименее догматичный. Мы не можем, — или, по крайней мере, не смогли на сегодняшний день, — воспроизвести в лабораторных условиях органическую жизнь из неорганических материалов. Современная химия пока не в состоянии перекинуть мост через бездну, разделяющую живую и неживую материю. Но существует также более высокая и более утонченная химия Природы, которая, прилагая титанические усилия в течение долгих эпох, могла добиться результатов, недостижимых для

нас сегодня. На этом нужно пока остановиться.

Это подвело оратора к рассмотрению великой лестницы развития животного мира: он начал с молекул и мельчайших морских животных и, двигаясь все выше, мимо рептилий и рыб, наконец дошел до сумчатой крысы, существа, которое уже рожало своих детенышей живыми, то есть прямого предка всех млекопитающих[52] и, таким образом, всех присутствующих в этом зале. (Возгласы какого-то студента-скептика из последнего ряда: «Нет, нет!») Если молодой джентльмен в красном галстуке, который выкрикнул «Нет, нет!» и который предположительно был высижен из яйца, любезно подождет меня после лекции, я буду очень рад лично взглянуть на это чудо природы. (Смех в зале.) Было бы странно полагать, что кульминационной точкой многовековых процессов в Природе было создание этого джентльмена в красном галстуке. Но разве процессы эти остановились? Следует ли рассматривать данного джентльмена как окончательный вариант — вер-

---

[52] Примечания: 52

…наконец дошел до сумчатой крысы, существа, которое уже рожало своих детенышей живыми, то есть прямого предка всех млекопитающих… — На самом деле сумчатые появились в конце мезозойской эры и развивались параллельно с плацентарными, к которым и относятся современные млекопитающие. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

шину естественного развития? Оратор надеется, что не заденет чувств джентльмена в красном галстуке, если будет настаивать, что, какими бы достоинствами ни обладал этот джентльмен в своей жизни, все же необъятные процессы во Вселенной не были бы полностью оправданы, если бы завершились его созданием. Эволюция все еще не утратила своей силы, она продолжает действовать, и впереди у нее еще более великие достижения.

Таким образом, красиво разделавшись под общее хихиканье со своим оппонентом из зала, лектор вернулся к картинам далекого прошлого: к высыханию морей, к появлению песчаных отмелей, к вялым и тягучим проявлениям жизни у границ мелководья, к кишевшим живыми существами лагунам, к тенденции морских животных укрываться на части берега, обнажаемой при отливе, где их ожидало обилие пищи, и к их быстрому росту.

— Отсюда, леди и джентльмены, — добавил мистер Уолдрон, — и происходит весь этот род ужасных ископаемых ящеров, которые своим видом до сих пор пугают нас, когда мы встречаемся с их останками в сланцах вельда или золенгофе-

на[53]. К счастью, эти ящеры вымерли задолго до того, как на Земле появился человек.

— Это еще вопрос! — прогремел со сцены чей-то голос.

Мистер Уолдрон был сторонником строгой дисциплины, да еще и обладал язвительным чувством юмора, как показал эпизод с джентльменом в красном галстуке, отчего перебивать его было делом рискованным. Но это восклицание показалось лектору настолько абсурдным, что он просто не знал, как реагировать. Так выглядит специалист по творчеству Шекспира, столкнувшийся с убежденным приверженцем Бэкона[54], или астроном, подвергшийся нападкам фанатика, утверждающего, что Земля плоская. Мистер Уолдрон выдержал небольшую паузу, после чего, повысив голос, медленно повторил:

— …Которые вымерли задолго до появления человека.

---

[53] Примечания: 53

…в сланцах вельда или золенгофена… — Плотные тонкозернистые породы, образовавшиеся в морских лагунах. Богаты остатками различных динозавров. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[54] Примечания: 54

…приверженцем Бэкона… — Приверженец Бэкона — человек, считающий, что пьесы, приписываемые Шекспиру, на самом деле были написаны Френсисом Бэконом (1561–1626) — английским философом, автором трактата «Новый Органон» (1620), утопии «Новая Атлантида» (1623). *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

— Это еще вопрос! — снова пророкотал тот же голос.

Уолдрон с изумлением пробежал взглядом вдоль ряда профессоров на сцене, пока глаза его не остановились на фигуре Челленджера, который сидел, откинувшись на спинку своего стула, с закрытыми глазами и умиленным выражением лица, словно улыбался во сне.

— Все понятно, — сказал Уолдрон, пожимая плечами, — это мой друг, профессор Челленджер, — и под смех в зале продолжил свою лекцию, словно этим все сказано и добавить тут больше нечего.

Но возникший инцидент не был исчерпан. Какой бы путь ни выбирал лектор для описания далекого прошлого, он, казалось, неминуемо приходил к некоему утверждению относительно вымерших доисторических животных, что мгновенно вызывало бычий рев со стороны профессора Челленджера. В конце концов аудитория уже начала ожидать и с наслаждением подхватывала этот возглас, когда наступал такой момент. К реву присоединялись забитые до отказа последние ряды, и каждый раз, когда борода Челленджера приходила в движение, прежде чем он успевал произнести хотя бы звук, сотня голосов в зале уже вопила: «Это еще вопрос!», а

еще больше — кричали в ответ: «К порядку!» и «Позор!» Уолдрон был закаленным в боях лектором и сильным человеком, но и он занервничал в такой обстановке. Он начал сбиваться, запинаться, повторяться, путаться в длинных фразах и наконец в бешенстве обратился к тому, кто стал причиной всех этих беспорядков.

— Это действительно невыносимо! — воскликнул мистер Уолдрон, бросая свирепый взгляд через всю сцену. — Я вынужден просить вас, профессор Челленджер, прекратить ваши вульгарные и бестактные реплики.

В зале воцарилась тишина. Студенты замерли в предвкушении удовольствия от ссоры между обитателями научного Олимпа. Челленджер медленно поднял свое массивное тело со стула.

— А я, в свою очередь, мистер Уолдрон, — сказал он, — должен просить вас прекратить высказывать суждения, которые не находятся в строгом соответствии с научными фактами.

Эти слова подняли в зале настоящую бурю. Из общего рева изумления и возмущения вырывались крики: «Позор! Позор!», «Выслушайте его!», «Вывести его со сцены!», «Это несправедливо!» Председатель вскочил с места и, хлопая в ладоши, принялся что-то возбужденно блеять. Из потока

этого невнятного бормотания можно было разобрать только отдельные слова:

— Профессор Челленджер… личные… точки зрения… позже.

Возмутитель спокойствия улыбнулся, пригладил бороду и, поклонившись, снова опустился на стул. Раскрасневшийся и воинственно настроенный Уолдрон продолжил выступление. Время от времени, делая какое-либо утверждение, он бросал злобные взгляды на своего оппонента, который, похоже, безмятежно дремал все с той же счастливой улыбкой на лице.

Наконец лекция завершилась; я склонен думать, что это произошло раньше намеченного срока, поскольку заключительная часть речи докладчика была торопливой и бессвязной. Спор был грубо оборван, и аудитория волновалась в ожидании продолжения. Уолдрон сел, и после ободряющего жеста председателя профессор Челленджер поднялся и подошел к краю помоста. В интересах своей газеты я вел стенографическую запись его выступления.

— Леди и джентльмены, — начал он, не обращая внимания на шум в задних рядах. — Прошу прощения, — леди, джентльмены и дети. Я вынужден извиниться, поскольку только что

случайно упустил из виду значительную часть присутствующих (шум в зале, во время которого профессор стоял, подняв руку и сочувственно кивая громадной головой, словно Папа Римский, дарующий толпе свое благословение). — Меня попросили произнести слова благодарности мистеру Уолдрону за его красочный и впечатляющий рассказ, который мы только что выслушали. В нем имелось несколько моментов, с которыми я не согласен, и моим долгом было заявлять о них по мере их появления. Но, тем не менее, мистер Уолдрон хорошо справился со своей задачей, которая заключалась в том, чтобы дать простое и интересное описание истории нашей планеты — как он ее понимает. Слушать популярные лекции легче всего, но мистер Уолдрон, — здесь Челленджер широко улыбнулся и подмигнул лектору, — простит меня, если я скажу, что они в обязательном порядке являются поверхностными и вводящими в заблуждение, поскольку должны соответствовать уровню понимания невежественной аудитории. (Иронические возгласы.) Люди, читающие популярные лекции, по своей природе являются паразитами. (Раздраженный протестующий жест со стороны мистера Уолдрона.) Ради славы или денег они эксплуа-

тируют результаты работы, выполненной их нищими и безвестными собратьями. Малейший новый факт, полученный в лаборатории, один-единственный кирпичик, внесенный в основание храма науки, намного превосходит по своему значению любое изложение информации из вторых рук, которое может длиться битый час, но не в состоянии оставить после себя никакого полезного результата. Я привожу здесь это очевидное соображение не из желания унизить лично мистера Уолдрона, а чтобы вы не потеряли чувства меры и не перепутали псаломщика с первосвященником. (При этих словах мистер Уолдрон зашептал на ухо председателю, после чего тот привстал и что-то строго сказал стоявшему рядом с ним кувшину с водой.) Но довольно об этом! (Громкие и продолжительные возгласы одобрения.) Позвольте мне перейти к более интересному предмету. Что же именно из повествования нашего лектора я как истинный исследователь ставлю под сомнение? Речь идет об устойчивости жизни некоторых типов животных на Земле. Я говорю о данном предмете не как любитель и не как, — вынужден добавить, — докладчик научно-популярных лекций. Как ученый, чья совесть принуждает строго

придерживаться фактов, я заявляю, что мистер Уолдрон очень ошибается, когда говорит, что если он сам никогда не видел так называемых доисторических животных, то этих существ больше не существует. Они действительно являются, как он правильно заметил, нашими прародителями, но при этом представляют собой наших современных прародителей, если можно так выразиться, которых по-прежнему можно найти со всеми их ужасными и пугающими чертами, была бы только энергия и отвага, чтобы разыскать их прибежище. Существа, которые, как считается, относятся к юрскому периоду, чудовища, способные охотиться на самых крупных наших млекопитающих и с жадностью пожирать их, по-прежнему существуют. (Возгласы: «Чушь!», «Докажите!», «А *вы* откуда знаете?», «Это еще вопрос!») Вы спрашиваете, откуда я об этом знаю? Я знаю, потому что был в их тайном прибежище. Я знаю, потому что сам видел некоторых из них. (Аплодисменты, всеобщий гул и выкрик: «Лжец!») Здесь кто-то назвал меня лжецом, я не ослышался? Не будет ли человек, сказавший это, настолько любезен, чтобы встать? Я хотел бы посмотреть на него. (Голос из зала: «Вот он, сэр!», и в толпе студентов подняли маленького, безобидного на вид

человечка в очках, который отчаянно отбивался.) Так это вы решились назвать меня лжецом? («Нет, сэр, нет!» — завопил тот и тут же исчез.) Если кто-либо в этом зале посмеет усомниться в моей правдивости, я рад буду пригласить его на пару слов после лекции. («Лжец!») Кто это сказал? (Снова на ноги подняли того же безобидного человека, изо всех сил старавшегося сесть.) Я сейчас спущусь к вам… (Хор голосов: «Приди, моя любовь, приди!» на некоторое время прервал заседание; при этом председатель стоял на сцене и размахивал обеими руками, словно дирижер. Теперь профессор уже находился в состоянии яростного исступления — лицо его горело, ноздри раздувались, борода ощетинилась.) Любое великое открытие встречается таким же недоверием — непременная отличительная черта поколения глупцов. Когда перед вами раскрывают грандиозные факты, у вас не хватает ни интуиции, ни воображения, чтобы попытаться понять их. Все, на что вы способны, это поливать грязью людей, которые ради новых горизонтов науки готовы рисковать своей жизнью. Вы, подвергающие гонениям проповедников новых идей! Галилей, Дарвин и я… (Длительный одобрительный шум в зале и полная остановка заседания.)

Все это были выдержки из сделанных мною торопливых заметок, которые дают лишь слабое представление о невероятном хаосе, воцарившемся к тому времени. Стоял такой страшный гул, что несколько дам не выдержали и поспешно покинули зал. Важные и почтенные старики были столь же захвачены общим волнением, как и студенты, и я видел вскочивших со своих мест седобородых мужчин, которые яростно потрясали кулаками в сторону упрямого профессора. Толпа бурлила и кипела, как кастрюля на плите. Челленджер сделал шаг вперед и поднял обе руки вверх. Было что-то завораживающее в этом большом и мужественном человеке, и под действием его повелительного жеста и властного взгляда шум и крики начали постепенно стихать. Он явно хотел что-то сказать, и все замолчали, чтобы услышать его.

— Я не задерживаю вас, — сказал профессор. — Дело того не стоит. Истина не перестанет быть истиной, и выкрики горстки глупых юнцов и — боюсь, вынужден добавить, — не менее глупых пожилых людей никак не могут повлиять на это. Я утверждаю, что открыл новое направление в науке. Вы ставите это под сомнение. (Одобрительный гул.) Тогда я предлагаю вам удостовериться

в этом самим. Согласны ли вы выделить одного или нескольких представителей из своего числа, чтобы проверить мои утверждения?

Из публики поднялся мистер Саммерли, маститый профессор сравнительной анатомии, высокий, худой и резкий человек с морщинистым лицом богослова. Он сказал, что хотел бы узнать у профессора Челленджера, были ли результаты, о которых тот упоминал в своих репликах, получены им во время путешествия в верховья Амазонки, предпринятого два года назад.

Профессор Челленджер ответил, что именно так и есть.

Тогда мистер Саммерли желал бы выяснить, как могло случиться, что профессор Челленджер сделал, как он утверждает, свои открытия в тех краях, которые уже были ранее исследованы Уоллесом, Бейтсом и другими учеными с безупречной репутацией.

Профессор Челленджер ответил, что мистер Саммерли, видимо, перепутал Амазонку с Темзой; что та река несколько больше этой; что мистеру Саммерли, возможно, будет интересно узнать, что вместе с акваторией крупнейшего притока, реки Ориноко, эта территория простирается примерно на пятьдесят тысяч квадратных миль и что

на таком огромном пространстве один человек вполне может найти то, что пропустил другой.

Мистер Саммерли с едкой улыбкой заметил, что как раз он в полной мере улавливает разницу между Темзой и Амазонкой, состоящую в том, что любое утверждение в отношении первой может быть проверено, тогда как в отношении второй — нет. Он был бы весьма признателен, если бы профессор Челленджер указал широту и долготу страны, где должны находиться доисторические животные.

На это профессор Челленджер ответил, что по понятным причинам он до сих пор держал эту информацию при себе, но готов предоставить ее, с определенными мерами предосторожности, комитету, выбранному из зрителей в этом зале. Не желает ли мистер Саммерли сам войти в этот комитет и удостовериться в правдивости его рассказа?

Мистер Саммерли. Да, охотно. (Большое оживление в зале.)

Профессор Челленджер. В таком случае я гарантирую, что передам вам в руки такой материал, который позволит найти туда дорогу. Однако поскольку мистер Саммерли отправляется туда, чтобы проверить мое утверждение, будет спра-

ведливо, если с ним поедет один или двое моих людей, которые могли бы проверить его самого. Не скрою, в этом путешествии будет много трудностей и опасностей. Мистеру Саммерли потребуется более молодой напарник. Есть ли добровольцы в этом зале?

Вот так может наступить переломный момент в жизни человека. Предполагал ли я, входя в этот зал, что мне суждено взять на себя обязательство участвовать в самом немыслимом приключении, которое я когда-либо мог себе представить? Но Глэдис… Разве она говорила не о таком случае? Глэдис сказала бы, что я просто должен отправиться туда. Я вскочил на ноги. Я что-то говорил, хотя и не успел подобрать подходящих слов. Тарп Генри, мой компаньон, дергал меня за фалды пиджака, и я слышал, как он шептал:

— Сядьте, Мэлоун! Не делайте из себя посмешище.

В то же время я заметил, как в нескольких рядах впереди меня также поднялся высокий худой мужчина с рыжеватыми волосами. Он обернулся и бросил на меня тяжелый раздраженный взгляд, но я не отвел глаз.

— Я готов ехать, господин председатель, — снова и снова повторял я.

— Ваше имя! Ваше имя! — вопил зал.

— Меня зовут Эдвард Данн Мэлоун. Я репортер из «Дейли газетт». Обязуюсь быть абсолютно непредубежденным свидетелем.

— Я — лорд Джон Рокстон. Я уже бывал на Амазонке, эти края мне знакомы, и у меня есть специальная подготовка к такого рода исследованиям.

— Разумеется, репутация лорда Джона Рокстона как спортсмена и путешественника известна во всем мире, — заявил председатель. — В то же время было бы очень кстати иметь в этой экспедиции также и представителя прессы.

— Тогда я предлагаю, — сказал профессор Челленджер, — избрать обоих этих джентльменов представителями собрания, дабы они сопровождали мистера Саммерли в его путешествии с целью проверить правдивость моих утверждений и доложить о полученных результатах.

Так, среди общих криков и шума, решалась наша судьба; в итоге я оказался в потоке людей, который, кружась, уносил меня к выходу, тогда как мое ошеломленное сознание было полностью занято неожиданно возникшим передо мной грандиозным новым проектом.

Когда я уже выходил из зала, мимо меня по

тротуару врассыпную бросилась группа смеющихся студентов, старающихся увернуться от поднятой мощной руки с тяжелым зонтом. Рука опустилась в самую гущу толпы. Затем под стоны и возбужденные крики от тротуара отъехал электромобиль профессора Челленджера, и я пошел по Риджент-стрит в серебристом свете фонарей, думая о Глэдис и удивляясь ожидавшему меня будущему.

Внезапно кто-то коснулся моего локтя. Я обернулся и встретился глазами с ироничным и властным взглядом высокого худощавого мужчины, который будет участвовать вместе со мной в столь странном приключении.

— Мистер Мэлоун, насколько я понимаю, — сказал он. — Нам с вами предстоит быть компаньонами, верно? Я живу в Олбани[55], буквально в двух шагах отсюда. Не будете ли вы так любезны уделить мне полчаса, потому что есть пара вещей, которые мне совершенно необходимо вам сказать.

---

[55] Примечания: 55

…Олбани… — Квартал фешенебельных меблированных квартир для холостяков в центре Лондона на Пиккадилли. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

Глава VI
Меня называли бичом Господним[56]

Мы с лордом Джоном Рокстоном повернули на Виго-стрит и пошли вдоль потрепанных порталов известных аристократических гнезд. В конце длинного серого переулка мой новый знакомый распахнул дверь и включил электрический свет. Несколько ламп, светивших сквозь цветные абажуры, заливали большую комнату красноватым светом. Я стоял в дверях и оглядывался вокруг. Вся обстановка произвела на меня впечатление необычного комфорта и элегантности в сочетании с атмосферой мужественной силы. Во всем здесь чувствовалась смесь роскоши, характерной для жилища богатого человека со вкусом, и небрежного холостяцкого беспорядка. На полу были расстелены дорогие меха и пестрые циновки

---

[56] Примечания: 56

... бичом Господним. — Бич Господень (бич Божий) — библейское выражение, в современном языке ставшее фразеологизмом и употребляющееся в значении «наказание судьбы», «кара свыше». В Ветхом Завете в том или ином виде неоднократно встречается в Книге Иова (например, «Если этого поражает Он бичом вдруг, то пытке невинных посмеивается» (Иов 9:23)), Книге Пророка Исайи (например, «И поднимет Господь Саваоф бич на него» (Исайя 10:26)) и др. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

с какого-то восточного базара. Даже мой неискушенный глаз мог определить, что висевшие на стенах картины и гравюры были очень дорогими и редкими. Изображения боксеров, балерин и скаковых лошадей соседствовали здесь с полотнами чувственного Фрагонара[57], воинственного Жирарде[58], мечтательного Тернера[59]. Но среди всех этих красот время от времени попадались трофеи, заставлявшие меня вспомнить, что лорд Джон Рокстон был одним из самых выдающихся и разносторонних спортсменов и атлетов своего времени. Висевшие над камином крест-накрест весла — одно темно-синее, второе бордовое с розовым — свидетельствовали о том, что их хозяин входил в команду гребцов Оксфорда и был членом клуба «Леандр»[60], тогда как рапиры и

---

[57] Примечания: 57

…Фрагонара… — Оноре Жан Фрагонар (1732–1806) — французский живописец и гравер. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[58] Примечания: 58

…Жирарде… — Семья швейцарских художников конца XVIII — начала XIX века, живших и работавших во Франции. По всей видимости, Мэлоун говорит о Поле Жирарде (1821–1893). *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[59] Примечания: 59

…Тёрнера… — Уильям Джозеф Тёрнер (1775–1851) — английский живописец-романтик. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[60] Примечания: 60

Старейший гребной клуб, членами которого являются сильнейшие гребцы Оксфордского и Кембриджского университетов. *(Примеч. пер.)*

боксерские перчатки чуть ниже подтверждали, что он в совершенстве владел и этими видами спорта. На стенах по периметру комнаты были развешаны великолепные тяжелые головы охотничьих трофеев, лучшие экземпляры из всех частей света; украшением этой коллекции был редкий белый носорог из анклава[61] Ладос, с надменно отвисшей нижней губой.

Посреди дорогого красного ковра стоял черный столик с золотой отделкой в стиле Луи Пятнадцатого — очаровательная старинная вещь, кощунственно осквернённая следами от бокалов и рубцами подпалин от сигар. На нем был серебряный поднос с табачными изделиями и сияющий ряд бутылок. Из них, а также из сифона, находившегося рядом с бутылками, молчаливый хозяин наполнил два высоких бокала. Он указал мне на кресло, поставил мой напиток рядом с ним и протянул мне длинную и гладкую гаванскую сигару. Затем Джон Рокстон сел напротив и посмотрел на меня долгим безразличным взглядом. Его странные мерцающие глаза были холодного голубого цвета — цвета замерзшего озера.

---

[61] Примечания: 61

...анклава... — Анклав — часть территории государства, со всех сторон окруженная территориями других государств и не имеющая морского берега. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

Сквозь легкий дым моей сигары я рассматривал черты лица лорда Джона, знакомые мне по многочисленным фотографиям: нос с горбинкой, впалые щеки, темные рыжеватые волосы, поредевшие на макушке, жесткие мужественные усы, небольшая агрессивная бородка на выступающем вперед подбородке. В нем было что-то от Наполеона Третьего, что-то от Дон Кихота и еще что-то такое, что отличает настоящих английских джентльменов, которые проницательны, внимательны, любят собак и лошадей, а также развлечения на свежем воздухе. Кожа лорда Джона приобрела на солнце и ветру цвет обожженного глиняного горшка. Нависающие кустистые брови делали его холодные от природы глаза почти жестокими, причем это впечатление только усугублялось благодаря мощному, изборожденному складками лбу. Джон Рокстон был худощав, но очень крепко сбит; он не раз уже доказывал, что в Англии найдется очень мало людей, которые могли бы поспорить с ним в способности выносить длительные перегрузки. Ростом он был чуть выше шести футов, но казался ниже из-за особой покатости плеч. И теперь этот знаменитый лорд Джон Рокстон сидел напротив, крепко сжимая зубами сигару и рассматривая

меня в затянувшемся неловком молчании.

— Итак, — наконец произнес он, — мы хотели, и мы это сделали, мой юный друг. (Это обращение он произнес странно, как одно слово — мой-юный-друг.) Мы с вами совершили рискованный прыжок, вы и я. Полагаю, что сейчас, когда вы вошли в эту комнату, у вас уже нет такого ощущения, верно?

— Я об этом не думал.

— Я тоже об этом не думаю. И вот теперь мы с вами варимся в этом соусе по самые уши. Что ж, я только три недели назад вернулся из Уганды, заехал по пути в Шотландию, подписал договор о сдаче своего имения в аренду. Довольно мило развиваются события, верно? Как это вас угораздило?

— Ну, это вполне созвучно с моей основной работой. Я журналист из «Газетт».

— Разумеется… вы ведь говорили об этом, когда представлялись там, в зале. Кстати, у меня есть для вас одно небольшое задание, если вы согласитесь мне помочь.

— С удовольствием выслушаю вас.

— Вы ведь не боитесь рисковать, не так ли?

— В чем заключается этот риск?

— Бэллинджер — он и есть этот самый риск. Вы

что-нибудь слышали о нем?

— Нет.

— Ну что вы, юноша, где вы жили все это время? Сэр Джон Бэллинджер — этот джентльмен является лучшим спортсменом на севере страны. В молодые годы я мог обогнать его в скачках на ровной местности, но в преодолении препятствий он превосходит меня. В общем, ни для кого не секрет, что, когда Бэллинджер не тренируется, он сильно пьет — сам он называет это «проводить усреднение результатов». Во вторник он допился до галлюцинаций и с тех пор зол, как дьявол. Доктора говорят, что старина Джон будет в таком состоянии, пока не поест хотя бы чего-нибудь, но поскольку он лежит в кровати с револьвером на одеяле и клянется, что всыплет по первое число любому, кто к нему войдет, прислуга отказывается работать. Этот парень — крепкий орешек, да к тому же еще и очень меткий стрелок, но вы же не можете оставить победителя национального Кубка умирать таким ужасным образом, верно?

— И что же вы намерены предпринять? — спросил я.

— Ну, моя идея заключается в том, чтобы захватить его врасплох. Он может быть сонным и в худшем случае отразит нападение только

одного из нас, тогда как второй одолеет его. Если бы нам удалось связать ему руки, а затем вызвать по телефону доктора с желудочным зондом[62], мы бы устроили Бэллинджеру шикарный ужин, который запомнился бы ему надолго.

Это новое, внезапно свалившееся на меня дело было довольно безрассудной затеей. Я не считаю себя особо смелым человеком. У меня ирландское воображение, которое рисует неизвестное гораздо более страшным, чем оно есть на самом деле. С другой стороны, вследствие своего воспитания я очень боялся обвинения в трусости и был в ужасе от возможности такого позора. Могу даже сказать, что я готов был бы сломя голову броситься в пропасть, как гунны[63] в книгах по истории, если бы кто-то усомнился в том, что у меня хватит на

---

[62] Примечания: 62

...желудочным зондом... — Зонды — различной формы металлические и резиновые инструменты для исследования каналов и полостей тела, а также проведения некоторых лечебных процедур (например, промывания желудка). *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Красящих)*

[63] Примечания: 63

...гунны... — Гунны — кочевой народ, сформировавшийся во II–IV вв. в Приуралье из племен угров и сарматов и тюркоязычных хунну. Массовое передвижение гуннов на запад (с 70-х годов IV века) дало толчок так называемому Великому переселению народов. Подчинив германцев и другие народы, гунны возглавили мощный союз племен, предпринимавший опустошительные походы во многие страны. Наибольшего могущества достигли при Аттиле, после смерти которого в 453 году союз племен распался. *(Коммент. канд. филол. наук доцента*

А. П. Краснящих)

это мужества, и при этом руководствовался бы скорее чувством гордости и страхом, чем отвагой, которая служила бы здесь просто стимулом. И поэтому, хотя каждый мой нерв был натянут до предела от одной только мысли о человеке в комнате наверху, доведенном пьянством до безумия, я все же со всей беззаботностью, какую мне удалось вложить в свои слова, ответил, что готов пойти с лордом Джоном. Еще одно упоминание о возможной опасности только вызвало у меня раздражение.

— Разговорами тут делу не поможешь, — сказал я. — Пойдемте.

Мы оба поднялись со своих мест. Затем Джон Рокстон, тихо, доверительно посмеиваясь, пару раз похлопал меня по груди, после чего вновь усадил в кресло.

— Ну, хорошо, сынок, — вы выдержали испытание, — сказал он. Я удивленно посмотрел на него.

— Я сам заходил к Джеку Бэллинджеру сегодня утром. Он прострелил мне дырку в кимоно, — слава Богу, рука у него дрогнула, — но нам все же удалось надеть на него смирительную рубашку, и через неделю с ним все будет в порядке. Думаю, мой юный друг, это обстоятельство вас не

слишком расстроило, верно? Видите ли, — строго между нами, — я отношусь к этой южноамериканской затее крайне серьезно, и если в путешествии рядом со мной будет компаньон, я должен быть уверен, что могу на него положиться. Поэтому я решил испытать вас, и, должен сказать, вы с честью вышли из этой ситуации. Вы ведь понимаете, что там все будет зависеть только от нас с вами, поскольку со стариком Саммерли с самого начала придется нянчиться. Кстати, а вы не тот самый Мэлоун, который, как ожидается, поможет Ирландии взять в этом году Кубок по регби?

— Да, но, вероятно, буду в резерве.

— Ваше лицо показалось мне знакомым. Как же, я был на стадионе, когда вы реализовали ту попытку в игре против Ричмонда[64]. Этот ваш рывок с уклонами был лучшим, что я видел за весь сезон. Я, по возможности, стараюсь никогда не пропускать матчи по регби, поскольку это самая мужская игра, какая у нас осталась. Но я пригласил вас сюда не для того, чтобы просто побеседовать о спорте. Мы должны договориться о нашем деле. Здесь, на первой странице «Таймс»,

---

[64] Примечания: 64

...Ричмонда... — Ричмонд — во времена А. Конан Дойла городок недалеко от Лондона, ныне — район Большого Лондона. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

есть расписание всех морских рейсов. На следующей неделе в среду отправляется пароход до Пары[65], и я думаю, что мы могли бы сесть на него, если вы с профессором успеете собраться к этому сроку. Прекрасно, с этим я все улажу. А как насчет вашей экипировки?

— Об этом позаботится моя газета.

— Вы умеете стрелять?

— Как средний солдат территориальных войск[66].

— О Господи, неужели настолько плохо? Вы, молодежь, не считаете нужным учиться стрельбе. Вы напоминаете мне пчел без жала, не способных защитить свой улей. И когда однажды кто-то придет, чтобы позариться на ваш мед, выглядеть вы будете весьма глупо. Но в Южной Америке вам придется пользоваться своим ружьем, потому что, если только ваш друг-профессор не сумасшедший и не лжец, мы до нашего возвращения можем встретиться с весьма необычными существами. Какое у вас ружье?

---

[65] Примечания: 65

Город в Северной Бразилии. *(Примеч. пер.)*

[66] Примечания: 66

…территориальных войск… — Территориальные войска Великобритании созданы в 1908 году как первоочередной резерв регулярной армии. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

Он подошел к дубовому шкафу и распахнул дверцы. Перед моими глазами предстали сверкающие ряды параллельно стоящих стволов, напоминающих трубы в органе.

— Посмотрим, что я смогу выделить вам из своей батареи, — сказал лорд Джон.

Одну за другой он доставал великолепные винтовки, раскрывал их, звонко щелкал затворами, после чего ставил на место, нежно похлопывая на прощание, — так заботливая мать ласкает своих детей.

— Это штуцер-экспресс «Бленд»[67] калибра 577[68], — сказал Джон Рокстон. — Из него я уложил вон того большого парня. — Он кивнул наверх, на голову белого носорога. — Но еще каких-то десять ярдов, и тогда он добавил бы меня в *свою* коллекцию.

От пули конуса, мой друг,
В бою судьба твоя зависит…

---

[67] Примечания: 67

…штуцер-экспресс «Бленд»… — Марка скорострельной винтовки. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

[68] Примечания: 68

14,49 мм. *(Примеч. пер.)*

Надеюсь, что Гордона[69] вы знаете. Этот поэт воспевает коня и винтовку и при этом прекрасно управляется и с тем, и с другим. Вот еще одна весьма полезная вещица: калибр 470, телескопический прицел, выталкиватель гильзы двойного действия, дальность прицельного огня до трехсот пятидесяти ярдов. С этой винтовкой три года назад я воевал с рабовладельцами в Перу. Должен вам сказать, что в тех краях меня называли бичом Господним, хотя вы не найдете упоминания об этом ни в одном официальном документе. Бывают такие моменты, мой юный друг, когда любой из нас должен встать на защиту справедливости, иначе потом уже никогда не сможешь чувствовать себя честным человеком. Именно по этой причине я и устроил там небольшую войну. Я сам ее объявил, сам провел и сам завершил. Каждая из этих зарубок означает смерть одного убийцы рабов — довольно длинный получился ряд, верно? Вот эту, самую большую, я сделал, когда пристрелил в заводи реки Путумайо[70]

---

[69] Примечания: 69

…Гордона… — Адам Гордон (1833–1870) — английский поэт. Жил в Австралии. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

[70] Примечания: 70

…Путумайо… — Река в Колумбии. Впадает в Амазонку на территории Бразилии. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

их короля, Педро Лопеса. А вот это вам должно подойти. — Он вынул великолепную коричневую винтовку с серебряной отделкой. — Ложе хорошо отполировано, отличный прицел, пять патронов в обойме. Ей вы можете доверить свою жизнь. — Он вручил мне оружие и закрыл дверцы дубового шкафа.

— Кстати, — продолжил лорд Джон, возвращаясь в свое кресло, — что вы знаете об этом профессоре Челленджере?

— До сегодняшнего дня я его никогда не видел.

— Что ж, я тоже. Забавно, что мы оба отправляемся в плавание, имея на руках запечатанные инструкции от человека, с которым едва знакомы. С виду он — высокомерный стреляный воробей. Его собратья по науке, похоже, его недолюбливают. Каким образом получилось так, что вы заинтересовались этим делом?

Я рассказал Джону Рокстону о своих утренних похождениях, и он внимательно меня выслушал. Затем он вытащил большую карту Южной Америки и разложил ее на столе.

— Я убежден, что все, о чем говорил вам профессор, правда до последнего слова, — уверенно сказал он, — и, смею вас заверить, у меня есть основания это утверждать. Я люблю Южную Аме-

рику и считаю, что территория от Дарьенского залива в Карибском море до Огненной Земли — это самый красивый, богатый и величественный уголок на нашей планете. Люди еще недостаточно изучили ее и не понимают, что она может из себя представлять. Я прочесал эту землю от края до края и провел два сухих сезона в этих самых местах, воюя с работорговцами. В общем, когда я там был, мне приходилось сталкиваться с некоторыми слухами. Разумеется, в них отражены традиции индейцев и тому подобное, но все равно за этим, без сомнения, что-то есть. Чем ближе вы будете знакомиться с этой страной, мой юный друг, тем яснее осознаете, что там возможно буквально все — *абсолютно все*. Там существуют узенькие реки, по которым путешествуют люди, а все, что находится вне этих рек, покрыто мраком неизвестности. Например, вот здесь, в Мату-Гросу[71], — он указал сигарой участок на карте, — или вот в этом углу, где сходятся границы трех стран, лично меня ничего бы не удивило. Как уже сказал профессор Челленджер, там находятся пятьдесят тысяч миль водных дорог, пролегающих сквозь глухие леса размером

[71] Примечания: 71

…Мату-Гросу… — Плоскогорье на юго-западе Бразилии. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

примерно с Европу. Мы с вами можем находиться друг от друга так же далеко, как Шотландия от Константинополя, и при этом каждый из нас будет в бразильских джунглях. Человек в этом лабиринте пока что только прошел вот здесь да сунулся вон сюда. Это и неудивительно, поскольку уровень воды поднимается и падает на сорок футов, а половина территории покрыта непроходимыми болотами. Почему бы в этих краях не находиться чему-то новому и замечательному? Кроме того, — добавил Джон Рокстон, и его странное худое лицо осветилось предвкушением удовольствия, — там на каждом шагу присутствует риск. Я — как старый мяч для гольфа, с которого давно сбили всю белую краску. Жизнь может нанести свой удар, но это уже не оставит на мне никакого следа. Однако риск, юноша, — в этом вся соль бытия. Ради этого только и стоит жить. Мы все влачим слишком мягкое, унылое и комфортное существование. Дайте мне только неизведанные страны и обширные территории, ружье в руку и цель, которая стоит того, чтобы я ее добивался. Я воевал, участвовал в скачках с препятствиями, летал на аэроплане, но охота на неизвестных чудовищ, которые могут померещиться только во сне после слишком плотного

ужина, сулит мне совершенно новые ощущения. — В предчувствии такой перспективы он ликующе усмехнулся.

Возможно, я описываю своего нового знакомого слишком подробно, но он должен был стать моим напарником на много дней, и поэтому я попытался передать, каким я увидел лорда Джона с самого начала, с его самобытной индивидуальностью, с особенностями речи и образа мышления. И только необходимость отчитаться о результатах моего похода заставила меня проститься с ним. Я оставил Джона Рокстона сидящим в розовом великолепии его гостиной. Он смазывал замок своего любимого ружья и все еще улыбался мыслям о тех приключениях, которые нас ожидали. Для меня было совершенно очевидно, что во всей Англии не найдется человека с более холодной головой и более отважным сердцем, способного разделить со мной опасности, с которыми нам, возможно, суждено столкнуться.

Хотя я и был крайне утомлен чудесными событиями того дня, все же поздно ночью я сидел с нашим редактором отдела новостей, Мак-Ардлом, объясняя ему сложившуюся ситуацию; тот посчитал дело достаточно важным, чтобы утром представить его вниманию нашего шефа, сэра

Джона Бомона. Я согласился написать полный отчет о наших приключениях в виде писем Мак-Ардлу, которые будут публиковаться в «Газетт» либо по мере их поступления, либо все вместе уже позднее, в зависимости от пожеланий профессора Челленджера.

Нам до сих пор не было известно, какими условиями будут сопровождаться инструкции, которые приведут нас в неведомую страну. В ответ на наш запрос по телефону мы услышали только общие обвинения в адрес прессы, закончившиеся замечанием, что, если мы назовем судно, на котором отправляемся в путь, профессор Челленджер в момент отплытия вручит нам необходимые по его мнению инструкции.

Второй наш звонок вообще не был удостоен ответа, за исключением горестных оправданий миссис Челленджер: ее муж уже находится в крайне раздраженном состоянии, и она надеется, что мы не станем усугублять ситуацию еще больше.

Когда в тот же день, чуть позже, мы позвонили ему в третий раз, в трубке раздался страшный грохот, а с центральной телефонной станции нам сообщили, что аппарат профессора Челленджера поврежден. После этого мы оставили дальнейшие

попытки связаться с ним.

А теперь, мои терпеливые читатели, я не могу больше обращаться к вам непосредственно, так как с этого момента (если продолжение моего повествования вообще когда-либо дойдет до вас) наша с вами связь будет осуществляться исключительно через газету, которую я представляю. Рассказ о событиях, которые предшествовали одной из самых замечательных экспедиций всех времен, я оставляю своему редактору, так что, если я никогда больше не вернусь в Англию, останутся эти записи относительно того, как все происходило. Я пишу эти строки в салоне корабля «Франциск» пароходной компании «Бус лайн» и передам их Мак-Ардлу через лоцмана. Прежде чем я закрою свой блокнот, позвольте мне нарисовать еще одну картину.

Эта картина останется последним воспоминанием о моей старой родине, которое я увожу с собой. Мокрое, туманное утро, поздняя весна; мелкий холодный дождь. Вдоль причала идут три фигуры в блестящих плащах, направляясь к трапу огромного лайнера, на котором уже поднят флаг к отплытию. Впереди них носильщик толкает тележку, доверху нагруженную сундуками, пакетами и ружейными ящиками. Высокий

меланхоличный профессор Саммерли бредет, понурив голову и волоча ноги, как человек, которому очень жалко самого себя. Лорд Джон Рокстон шагает живо, и его худощавое энергичное лицо сияет в пространстве между шарфом на шее и охотничьей шляпой. Что же касается меня, то я рад, что суматоха сборов и острая боль прощания остались позади, и не сомневаюсь, что по мне это заметно. Внезапно, когда мы уже достигли корабля, позади нас раздается крик. Это профессор Челленджер, который обещал нас проводить. Он бежит к нам — запыхавшийся, раскрасневшийся и раздраженный.

— Нет, благодарю покорно, — говорит он. — Я предпочту не подниматься на борт. Я хочу сказать вам всего несколько слов, и это вполне можно сделать там, где мы сейчас стоим. Прошу вас не воображать, что я каким-либо образом признателен вам за то, что вы предпринимаете это путешествие. Я хотел бы, чтобы вы понимали, что все это мне совершенно безразлично и я отказываюсь нести хотя бы малейшую личную ответственность по этому поводу. Истина есть истина, и что бы вы ни сообщили в своем отчете, это на нее никак не повлияет, хотя и может возбудить эмоции и удовлетворить

любопытство целого ряда неудачников. Мои наставления с инструкциями для вас находятся в этом запечатанном конверте. Вы откроете его, когда достигнете города на Амазонке, который называется Манаус[72], но не ранее даты и времени, указанных с наружной стороны. Я, надеюсь, выразился вполне понятно? В вопросе строгого соблюдения моих условий я полностью полагаюсь на вашу честность. Нет, мистер Мэлоун, я не буду накладывать никаких ограничений на вашу корреспонденцию, — выяснение фактов и является целью вашего путешествия; но я требую, чтобы вы не сообщали никаких подробностей относительно точного места назначения вашего путешествия и чтобы ничего не было опубликовано до вашего возвращения. До свидания, сэр. Вам удалось смягчить мое негативное отношение к омерзительной профессии, которой вы, к несчастью, занимаетесь. До свидания, лорд Джон. Наука для вас, насколько я понимаю, — книга за семью печатями; но вы можете поздравить себя с охотой, которая вас ожидает. Не сомневаюсь, что у вас будет прекрасная возможность описать

[72] Примечания: 72

…Манаус… — Город на севере Бразилии, административный центр штата Амазонас. Порт на реке Амазонка, доступный для морских судов. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

в «Филд»[73], как вы сбивали взмывающих птеродактилей. Я также говорю до свидания и вам, профессор Саммерли. Если вы все еще способны на самосовершенствование, в чем я, честно говоря, сомневаюсь, вы вернетесь в Лондон более мудрым человеком.

С этими словами Челленджер повернулся на каблуках, и через минуту, уже с палубы, я увидел вдалеке его приземистую фигурку: он, раскачиваясь из стороны в сторону, спешил на поезд.

Что ж, сейчас мы уже вышли в Ла-Манш. Прозвенел последний звонок к сбору писем — сигнал о том, что наступило время прощаться с лоцманом. Теперь — в путь, и, как сказал поэт, «мы скоро скроемся за горизонтом, посереди кипучих волн». Благослови, Господи, то, что мы оставляем позади, и помоги нам в целости вернуться домой.

---

[73] Примечания: 73

Ежемесячный иллюстрированный журнал; печатает материалы о сельской жизни и сельском хозяйстве, садоводстве, охоте и рыболовстве. *(Примеч. пер.)*

Глава VII
Завтра мы отправляемся в неизведанное

Не стану утомлять тех, до кого может дойти мой рассказ, повествованием о нашем роскошном плавании на пароходе компании «Бус лайн», а также о неделе пребывания в Паре (пользуясь случаем, я хотел бы выразить искреннюю благодарность компании «Парейра-да-Пинта», которая помогла нам закупить необходимое снаряжение). Я очень коротко упомяну о нашем путешествии вверх по реке, по широкому, медленно текущему и мутному от глины потоку, на пароходе, который по размерам лишь немного уступал тому, который перевез нас через Атлантику.

В конце концов мы миновали узкое место в районе форта Обидус и добрались до города Манаус. Здесь мы были спасены от сомнительных прелестей местной гостиницы мистером Шортманом, представителем Британско-бразильской торговой компании. На его гостеприимной фазенде мы пробыли до тех пор, пока не настало время вскрыть письмо с инструкциями профессора Чел-

ленджера. Прежде чем перейти к удивительным событиям того дня, я бы хотел подробнее описать моих соратников по этому предприятию, а также сопровождавших нас людей, которых мы нашли уже в Южной Америке. Я говорю совершенно открыто и оставляю вам право использовать этот материал по своему усмотрению, мистер Мак-Ардл, поскольку именно через ваши руки должен пройти мой рассказ, перед тем как о нем узнает мир.

Заслуги профессора Саммерли перед наукой слишком хорошо известны, и мне незачем перечислять их здесь. Для суровых условий экспедиции он был подготовлен лучше, чем могло показаться с первого взгляда. Его высокое, тощее и жилистое тело не знает усталости, а смена окружающей обстановки никоим образом не влияет на сухую, пропитанную сарказмом и зачастую абсолютно неприятную манеру поведения. Хотя Саммерли уже шестьдесят шесть, я никогда не слышал, чтобы он выказывал какое-либо неудовольствие относительно трудностей, с которыми нам время от времени приходилось сталкиваться. Раньше я рассматривал его как обузу для нашей экспедиции, но сейчас убежден, что запас выносливости у профессора, собственно, не меньше,

чем у меня самого. Характер у него от природы язвительный и скептический. Саммерли с самого начала не скрывал, что считает профессора Челленджера мошенником, что все мы вовлечены в совершенно абсурдную и сумасбродную погоню за призраками и что, скорее всего, в Южной Америке нас ждут одни опасности и разочарования, а по возвращении в Англию — насмешки. Именно эти свои взгляды он и излагал нам постоянно на протяжении пути от Саутгемптона до Манауса, с чувством оживляя сказанное мимикой своего худого лица и энергично встряхивая козлиной бородкой.

После того как мы сошли с корабля на берег, профессора Саммерли несколько утешили красота и разнообразие мира птиц и насекомых вокруг нас, поскольку он предан науке всем сердцем. Он дни напролет бродит по лесу с дробовиком и сачком для бабочек, а вечерами упаковывает собранные им многочисленные образцы. Среди прочих его особенностей следует отметить также небрежность в одежде, неопрятность, рассеянность и привычку постоянно курить короткую терновую трубку, которую профессор редко вынимает изо рта. В юности он участвовал в нескольких научных экспедициях (в частности,

был с Робертсоном в Папуа), и жизнь в походном лагере и каноэ для него не в новинку.

Лорд Джон Рокстон чем-то напоминает профессора Саммерли, а в чем-то являет собой полную его противоположность. Рокстон на двадцать лет моложе профессора, но обладает таким же сухощавым, жилистым телосложением. Что касается его внешности, то, насколько я помню, она уже была описана в той части моего рассказа, которую я оставил в Лондоне. Рокстон по-своему чрезвычайно опрятен и чистоплотен, одевается всегда очень аккуратно в белые тиковые костюмы и высокие кожаные ботинки, защищающие от москитов, бреется, по крайней мере, раз в день. Как это часто бывает с человеком действия, речь его лаконична и он легко погружается в собственные мысли, но при этом всегда готов ответить на вопрос или присоединиться к беседе, разговаривая в странной отрывистой манере полушутливым тоном. Опыт путешественника, и в особенности то, что лорд Джон знает о Южной Америке, просто поражает, он искренне, всей душой верит в успех нашей экспедиции, и веру эту не омрачают даже постоянные насмешки профессора Саммерли. У Рокстона мягкий голос и спокойная манера говорить, но за его блестящи-

ми голубыми глазами скрываются непреклонная воля и готовая вспыхнуть в любой момент неистовая ярость, сдерживаемая и от этого еще более опасная. Он мало рассказывает о своих похождениях в Бразилии и Перу, но для меня было настоящим откровением, когда я заметил возбуждение среди речных жителей, вызванное его пребыванием. Индейцы смотрели на него как на своего сторонника и защитника. Среди них ходят легенды о подвигах Красного Вождя, как они называют лорда Джона, но, насколько мне известно, и реальные факты его биографии не менее поразительны.

А факты эти таковы: несколько лет тому назад судьба забросила лорда Джона в безлюдные края, где сходятся Бразилия, Перу и Колумбия, границы которых здесь обозначены весьма условно. На этом громадном пространстве произрастает дикое каучуковое дерево, ставшее, как и в Конго, настоящим проклятием для местных жителей, каторжный труд которых тут можно сравнить разве что с жалкой участью индейцев на испанских серебряных копях в Панаме. В стране правила горстка злодеев-метисов[74]; они воору-

[74] Примечания: 74

...метисов... — Метисы — потомство от браков европейской расы с индейцами. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

жили часть местного населения, согласившуюся поддерживать их, а остальных превратили в рабов, которых с помощью нечеловеческих пыток заставляли собирать каучук, отправляемый затем вниз по реке в Пару. Лорд Джон Рокстон попытался вступиться за несчастных, но в ответ на свои увещевания услышал лишь угрозы и оскорбления. Тогда он формально объявил войну Педро Лопесу, лидеру рабовладельцев, привлек на свою сторону группу беглых рабов, раздал им оружие и самостоятельно провел военную кампанию, окончившуюся тем, что он лично, своими руками убил главного негодяя и разрушил систему, которую тот создал.

Так что неудивительно, что этого рыжеволосого человека с шелковым голосом и свободными и непринужденными манерами теперь с таким интересом рассматривали на берегах великой южноамериканской реки, хотя чувства, которые он вызывал у людей, естественно, были разными, поскольку благодарность коренных жителей страны была ничуть не меньше, чем ненависть тех, кто стремился их эксплуатировать.

Еще одним полезным следствием опыта лорда Джона было то, что он мог бегло говорить на особом наречии, на треть состоящем из порту-

гальского и на две трети — из языка индейцев, на котором говорят по всей Бразилии.

Я уже упоминал, что лорд Джон Рокстон по-своему помешан на Южной Америке. Он не может говорить об этом великом континенте спокойно, и его энтузиазм весьма заразителен, поскольку, например, у меня, как у человека несведущего, его рассказы вызывают неизменный интерес. Мне очень жаль, что я не в состоянии передать все их очарование, особую смесь точного знания и бешеной фантазии, которые придают повествованию такое неповторимое обаяние, что с лица профессора Саммерли, когда он слушает, постепенно исчезает циничная и скептическая улыбка. Рокстон рассказал нам историю могучей реки, которую так быстро освоили (поскольку еще первые завоеватели Перу фактически пересекли весь континент по ее водам). Тем не менее, практически неизвестно, что лежит за ее вечно изменяющимися берегами.

— Что находится здесь?! — восклицал он, указывая на север. — Лес, болото и непроходимые джунгли. Кто знает, что может скрываться за всем этим? А там, к югу? Дикий заболоченный лес, куда никогда не ступала нога белого человека. Неизведанное окружает нас со всех сторон. Ни-

кто не знает тут ничего, кроме узеньких полосок текущих в лесу рек. Кто может с уверенностью сказать, что возможно и что невозможно в этой стране? Почему бы тогда нам не поверить старине Челленджеру? — При упоминании этого имени на лице профессора Саммерли вновь появлялась презрительная усмешка, и он начинал недоверчиво качать головой, сидя в клубах дыма со своей извечной трубкой из тернового корня.

На этом пока довольно о моих белых компаньонах, чьи достоинства и недостатки, равно как и мои собственные, будут раскрываться в дальнейшем по ходу повествования. Мы подошли к описанию нашей прислуги, которая может сыграть в будущем важную роль. Начну с громадного негра по имени Замбо, черного, как Геркулес[75], усердного, словно лошадь, и такого же сообразительного. Мы наняли его в Паре по рекомендации пароходной компании, на кораблях которой он научился говорить на ломаном английском.

В Паре мы нашли и Гомеса с Мануэлем — двух метисов с верховий реки, только что прибывших оттуда с грузом красного дерева. Это очень смуглые парни, бородатые и весьма проворные,

[75] Примечания: 75

Один из главных персонажей романа Жюля Верна «Пятнадцатилетний капитан». *(Примеч. пер.)*

энергичные и выносливые, словно пантеры. Оба они прожили в верховьях Амазонки всю жизнь. Эту реку нам предстояло исследовать, и именно поэтому лорд Джон взял их. У одного из метисов, Гомеса, было еще и то преимущество, что он прекрасно говорил по-английски. Эти люди согласны быть нашими личными слугами, готовить, грести и выполнять любую другую работу за пятнадцать долларов в месяц. Кроме них, мы взяли еще трех индейцев из племени можо из Боливии, которое считается самым искусным в рыбной ловле и плавании на лодках из всех речных племен. Старшего из них мы зовем Можо, по названию его племени, а двух других — Хосе и Фернандо. И сейчас наша маленькая экспедиция — трое белых, двое метисов, негр и трое индейцев — расположилась в Манаусе в ожидании инструкций, готовая приступить к достижению столь необычной цели.

Наконец спустя неделю настал назначенный день и час. Представьте себе полумрак гостиной на фазенде Сан-Игнасио, расположенной в двух милях от города Манаус. Солнце за окном желтое, с медным отливом, а тени от пальм такие же темные и отчетливые, как и сами деревья, которые их отбрасывают. Спокойный воздух наполнен

непрекращающимся жужжанием насекомых — настоящий тропический хор, воспроизводящий звуки сразу нескольких октав, от низкого гудения пчел до высокого и звонкого писка москитов. Сразу за верандой находится небольшой светлый сад, огороженный кактусами и украшенный зарослями цветущего кустарника, вокруг которого, переливаясь на солнце, порхают и мечутся большие синие бабочки и крошечные энергичные птички. Мы сидели вокруг стола, сплетенного из лозы, на котором лежал запечатанный конверт. На нем неровным почерком профессора Челленджера было написано:

«Инструкции для лорда Джона Рокстона и его команды. Вскрыть в Манаусе 15 июля ровно в 12 часов».

Лорд Джон положил на стол перед собой свои часы.

— Осталось семь минут — сказал он. — Наш приятель очень любит точность.

Профессор Саммерли кисло улыбнулся и взял костлявой рукой конверт.

— Какая разница, откроем мы его сейчас или через семь минут? — сказал он. — Это неотъемлемая часть все той же абсурдной шарлатанской системы, которой, к сожалению, славится писав-

ший это человек.

— Прекратите, мы должны играть по правилам, — возразил лорд Джон. — Это шоу старины Челленджера, и мы находимся здесь именно по его воле, так что будет дурным тоном, если мы не выполним его инструкций в отношении письма.

— Хорошенькое дело! — с горечью воскликнул профессор. — Эта затея показалась мне нелепой еще в Лондоне, но, должен сказать, что при ближайшем рассмотрении она представляется мне еще более бессмысленной. Я не знаю, что находится внутри этого конверта, но если там нет чего-то вполне определенного, я намереваюсь немедленно сесть на первый корабль, идущий вниз по реке, и успеть на «Боливию», которая сейчас стоит в Паре. В конце концов, у меня есть немало более ответственной работы, имеющей значение для всей мировой науки, чем разоблачение измышлений какого-то безумца. А теперь, Рокстон, время уже точно настало.

— Вы правы, — сказал лорд Джон. — Можно давать свисток. — Он взял конверт, разрезал его перочинным ножом и вынул оттуда сложенный лист бумаги. Лорд Джон аккуратно развернул его и расправил на столе. Бумага была абсолютно чистой. Он перевернул лист, но и на другой стороне

ничего не было. Мы переглянулись, и в комнате повисла неловкая пауза, которая была нарушена взрывом саркастического смеха профессора Саммерли.

— Ну вот, все и разрешилось! — воскликнул он. — А чего еще вы ждали? Челленджер сам сознался в своем жульничестве. Нам остается только вернуться домой и рассказать всем, что он — жалкий обманщик.

— Невидимые чернила? — предположил я.

— Не думаю, — сказал лорд Рокстон, разглядывая лист на свет. — Нет, мой юный друг, не стоит себя обманывать. Я могу поручиться, что на этой бумаге никогда ничего не было написано.

— Можно мне войти? — раздался с веранды чей-то звучный голос.

Свет в проеме двери заслонила тень коренастой фигуры. Этот голос! Эти чудовищно широкие плечи! С возгласами удивления мы вскочили на ноги. Перед нами появился Челленджер — в круглой мальчишеской соломенной шляпе с яркой лентой, с грациозно разведенными при ходьбе носками брезентовых туфель, с руками, спрятанными в карманах куртки. Он откинул голову назад и стоял в золотистых лучах, выставив вперед свою замечательную ассирийскую

бороду и надменно посматривая на собравшихся горящими из-под полуопущенных век глазами.

— Боюсь, — сказал он, вынимая из кармана часы, — что я на несколько минут опоздал. Должен признаться, что, вручая вам этот конверт, я не рассчитывал, что вы успеете его открыть, поскольку собирался появиться здесь до назначенного часа. Причину моей крайне неуместной задержки можно частично объяснить непрофессионализмом лоцмана и частично — коварной отмелью. Боюсь, что это дало моему коллеге профессору Саммерли повод для оскорблений в мой адрес.

— Должен заметить, сэр, — сказал лорд Джон с некоторой резкостью в голосе, — что ваше появление здесь существенно разрядило возникшее напряжение, потому что наша миссия уже показалась нам преждевременно завершенной. Я и сейчас, — хоть убейте, — не могу взять в толк, зачем вам нужно было обставлять все это в столь экстравагантной манере.

Вместо ответа профессор Челленджер вошел в комнату, пожал руку мне и лорду Джону, с чопорным высокомерием поклонился профессору Саммерли и уселся в глубокое плетеное кресло, которое под его весом покачнулось и заскри-

пело.

— Для вашего путешествия все готово? — спросил он.

— Мы можем отправляться в путь хоть завтра.

— Тогда вы так и сделаете. Теперь вам не понадобится перечень инструкций, потому что у вас будет неоценимое преимущество моего личного присутствия. С самого начала я хотел бы оговорить, что буду лично руководить вашим расследованием. Любые инструкции, — и скоро вы сами это признаете, — являются лишь жалкой тенью моего опыта и ума. Что же касается маленькой хитрости, которую я предпринял в отношении конверта, то понятно, что если бы я сразу рассказал вам о своих намерениях, мне пришлось бы защищаться от настойчивых уговоров отправиться в путешествие вместе с вами.

— Но только не с моей стороны, сэр! — с жаром воскликнул профессор Саммерли. — Тем более что через Атлантику был еще один пароходный рейс.

Челленджер сделал нетерпеливый жест в его сторону своей огромной волосатой рукой.

— Уверен, что здравый смысл поможет вам согласиться с моими возражениями и признать, что было бы лучше, если бы я сам руководил

собственным передвижением и появился перед вами именно в тот момент, когда мое присутствие было необходимо. Этот момент наступил сейчас. Вы находитесь в надежных руках. Теперь вы точно сможете попасть на место. Впредь я беру командование этой экспедицией на себя и должен попросить завершить ваши сборы сегодня вечером, чтобы мы могли отправиться в путь рано утром. Мое время стоит дорого, и то же самое, хотя и в меньшей степени, без сомнения, можно сказать и о вашем. Поэтому предлагаю, пока я не покажу вам то, ради чего вы сюда приехали, двигаться вперед как можно быстрее.

Лорд Джон Рокстон арендовал большой паровой баркас «Эсмеральда», на котором нам предстояло плыть вверх по реке. Что касается погодных условий, было несущественно, какое время мы выберем для нашей экспедиции, потому что и зимой и летом температура здесь держится в интервале от семидесяти пяти до девяноста градусов[76] и заметных ее скачков не ощущается. Однако с влажностью все обстоит иначе: с декабря по май наступает сезон дождей, в течение которого уровень воды в реке медленно

[76] Примечания: 76

По Фаренгейту, или примерно от 24 до 32 градусов по Цельсию. *(Примеч. пер.)*

поднимается, пока не достигнет высшей отметки, примерно на сорок футов выше своего самого низкого значения. Река затапливает берега, на месте чудовищных по площади территорий возникают громадные лагуны, образуя обширный район, который местные называют «Гапо» и который по большей части слишком болотистый, чтобы здесь можно было путешествовать пешком, и слишком мелкий, чтобы проехать на лодке. К июню Амазонка начинает отступать, и в октябре-ноябре вода достигает своего самого низкого уровня. Таким образом, наша экспедиция проходит в разгар «сухого» сезона, когда огромная река и ее притоки находятся в более или менее нормальном состоянии.

Течение у Амазонки спокойное, и уклон ее русла составляет не более восьми дюймов на милю. Это очень благоприятно для навигации, поскольку здесь господствуют юго-восточные ветра и парусные суда без труда доходят до границы с Перу, а затем их сплавляют вниз по течению. В нашем же случае благодаря мощным двигателям «Эсмеральды» можно не обращать внимания на вялое течение реки, и мы продвигаемся вперед столь же быстро, как если бы плыли по неподвижной глади озера.

Три дня мы двигались вверх по течению на северо-запад. Даже здесь, в тысяче миль от устья, река была настолько широкой, что с ее середины оба берега выглядели узкой темной лентой на горизонте. На четвертый день пути от Манауса мы свернули в один из притоков, который в своем устье был почти таким же широким, как основное русло. Однако он сужался довольно быстро, и еще через два дня мы достигли индейской деревни, где, по настоянию профессора, должны были высадиться и отправить «Эсмеральду» назад в Манаус. Челленджер объяснил, что вскоре нам предстоит двигаться через пороги, где дальнейшее использование большого судна будет невозможно. Он доверительно сообщил, что сейчас мы приближаемся к входу в неизведанную страну, и чем меньше людей будет об этом знать, тем лучше. С этой целью он взял с нас слово чести, что мы не станем публиковать или рассказывать ничего такого, что могло бы дать точные сведения о маршруте нашего путешествия, в чем также торжественно поклялись наши слуги. Именно по этой причине я вынужден вести свое повествование весьма туманно и должен предупредить наших читателей, что, хотя на всех картах и диаграммах, которые я буду

приводить, взаимное расположение мест выдержано правильно, направления частей света умышленно искажены и поэтому их никоим образом нельзя использовать для путешествия в эту страну. Можно соглашаться или нет с доводами профессора Челленджера о необходимости такой секретности, но у нас просто не было другого выбора, кроме как принять их, поскольку он скорее готов был вообще отменить экспедицию, чем изменить условия, на которых он нас поведет.

Второго августа мы оборвали последнюю связь с внешним миром, попрощавшись с «Эсмеральдой». С тех пор прошло четыре дня. Мы наняли у индейцев два больших каноэ. Они сделаны из очень легкого материала — из шкур, натянутых на бамбуковый каркас, и их можно на руках пронести через любые препятствия на реке.

Мы погрузили на каноэ все наше снаряжение и наняли еще двух индейцев, которые помогут нам в навигации. Насколько я понял, это были те же проводники, — по имени Ипету и Атака, — которые сопровождали профессора Челленджера в его предыдущем путешествии. Казалось, они были в ужасе от перспективы снова сопровождать его, но вождь в этих краях обладает патриархальной властью, и, если плата в такой сделке его

устраивает, у простого члена племени просто не остается выбора.

Итак, завтра мы отправляемся навстречу неведомому. Это письмо я передаю с каноэ, которое поплывет вниз по реке, и это может быть последней весточкой для тех, кого интересует наша судьба. В соответствии с договоренностью я адресую его вам, мой дорогой мистер Мак-Ардл, и предоставляю вам право по своему усмотрению сокращать, изменять письмо и вообще делать с ним все, что захотите. Благодаря уверенности, с которой ведет себя профессор Челленджер, и вопреки безмерному скептицизму профессора Саммерли у меня нет сомнений, что наш предводитель докажет правдивость своих утверждений и что мы находимся на пороге необыкновенных открытий.

Глава VIII
Передовые заставы другого мира

Наши друзья, оставшиеся дома, имеют возможность разделить с нами радость, потому что сейчас мы уже подошли к нашей цели, и, по крайней мере, до этого момента уверения профессора Челленджера подтверждались. Правда, мы еще не поднялись на плато, но оно прямо перед нами, и даже скептическое настроение профессора Саммерли несколько смягчилось. Не то чтобы он хоть на миг мог себе представить, что его конкурент прав, просто Саммерли уже не так настойчив в своих беспрестанных возражениях и бóльшую часть времени погружен в созерцательное молчание.

Однако я должен вернуться назад и продолжить свой рассказ с того места, на котором прервался. Мы отсылаем домой одного из местных индейцев, который получил травму, и я вверяю свое письмо ему, хотя меня и не покидают сомнения насчет того, что оно когда-либо попадет в руки адресата.

Последние мои записи были сделаны, когда мы, высадившись с «Эсмеральды», готовились поки-

нуть индейскую деревню. Я вынужден начать с плохих новостей, поскольку сегодня вечером произошел первый серьезный конфликт, который вполне мог иметь трагические последствия (непрекращающуюся перебранку между профессорами я во внимание не беру). Я говорю о нашем англоговорящем слуге-метисе, Гомесе, — хорошем и исполнительном работнике, но, полагаю, чрезмерно любопытным (что является достаточно распространенным пороком среди этих людей). В последний вечер он, видимо, спрятался рядом с хижиной, в которой мы обсуждали свои планы, и был обнаружен там огромным негром Замбо, преданным как собака и испытывающим ненависть ко всем метисам, как и вся его раса; он схватил Гомеса и приволок к нам. Гомес, однако, выхватил свой нож и, если бы не невероятная сила негра, позволившая ему обезоружить противника одной рукой, непременно зарезал бы Замбо. Дело кончилось тем, что мы отругали обоих. Противники вынуждены были пожать друг другу руки, и сейчас есть надежда, что в дальнейшем все будет хорошо.

Что же касается междоусобицы между двумя учеными мужами, она продолжается постоянно и носит ожесточенный характер. Следует

признать, что Челленджер ведет себя крайне провокационно, а у Саммерли очень острый язык, что только осложняет дело. Вчера Челленджер сказал, что ему никогда не нравилось гулять по набережной Темзы и смотреть вверх по реке, потому что видеть место своего последнего пристанища всегда очень печально. Он, без сомнения, убежден, что его удел — быть похороненным в Вестминстерском аббатстве[77]. Однако в ответ на это Саммерли с кислой улыбкой заметил, что здание тюрьмы Милбэнк уже разобрано. Но самомнение Челленджера слишком велико, чтобы он обижался по-настоящему. Он только посмеивается в бороду, повторяя «Верно! Верно!» снисходительным тоном, каким обычно разговаривают с детьми. Они и вправду как дети: один — сухой и вздорный, другой — огромный и властный, но при этом оба обладают незаурядными мозгами, которые ставят их в один ряд с самыми выдающимися учеными нашего времени. Только с жизненным опытом начинаешь понимать, насколько могут различаться ум, характер и душа

---

[77] Примечания: 77

...Вестминстерском аббатстве... — Вестминстерское аббатство — усыпальница английских королей, государственных деятелей и знаменитых людей Великобритании (в том числе И. Ньютона, Ч. Дарвина, Ч. Диккенса и др.). *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

человека.

Мы действительно отправились в эту удивительную экспедицию прямо на следующий день. Оказалось, что все оснащение прекрасно помещается в два каноэ. Наша команда разделилась по шесть человек на каждую лодку; в целях соблюдения предосторожностей и поддержания мира профессоров посадили отдельно. Лично я ехал с профессором Челленджером, который пребывал в блаженном состоянии духа, двигался в каком-то молчаливом экстазе и всем своим видом излучал доброжелательность. У меня, однако, уже есть некоторый опыт относительно смены его настроения, и поэтому я нисколько не удивлюсь, если ясная погода внезапно сменится грозой. В его компании невозможно расслабиться, но зато с ним определенно не скучно. Постоянно находишься в нервном ожидании: какой еще фокус выкинет этот человек с жутким характером.

Два дня мы плыли по довольно широкой — где-то до ста футов — реке, с темной, но настолько прозрачной водой, что часто можно было даже рассмотреть дно. Так выглядит половина притоков Амазонки, тогда как вторая половина имеет белесую и мутную воду; это обусловлено землями, по которым они протекают. Темный цвет

воды указывает на следы разложения растений, а белесый — на глинистые почвы на пути рек.

Дважды нам встречались пороги, и каждый раз, чтобы обойти их, приходилось полмили тащить наши лодки волоком. С обеих сторон нас окружали девственные джунгли, по которым гораздо легче пройти, чем по молодому лесу, и поэтому нам не составило большого труда пронести здесь свои каноэ. Смогу ли я когда-нибудь забыть мрачную таинственность этих мест? Я вырос в городе и даже не представлял, что деревья могут быть такими высокими и толстыми; их пышные кроны устремлены к небесам, где, на невероятной высоте над нашими головами, мы лишь смутно различали, как их боковые ветви раскидываются в готические своды, образуя из зеленой листвы плотную крышу, сквозь которую может пробиться только случайный золотой луч солнца — тонкая ниточка слепящего света среди величественного полумрака.

Когда мы бесшумно ступали по толстому мягкому ковру гниющих листьев, наши души окутывала благоговейная тишина, сродни той, что царит в церковных сумерках; даже свои обычно звучные замечания профессор Челленджер делал здесь шепотом. Я бы никогда не узнал

названий этих гигантских растений, но наши ученые показывали нам кедры, большие хлопковые деревья, красное дерево — все то изобилие, которое делает этот континент главным поставщиком даров растительного мира, в то время как продукты животного происхождения отсюда почти не поступают. На темных стволах деревьев горят яркие орхидеи и красивые разноцветные лишайники, а когда трепетный луч света падает на золотистые цветы аламанды[78], пурпурные жасконии или темно-синие ипомеи[79], кажется, что ты проснулся в волшебной стране.

На огромных пространствах этого леса жизнь, ненавидящая тьму, изо всех сил стремится вверх, к свету. Каждое растение, даже самое крошечное, корчась и извиваясь, тянется к зеленому пологу, оплетая в этом своем движении своих более сильных и высоких собратьев. Ползучие растения пышны и жестоки, но и другие, которые никогда раньше не умели ползти, поневоле учатся здесь этому искусству, чтобы выбраться из убийствен-

---

[78] Примечания: 78

...аламанды... — Аламанда — бразильское растение семейства apocynaceae. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[79] Примечания: 79

...ипомеи... — Ипомея — род вьющихся или стелющихся тропических трав и кустарников семейства вьюнковых. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

ной тени, так что тут можно увидеть, как простая крапива, жасмин или даже пальма джакитара обвивают стволы кедров в стремлении добраться до их вершин.

Продвигаясь под величественными сводами деревьев, мы не успевали рассмотреть животных, которые разбегались от нас, но постоянное движение у нас над головами указывало, что многообразный мир змей и обезьян, птиц и ленивцев, живущих наверху в лучах солнца, все время смотрит на нас и удивляется крошечным темным фигуркам, спотыкающимся неизмеримо далеко внизу. На рассвете и на закате раздаются вопли обезьян-ревунов, к которым присоединяются пронзительные крики длиннохвостых попугаев, но во время полуденного зноя слышно только жужжание насекомых, словно шум отдаленного прибоя.

Все недвижимо среди стволов громадных деревьев, окутывающих нас полумраком. Однажды в тени, пошатываясь, промелькнуло какое-то неуклюжее кривоногое животное, муравьед или медведь. И это было единственное животное, передвигавшееся по земле, которое я видел в великом амазонском лесу.

Но, тем не менее, в этих таинственных краях

нам попадались признаки присутствия человека. На третий день пути в воздухе раздался глубокий пульсирующий звук, ритмичный и зловещий, который судорожно сотрясал утреннюю тишину. Затем мимо нас проплыли две лодки, следовавшие на расстоянии нескольких ярдов друг от друга; наши индейцы замерли, словно превратившись в бронзовые изваяния, и сосредоточенно слушали с выражением ужаса на лицах.

— Что это? — спросил я.

— Барабаны, — беззаботно ответил лорд Джон, — барабаны войны. Мне уже приходилось такое слышать.

— Да, сэр, барабаны войны, — подтвердил метис Гомес. — Дикие индейцы, они опасные, не добрые; они все время следят за нами; они убьют нас, если смогут.

— Как они могут за нами следить? — удивленно спросил я, вглядываясь в темную недвижимую пустоту.

Метис только пожал широкими плечами.

— Индейцы умеют это делать. Они идут по своему пути. Они следят за нами. Барабанами говорят друг с другом. Убьют нас, если смогут.

Ко второй половине дня — согласно моему карманному дневнику это был вторник, 18 авгу-

ста, — в разных точках вокруг нас гремели уже шесть или семь барабанов. Иногда их стук был быстрым, иногда — медленным, порой в них слышались вопросы и ответы. Один из них, где-то далеко на востоке, звучал высоко и отрывисто, а после паузы ему вторил глубокий низкий звон с севера. Эти постоянные раскаты создавали неописуемо нервную и зловещую обстановку, они, казалось, выливались в одну, без конца повторяемую фразу нашего слуги-метиса: «Мы убьем вас, если сможем. Мы убьем вас, если сможем».

В тишине леса не было заметно никакого движения. Под темным покрывалом листвы царили мир и спокойствие, но зато издалека звучало грозное послание от наших собратьев-людей. «Мы убьем вас при первой же возможности», — говорил барабанный бой с востока. «Мы убьем вас, как только сможем», — отвечали ему с севера.

Весь день барабаны грохотали и перешептывались, и их угрозы отражались на лицах наших цветных сопровождающих. Даже смелый и бойкий метис выглядел подавленным. Однако в тот день я окончательно убедился, что и Саммерли, и Челленджер обладают отвагой в высшем ее проявлении — отвагой научного сознания. У них был тот же неукротимый дух, который поддер-

живал Дарвина в Аргентине среди гаучо[80] или Уоллеса в Малайзии среди охотников за головами. Сострадательной Природой предусмотрено, чтобы человеческий мозг не мог думать о двух вещах одновременно; поэтому, если он охвачен научным любопытством, там уже не остается места для соображений личного порядка. Весь день под угрожающий беспрестанный стук барабанов наши профессора рассматривали каждую пролетевшую птицу, каждый кустик на берегу, постоянно вступали в словесные перепалки, во время которых сердитые замечания Саммерли сменялись раздраженным рычанием Челленджера; но при этом они обращали внимание на грозившую нам опасность и зловещие индейские барабаны не больше, чем если бы сидели вместе где-нибудь в курительной комнате в клубе Королевского научного общества на Сент-Джеймс-стрит. Они лишь однажды снизошли до обсуждения наших преследователей.

— Каннибалы из племени миранью или амажу-

[80] Примечания: 80

…гаучо… — Этническая группа в Аргентине, возникшая в XVI–XVII веках от браков испанцев с индейскими женщинами. В настоящее время растворились среди аргентинского населения. Во времена путешествия Ч. Дарвина (1831–1836) отличались большой воинственностью, хотя по характеру своему, как свидетельствовал Ч. Дарвин, представляли народ вежливый, гостеприимный и услужливый. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

ака, — сказал Челленджер, показывая большим пальцем в сторону гулких звуков из леса.

— Несомненно, сэр, — ответил Саммерли. — Я полагаю, что у них, как и у всех подобных племен, полисинтетическая речь[81] и они принадлежат к монголоидной расе.

— Определенно, речь у них полисинтетическая, — снисходительно согласился Челленджер. — Мне неизвестно, чтобы на этом континенте вообще существовал иной тип языка, а у меня есть сведения более чем о сотне. А вот к монголоидной теории лично я отношусь весьма подозрительно.

— Я думал, что даже ограниченные познания в сравнительной анатомии могли бы помочь вам убедиться в этом, — едко заметил Саммерли.

Челленджер агрессивно задрал подбородок, так что лицо его полностью скрылось за бородой и полями шляпы.

— Безусловно, сэр, ограниченные познания дали бы именно такой эффект. А когда знания

---

[81] Примечания: 81

…полисинтетическая речь… — Полисинтетические языки — разновидность языков, в которых все грамматические значения передаются в составе слова не изменяющимся окончанием, а нанизыванием на слово дополнительных приставок, суффиксов и т. д. К таким языкам относятся, например, чукотско-камчатские, абхазско-адыгейские. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

являются исчерпывающими, человек приходит к совершенно другим заключениям. — И они с вызовом молча уставились друг на друга под неумолкающий отдаленный гул барабанов, продолжавших шептать: «Мы убьем вас — мы убьем вас, как только сможем».

В ту ночь мы поставили наши каноэ на середину реки, использовав в качестве якорей тяжелые камни, и подготовились отразить возможное нападение. Ничего, однако, не произошло, и на рассвете мы продолжили свой путь, оставляя затихающий бой барабанов у себя за спиной.

Примерно в три часа пополудни мы подошли к стремнине, которая протекала через обрывистое и очень узкое ущелье, протянувшееся на целую милю, — то самое, где лодка профессора Челленджера перевернулась во время его первого путешествия. Должен сознаться, что вид ущелья успокоил меня, потому что это было первым, хотя и довольно зыбким, подтверждением правдивости рассказа Челленджера. Индейцы перенесли сначала наши каноэ, а затем и всю поклажу через подлесок, который в этом месте был чрезвычайно густым, тогда как мы, четверо белых, сопровождали их с ружьями на плечах, готовые отразить любую опасность со стороны леса. До наступле-

ния вечера мы благополучно преодолели пороги и проделали еще десять миль вверх по течению, где и бросили якорь, остановившись на ночлег. Я подсчитал, что от русла Амазонки до этого места мы проплыли не менее ста миль.

Утром следующего дня произошли важные события. С самого рассвета профессор Челленджер проявлял признаки сильного беспокойства, непрерывно вглядываясь в берега реки. Внезапно он издал удовлетворенный возглас и показал на одинокое дерево, странно склонившееся над водой.

— Что вы об этом скажете? — спросил он.

— Это, безусловно, пальма ассаи, — ответил Саммерли.

— Вот именно. Это та самая пальма ассаи, которую я выбрал в качестве ориентира. Тайная расселина находится в полумиле отсюда по другому берегу реки. Никакой бреши в стене растительности не видно. В этом и заключается ее особенность и ее тайна. Там, где вы заметите светло-зеленый тростник вместо темно-зеленого подлеска, там, среди леса из старых хлопковых деревьев находятся мои личные ворота в неизведанное. Войдите в них, и вы все поймете сами.

Место и вправду было удивительное. Доплыв

до зарослей светло-зеленого тростника, мы направили наши каноэ прямо туда, отталкиваясь от дна шестами, и примерно через сто ярдов попали в безмятежную и мелкую речушку, катившую свои чистые, прозрачные воды по песчаному дну. Шириной река была где-то ярдов двадцать, с зарослями роскошной растительности по обоим берегам. Не зная, что на небольшом расстоянии тростник сменяется кустарником, невозможно было бы догадаться о существовании протока и вообразить сказочную страну, которая лежала позади него.

А это действительно была настоящая волшебная страна — самая удивительная из всех, какие может создать человеческое воображение. Ветви растений, встретившись у нас над головами, переплетались, образуя естественный свод, и в этом туннеле из листвы, в золотистом полумраке текла зеленая прозрачная река, красивая и сама по себе, но еще более прекрасная из-за необычных оттенков, которые придавал ей падающий сверху яркий солнечный свет, смягченный фильтром из листьев. Прозрачная, как кристалл, гладкая, как поверхность стекла, зеленая, как край айсберга, река простиралась перед нами под живым сводом, и каждый удар весел оставлял на ее глади

сияющую рябь.

Мы не заметили здесь никаких признаков присутствия индейцев, зато чаще стали попадаться различные животные; они совершенно нас не боялись, и было похоже, что они никогда не видели охотника. Маленькие пушистые обезьянки с черной бархатной шерстью, белоснежными зубами и блестящими насмешливыми глазками звонко стрекотали, когда мы проплывали мимо. С тяжелым глухим всплеском в воду соскользнул одинокий кайман[82]. Однажды мы увидели темного неповоротливого тапира, который следил за нами из кустов, а затем неуклюже скрылся в лесу; в другой раз в подлеске мелькнула гибкая желтая фигура пумы, бросившей на нас через рыжеватое плечо взгляд зловещих зеленых глаз, горевших ненавистью. Вокруг было множество разнообразных птиц, особенно болотных: аисты, цапли и ибисы стояли небольшими белыми, синими или пурпурными группками на каждом дереве, склонившимся над водой, а под нами в кристально чистой воде кипела жизнь рыб самых разнообразных форм и цветов.

---

[82] Примечания: 82

...кайман... — Пресмыкающееся семейства аллигаторов. Водятся в водоемах Центральной и Южной Америки. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

Три дня мы плыли в сумрачном зеленоватом свете этого туннеля. На ровных его участках, глядя вперед, трудно было определить, где заканчивается зеленая вода и начинается зелень растительного свода. Глубокое умиротворение этого странного водного пути не нарушалось ни малейшими признаками пребывания человека.

— Индейцев здесь нет. Очень боятся. Курупури, — сказал Гомес.

— Курупури — дух леса, — пояснил лорд Джон. — Это имя используется для обозначения дьявола во всех его проявлениях. Эти несчастные считают, что тут находится нечто пугающее, и поэтому избегают этих мест.

На третий день пути стало очевидно, что наше путешествие на каноэ не сможет продолжаться долго, поскольку река начала быстро мелеть. Дважды за время нашего долгого плавания мы садились на дно. В конце концов мы втащили наши лодки в прибрежный подлесок и заночевали на берегу.

Утром мы с лордом Джоном прошли пару миль по лесу параллельно реке, но так как она становилась все мельче и мельче, вернулись и сообщили то, что и предполагал профессор Челленджер, — мы достигли крайней точки, куда могли доплыть

наши каноэ. Поэтому мы спрятали лодки в кустах, сделав топором зарубку на соседнем дереве, чтобы найти их на обратном пути. Затем мы распределили между собой груз — ружья, боеприпасы, еду, палатку, одеяла и прочие вещи — и, взвалив поклажу на плечи, отправились навстречу самой тяжелой части нашего путешествия.

Начало нового этапа пути было отмечено неуместной ссорой между двумя нашими старыми перечницами. С того момента, как к нам присоединился Челленджер, он раздавал указания всей нашей команде, к явному неудовольствию Саммерли. Теперь же, когда Челленджер в очередной раз отдал распоряжение своему коллеге-профессору (велев ему нести барометр-анероид[83]), ситуация достигла критической точки.

— Могу я узнать, сэр, — сказал Саммерли, едва сдерживаясь, — кто вы, собственно, такой, чтобы тут командовать?

Челленджер рассвирепел и бросил на него испепеляющий взгляд.

---

[83] Примечания: 83

…барометр-анероид… — Анероид (от а — отрицательная приставка — и греч. nērós — вода) — барометр, в котором атмосферное давление измеряется по тому, как сжимается или расширяется специальная металлическая коробка без воздуха. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

— Я, профессор Саммерли, руководитель этой экспедиции.

— Вынужден сообщить вам, сэр, что не признаю за вами этого права.

— Неужто? — Челленджер с подчеркнутым сарказмом неуклюже поклонился. — Тогда, возможно, вы укажете мне мое место в команде?

— Да, сэр. Вы — человек, чьи утверждения подвергли сомнениям, и наш комитет находится здесь как раз для того, чтобы проверить их. Вы, сэр, сейчас идете с вашими судьями.

— Ну что же, — сказал Челленджер, усаживаясь на борт одного из каноэ. — В таком случае вы, разумеется, должны сами выбирать дорогу, а я не торопясь буду следовать за вами. Если я не главный, как же я могу вас вести?

Слава Богу, там находились два здравомыслящих человека — мы с лордом Джоном, — которые не позволили всем нам вернуться в Лондон с пустыми руками из-за вздорности и несдержанности наших просвещенных профессоров. Чтобы успокоить их, нам пришлось долго спорить, объяснять и упрашивать. В конце концов презрительно усмехающийся Саммерли с трубкой в зубах пошел впереди, а ворчащий Челленджер вперевалку последовал за ним. В то же время

фортуна улыбнулась нам, и мы с лордом Джоном выяснили, что оба наших ученых мужа были крайне невысокого мнения о докторе Иллингуорте из Эдинбурга. С того самого момента это стало нашим единственным спасением, и теперь стоило возникнуть какой-либо напряженной ситуации, как мы тут же невзначай упоминали имя этого шотландского зоолога, после чего оба профессора заключали временное перемирие на почве совместного презрения и неприятия по отношению к общему конкуренту.

Двигаясь цепочкой вдоль берега протоки, мы вскоре обнаружили, что она сужается до ручья, а затем и вовсе теряется в похожей на губку зеленой трясине огромных болот, в которую мы стали проваливаться по колено. Здесь кружили жуткие тучи комаров и других самых разнообразных летающих паразитов, поэтому мы несказанно обрадовались, когда смогли снова ступить на твердую землю и по суше среди деревьев обойти эту смертоносную трясину, над которой, напоминая звуки органа, громко гудели несметные полчища насекомых.

На второй день после того как мы оставили наши каноэ, характер местности изменился. Путь теперь постоянно шел вверх, и по мере нашего

подъема лес редел и терял свое тропическое изобилие. Громадные деревья, растущие в пойме Амазонки, сменились островками кокосовых пальм с густыми зарослями кустарника между ними. Над полянами раскидывали свои изящные листья маврикийские пальмы. Мы постоянно двигались строго по компасу, и несколько раз, когда мнения Челленджера и двух наших индейцев относительно направления расходились, мы, если процитировать слова негодующего профессора, «предпочли довериться обманчивому инстинкту необразованных дикарей, а не совершеннейшему продукту современной европейской культуры». То, что мы поступили правильно, выяснилось на третий день пути, когда профессор Челленджер признался, что узнает некоторые ориентиры, запомнившиеся ему по предыдущему путешествию, и в одном месте мы действительно натолкнулись на четыре закопченных огнем камня, указывавших, что когда-то здесь был разбит лагерь.

Дорога по-прежнему шла в гору, и нам пришлось преодолевать усеянный камнями склон, на что у нас ушло два дня. Растительность вокруг снова изменилась, и теперь нам встречались только слоновые пальмы с растущими на них в

изобилии прекрасными орхидеями, среди которых я уже научился различать редкую *Nuttonia Vexillaria*, а также великолепные розовые и алые соцветия орхидеи Катлеи и одонтоглоссума. Время от времени нам попадались неглубокие расщелины с текущими в них ручьями с галечным дном и укрытыми папоротником берегами; таким образом, каждый вечер у нас было прекрасное место для ночлега где-нибудь на каменистом берегу ручья, а стайки маленьких рыбок с синей спинкой, размером и формой напоминавшие нашу английскую форель, обеспечивали нам изысканный ужин.

На девятый день нашего пути, когда мы, по моим подсчетам, преодолели примерно сто двадцать миль, деревья стали попадаться все реже и реже, пока не сменились кустарником. Кустарник вскоре перешел в заросли бамбука, которые были настолько густыми, что пройти сквозь них можно было, только прорубая себе путь мачете[84] и томагавками наших индейцев. Это был очень тяжелый день: преодолевая препятствие, мы продвигались с семи утра до восьми вечера,

[84] Примечания: 84

…мачете… — В Латинской Америке длинный нож для уборки сахарного тростника и прорубания троп в густых зарослях. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

сделав всего два привала по одному часу. Трудно себе представить что-либо более монотонное и изматывающее, потому что даже на самых открытых участках я видел не более чем на десять-двенадцать ярдов, тогда как бóльшую часть времени обзор был ограничен спиной лорда Джона и желтой стеной зарослей на расстоянии фута по обе стороны от меня. Сверху пробивались узкие, как лезвия, лучи солнца, а в пятнадцати футах над нашими головами на фоне ярко-синего неба раскачивались верхушки бамбука.

Я не знаю, какие существа населяют эту чащу, но несколько раз мы слышали, как совсем недалеко от нас прокладывали себе путь какие-то большие и тяжелые животные. По издаваемым ими звукам лорд Джон сделал вывод, что это какие-то дикие парнокопытные. Только к вечеру мы наконец выбрались из бамбуковых зарослей и тут же разбили лагерь, изможденные бесконечным переходом.

На следующий день ранним утром мы были уже на ногах; оказалось, что характер местности снова изменился. Позади нас стояла стена бамбука, заканчивающаяся так резко, словно она отмечала собой границу течения реки. Впереди простиралась открытая равнина с отдельными

островками древовидных папоротников; она постепенно поднималась и заканчивалась длинным гребнем, напоминавшим спину кита. Его мы достигли к полудню и обнаружили за ним неглубокую долину, которая, также с плавным подъемом, вела к невысокой горе, закруглявшейся на фоне неба. Когда мы преодолели первую линию холмов, произошел случай, который может иметь большое значение. А может и не иметь.

Профессор Челленджер, который вместе с двумя местными индейцами находился в авангарде нашей группы, внезапно остановился и возбужденно стал показывать нам вправо. Посмотрев туда, мы увидели, как на расстоянии примерно мили от нас нечто, похожее на большую серую птицу, медленно взмахнуло широкими крыльями и, низко скользя над землей, полетело в противоположную сторону, пока не скрылось среди древовидных папоротников.

— Вы видели это?! — ликующе воскликнул Челленджер. — Саммерли, вы видели это?

Его коллега в этот момент пристально вглядывался в то место, где скрылось существо.

— Ну и что же, по-вашему, это было? — спросил он.

— Насколько я понимаю, это был птеродактиль.

Саммерли саркастически рассмеялся.

— Птеро-бред-актиль! — сказал он. — Я, например, видел там аиста.

Челленджер был настолько взбешен, что не мог говорить. Он просто снова забросил на спину вещевой мешок и продолжил путь. Однако в этот момент со мной поравнялся лорд Джон, причем лицо его было серьезнее, чем обычно. В руках он держал прекрасный немецкий бинокль.

— Прежде чем это существо скрылось за деревьями, я успел навести на него бинокль, — сказал он. — Не беру на себя смелость утверждать, что это было на самом деле, но клянусь своей репутацией спортсмена, что это не могла быть ни одна из тех птиц, которых мне довелось повидать в своей жизни.

Вот такая ситуация сложилась на сегодняшний день. Действительно ли мы подошли к границам неизведанной страны и теперь встречаем передовые посты затерянного мира, о котором говорит наш предводитель? Я описал вам этот случай, и теперь вы знаете столько же, сколько знаю я сам. Но это пока единственное событие, больше ничего примечательного мы не видели.

За это время, мои дорогие читатели, — если кто-то действительно читает мои заметки, — я провел вас по широкой реке, сквозь заслон из тростника, через зеленый туннель и заросли бамбука, по равнине, поросшей древовидными папоротниками. И наконец, когда мы преодолели второй гребень гор, нашему взору открылась цель нашего путешествия: неровная, усеянная пальмами долина и вереница высоких красных скал, которые я уже видел на рисунке.

Перед нами лежала совершенно ровная горная гряда, и я абсолютно уверен, что это именно она. Своей ближайшей точкой она отстоит от нашего нынешнего лагеря примерно на семь миль, а затем, изгибаясь, уходит за горизонт, насколько хватает глаз. Челленджер расхаживает с напыщенным видом, как распустивший хвост павлин, а Саммерли молчит, хотя по-прежнему настроен скептически. Завтра некоторым нашим сомнениям будет положен конец. А пока же, поскольку Хосе, руку которого проткнуло обломком бамбука, настаивает на своем возвращении, я посылаю это письмо вместе с ним и могу только надеяться, что оно попадает к вам. Я напишу снова, как только представится случай. К этому письму я прилагаю примерный маршрут нашего

путешествия, который может помочь вам лучше понять мой рассказ.

Глава IX
Кто мог такое предвидеть?

У нас случилось чудовищное происшествие. Кто мог такое предвидеть? Теперь нашим бедам не будет конца. Может быть, нам суждено до последнего часа оставаться в этом странном и недоступном краю. Я до сих пор настолько потрясен, что не в состоянии спокойно оценивать настоящее и наши шансы на будущее. Моему обескураженному сознанию первое представляется совершенно ужасным, а второе — покрытым мраком неизвестности.

Никто из людей не оказывался в столь же безвыходном положении; к тому же не имеет смысла описывать вам наше точное географическое местоположение и просить снарядить спасательную экспедицию. Даже если такая экспедиция будет организована, по всем человеческим меркам наша судьба решится задолго до того, как спасатели смогут достичь Южной Америки.

На самом деле здесь мы настолько же далеки от любой помощи, как если бы находились на Луне. Если же нам все-таки суждено выйти победите-

лями из создавшейся ситуации, спасти нас могут только наши личные качества. Моими компаньонами являются трое замечательных людей, людей выдающейся силы ума и несгибаемой воли. В этом и заключается наша единственная надежда. Только когда я смотрю на спокойные лица моих товарищей, для меня в кромешной мгле появляется проблеск света. Очень надеюсь, что внешне мне удается выглядеть таким же невозмутимым, как они. Но внутри меня переполняют мрачные предчувствия.

Позвольте мне теперь во всех подробностях описать последовательность событий, которые привели нас к этой катастрофе.

Оканчивая свое последнее письмо, я упоминал, что мы находимся в семи милях от высоченной гряды рыжеватых скал, которые окружали, без всякого сомнения, то самое плато[85], о котором говорил профессор Челленджер. Когда мы подошли поближе, мне показалось, что высота скал местами была даже больше, чем он утверждал, — некоторые участки поднимались не менее чем

[85] Примечания: 85

...плато... — Плато́ (франц. plateau, от plat — плоский) — равнина, лежащая сравнительно высоко над уровнем моря и отделенная от соседней местности крутыми склонами. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

на тысячу футов; к тому же скалы здесь имели какую-то странную слоистую структуру, которая, как я полагаю, характерна для смещенных базальтовых пластов. Нечто подобное наблюдается на скалах Селисбери-Крэгс в Эдинбурге. Вершина была покрыта буйной растительностью, с кустарником по краям и множеством высоких деревьев в отдалении. Но никаких признаков жизни мы там не заметили.

На ночь мы разбили лагерь в совершенно диком и пустынном месте непосредственно у подножия горы. Скала перед нами была даже не отвесной — ее вершина нависала у нас над головой, так что вопрос о подъеме на нее не стоял в принципе. Недалеко от нас находился высокий и узкий скалистый утес, о котором я, кажется, уже упоминал в своем повествовании. Он напоминает широкий красный церковный шпиль, маковка которого находится на уровне плато, но отделена от него громадной расщелиной. На вершине утеса растет одинокое большое дерево. И скалистая гряда, и утес относительно невысокие — думаю, между пятью и шестью сотнями футов.

— Вот здесь и сидел птеродактиль, — сказал профессор Челленджер, указывая на дерево. — Чтобы подстрелить его, я поднялся до середины

этого утеса. Я склонен полагать, что хороший скалолаз, — такой как я, например, — смог бы подняться и на вершину; впрочем, плато от этого, разумеется, ближе не станет.

Пока Челленджер рассуждал о своем птеродактиле, я взглянул на профессора Саммерли, и впервые за все время мне показалось, что я заметил на его лице проблески доверия и раскаяния. На губах Саммерли уже не было презрительной усмешки; напротив, в его глазах читалось возбуждение и удивление. Челленджер тоже увидел это и почувствовал вкус первой победы.

— Конечно, — сказал он со свойственным ему бестактным и тяжеловесным сарказмом, — профессор Саммерли поймет меня правильно: когда я говорил о птеродактиле, я имел в виду аиста; просто у этого аиста нет перьев, зато есть жесткая кожа, перепончатые крылья и зубы на челюстях. — Прищурив глаза, он с ухмылкой поклонился, а его коллега отвернулся и пошел прочь.

Утром, после скромного завтрака, состоявшего из кофе и маниоки[86], — наши запасы прихо-

[86] Примечания: 86

...маниоки... — Маниока — тропическое южноамериканское растение семейства молочайных, из клубней которого приготовляют крупу тапиоку. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

дится экономить, — мы провели военный совет, посвященный тому, как лучше подняться на высившееся над нами плато.

Председательствовавший, Челленджер, был важен, словно лорд — главный судья. Представьте себе эту картину: он сидит на камне, — его нелепая мальчишеская соломенная шляпа сдвинута на затылок, надменные глаза следят за нами из-под полуприкрытых век, огромная черная борода раскачивается из стороны в сторону, — и при этом медленно описывает наше нынешнее положение и последующие действия.

Ниже разместились мы: я — молодой, загорелый и настроенный решительно после долгого путешествия пешком, Саммерли — серьезный, но все еще недоверчивый, с вечной трубкой в зубах и лорд Джон — опасный, как лезвие бритвы; его гибкая настороженная фигура опирается о ружье, горящие глаза возбужденно смотрят на говорящего. Позади нас стоят двое смуглых мулатов и группка индейцев, а впереди и над нами высятся громадные рыжие ребра скал, отделяющие нас от нашей цели.

— Нет нужды говорить, — сказал Челленджер, — что во время прошлого визита сюда я испробовал все способы взобраться на эти скалы,

и не думаю, что там, где потерпел неудачу я, кто-либо другой сможет добиться успеха, поскольку я являюсь неплохим альпинистом. Тогда у меня не было никакого оснащения для скалолазания, но я предусмотрительно захватил его сейчас. Убежден, что с его помощью мне удастся добраться до вершины этого утеса; но можно даже не пытаться подняться на скалу с этой стороны. В прошлый раз я торопился, потому что приближался сезон дождей и заканчивались запасы пищи. Эти соображения ограничивали меня во времени, и я могу только утверждать, что обследовал скалу на протяжении шести миль к востоку отсюда и так и не обнаружил места, где можно было бы подняться. Итак, что же мы будем делать теперь?

— По-видимому, здесь имеется лишь одно разумное решение, — сказал профессор Саммерли. — Если вы обследовали восточную часть, нам следует пройти вдоль подножия скалы на запад и поискать место для восхождения там.

— Совершенно верно, — сказал лорд Джон. — Похоже, что размеры этого плато невелики, и мы будем продвигаться вдоль него, до тех пор, пока не найдем путь, по которому сможем легко подняться наверх, или пока не вернемся в точку, откуда начали.

— Я уже объяснял нашему юному другу, — сказал Челленджер (у него была неприятная манера упоминать обо мне так, будто я был десятилетним школьником), — что легкого пути наверх здесь не может быть в принципе, по той простой причине, что, если бы он существовал, вершина плато не была бы такой изолированной и не были бы созданы такие исключительные условия, столь необычно повлиявшие на общие законы выживания. Тем не менее, я вполне допускаю возможность существования таких мест, где специалист-скалолаз действительно сможет достичь вершины, в то время как неуклюжее и тяжелое животное не в состоянии спуститься вниз. Точка, где восхождение возможно, наверняка существует.

— Откуда вам об этом известно, сэр? — резко спросил Саммерли.

— Потому что мой предшественник, американец Мейпл Уайт, такой подъем осуществил. Как бы иначе мы могли увидеть чудовище, набросок которого он сделал в своей тетради?

— Здесь вы несколько забегаете вперед, — возразил упрямый Саммерли. — Существование вашего плато я признаю, потому что его я видел; но мне пока неизвестно, есть ли там какие-либо

формы жизни.

— То, что вы признаете или не признаете, на самом деле практически не имеет никакого значения. Я рад констатировать, что плато, в конце концов, само доказало вам свое существование. — Челленджер взглянул на коллегу, а затем, к всеобщему изумлению, соскочил с камня и, обхватив Саммерли за шею, задрал его голову вверх. — А что вы скажете теперь, сэр?! — воскликнул он осипшим от возбуждения голосом. — Удалось ли мне убедить вас, что на плато присутствуют представители фауны?

Я уже говорил, что над краем скал нависала густая зеленая бахрома растительности. В тот момент там появилось что-то черное и блестящее. Оно медленно переместилось вперед и свесилось над пропастью, и мы все увидели, что это была очень большая змея со странной плоской головой, напоминавшей лопату. С минуту змея раскачивалась и подрагивала над нами, и лучи утреннего солнца тускло отражались от ее скользкого извивающегося тела. Затем она медленно поднялась и скрылась в кустах.

Саммерли был настолько заинтересован, что даже не сопротивлялся, когда Челленджер задирал его голову вверх. Теперь же он вспомнил о

чувстве собственного достоинства и сбросил с себя руки своего вечного оппонента.

— Я был бы вам признателен, — раздраженно сказал профессор Саммерли, — если бы вы, когда вам в дальнейшем вздумается сделать какое-либо замечание, впредь не хватали меня за подбородок. Даже появление самого заурядного горного питона не может оправдывать подобные вольности.

— Но все равно — жизнь на плато есть, — ликующе продолжал его коллега. — А теперь, продемонстрировав справедливость этого важного заключения, с которым согласится любой, каким бы предубежденным или бестолковым он ни был, я выскажу свое мнение о том, что нам не остается ничего лучше, как сняться с места и идти в западном направлении, пока мы не обнаружим какой-нибудь способ подъема.

Поверхность у подножия скалы была каменистой и изобиловала расселинами, поэтому продвижение наше было тяжелым и медленным. Однако внезапно мы натолкнулись на нечто такое, от чего наши сердца возбужденно забились. Это было место чьей-то старой стоянки: несколько пустых банок из-под чикагских мясных консервов, бутылка с этикеткой «Бренди»,

сломанный консервный нож и еще кое-какой мусор, оставленный путешественником. Была там также смятая и порванная газета «Чикагский демократ», хотя дата на ней не сохранилась.

— Это не моя, — сказал Челленджер. — Должно быть, ее оставил здесь Мейпл Уайт.

Лорд Джон с любопытством разглядывал громадный древовидный папоротник, в тени которого находился этот лагерь.

— Послушайте, взгляните-ка вот сюда, — сказал он. — Думаю, это должно служить указателем.

К дереву гвоздем была прибита щепка, указывавшая на запад.

— Скорее всего, это действительно указатель, — сказал Челленджер. — Что же еще? Отправляясь в опасный путь, наш пионер оставил этот знак, чтобы любая следующая за ним экспедиция могла понять, куда он направился. Вероятно, по мере нашего продвижения мы встретим и другие следы его пребывания.

И мы действительно встретили их, но характер этих следов оказался ужасным и совершенно неожиданным. Прямо под скалой находились довольно обширные заросли высокого бамбука, похожие на те, через которые нам уже приходилось пробираться. Многие из стеблей были

высотой в двадцать футов, с острыми и крепкими верхушками, и представляли собой внушающие страх природные копья. Мы проходили вдоль края бамбуковых зарослей, когда я заметил, что там что-то белеет. Просунув голову среди стеблей, я увидел пустые глазницы человеческого черепа. Здесь же находился и весь скелет, но череп отделился и лежал на несколько футов дальше.

Ударами своих мачете индейцы расчистили это место, и мы получили возможность рассмотреть подробности давней трагедии. Из одежды можно было различить лишь несколько обрывков, но на костлявых ногах сохранились остатки ботинок, из чего стало совершенно очевидным, что погибший человек был европейцем. Среди костей также лежали золотые часы нью-йоркской фирмы «Хадсон» и «вечное перо» на цепочке. Еще там был серебряный портсигар с гравировкой на крышке «Дж. К. от А. Е. С.» Состояние металла свидетельствовало о том, что катастрофа произошла не так уж давно.

— Кто же это мог быть? — сказал лорд Джон. — Бедняга! Похоже, он переломал себе все косточки до последней.

— А потом бамбук пророс сквозь его сломанные ребра, — отозвался Саммерли. — Это, конечно,

очень быстрорастущее растение, но, тем не менее, непонятно, как могло получиться, что побеги, проросшие сквозь тело, достигают высоты двадцати футов.

— Что же касается личности этого человека, — сказал профессор Челленджер, — то здесь у меня сомнений нет. Поднимаясь вверх по реке, чтобы встретиться с вами на фазенде, я постоянно расспрашивал о Мейпле Уайте. В Паре о нем никто ничего не слыхал. К счастью, у меня был своеобразный ключ, поскольку я располагал зарисовкой из его записной книжки, где он был изображен за завтраком с неким священнослужителем из Росарио. Мне удалось разыскать этого священника, и, хотя этот парень очень любил поспорить и счел абсолютно неуместной мою попытку разрушить с помощью современной науки его убеждения, он, тем не менее, поделился со мной кое-какой полезной информацией. Мейпл Уайт был в Росарио четыре года назад, или за два года до того, как я видел его мертвое тело. В тот момент он был там не один, с ним был его друг, американец по имени Джеймс Колвер, который оставался в лодке и со священником не встречался. Поэтому я считаю, что сейчас перед нами, без сомнения, останки этого самого Джеймса Колвера.

— Как не вызывает сомнений и то, как именно он встретил свою смерть, — сказал лорд Джон. — Этот человек сорвался или был сброшен с вершины и упал на пронзившие его стебли. Как иначе можно объяснить, что все кости у него поломаны, а сам он насажен на бамбук, верхушки которого находятся так высоко у нас над головами?

Среди нас воцарилось тягостное молчание; мы стояли над раздробленными человеческими останками, понимая, что со словами лорда Джона Рокстона трудно не согласиться. Сквозь заросли прямо у нас над головами виднелась нависающая вершина скалы. Несомненно, американец упал именно оттуда. Но был ли это несчастный случай? Или же… Вокруг этой неизведанной страны начинали возникать зловещие, ужасные догадки.

Мы оправились от потрясения и продолжили свой путь вдоль линии скал. Они были такими же ровными и неприступными, как чудовищные стены ледяных полей в Антарктиде, которые на запомнившейся мне картинке простирались от горизонта до горизонта и поднимались намного выше верхушек мачт исследовательского судна.

Мы прошли пять миль и не увидели ни одной трещины или расселины. Но затем внезапно мы

заметили нечто такое, что вселило в нас новую надежду. В нише скалы, защищенной от дождя, мелом была нарисована стрелка, по-прежнему указывавшая на запад.

— Это тоже сделал Мейпл Уайт, — сказал профессор Челленджер. — Он, вероятно, предчувствовал, что за ним последуют достойные люди, и решил о них позаботиться.

— Выходит, у него был мел?

— В его дорожном мешке, среди прочих вещей, я нашел коробку с цветными мелками. Мне запомнилось, что кусочек белого мела был почти полностью стерт.

— Это действительно надежное доказательство, — сказал Саммерли. — Нам остается только принять его помощь и следовать по знакам на запад.

Мы прошли еще около пяти миль, когда вновь заметили на скале белую стрелку. Впервые мы увидели в стене узкую расселину. Внутри этой расселины находилась еще одна метка, направленная вверх, как будто указываемое ею место находилось где-то над землей.

Место было мрачное, поскольку стены были очень высокими, а полоска синего неба вверху, между двойной бахромой зелени на вершине —

такой узкой, что вниз проникали лишь тусклые лучи, и на дне расселины царил полумрак. Мы не ели уже много часов, переход по каменистой и неровной местности очень утомил нас, но наши нервы были слишком напряжены, чтобы мы могли остановиться. Приказав разбить лагерь и оставив для этого всех индейцев, мы вчетвером, взяв с собой двух метисов, отправились по узкому проходу.

Ширина входа составляла не более сорока футов, затем проход быстро сужался под острым углом и заканчивался стеной, слишком отвесной и слишком гладкой, чтобы по ней можно было подняться. Первопроходец определенно пытался указать нам не на это место. Мы вернулись назад, — вся расселина была длиной примерно в четверть мили, — а затем острый глаз лорда Джона внезапно высмотрел то, что мы искали. Высоко у нас над головами, в густой тени виднелось какое-то более темное пятно. Это, несомненно, мог быть только вход в пещеру.

Здесь у основания скалы была насыпана груда камней, и подняться по ней не составляло труда. Когда мы вскарабкались на них, последние сомнения рассеялись. Мы увидели не только отверстие в скале, но и еще одну стрелку сбоку

от него. Это было то самое место, по которому Мейпл Уайт и его несчастный друг совершили восхождение.

Мы были слишком возбуждены, чтобы возвращаться в лагерь. Нам хотелось обследовать это место немедленно. Лорд Джон вынул из вещевого мешка электрический фонарь и пошел впереди, освещая путь перед собой небольшим пятном желтого света, а мы цепочкой последовали за ним.

Стены пещеры, очевидно, отшлифованные водой, были гладкими, а внизу лежали камни с закругленными краями. Высота пещеры была такой, что в ней едва мог, согнувшись, пройти один человек. На протяжении пятидесяти ярдов ход вел прямо вглубь скалы, а затем начинал подниматься под углом примерно в сорок пять градусов. Постепенно подъем становился еще более крутым, и в конце концов нам пришлось карабкаться на четвереньках по выскальзывавшему из-под нас гравию. Внезапно мы услышали, как лорд Джон в сердцах воскликнул:

— Дальше хода нет!

Сгрудившись позади него, в желтом пятне света мы увидели стену из обломков базальта, поднимавшуюся до самого потолка.

— Обвал!

Мы вытащили из завала несколько камней, но напрасно. Это привело лишь к тому, что в движение пришли другие камни, грозившие скатиться по склону прямо на нас. Было очевидно, что преодолеть это препятствие нам не под силу. Пути, по которому взошел на вершину Мейпл Уайт, больше не существовало.

Мы были слишком повергнуты в уныние, чтобы разговаривать, и поэтому молча спустились назад по темному туннелю и вернулись в лагерь.

Однако прежде чем мы вышли из теснины, произошел один случай, который, с учетом последующих событий, имел огромное значение.

Мы стояли на дне расселины небольшой группкой примерно в сорока футах ниже входа в пещеру, когда мимо нас прокатился громадный валун, летевший на большой скорости. Нам едва удалось увернуться. Мы не видели, откуда прилетел этот камень, но наши слуги-метисы, находившиеся в тот момент у выхода из пещеры, сказали, что он пролетел и мимо них тоже и, следовательно, сорвался сверху. Подняв головы, мы не заметили никакого движения на вершине скалы среди стены зеленых джунглей. Однако вряд ли вызывал сомнение тот факт, что камень

был направлен в нас, поэтому происшествие явно указывало, что на плато присутствует человек, причем человек, настроенный враждебно.

Мы спешно покинули расселину; мысли наши были заняты последними событиями и тем, как они могут повлиять на наши планы. Ситуация и раньше была достаточно тяжелой, но если к природным преградам добавится предумышленное противодействие человека, положение наше станет практически безнадежным. И все же, когда мы смотрели на бахрому великолепной пышной растительности в каких-то нескольких сотнях футов у нас над головой, никому из нас ни на мгновение не приходила мысль о том, чтобы вернуться в Лондон, полностью не обследовав это место.

Обсудив создавшееся положение, мы пришли к выводу, что разумнее всего продолжить наш путь вокруг плато в надежде найти какой-то другой способ подняться наверх. Линия скал, которые начали существенно снижаться, стала постепенно сворачивать с запада на север, и если рассматривать это как поворот дуги, сам периметр плато не мог быть слишком большим. В худшем случае мы через несколько дней выйдем к месту, с которого начинали свой путь.

В тот день мы прошли в общей сложности примерно двадцать две мили, но все оставалось без изменений. Здесь я должен заметить, что, согласно показаниям нашего барометра-анероида, мы, постоянно идя в гору с тех пор, как оставили наши каноэ, поднялись на высоту не менее трех тысяч футов над уровнем моря. Этим объяснялись изменения температуры и характера растительности. Мы миновали ужасные полчища насекомых, которые являются настоящим проклятием для путешественника в тропиках. Здесь произрастало еще несколько видов пальм и множество древовидных папоротников, но все деревья Амазонской низменности остались позади. Было приятно встретить вьюнки, страстоцветы и бегонии, которые здесь, среди неприветливых скал, напоминали мне о доме. Тут я увидел один красный цветок бегонии — точно такой же, как тот, что растет в горшочке на подоконнике одного особняка в Стритхэме… Но это уже личные воспоминания.

В ту ночь — я по-прежнему говорю о первом дне нашего похода вокруг плато — нас ожидало еще одно событие, которое окончательно развеяло все наши сомнения, если таковые еще оставались, относительно того, что рядом с нами происходят

удивительные вещи.

Когда вы прочтете это, мой дорогой мистер Мак-Ардл, вы поймете — и, возможно, впервые, — что наша газета отправила меня не на поиски чего-то несуществующего и что мир увидит невероятный и сенсационный материал, как только мы получим на это позволение профессора Челленджера. Я не возьму на себя смелость публиковать эти заметки до тех пор, пока не привезу в Англию доказательства, или, в противном случае, меня сочтут самым великим выдумщиком среди журналистов всех времен. Я не сомневаюсь, что вы сейчас думаете то же самое и не станете рисковать доверием к «Газетт» из-за репортажа об этом путешествии, пока мы не будем готовы ответить на критику и скептицизм, которые обязательно вызовет публикация моих статей. Поэтому описание этого удивительного случая, для которого можно было бы подобрать прекрасный заголовок в нашей газете, еще должен подождать своей очереди в ящике редакторского стола.

Все произошло очень стремительно и не имело никакого продолжения, оставив след разве что в наших убеждениях.

А случилось следующее. Лорд Джон подстрелил агути — небольшое, похожее на поросенка

животное; половину туши мы отдали индейцам, а вторую готовили сами на костре. После захода солнца воздух стал прохладным, и мы все подсели поближе к огню. Хотя в небе горели звезды, ночь была безлунная и видимость на равнине была ограничена. Внезапно из ночной темноты прямо на нас стремительно спикировало нечто, похожее на аэроплан. Мгновенно всех нас накрыла тень громадных кожаных крыльев, и на какой-то миг я увидел длинную змеиную шею, красный глаз, горевший жестокостью, и большой щелкающий клюв, полный, к моему изумлению, белых блестящих зубов. Это существо тут же исчезло — вместе с нашим ужином. Большая, не менее двадцати футов в поперечнике, темная тень вновь взмыла вверх; на мгновение чудище своими крыльями заслонило звезды, а затем скрылось за гребнем нависавшей над нами скалы. Пораженные, мы молча застыли у костра,

как герои Вергилия, повстречавшие гарпий[87]. Первым заговорил Саммерли.

— Профессор Челленджер, — сказал он торжественным голосом, дрожавшим от переполнявших его эмоций, — я вынужден принести вам свои извинения. Сэр, я ошибался и прошу вас забыть прошлое.

Это было сказано очень красиво и с большим чувством, и профессора впервые пожали друг другу руки. Встреча с птеродактилем очень много дала всем нам. Примирение этих двух людей, безусловно, стоило украденного ужина.

Но если на плато существовала доисторическая жизнь, то она вряд ли была сверхплотной, потому что в последующие три дня мы с ее проявлениями не сталкивались. За это время мы пересекли бесплодную и неприветливую местность, переходившую с северной и восточной стороны плато из каменистой пустыни в безрадостные болота

---

[87] Примечания: 87

…как герои Вергилия, повстречавшие гарпий. — Гарпии — в греческой мифологии богини вихря, ужасающего вида полуженщины-полуптицы. В третьей книге эпической поэмы «Энеида» римского поэта Марона Публия Вергилия (70–19 гг. до н. э.) рассказывается, как на Энея и его спутников во время пира налетели гарпии и унесли со столов еду: // Начали мы пировать, у залива ложа устроив, — // К ужасу нашему, тут внезапно с гор налетают // Гарпии, воздух вокруг наполняя хлопаньем крыльев. // С гнусным воплем напав, расхищают чудовища яства, // Страшно смердя, оскверняют столы касаньем нечистым. // *(Перевод С. Ошерова.)* // *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

— место обитания многочисленных птиц. Здесь скала была действительно неприступна, и, если бы не твердый выступ, пролегавший у самого основания отвесной стены, нам пришлось бы повернуть назад. Много раз мы по грудь проваливались в илистую топь старого полутропического болота. Ситуация усугублялась еще и тем, что здесь, похоже, находилось излюбленное место размножения змей яракаки — самых ядовитых и агрессивных в Южной Америке. Снова и снова эти ужасные существа, извиваясь, скользили по поверхности зловонной трясины в нашу сторону, и нам приходилось постоянно держать наготове дробовики, чтобы чувствовать себя в безопасности. Одну из воронкообразных низин в болоте, с водой серо-зеленого цвета из-за гниющего в ней какого-то лишайника я навсегда запомню как кошмарный сон. Оказалось, что здесь находится гнездо этих тварей; все склоны просто кишели змеями, которые ползли в нашу сторону, потому что особенность яракаки как раз и заключается в том, что, едва увидев человека, они тут же его атакуют. Их было слишком много, стрелять не имело смысла, поэтому мы просто бросились наутек и бежали, пока не выбились из сил. Я никогда не забуду, как, оглянувшись назад, мы увидели, на-

сколько хватало глаз, поднимавшиеся из травы и опускавшиеся головы наших преследователей. На карте, которую мы составляем, это место мы назвали болотом Яракаки.

Скалы на дальнем краю плато были уже не красного, а шоколадного цвета; растительность на вершине стала более редкой, высота скалы снизилась до трех-четырех сотен футов, но нам так и не удалось найти место, где можно было бы подняться наверх. Даже наоборот: здесь скалы выглядели еще более неприступными, чем в той точке, где мы впервые вышли к ним. Их отвесная крутизна запечатлена на фотографии, которую я сделал, когда мы шли по каменистой пустыне.

— Дождевая вода, разумеется, должна каким-то образом стекать вниз, — сказал я, когда мы обсуждали создавшуюся ситуацию. — В скале просто обязаны находиться вымытые ею каналы.

— Нашему юному другу не откажешь в сообразительности, — заметил профессор Челленджер, похлопывая меня по плечу.

— Но дождь действительно должен где-то стекать, — упрямо повторил я.

— И он продолжает жестко придерживаться своей логики. Единственным недостатком ее является то, что мы наглядно убедились в отсут-

ствии этих каналов.

— Но куда же тогда девается вода? — настаивал я.

— Думаю, логично будет предположить, что если вода не вытекает наружу, значит, она стекает внутрь.

— Тогда в центре плато должно быть озеро.

— Я предположил бы то же самое.

— Весьма вероятно, что такое озеро может находиться на месте старого кратера, — сказал Саммерли. — Само это формирование, безусловно, является сугубо вулканическим. Но как бы там ни было, я полагаю, что поверхность плато могла бы иметь уклон к центру со значительным по размеру водоемом в середине со стоком по некоторому подземному каналу в топи болота Ярараки.

— Либо же баланс может поддерживаться испарением, — заметил Челленджер, и двое ученых мужей снова углубились в один из своих обычных научных споров, которые для обычного человека звучали, словно китайская грамота.

На шестой день пути мы завершили обход вокруг скал и вернулись в свой первый лагерь возле отдельно стоящего каменного утеса. Отряд наш пребывал в полном унынии, поскольку

благодаря тщательнейшему обследованию стало абсолютно ясно, что здесь нет ни одного места, где даже самый ловкий человек мог бы надеяться подняться на вершину скалы. Путь, по которому прошел наверх Мейпл Уайт и который отмечен его стрелками, сейчас был совершенно непроходимым.

Что нам оставалось делать? Провизии было еще достаточно, к тому же мы пополняли наши запасы с помощью ружей. Но все равно рано или поздно настанет день, когда еда закончится. Кроме того, через пару месяцев следовало ожидать сезон дождей, и тогда наш лагерь просто смоет. Скала была тверже мрамора, поэтому на то, чтобы прорубить в ней тропу наверх, у нас не хватило бы ни времени, ни сил. Неудивительно, что в тот вечер мы мрачно смотрели друг на друга и, располагаясь на ночлег, едва перекинулись парой слов. Помню, что последним моим воспоминанием, перед тем как я провалился в сон, был присевший у костра Челленджер, похожий на громадную лягушку. Он обхватил свою большую голову руками и так глубоко задумался, что не обратил внимания на мое пожелание спокойной ночи.

Но утром нас приветствовал уже совсем другой Челленджер — Челленджер, довольный собой,

излучающий самоуверенность. Он появился, когда мы готовились к завтраку, с ложной скромностью в глазах, которые словно говорили: «Я знаю, что безусловно заслужил все то, что вы собираетесь мне сказать, но прошу вас поберечь все ваши лестные слова и не вгонять меня в краску». Его борода ликующе щетинилась, грудь была гордо выпячена вперед. Одну руку он заткнул за борт своей куртки. Возможно, в своих фантазиях Челленджер именно в таком виде украшал собой освободившийся пьедестал на Трафальгарской площади в качестве еще одного ужасного лондонского памятника.

— Эврика! — воскликнул он, блестя зубами сквозь густую бороду. — Джентльмены, вы можете меня поздравить. Мы все можем поздравить друг друга. Наша проблема решена.

— Вам удалось найти путь наверх?

— Рискну предположить, что да.

— И где же он?

Вместо ответа профессор показал на находящийся справа от нас пик одинокого утеса.

Пока мы окидывали его взглядом, наши лица вытягивались — по крайней мере мое. Наш компаньон заверил нас, что взобраться туда возможно. Но между утесом и плато зияла ужасная

пропасть.

— Мы никогда не сможем перебраться оттуда на вершину, — вырвалось у меня.

— По крайней мере, мы все сумеем подняться на этот пик, — сказал профессор. — Когда же мы окажемся там, я смогу продемонстрировать вам, что ресурсы моего изобретательного ума еще далеко не исчерпаны.

После завтрака мы распаковали тюк, в котором наш предводитель привез альпинистское снаряжение. Оттуда он извлек моток очень прочной тонкой веревки длиной в сто пятьдесят футов, «кошки», крючья и другие приспособления. Лорд Джон был опытным скалолазом, Саммерли тоже в разное время совершил несколько серьезных восхождений, так что в нашем отряде я был единственным новичком в этой области; но недостаток опыта у меня могли компенсировать мои сила и энергия.

На самом деле подъем на утес не был такой уж сложной задачей, хотя было несколько моментов, когда волосы у меня на голове вставали дыбом. Первая половина пути оказалась очень простой, но затем скала становилась все круче и круче, и последние пятьдесят футов мы уже цеплялись за малейшие выступы и трещинки

буквально кончиками пальцев. Я бы не смог совершить такое восхождение, как не смог бы этого сделать и Саммерли, если бы Челленджер не поднялся на вершину первым и не сбросил нам веревку, закрепив ее за ствол растущего там большого дерева. Она очень помогла нам, и вскоре мы взобрались по неровной стене и оказались на небольшой, поросшей травой площадке на вершине размером примерно двадцать пять на двадцать пять футов.

Первое, что произвело на меня сильное впечатление, когда я перевел дыхание, был потрясающий вид, открывавшийся на страну, по которой мы прошли. Казалось, что у нас под ногами лежала вся Бразилия, протянувшаяся далеко-далеко, до самого горизонта, который застилала голубоватая дымка. На переднем плане находился длинный склон, усеянный камнями и точками древовидных папоротников; подальше, за похожим на седло холмом виднелись желто-зеленые заросли бамбука, через которые мы с таким трудом пробирались; еще дальше растительность постепенно становилась все гуще, пока не переходила в громадный лес, простиравшийся насколько хватало глаз и еще дальше, на добрые две тысячи миль.

Я все еще упивался этой великолепной панорамой, когда мне на плечо легла тяжелая рука профессора Челленджера.

— Сюда, мой юный друг, — сказал он; — *vestigia nulla retrorsum*[88]. Никогда не оглядывайтесь назад, только вперед, к нашей славной цели.

Когда я обернулся, оказалось, что мы стояли как раз на уровне плато и зеленая гряда кустов с отдельными высокими деревьями среди них находилась так близко, что просто не верилось, насколько недостижимыми для нас они по-прежнему оставались. На глаз провал был шириной футов в сорок, но для меня это было все равно что сорок миль. Я обхватил одной рукой ствол дерева и заглянул в пропасть. Далеко внизу виднелись крошечные фигурки наших слуг, смотревших на

---

[88] Примечания: 88

…vestigial nulla retrosum. — Ни шагу назад (дословно: нет следов обратно (лат.)) — Цитата из стихотворения «Vestigial nulla retrosum» английского поэта Вильяма Гея (1812–1897), позаимствовавшего это выражение из первой книги «Посланий» (Послание I: «Имя твое, Меценат…») римского поэта Квинта Горация Флакка (65 г. до н. э. — 8 г. н. э.), в свою очередь процитировавшего басню «Лев и лисица» древнегреческого баснописца Эзопа (VI век до н. э.). У Горация: // Я бы ответил ему, как когда-то лиса осторожно, // Будто бы хворому льву: «Следы вот меня устрашают: // Все они смотрят к тебе, ни один не повернут обратно». // *(Перевод Н. С. Гинцбурга)* // Как можно увидеть, изначально это выражение значило совсем не то, что у В. Гея и А. Конан Дойла, и было употреблено в совершенно ином контексте. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

нас. Стена подо мной была совершенно отвесной, как и та, которая находилась от меня на другой стороне.

— Это действительно чрезвычайно любопытно, — прозвучал у меня за спиной скрипучий голос профессора Саммерли.

Я обернулся и увидел, что он с громадным интересом рассматривает дерево, за которое я держался. Гладкая кора и ребристые листья показались мне знакомыми.

— Ба, — воскликнул я, — да это же бук!

— Абсолютно верно, — сказал Саммерли. — Приятно встретить вдали от родины нашего соотечественника.

— Это не просто наш соотечественник, мой дорогой друг, — сказал Челленджер. — Если мне будет позволено усилить ваше сравнение, я бы назвал его нашим первым союзником. Этому буку суждено будет стать нашим спасителем.

— Ну конечно же! — воскликнул лорд Джон. — Мост!

— Вот именно, друзья мои, мост! Все-таки не зря я целый час вчера ночью тщательно обдумывал сложившуюся ситуацию. Я вспомнил, как сам однажды сказал нашему юному другу, что для Джорджа Эдварда Челленджера нет лучшей по-

зиции, чем когда спину ему надежно прикрывает стена. Вы должны признать, что вчера вечером все мы оказались приперты к стенке, причем в буквальном смысле. Но там, где интеллект и сила воли выступают рука об руку, выход будет найден всегда. Необходимо было найти мост, который можно перекинуть через пропасть. И вот он перед вами!

Это действительно была блестящая идея. Дерево было высотой добрых шестьдесят футов, и если оно упадет правильно, то легко перекроет провал. Поднимаясь сюда, Челленджер повесил себе на плечо топор. Теперь профессор протянул его мне.

— Наш юный друг обладает прекрасными мускулами и силой. Думаю, что для решения этой задачи он подойдет лучше любого из нас. Однако я должен просить вас, чтобы вы воздержались от каких бы то ни было самостоятельных действий и выполняли в точности то, что вам будет сказано.

Под его руководством я сделал по бокам ствола глубокие зарубки таким образом, чтобы дерево упало в нужном для нас направлении. Бук и так был довольно сильно наклонен в сторону плато, так что задача оказалась не такой уж и сложной. После подготовки я наконец принялся

основательно рубить ствол, работая по очереди с лордом Джоном. Прошло чуть больше часа, когда раздался громкий треск, дерево качнулось вперед, а затем рухнуло, утонув ветвями в кустах на противоположной стороне расселины. Срубленный ствол подкатился к самому краю пропасти, и на какое-то ужасное мгновение нам показалось, что бук сорвется и все будет кончено. Однако буквально в нескольких дюймах от обрыва он остановился. Перед нами лежал наш мост в неизведанное.

После этого все мы, не говоря ни слова, пожали руку профессору Челленджеру, который, в свою очередь, приподнял свою соломенную шляпу и поклонился каждому из нас.

— Я прошу позволить мне, — сказал он, — быть первым, кто перейдет в неведомую страну, — без сомнения, прекрасный сюжет для будущего исторического художественного полотна.

Профессор уже подошел к нашему мосту, когда руку ему на плечо положил лорд Джон.

— Мой дорогой друг, — сказал он, — я действительно не могу позволить вам сделать это.

— Не можете позволить, сэр?! — Голова профессора откинулась, а борода угрожающе ощетинилась.

— Вы же знаете, что когда дело касается науки, я беспрекословно признаю ваше лидерство, потому что вы — человек ученый. Но когда вы попадаете на мою территорию, вам придется следовать за мной.

— Вашу территорию, сэр?

— У каждого из нас своя профессия. Моя профессия — солдат. Мы же, насколько я понимаю, занимаемся исследованием новой страны, в которой вполне может быть полно всяческих врагов. И мое понимание разумного руководства заключается в том, чтобы не бросаться вперед сломя голову, а призвать на помощь немного здравого смысла и терпения.

Эти возражения были слишком справедливыми, чтобы ими можно было пренебречь. Челленджер кивнул головой и пожал могучими плечами.

— Хорошо, сэр, что вы предлагаете?

— Насколько мне известно, прямо за этими кустами нас может поджидать племя кровожадных каннибалов, — сказал лорд Джон, поглядывая на мост. — Чтобы не попасться им на обед, лучше уж вести себя предусмотрительно; поэтому мы будем тешить себя надеждой, что там нет никаких опасностей, но в то же время действовать будем

так, как будто они реально существуют. Для этого мы с Мэлоуном спустимся снова вниз и вернемся сюда с четырьмя ружьями, а также с Гомесом и остальными. Затем один человек сможет пойти на другую сторону, а оставшиеся будут прикрывать его с ружьями наготове, пока он не убедится в безопасности перехода всей команды.

Челленджер уселся на пень от срубленного дерева и принялся нетерпеливо ворчать; но мы с Саммерли единодушно согласились, что, когда дело касается практических вопросов, командовать должен лорд Джон. Теперь, когда на самом трудном участке стены сверху свисала веревка, карабкаться по скалам было намного проще. За час мы подняли наверх наши ружья и дробовик. За нами последовали метисы, которые принесли с собой мешок с продовольствием на случай, если изучение местности затянется. У каждого из нас было по полному патронташу.

— А теперь, Челленджер, прошу вас вперед, если вы действительно настаиваете на том, чтобы оказаться там первым, — сказал лорд Джон, когда все приготовления были завершены.

— Весьма признателен вам за ваше любезное разрешение, — раздраженно ответил профессор; он, как никто другой, был нетерпим к любому

проявлению власти над собой. — Поскольку вы были столь великодушны, чтобы позволить мне это, я, пожалуй, решусь взять на себя роль пионера.

Закинув за спину топор и усевшись верхом на дерево, Челленджер, забавно подпрыгивая, двинулся по стволу вперед и вскоре оказался уже на другой стороне. Он поднялся на ноги и радостно замахал руками в воздухе.

— Наконец-то! — прокричал он. — Наконец-то!

Я с тревогой следил за ним, боясь, что из стоявших за его спиной зарослей на него обрушится злой рок. Но все было совершенно спокойно, лишь странная разноцветная птица взлетела у него из-под ног и скрылась среди деревьев.

Вторым был Саммерли. Наличие выносливости в столь хрупком теле было просто удивительным. Профессор настоял на том, чтобы ему на спину повесили два ружья, чтобы, когда он переберется на ту сторону, они с Челленджером оба оказались вооружены. Следующим шел я, изо всех сил стараясь не смотреть вниз, на тот ужасный провал, который находился у меня под ногами. Саммерли протянул мне приклад своего ружья, а еще через мгновение мне удалось схватиться за его руку. Что же касается лорда Джона, то он просто

прошел по стволу — действительно прошел, без всякой страховки! Вот уж у кого по-настоящему железные нервы.

И теперь мы все вчетвером оказались в волшебной стране, затерянном мире Мейпла Уайта. Для каждого из нас это был миг подлинного триумфа. Кто тогда мог предвидеть, что это было лишь прелюдией страшных несчастий? Позвольте мне в нескольких словах описать, как на нас обрушился роковой, сокрушительный удар.

Мы отвернулись от края пропасти и успели пробраться вглубь густого кустарника примерно на пятьдесят ярдов, когда позади нас раздался леденящий душу треск. В едином порыве мы все бросились к тому месту, на которое высадились. Наш мост сорвался вниз!

Взглянув со скалы, далеко внизу я увидел массу спутанных веток и обломки разбитого ствола. Это был наш бук. Быть может, дерево упало, потому что обвалилась часть каменистой верхушки утеса? Какое-то мгновение мы думали, что случившееся объясняется именно так. Но только мгновение, пока из-за дальнего края скалистого утеса не появилось медленно смуглое лицо, лицо нашего метиса Гомеса. Это действительно был Гомес, но не тот Гомес, которого мы знали, со

спокойной улыбкой и лицом, похожим на маску. Глаза его пылали, черты лица были искажены, он весь излучал ненависть и бешеную радость удовлетворенной мести.

— Лорд Рокстон! — прокричал он. — Лорд Джон Рокстон!

— Я здесь, — ответил мой компаньон.

Над пропастью раздался взрыв пронзительного дикого смеха.

— Да, английская собака, ты там. Там ты и останешься! Я долго ждал своего часа, и вот он наконец пришел. Вы уже поняли, как тяжело было подняться наверх; теперь вы узнаете, насколько тяжелее спуститься вниз. Вы в ловушке, проклятые глупцы, все до одного!

Мы были слишком ошеломлены, чтобы ответить ему что-то. Мы просто стояли и в изумлении смотрели на него. На траве лежал большой сломанный сук, которым Гомес, как рычагом, сбросил наш мост в пропасть. Безумное лицо метиса скрылось за краем скалы, но затем вновь появилось.

— Там возле пещеры мы едва не убили вас камнем, — прокричал он, — но так даже лучше. Эта смерть будет более медленной и более ужасной. Ваши косточки побелеют на солнце, и

никто не узнает, где вы покоитесь, и не придет укрыть ваши останки. Когда будешь умирать, вспомни о Лопесе, которого ты застрелил на речке Путумайо. Я его брат, и теперь я могу умереть спокойно, потому что память его отомщена. — Он в последний раз яростно погрозил нам рукой, после чего умолк.

Если бы метис просто ограничился тем, что отомстил нам, он, вероятно, смог бы благополучно скрыться. Но его подвела глупая и неутолимая тяга к театральности, присущая всем латиноамериканцам. Рокстон, заработавший себе в трех странах прозвище Бича Господнего, был не тем человеком, над которым можно было безнаказанно насмехаться. Метис уже начал спускаться по дальней стороне утеса; но прежде чем Гомес успел достичь земли, лорд Джон пробежал по краю плато, держа его в поле зрения. Прозвучал выстрел из ружья, и хотя нам ничего не было видно, зато мы услышали вопль и глухой удар упавшего с высоты тела. Когда Рокстон вернулся к нам, лицо его было каменным.

— Я вел себя, как слепой простак, — с горечью в голосе сказал он, — и это моя вина, что все мы попали в такую переделку. Мне следовало не забывать, что у этого народа длинная память,

когда речь идет о кровной мести, и быть начеку.

— А как же второй метис? Чтобы сбросить такое дерево с обрыва, рычаг должны были поднимать двое.

— Я мог застрелить и его, но решил отпустить. Я подумал, что, возможно, он не имеет к этому отношения. Но, видимо, мне все-таки следовало убить его, потому что он, должно быть, как вы правильно заметили, тоже приложил к этому руку.

Теперь, когда мотивы поведения Гомеса были нам известны, каждый из нас мог, оглянувшись назад, вспомнить какие-то подозрительные действия с его стороны — постоянное желание быть в курсе наших планов, случай, когда метиса поймали за подслушиванием наших разговоров, скрытая ненависть в его взглядах, которая время от времени озадачивала нас. Мы все еще обсуждали происшедшее, одновременно пытаясь перестроить наше сознание в соответствии с новыми условиями, когда внимание наше привлекла сцена, разворачивающаяся на равнине под нами.

Там бежал человек в белой одежде, которым мог быть только уцелевший второй метис, причем бежал так, как будто его преследовала сама

Смерть. За ним, всего в каких-то нескольких ярдах позади скачками двигалась громадная черная фигура Замбо — нашего преданного слуги-негра. У нас на глазах он настиг беглеца и, прыгнув ему на спину, обхватил руками за шею. Они кубарем покатились по земле, но уже через мгновение Замбо поднялся, посмотрел на распростертое перед ним тело и, радостно помахав нам рукой, побежал в нашем направлении. А белая фигура так и осталась лежать посреди широкой равнины.

Оба предателя были жестоко наказаны, но причиненное ими зло продолжало жить и после их гибели[89]. Пути назад для нас больше не существовало. Раньше мы жили в мире людей, теперь — стали обитателями этого плато. Эти два мира существовали отдельно и были отрезаны друг от друга. Там находилась равнина, по которой пролегал путь к нашим каноэ. Еще дальше, за лиловой дымкой на горизонте протекала река, которая вела к цивилизации. Но между нами и всем этим отсутствовало связующее звено.

---

[89] Примечания: 89

Оба предателя были жестоко наказаны, но причиненное ими зло продолжало жить и после их гибели. — Перефразированная цитата из монолога Марка Антония из трагедии Вильяма Шекспира «Юлий Цезарь» (1599). (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

Никакая человеческая изобретательность не могла предложить способ перекинуть мост через зияющую пропасть, отделявшую нас от прежней жизни. Один-единственный миг коренным образом изменил все условия нашего существования.

Именно тогда я по-настоящему узнал, из чего сделаны трое моих друзей. Да, лица их были серьезны и задумчивы, но при этом все же непоколебимо спокойны. Нам не оставалось ничего другого, как ждать прихода Замбо. Наконец над краем скалы появилось его честное черное лицо, а затем на вершину утеса поднялась и вся его внушительная фигура.

— Что мне делать? — прокричал он. — Скажите, и я все выполню.

Этот вопрос было проще задать, чем на него ответить. Пока ясно было лишь одно: Замбо являлся единственным звеном, которое связывает нас с внешним миром. Он ни в коем случае не должен был нас бросить.

— Нет-нет! — крикнул он. — Я не оставлю вас. Когда бы вы ни пришли, вы всегда найдете меня здесь. Только вот индейцев я удержать не смогу. Они уже говорили, что здесь живет слишком много Курупури и они пойдут домой. Теперь, когда вас тут нет, мне ни за что не остановить их.

В последнее время индейцы много раз давали нам понять, что они крайне утомлены путешествием и очень хотят вернуться домой. Мы понимали, что Замбо говорит правду и ему не под силу воспрепятствовать их уходу.

— Сделай так, чтобы они подождали до завтра, Замбо, — прокричал я, — тогда я смогу отослать с ними свое письмо.

— Хорошо, сэр! Я обещаю вам, что они подождут до завтра, — ответил негр. — Но что я могу сделать для вас сейчас?

Работы для него было очень много, и этот поразительно преданный нам парень выполнил ее полностью. В первую очередь он по нашим указаниям отвязал веревку от пня и перебросил конец ее нам. Она была не толще, чем обычная веревка для сушки белья, но при этом очень прочной; и хотя сделать из нее мост нам бы не удалось, она могла оказаться незаменимой, если бы нам пришлось куда-то взбираться. Затем Замбо привязал к своему концу веревки мешок с провизией, который он поднял наверх, и нам удалось перетащить мешок к себе. Это обеспечило нас едой по меньшей мере на неделю, даже если мы не найдем ничего съестного. И, наконец, Замбо спустился и поднял на утес еще две упаковки с различными

вещами — ящик с патронами и много других полезных предметов, которые мы успешно переправили, забрасывая ему конец веревки, а затем подтягивая привязанные им вещи. Наступил вечер, когда Замбо спустился с утеса, заверив нас на прощание, что удержит индейцев до утра.

Так что первую ночь на плато я почти полностью провел за описанием наших похождений, при свете единственного фонаря со свечой внутри.

Мы разбили лагерь на самом краю скалы и перекусили, утолив жажду двумя бутылками газированной минеральной воды, оказавшимися в одной из коробок. Для нас жизненно важно было найти здесь воду, но, думаю, даже лорд Джон пережил за сегодняшний день уже достаточно приключений. Никто из нас не был готов сделать первый шаг навстречу неизвестности прямо сейчас. Мы воздержались от разведения костра и старались не производить лишнего шума.

Завтра (хотя для меня это, скорее, уже сегодня, потому что я писал почти до самого рассвета) мы должны будем сделать первую вылазку, чтобы исследовать эту неизведанную страну. Я не знаю, когда у меня появится возможность написать следующее письмо, — если она вообще появится.

Между тем, я вижу, что индейцы по-прежнему не ушли, и уверен, что с минуты на минуту появится наш верный Замбо, чтобы забрать это письмо. А мне остается только надеяться, что оно когда-нибудь попадет вам в руки.

P. S. Чем больше я думаю над нашим положением, тем более безнадежным оно мне кажется. Я не вижу ни единой возможности нашего возвращения. Если бы на краю плато росло высокое дерево, можно было бы перекинуть еще один мост; но в пределах пятидесяти ярдов подходящих деревьев нет. Наших совместных усилий явно недостаточно, чтобы подтащить сюда ствол, который мог бы послужить для этих целей. Веревка же, безусловно, слишком коротка, чтобы мы могли спуститься с ее помощью. Нет, положение наше, увы, безнадежно!

Глава X
Произошли совершенно немыслимые события

С нами произошли и продолжают происходить совершенно немыслимые события. Весь имеющийся у меня запас бумаги состоит из пяти старых тетрадей и еще из разных обрывков, и у меня есть всего один стилографический карандаш; но до тех пор, пока рука моя в состоянии двигаться, я буду продолжать записывать происходящее с нами и наши впечатления, потому что из всей человеческой расы мы единственные, кто сталкивался с подобными вещами. Чрезвычайно важно, чтобы я записывал все это, пока оно еще свежо в моей памяти и пока нас не постиг злой рок, который, похоже, постоянно преследует нашу экспедицию. Доставит ли эти письма по реке наш Замбо, или я каким-либо чудесным способом привезу их с собой, или, наконец, какой-нибудь отважный исследователь, идя по нашим следам с помощью, возможно, какого-то усовершенствованного моноплана, найдет эту связку рукописей — в любом случае, я считаю, что пишу это, чтобы

увековечить классический пример настоящего приключения.

На следующее утро после того, как мы из-за предательства Гомеса оказались в ловушке на плато, начался новый этап наших похождений. Первое же событие произвело на меня не самое благоприятное впечатление относительно места, куда мы попали. Поднявшись на рассвете после короткого сна, я обратил внимание на нечто странное на моей ноге. Штанина моих брюк закатилась, обнажив несколько дюймов кожи выше края носка. В этом месте висела большая бурая виноградина. Я с удивлением наклонился, чтобы снять ее, но, к моему ужасу, она вдруг лопнула между моими пальцами, разбрызгав вокруг капли крови. На мой возглас отвращения тут же прибежали оба профессора.

— Очень интересно, — сказал Саммерли, склоняясь над моей голенью. — Огромный клещ-кровосос, да к тому же, я полагаю, еще неизученный.

— Первые плоды наших трудов, — отозвался Челленджер в своей приподнятой педантичной манере. — Мы просто обязаны назвать этого

клеща *Ixodes*[90] *Maloni*[91]. Я уверен, что то небольшое неудобство, которое вы, мой юный друг, испытали, будучи укушенным, стоит славной привилегии вписать навеки свое имя в историю зоологии. К несчастью, вы раздавили этот прекрасный образец в момент его насыщения.

— Отвратительный кровопийца! — воскликнул я.

Профессор Челленджер протестующее поднял брови и, чтобы успокоить меня, положил мне на плечо свою лапищу.

— Вам следует культивировать научный взгляд на вещи и воспитывать объективное научное мышление, — сказал он. — Для человека философского склада ума, как у меня, клещ-кровосос с его острым, как скальпель, хоботком и растягивающимся желудком представляет собой такое же совершенное творение природы, как, например, павлин или, скажем, северное сияние. Мне больно слышать, как вы отзываетесь о нем в столь уничижительной манере. Но мы, без сомнения,

---

[90] Примечания: 90

…клеща Ixodes… — Клещ рода Ixodes относится к семейству тропических, так называемых пастбищных клещей, являющихся переносчиками различных заболеваний человека и животных. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[91] Примечания: 91

Клещ Мэлоуна (*лат.*). *(Примеч. пер.)*

при должном усердии сможем добыть и еще один экземпляр.

— В этом действительно можно не сомневаться, — мрачно сказал Саммерли, — потому что только что такой же клещ скрылся у вас под воротником рубашки.

Челленджер подскочил на месте, взревев, как раненный бык, и принялся лихорадочно стаскивать с себя куртку и рубашку. Мы с Саммерли хохотали так, что были просто не в состоянии помочь ему. Наконец нам удалось обнажить его гигантский торс (пятьдесят четыре дюйма в обхвате, согласно мерке его портного). Все тело Челленджера было покрыто черными волосами, в зарослях которых нам все-таки удалось поймать убегающего клеща, прежде чем тот укусил профессора. Кусты вокруг нас были полны ужасных паразитов, и было понятно, что мы должны перенести свой лагерь в другое место.

Но прежде нам нужно было закончить свои дела с нашим преданным негром; к этому времени Замбо уже поднялся на утес и принес с собой печенье и консервные банки с какао, которые и перебросил нам. Мы велели ему оставить еды для себя на два месяца из остававшихся внизу запасов. Остальное должны были забрать индейцы в

качестве платы за свою службу и за доставку наших писем вниз по Амазонке. Спустя несколько часов мы увидели, как далеко на равнине движется цепочка: неся на головах узлы с вещами, индейцы возвращались по пути, который привел нас сюда. Замбо занял нашу маленькую палатку у подножия утеса и остался там — единственное звено, связывавшее нас с внешним миром.

Теперь нам предстояло принять решение о наших следующих действиях. Мы двинулись через кишевшие клещами кусты, пока не вышли на небольшую прогалину, плотно окруженную со всех сторон деревьями. В центре ее лежало несколько больших плоских камней, рядом с которыми находился прекрасный родник; тут было чисто и удобно, и мы расположились здесь, чтобы обсудить планы освоения новой для нас страны. В листве пели многочисленные птицы — особенно выделялась одна, с незнакомым для нас глухим ухающим криком, — но помимо этого вокруг не было заметно никаких признаков жизни.

Для начала нам следовало составить перечень имеющихся у нас запасов, чтобы точно знать, на что мы можем рассчитывать. С учетом того, что мы сразу взяли с собой и что нам передал с помощью веревки Замбо, оснащены мы были

прекрасно. Но в свете того, какие опасности могли нас подстерегать впереди, самым главным оказалось то, что в нашем распоряжении имелось четыре ружья и тысяча триста боеприпасов к ним, а также дробовик и, правда, к нему только сто пятьдесят патронов со средней дробью. Запасов еды нам должно было хватить на несколько недель, табака было достаточно; из оборудования, необходимого для научных исследований, в нашем распоряжении имелся большой телескоп и хороший полевой бинокль. Все эти вещи мы собрали в кучу посреди нашей прогалины, а в качестве первой меры предосторожности срезали томагавком и ножами несколько колючих кустов и выложили из них круговое ограждение диаметром около пятнадцати ярдов. Это место стало на первое время нашей штаб-квартирой, где мы могли спрятаться от внезапной опасности, а также укрытием для наших припасов. Мы назвали его Форт Челленджер.

Пока мы строили наше убежище, наступил полдень, но жара не была угнетающей: общий характер плато, температура и растительность на нем соответствовали скорее умеренному климату. В зарослях окружавших нас деревьев можно было встретить бук, дуб и даже березу. Над

нашим фортом раскинуло свои огромные ветви с густой листвой дерево гинкго[92], возвышавшееся над всеми остальными. Дальнейшее обсуждение проходило в его тени, и лорд Джон, который в решительный момент быстро взял командование на себя, изложил нам свои соображения.

— Пока ни один человек и ни один зверь не видели и не слышали нас, мы в безопасности, — сказал он. — Как только они узнают, что мы здесь, у нас начнутся проблемы. На данный момент нет никаких указаний на то, что мы обнаружены. Поэтому, конечно, наша линия поведения пока будет заключаться в том, чтобы затаиться на время и наблюдать за окружающей обстановкой. Нам нужно хорошенько присмотреться к соседям, прежде чем начнутся их визиты.

— Но мы должны двигаться вперед, — рискнул вставить слово я.

— Ну разумеется, мой мальчик! Мы обязательно будем наступать. Но не теряя при этом здравого смысла. Мы никогда не должны уходить так далеко, чтобы у нас не было возможности

---

[92] Примечания: 92

...гинкго... — Род листопадных голосеменных деревьев. Единственный современный дикий представитель растет в Восточном Китае, достигает высоты 40 метров и толщины ствола до 2,4 метра. В Европе разводится как декоративное дерево с 1784 года. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

вернуться на нашу базу. Кроме того, мы ни в коем случае, — если только речь не идет о жизни или смерти, — не должны стрелять из ружей.

— Но ведь вчера *вы сами* стреляли, — заметил Саммерли.

— Что ж, тут уже ничего не поделаешь. К тому же тогда был сильный ветер, который дул в нашу сторону. Поэтому маловероятно, чтобы звук мог распространиться далеко в глубь плато. Кстати, как мы назовем это место? Думаю, что мы вправе дать имя этой стране.

Поступило несколько предложений, более или менее удачных, но последнее слово осталось за Челленджером.

— Название у этого плато может быть только одно, — сказал он. — Оно будет названо в честь человека, который его открыл. Это Земля Мейпла Уайта.

Так это плато стало Землей Мейпла Уайта, это же название записано и на географической схеме, составление которой стало моей особой обязанностью. Я верю, что под этим же именем оно вскоре появится и во всех атласах.

Перед нами стояла непростая задача мирного продвижения в глубь Земли Мейпла Уайта. Мы собственными глазами видели, что место это

населено какими-то неизвестными существами, да и по зарисовкам Мейпла Уайта знали, что в любой момент тут могут появиться и еще более ужасные и опасные чудовища. Но то, что здесь также обитают и люди, настроенные скорее всего враждебно, указывал нанизанный на стебли бамбука скелет, который мог оказаться там только, если тело было сброшено сверху. Сложившаяся ситуация, усугубляемая невозможностью уйти с плато, явно сулила нам всевозможные опасности, и мы придерживались всех мер предосторожности, какие только мог подсказать нам опыт лорда Джона. Но нам было просто невозможно остановиться на пороге этого таинственного мира, тогда как душа наша рвалась вперед, чтобы заглянуть в самое его сердце.

Поэтому мы закрыли выход из нашего лагеря еще несколькими кустами и оставили наше укрытие со всеми припасами под защитой колючей изгороди. После этого мы медленно и осторожно двинулись в неведомое, следуя вдоль русла нашего ручья, поскольку он всегда мог помочь нам найти путь назад.

Мы не успели даже отойти от лагеря, как натолкнулись на признаки того, что впереди нас ждут настоящие чудеса. Мы шли сквозь густой

лес, где было много деревьев. Они были неизвестны мне, но Саммерли, который был ботаником в нашей команде, узнавал какие-то формы хвойных и пальмоподобных растений, уже давно исчезнувших в обычном мире. Через несколько сотен ярдов ручей расширялся, образуя довольно большое болото. Перед нами сразу же возник какой-то особенный тростник, — нам было сказано, что он относится к хвощам и иначе называется «кобылий хвост», — среди которого местами росли древовидные папоротники, раскачивавшиеся под порывами свежего ветра. Внезапно лорд Джон, который шел впереди, остановился, подняв вверх руку.

— Посмотрите сюда! — воскликнул он. — Боже милостивый, этот след, должно быть, оставил прародитель всех птиц!

В мягкой грязи перед нами отпечаталась громадная трехпалая лапа. Какое-то существо, кем бы оно ни было, перешло болото и направилось в лес. Мы остановились, чтобы рассмотреть чудовищный след. Если это действительно птица, — а кто из животных еще это мог быть? — то она намного больше страуса и, если ориентироваться по размерам отпечатка ноги, просто огромная. Лорд Джон быстро оглянулся по сторонам и зарядил в

свое ружье для охоты на слона два патрона.

— Клянусь своим добрым именем охотника, — сказал он, — след свежий. Это существо прошло здесь менее десяти минут назад. Посмотрите, отпечаток продолжает заполняться водой! Господи! Взгляните, здесь еще один, поменьше!

И действительно: параллельно большим следам тянулась вереница маленьких, такой же формы.

— А что вы думаете вот об этом? — ликующе закричал профессор Саммерли, показывая на нечто, напоминавшее огромный отпечаток пятипалой человеческой руки, который появился среди трехпалых следов.

— Вельд![93] — возбужденно воскликнул Челленджер. — Я видел их в вельдских глинах. Это животное передвигается вертикально на трехпалых ногах и время от времени опирается на землю одной из своих верхних пятипалых конечностей. Это не птица, мой дорогой Рокстон, не птица!

— Зверь?

— Нет, рептилия — динозавр. Никто другой

---

[93] Примечания: 93

…Суссексе… — Су́ссекс — историческая область на юге Англии. Состоит из двух графств: Восточного и Западного Суссекса. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

не мог бы оставить такие следы. В свое время, девяносто лет назад, они уже озадачили одного почтенного доктора из Суссекса[94]; но кто в целом мире мог бы надеяться — хотя бы надеяться! — увидеть это своими глазами?

Он вдруг перешел на шепот, а мы ошеломленно замерли. Идя по следам, мы оставили позади болота и прошли через плотный заслон из кустарника и деревьев. За ним открывалась поляна, на которой находилось пять самых поразительных существ, каких мне приходилось когда-либо видеть. Пригнувшись за кустами, мы могли спокойно рассмотреть их из своего укрытия.

Как я уже говорил, их было пятеро: двое взрослых и трое малышей. Размеры их просто ошеломляли. Даже детеныши были ростом со слона, тогда как взрослые были намного больше любых животных, виденных мною ранее. Их синевато-серые тела покрывала чешуя, как у ящериц, которая блестела на солнце. Все пятеро сидели вертикально, балансируя на своих широких мощных хвостах и огромных трехпалых задних лапах, ощипывая небольшими пятипалыми передни-

[94] Примечания: 94

Вельд! — Плотные тонкозернистые породы, образовавшиеся в морских лагунах. Богаты остатками различных динозавров. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

ми лапами молодые побеги на ветвях деревьев. Чтобы как можно точнее описать вам, как они выглядели, могу сказать, что они напоминали чудовищных кенгуру ростом в двадцать футов, со шкурой черных крокодилов.

Не знаю, сколько времени мы простояли, молча взирая на эту волшебную сцену. Сильный ветер дул в нашу сторону, к тому же мы были хорошо скрыты подлеском, так что заметить нас они не могли. Время от времени детеныши затевали неуклюжие игры вокруг своих родителей: огромные шалуны тяжело подскакивали в воздух и с глухим стуком приземлялись на траву. Сила взрослых животных казалась безграничной, поскольку, когда одно из них не смогло дотянуться до ветки с аппетитной листвой, оно просто обхватило ствол толстого дерева передними лапами и сломало его, как тростинку. Действие это, как мне кажется, продемонстрировало не только крепкие мускулы создания, но и неразвитость его мозга: в результате сломанная верхушка свалилась сверху прямо на великана, и он издал серию пронзительных криков, показывавших, что каким бы большим ни было животное, вытерпеть оно могло далеко не все. Этот случай, наверное, заставил зверя подумать, что здесь становится

опасно, поскольку он, медленно переваливаясь, двинулся через лес дальше, сопровождаемый своей подругой и тремя громадными детенышами. Среди деревьев поблескивала их чешуйчатая шкура, а высоко над кустами выступали их головы. Вскоре животные пропали из виду.

Я взглянул на своих друзей. Лорд Джон завороженно стоял, не снимая пальца с курка своей винтовки для слонов, и в глазах его горели искры охотничьего азарта. Чего бы только он ни отдал, чтобы повесить такую голову между двумя скрещенными веслами над камином в своем холостяцком жилище в Олбани! И тем не менее, здравый рассудок сдерживал его, потому что успех освоения этой неизвестной страны зависел от того, сколько нам удастся скрывать свое присутствие от местных обитателей. Оба профессора находились в состоянии тихого экстаза. В своем возбуждении они непроизвольно схватили друг друга за руки и сейчас стояли, как двое ребятишек перед лицом чуда; на губах Челленджера расцвела ангельская улыбка, а сардоническое лицо Саммерли от удивления и благоговения на время смягчилось.

— *Nunc dimittis*![95][96] — наконец воскликнул он. — Интересно, что на это скажут в Англии?

— Мой дорогой Саммерли, я вам могу совершенно точно предсказать, что на все это скажут в Англии, — ответил Челленджер. — Они там скажут, что вы — законченный лжец и шарлатан от науки; собственно, то же самое, что вы и все остальные уже говорили обо мне.

— А как быть с фотографиями?

— Фотографии — подделка, Саммерли! Грубая подделка!

— А как быть с вещественными доказательствами?

— Да, здесь мы действительно можем их получить! Тогда Мэлоун и вся эта вульгарная журналистская свора с Флитстрит[97] будут пре-

---

[95] Примечания: 95

«Ныне отпущаеши» — молитва и церковное песнопение на слова из Евангелия от Луки; разрешение удалиться (*лат.*). *(Примеч. пер.)*

[96] Примечания: 96

Nunc dimittis! — Ныне отпущаеши (лат.). В обыденной речи употребляется как возглас облегчения от какого-то тяжкого бремени (по завершении долгого трудного дела и т. п.). Источник — в Библии; Евангелие от Луки рассказывает о старце Симеоне, которому было обещано, что он не умрет, пока не увидит Мессию, и когда младенца Иисуса родители принесли в Иерусалимский храм, чтобы представить перед Богом и совершить положенный обряд, старец Симеон взял Иисуса на руки и воскликнул: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову твоему, с миром; ибо видели очи мои спасение твое, которое ты уготовил перед лицом всех народов» (Лука 2:29–31). *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[97] Примечания: 97

Улица в Лондоне, где до недавнего времени располагались редакции главных британских газет. *(Примеч. пер.)*

возносить нас до небес. Двадцать восьмое августа — день, когда мы, находясь на Земле Мейпла Уайта, впервые увидели на поляне пятерых живых игуанодонов[98]. Запишите эту великую дату в свой блокнот, мой юный друг, и отошлите в свою газетенку.

— И будьте готовы получить в ответ хорошего пинка от своего редактора, — добавил лорд Джон. — Из Лондона, молодой человек, многие вещи выглядят абсолютно по-другому. Существует множество людей, которые никогда не рассказывают о своих приключениях только потому, что лишены надежды на то, что кто-то им поверит. Кто их в этом обвинит? Месяц-другой назад нам и самим все это могло только присниться. Так как вы там сказали, кто это был?

---

[98] Примечания: 98

…игуанодонов… — Игуанодоны (от исп. iguana — ящерица — и греч. odus (odontos) — зуб) — растительноядные динозавры до шести метров ростом, передвигавшиеся на задних конечностях. По мнению современного специалиста-палеонтолога, «в их описании в романе имеется ряд неточностей и ошибок. Размеры и сила этих ящеров явно преувеличены, когда говорится, что детеныши были размером со слона или что игуанодоны передними лапами ломали большие деревья. Несколько дальше автор противоречит себе, заявляя, что игуанодоны были совершенно безобидными увальнями и не могли бы причинить путешественникам особого вреда. Безусловно, массивные, тяжелые животные, весившие тонны, легко могли бы просто растоптать человека» (Рождественский А. К. Примечания // Конан Дойл А. Затерянный мир. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. — С. 243). *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

— Игуанодоны, — ответил Саммерли. — Их следы можно найти повсюду на песчаных почвах Гастингса[99], в Кенте[100] и Суссексе. Эти животные населяли юг Англии, когда там было много буйной растительности, способной их прокормить. Затем условия изменились, и они вымерли. А здесь, похоже, эти условия сохранились, и животные продолжают жить.

— Если нам суждено когда-нибудь выбраться отсюда, я обязательно прихвачу с собой такую голову, — сказал лорд Джон. — Господи, да при виде ее вся эта братия, привыкшая охотиться в Сомали да в Уганде, просто позеленеет от зависти! Не знаю, как вы, ребята, а у меня такое ощущение, будто мы с вами постоянно ходим по тонкому льду.

Меня тоже не покидало чувство таинственности и постоянной угрозы вокруг нас. Все время казалось, что под сенью деревьев нас подстерегают опасности, и когда мы вглядывались в густую

---

[99] Примечания: 99

…Гастингса… — Гастингс — город-графство на юго-востоке Англии, на берегу пролива Ла-Манш. В этом районе залегают песчаники мелового периода с отпечатками следов динозавров. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[100] Примечания: 100

…Кенте… — Кент — графство на юго-востоке Англии. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

листву, сердца наши наполнялись смутной тревогой. Правда, те животные, которых мы видели, были неуклюжими и безобидными и вряд ли могли причинить нам вред, но кто знает, какие еще чудища могут обитать в этой удивительной стране и не готовятся ли они яростно наброситься на нас из своего логова среди скал и кустарника? Я мало знал о доисторической жизни, но хорошо помнил одну книгу, в которой говорилось о древних существах, которые могли питаться нашими львами и тиграми, как кошка питается мышами. А что, если в лесах Земли Мейпла Уайта водятся и такие?!

Так уж случилось, что в то самое утро — наше первое утро в новой стране — нам предстояло узнать и о других необычных опасностях, которые нас здесь поджидают. Это было омерзительное происшествие, о котором я вспоминаю с содроганием. Если, как сказал лорд Джон, поляна с игуанодонами напоминала прекрасный сон, то болото с птеродактилями останется в нашей памяти жутким кошмаром. Позвольте мне по порядку рассказать о том, что случилось дальше.

Мы продвигались через лес очень медленно, частично — из-за того, что шли только по команде лорда Рокстона, который, как разведчик,

следовал впереди, а частично — потому что на каждом шагу наши профессора по очереди с воплями восхищения опускались на колени перед каким-нибудь цветком или насекомым, представлявшимся им каким-то новым видом. Мы преодолели в общей сложности две или три мили, уходя вправо от русла нашего ручья, и оказались на довольно большом открытом месте среди деревьев. Заросли кустарника здесь подходили к нагромождению скал — все плато было усеяно валунами.

Мы медленно шли среди камней через кусты, доходившие нам до груди, когда услышали странные свистящие звуки, наполнявшие воздух невнятным шумом и исходившие из какого-то места где-то прямо перед нами. Лорд Джон поднял руку вверх, подавая нам сигнал остановиться, а сам побежал к веренице камней. Мы видели, как он заглянул за них и изумленно замер. То, что Джон Рокстон увидел там, настолько поразило его, что он продолжал стоять, словно позабыв про нас. Наконец он помахал, чтобы мы подошли, продолжая держать руку вверху и давая понять, что делать это нужно осторожно. Все его поведение говорило, что перед нами находится нечто удивительное, но крайне опасное.

Подкравшись к нему с обеих сторон, мы тоже выглянули из-за камней. Перед нами находилась впадина, которая когда-то, возможно, была одним из каналов выхода вулканических газов, каких на плато было множество. Она имела форму чаши, а на дне, в нескольких сотнях ярдов от того места, где мы лежали, находились заросшие зеленой тиной большие лужи со стоячей водой, окруженные камышом. Место и само по себе было довольно жутким, но благодаря своим обитателям напоминало сцену Семи кругов из «Ада» Данте[101]. Здесь находилось гнездовье птеродактилей. Их были сотни. Все пространство вокруг воды кишело птенцами, рядом с которыми их омерзительные мамаши высиживали кожистые желтоватые яйца. От этой ползающей, хлопающей крыльями массы в воздухе стоял ужасный шум и исходил ядовитый зловонный смрад, от которого нас начало тошнить. Повыше, каждый на своем отдельном камне, сидели страшные самцы — высокие, серые и морщинистые, скорее похожие на высушенные чучела, чем на живых

[101] Примечания: 101

…семи кругов из «Ада» Данте. — «Ад» — первая часть поэмы «Божественная комедия» (1307–1321, опуб. 1472) итальянского поэта Данте Алигьери (1265–1321). *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

существ; они сидели абсолютно неподвижно, если не считать движения их красных глаз или щелчков напоминавших крысоловки клювов в сторону стрекоз, время от времени пролетавших мимо них. Огромные перепончатые крылья складывались, как руки у человека, и поэтому птеродактили сидели, напоминая гигантских старух, закутанных в страшные шали цвета паутины, выставив свои свирепого вида головы. Во впадине перед нами находились не менее тысячи этих отвратительных существ, больших и маленьких.

Наши профессора охотно простояли бы так целый день, настолько они были поглощены возможностью наблюдать за проявлением доисторической жизни. Они указывали на лежащих среди камней рыб и мертвых птиц, которые служили доказательством того, чем питались эти животные, и я слышал, как Челленджер и Саммерли поздравили друг друга, выяснив, почему кости этих летающих драконов в больших количествах были найдены в определенных, четко ограниченных местах, таких как песчаники в Кембридж-Грин: теперь стало понятно, что птеродактили жили большими колониями, как пингвины.

Однако в конце концов Челленджер в пылу дискуссии с Саммерли высунулся из-за камня и этим едва не погубил нас всех. В тот же миг ближайший к нам самец издал пронзительный свистящий крик и, расправив кожистые крылья размахом в двадцать футов, взмыл в воздух. Самки и молодняк сбились вместе у воды, а все охранявшие их самцы один за другим поднялись в небо. Это было величественное зрелище, когда не менее сотни животных, огромных размеров и отталкивающего вида, кружили над нами, рассекая воздух крыльями, будто ласточки; но очень скоро мы поняли, что не можем позволить себе засиживаться здесь, чтобы полюбоваться этой картиной. Сначала громадные рептилии летали по широкому кругу, словно оценивая возможную опасность. Затем высота полета уменьшилась, круг сузился; и вот уже они кружились совсем рядом с нами, а от сухого шелеста их громадных синевато-серых крыльев в воздухе стоял такой шум, что я невольно вспомнил аэродром в Хэндоне в день соревнований[102].

---

[102] Примечания: 102

...аэродром в Хэндоне в день соревнований. — Хэндон — северо-западный пригород Лондона. На аэродроме в Хэндоне традиционно проходили авиационные соревнования, а с 1920 по 1937 год — ежегодный праздник британских военно-воздушных сил. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

— Двигайтесь к лесу и держитесь вместе, — крикнул нам лорд Джон, вскидывая ружье. — Этим тварям вздумалось пошалить.

Сначала мы попробовали отступить под напором сужавшегося над нами круга, но скоро птеродактили стали пролетать настолько близко, что едва не касались крыльями наших лиц. Мы пытались отбиваться прикладами ружей, но удары наши не причиняли нападавшим никакого вреда. Внезапно из кружащего синевато-серого кольца вынырнула длинная шея, и хищный клюв сделал выпад в нашу сторону. Затем такие наскоки стали повторяться один за другим. Саммерли вскрикнул и схватился рукой за лицо, по которому бежала кровь. Я почувствовал толчок в затылок, и у меня закружилась голова. Челленджер упал, а когда я наклонился, чтобы помочь ему встать, то получил еще один удар в спину и упал на профессора сверху. В тот же миг я услышал выстрел мощного ружья лорда Джона и, подняв глаза, увидел, как одна из этих тварей с перебитым крылом бьется на земле, шипя в нашу сторону широко открытым клювом, с налитыми кровью вытаращенными глазами, как у дьявола со средневековой картины. Другие птеродактили от резкого звука поднялись выше и теперь кру-

жили над нашими головами.

— Вперед! — отчаянно крикнул лорд Джон. — Вперед, если вам дорога ваша жизнь!

Мы побежали, цепляясь за кусты, но как только достигли первых деревьев, эти гарпии снова настигли нас. Саммерли был сбит с ног, но мы подхватили его под руки и рванулись в лес. Здесь мы уже были в безопасности, так как среди ветвей было слишком тесно для громадных крыльев этих чудовищ. Ковыляя в свой лагерь, избитые и подавленные, мы еще долго видели высоко в небе у себя над головами, как птеродактили планировали, словно стая диких голубей, делая круг за кругом и продолжая, без сомнения, следить за нашими перемещениями. Наконец, когда мы зашли в густой лес, они оставили свое преследование и больше мы их не видели.

— Мы получили чрезвычайно интересный и убедительный опыт, — сказал Челленджер, когда мы остановились у ручья, где он принялся омывать водой свое опухшее колено. — Теперь мы с вами, Саммерли, имеем исключительно точное представление о повадках разъяренных птеродактилей.

Саммерли вытирал кровь, струившуюся из раны на лбу, а я перебинтовывал шею после

жестокого удара в затылок. Зубы чудища лишь слегка скользнули по плечу лорда Джона, зато рукав его куртки был полностью оторван.

— Следует отметить, что наш молодой друг получил увесистый удар по затылку, а от зубов птеродактиля пострадал рукав куртки лорда Джона, — продолжал Челленджер. — В моем случае они били меня крыльями по голове, так что теперь у нас имеется довольно полная картина методов нападения этих животных.

— Наша жизнь висела на волоске, — мрачно сказал лорд Джон, — и я не могу себе представить более отвратительной смерти. Мне жаль, что пришлось стрелять из ружья, но — видит Бог! — особого выбора у меня не было.

— Если бы вы этого не сделали, мы бы сейчас не стояли здесь, — убежденно произнес я.

— Может быть, этот выстрел и не навредит нам, — сказал лорд Джон. — В этих лесах порой должен раздаваться громкий треск от падающих или ломающихся деревьев, который может напоминать звук выстрела. Надеюсь, вы разделяете мое мнение, что на сегодня уже достаточно переживаний; нам следует поспешить к нашей аптечке в лагере и взять там что-то дезинфицирующее. Кто знает, какой яд может быть на жутких

челюстях этих тварей.

Со времен возникновения человечества вряд ли с кем-то происходило столько всего. Нас ожидал еще один сюрприз. Когда, следуя по течению ручья, мы в конце концов вышли на свою поляну и увидели колючую баррикаду нашего лагеря, то решили, что приключения наши на сегодня завершены. Но прежде чем отдыхать, нам предстояло еще кое над чем подумать. Вход в Форт Челленджер был невредим, стены — нетронуты, и, тем не менее, какое-то странное и сильное существо навещало его в наше отсутствие. На земле не осталось никаких следов, по которым можно было бы определить, кто это был. Единственным способом, с помощью которого это существо могло попасть сюда, а потом уйти, была свисающая ветка огромного дерева гинкго; зато наши припасы носили на себе многочисленные следы воздействия чьей-то злобной силы. Все было в беспорядке разбросано, одна банка с мясными консервами разбита, а содержимое ее исчезло. Ящик с патронами был разнесен в щепки, а рядом с ним валялась раздавленная латунная гильза. Вновь нас охватил ужас, и мы принялись вглядываться испуганными глазами в тени под деревьями, откуда за нами мог сле-

дить невидимый враг. До чего же приятно было услышать в этот момент приветственные крики Замбо; подойдя к краю плато, мы увидели, что он сидит на верхушке утеса и широко улыбается.

— Все хорошо, масса Челленджер, все хорошо! — крикнул он. — Я оставаться здесь. Не бояться. Вы всегда меня находить тут, когда захотеть.

Его честное черное лицо и лежавший перед нами бесконечный простор с видом на приток Амазонки помогли нам вспомнить, что мы все еще живем на Земле в двадцатом веке, а не перенеслись благодаря таинственному волшебству на какую-то другую планету, находящуюся на более ранней стадии развития, чем наша. Было трудно себе представить, что за фиолетовой линией далекого горизонта находится великая река, по которой плавают пароходы, что люди там говорят о своих маленьких житейских делах, в то время как мы затерялись среди доисторических животных и можем только смотреть в ту сторону и тосковать по прежней жизни.

Об этом удивительном дне у меня сохранилось еще одно воспоминание, и именно им я и завершу это письмо. Два наших профессора, чей характер от полученных травм только ухудшил-

ся, вступили в гневную перепалку по поводу того, к какому роду относятся напавшие на нас рептилии — птеродактилей или диморфодонов[103]. Старясь держаться подальше от их ссоры, я отошел в сторону и, закурив трубку, присел на ствол упавшего дерева. Ко мне подошел лорд Джон.

— Кстати, Мэлоун, — сказал он, — вы запомнили место, где сидели эти твари?

— Прекрасно запомнил.

— Это было похоже на место выхода вулканических газов, не так ли?

— Совершенно верно, — ответил я.

— А вы обратили внимание на почву?

— Камни.

— А вокруг воды — ну, там где рос камыш?

— Да, там была голубоватая земля. Вроде глины.

— Точно. Кратер вулкана, полный голубой глины.

— Ну и что из этого следует? — спросил я.

— Да так, ничего, — неопределенно буркнул лорд Джон и вновь направился туда, откуда

---

[103] Примечания: 103

...диморфодонов... — Диморфодон (от греч. di(s) — дважды — и morphē — форма) — один из наиболее древних представителей летающих ящеров, живший в нижнеюрскую эпоху. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

слышался дуэт продолжавших свой горячий спор ученых мужей: высокий и скрипучий голос Саммерли, сменявшийся звучным басом Челленджера.

Я бы больше не вспомнил об этих странных вопросах лорда Джона, если бы той же ночью случайно не услышал, как он бормочет себе под нос:

— Голубая глина — глина в кратере вулкана! — Это было последнее, что я разобрал, прежде чем без сил провалиться в сон.

Глава XI
Наконец-то я тоже стал героем

Лорд Джон Рокстон был прав, когда предположил, что укус атаковавших нас ужасных существ мог содержать какой-то особый токсин[104]. На следующее утро после первого приключения на плато наши с Саммерли раны очень болели, и у нас поднялась температура; к тому же колено Челленджера так опухло, что он едва мог ходить. Поэтому мы весь день оставались в лагере. Лорд Джон занимался тем, что увеличивал высоту и толщину колючих стен, которые были нашей единственной защитой, а мы, как могли, помогали ему. Я хорошо помню, что весь день меня не оставляло чувство, что за нами пристально наблюдают, хоть я и не имел понятия, кто и откуда мог это делать.

Но ощущение было настолько сильным, что я сказал об этом профессору Челленджеру. Он объ-

---

[104] Примечания: 104

…токсин… — Вещество бактериального, растительного или животного происхождения, при попадании в организм животного или человека вызывающее заболевание или гибель. Содержится, например, в ядах змей, пауков и скорпионов. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

яснил все возбуждением моей нервной системы, связанным с высокой температурой. Однако я продолжал снова и снова оглядываться по сторонам, веря, что я должен там что-то заметить. Но взгляд мой неизменно наталкивался на переплетающиеся ветви нашей ограды и полумрак листвы нависавших над нами больших деревьев. И все же во мне продолжало расти чувство, что прямо у нас под боком кто-то враждебный постоянно следит за нами. Я вспомнил о суеверном страхе индейцев перед Курупури — грозном и вездесущем духе леса — и понял, каким образом его зловещее присутствие пугало тех, кто отваживался вторгнуться в самые отдаленные и неприкосновенные уголки его владений.

В ту ночь (нашу третью ночь на Земле Мейпла Уайта) произошел случай, который очень напугал нас и заставил в полной мере оценить работу лорда Джона, отдавшего столько сил, чтобы сделать наше убежище неприступным. Мы все спали вокруг затухающего костра, когда нас разбудили — я бы даже сказал, заставили подскочить — самые жуткие крики и вопли, какие мне только приходилось слышать. Я не знаю другого такого звука, с которым можно было бы сравнить весь этот гвалт, исходивший,

похоже, из какого-то места в нескольких сотнях ярдов от нашего лагеря. Звук резал ухо, словно гудок паровоза; но в отличие от чистого, механического, резкого гудка, то что мы услышали, было намного глубже по звучанию и вибрировало крайним напряжением ужаса и агонии. Чтобы не слышать этих леденящих душу воплей, мы зажимали уши руками. Тело мое покрылось холодным потом, а сердце болезненно заныло перед лицом отчаянного страдания. Казалось, что в этом страшном крике сконцентрировались вся скорбь жизненных мук, все бесчисленные печали. А затем на фоне этого пронзительного звенящего вопля раздался прерывистый, низкий глухой смех, рычание, гортанный булькающий звук радости, словно гротескный аккомпанемент визга, с которым он смешивался. Три или четыре минуты, которые продолжался этот страшный дуэт, в листве беспокойно перелетали с ветки на ветку испуганные птицы. Затем все умолкло так же неожиданно, как и началось.

Мы еще долго продолжали молча сидеть в зловещей тишине. Затем лорд Джон подбросил хвороста в огонь, и красные языки пламени осветили серьезные лица моих товарищей и тяжелые ветви деревьев у нас над головами.

— Что это было? — прошептал я.

— Об этом мы узнаем утром, — ответил лорд Джон. — Это было недалеко от нас, не дальше той поляны.

— Мы с вами только что имели удовольствие случайно стать свидетелями звуков доисторической трагедии, своего рода драмы, разыгравшейся в тростнике на болотах юрского периода: большой ящер настиг маленького, — сказал Челленджер с такой торжественностью, какой я за ним еще не наблюдал. — Конечно, человеку повезло, что он появился на более поздней стадии эволюции. В давние времена существовали такие силы, перед которыми не устояли бы никакие механизмы и никакая смелость. Каким бы образом смогли помочь нашим предкам праща, дротик или стрелы против той мощи, которая нашла себе выход сегодня ночью? Даже если бы у первобытного человека имелось современное ружье, преимущества были бы на стороне чудовища.

— Ну, думаю, что я бы все-таки поставил на моего маленького друга, — сказал лорд Джон, нежно поглаживая свой штуцер-экспресс. — Но этот зверь точно был бы достойным противником.

Саммерли настороженно поднял руку.

— Тссс! — воскликнул он. — Я определенно

что-то слышал.

В полной тишине явно различались глухие периодичные удары. Это были шаги какого-то животного — ритм мягких, но тяжелых лап, которые осторожно опускались на землю. Кто-то медленно обошел вокруг нашего лагеря и остановился напротив ворот. Нам было слышно свистящее дыхание неизвестного существа. От ужасов этой ночи нас отделяла только ненадежная ограда из кустарника. Все мы схватили ружья, а лорд Джон вытащил небольшой кустик, чтобы сделать для себя амбразуру.

— Боже милостивый! — прошептал он. — Кажется, я его вижу!

Я подошел к нему и заглянул через плечо лорда Джона в образовавшийся проем. Да, я тоже видел его. В тени дерева стояла еще более темная тень — черная, неясная, размытая; согнувшаяся фигура, от которой исходила жестокая энергия и смертельная опасность. Зверь был не больше лошади, но, судя по едва различимому контуру, тяжелый и сильный. Шипящее глубокое дыхание было ритмичным и глухим, как выхлоп мощного двигателя. Один раз, когда животное пошевелилось, мне показалось, что я увидел блеск двух страшных зеленых глаз. Послышался тревожный

шорох, как будто оно начало осторожно красться вперед.

— Мне кажется, оно готовится к прыжку! — сказал я, вскидывая ружье.

— Не стрелять! Не стрелять! — прошептал лорд Джон. — В ночной тишине звук выстрела будет слышен на многие мили. Оставим это, как наш последний козырь.

— Если оно переберется через изгородь, мы пропали, — сказал Саммерли, и голос его дрогнул от нервного смеха.

— Нет, оно не должно попасть сюда, — крикнул лорд Джон, — но не стреляйте до последнего момента! Возможно, я смогу справиться с ним. По крайней мере попробую.

Это был самый смелый мужской поступок, какой мне приходилось видеть в моей жизни. Лорд Джон подошел к костру, взял из него горящую ветку и быстро проскользнул с ней в проем, который мы проделали в наших воротах. Зверь с жутким рычанием двинулся вперед. Лорд Джон, не раздумывая, легкими и быстрыми шагами подбежал к нему и сунул горящую палку прямо ему в морду. На мгновение я увидел ужасную маску, напоминавшую гигантскую жабу: бородавчатая, покрытая чешуей кожа и раскрытая пасть, вы-

мазанная свежей кровью. Затем раздался треск ломающегося кустарника, и наш непрошеный гость скрылся.

— Я знал, что огонь ему не понравится, — смеясь, сказал лорд Джон, вернувшись к нам и бросив свою ветку обратно в костер.

— Вы не должны были так рисковать! — в один голос воскликнули мы.

— Больше ничего не оставалось. Если бы оно оказалось среди нас, мы, стараясь попасть в него, перестреляли бы друг друга. С другой стороны, если бы мы стреляли в него через изгородь и ранили его, оно бы просто свалилось на нас — не говоря уже о том, что мы бы выдали себя. В общем, я считаю, что мы счастливо отделались. Кстати, кто же это такой?

Наши ученые мужи нерешительно переглянулись.

— Лично я не могу определенно ответить на этот вопрос, — сказал Саммерли, закуривая трубку.

— Отказываясь брать на себя ответственность, вы демонстрируете достойную уважения научную осторожность, — напыщенно произнес Челленджер. — Я тоже сейчас не готов к ответу, но в общих чертах могу сказать, что сегодня

ночью мы почти наверняка столкнулись с определенным видом плотоядных динозавров. Ранее я уже высказывал предположения, что на этом плато должно существовать нечто подобное.

— Нам не следует забывать, — вставил Саммерли, — что имелось множество форм доисторической жизни, свидетельства существования которых до нас не дошли. Было бы опрометчиво полагать, что мы сможем определить все, что нам предстоит здесь встретить.

— Вот именно. В лучшем случае мы можем попробовать провести грубую классификацию. Завтра новые факты помогут нам в такой идентификации. А сейчас нам остается только возобновить наш прерванный сон.

— Но теперь уж обязательно с часовым, — решительно сказал лорд Джон. — Находясь в подобной стране, нельзя полагаться на волю случая. В дальнейшем мы будем нести вахту, по два часа каждый.

— Тогда я буду первым, вот только докурю свою трубку, — сказал профессор Саммерли; с этого момента мы начали всегда выставлять в лагере часового.

Утром нам понадобилось не так уж много времени, чтобы понять причину страшного шума.

Поляна игуанодонов представляла собой место ужасной резни. По лужам крови и большим кускам мяса, разбросанным повсюду по траве, мы сначала подумали, что здесь было убито несколько животных. Но изучив останки более внимательно, мы выяснили, что все они принадлежат одному неуклюжему великану, буквально разорванному на куски каким-то хищником, возможно, не превосходящим его по размерам, но зато намного более свирепым.

Оба наших профессора были поглощены спором, осматривая кусок за куском со следами страшных зубов и громадных челюстей.

— Окончательное заключение пока придется отложить, — сказал профессор Челленджер, рассматривая большой обрывок беловатого мяса у себя на колене. — Некоторые моменты указывают на присутствие саблезубого тигра[105], кости которого до сих пор находят при раскопках в наших пещерах; но существо, которое здесь побывало, безусловно, крупнее, и, скорее всего, это все-таки рептилия. Лично я сказал бы, что это

[105] Примечания: 105

…саблезубого тигра… — Саблезубый тигр (махайрод) — гигантская кошка с двумя огромными клыками на верхней челюсти, жившая в середине следующей за мезозойской — кайнозойской эры. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

аллозавр[106].

— Или мегалозавр[107], — добавил Саммерли.

— Правильно. В данном случае это мог быть только один из крупных плотоядных динозавров. А к ним относятся самые ужасные виды животной жизни, какие только ходили по земле и украшали собой музеи. — Тут Челленджер громко и самодовольно расхохотался. Хоть профессор и не отличался чувством юмора, даже самая неуклюжая шутка, произнесенная им самим, вызывала в нем бурю восторга.

— Попрошу не шуметь, — резко сказал лорд Джон. — Мы ведь не знаем, кто может находиться поблизости. Если этот приятель вернется сюда, чтобы позавтракать, и застанет нас здесь, смеяться нам не придется. А кстати, что это за отметина на шкуре игуанодона?

На темной чешуйчатой синевато-серой коже где-то на уровне плеча находился черный круг из какого-то вещества, похожего на асфальт. Никто из нас не смог предположить, что это должно

---

[106] Примечания: 106

…аллозавр. — Хищный динозавр, достигавший десяти метров в длину. Жил в верхнеюрскую эпоху. Ходил на задних лапах. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[107] Примечания: 107

…мегалозавр… — Хищный динозавр, близкий в аллозавру. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

означать, хотя Саммерли сказал, что видел нечто похожее у одного из молодых игуанодонов два дня тому назад. Челленджер ничего не говорил, но был таким важным и надутым, словно знал ответ, но молчал; наконец лорд Джон не выдержал и задал ему вопрос прямо.

— Если ваша светлость милостиво позволит мне открыть рот, я буду счастлив высказать свое скромное мнение, — произнес профессор с наигранным сарказмом. — Я не привык спрашивать разрешения на каждом шагу, что, похоже, является вполне естественным для вас. Я не знал, что, для того чтобы улыбнуться безобидной шутке, необходимо ваше высочайшее соизволение.

И только выслушав извинения со стороны лорда Джона, наш обидчивый друг заставил себя успокоиться. Когда его гнев немного поутих, Челленджер обратился к нам. Он сидел на стволе упавшего дерева, разговаривая, по своей привычке, так, будто обращается с невероятно ценной информацией к тысячной аудитории.

— Что касается этих отметин, — сказал он, — то я склонен согласиться со своим другом и коллегой профессором Саммерли: это пятна асфальта. Поскольку плато по своей природе имеет явно вулканическое происхождение, а асфальт

является как раз той субстанцией, которая ассоциируется с глубинными, плутоническими силами[108], я нисколько не сомневаюсь, что он может находиться здесь в жидком состоянии, и эти существа вполне могли войти с ним в контакт. Но гораздо более важным является вопрос о существовании плотоядного монстра, оставившего свои следы на той поляне. Мы знаем, что по своим размерам это плато не больше среднего графства в Англии. На этом ограниченном пространстве невообразимое количество лет живет бок о бок определенное количество животных таких видов, которые в мире, расположенном у подножия плато, давно вымерли. Для меня совершенно очевидно, что за столь долгий период времени следовало бы ожидать, что хищные животные, размножаясь неконтролируемо, истребят запасы своей пищи. В результате им пришлось бы либо изменить свои плотоядные повадки, либо умереть с голоду. Однако, как мы видим, этого не произошло. Поэтому мы можем

[108] Примечания: 108

…плутоническими силами… — Плутонизм (по имени бога подземного царства Плутона из греческой мифологии) — геологическая теория конца XVIII — начала XIX века о ведущей роли в геологическом прошлом внутренних сил Земли, вызывающих извержения вулканов, землетрясения, сдвиги земной коры и т. п. Наиболее полно представлена в работе шотландского геолога Джеймса Геттона (1726–1797) «Теория Земли» (1795). *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

лишь предположить, что природное равновесие поддерживается здесь неким механизмом, ограничивающим численность этих кровожадных существ. Таким образом, один из многих вопросов, ждущих нашего ответа, звучит так: что это за механизм и как он работает. Хотелось бы верить, что в дальнейшем у нас еще будет возможность изучить плотоядных динозавров поближе.

— А мне хотелось бы верить, что нет, — вставил я.

Профессор лишь слегка поднял свои внушительные брови, как школьный учитель при неуместном замечании несдержанного ученика.

— Возможно, профессор Саммерли хотел бы высказаться о своих наблюдениях, — сказал он, и оба ученых мужа вознеслись в утонченную атмосферу научного спора, где доводам о возможности снижения рождаемости в качестве рычага в борьбе за выживание противостояли ограничения запасов пищи.

В то утро мы обследовали и нанесли на карту небольшой участок плато, избегая болота птеродактилей и уйдя от нашего ручья не на запад, а на восток. В этом направлении рос густой лес с таким количеством подлеска, что продвигались мы очень медленно.

До сих пор я останавливался исключительно на ужасах Земли Мейпла Уайта; но там было и много чудесного. В то утро мы постоянно шли среди прекрасных цветов. Я заметил, что они, в основном, были белые и желтые — самых примитивных оттенков, как объяснили наши профессора. В некоторых местах цветы полностью закрывали землю, и когда мы ступали по этому великолепному податливому ковру, утопая в нем по колено, головы наши дурманил сильный сладкий аромат. Повсюду жужжали обычные пчелы, такие как у нас на родине, в Англии. Ветви многих деревьев, под которыми мы проходили, клонились под тяжестью плодов, некоторые из них были нам знакомы, а другие оказались совершенно новыми. Наблюдая за тем, какие из плодов склевывают птицы, мы избежали опасности отравления и внесли в наш рацион изысканное разнообразие. В джунглях, через которые мы шли, было много утоптанных звериных троп, а в болотистых местах мы видели множество странных следов, включая отпечатки ног игуанодонов. Однажды в ложбине мы заметили несколько этих огромных животных, которые мирно паслись; лорд Джон, глядя в бинокль, сообщил, что у них также имеются пятна асфальта,

хотя и не в том месте, где мы видели такое пятно сегодня утром. Мы понятия не имеем, что может означать это странное явление.

Мы встретили много мелких животных, таких как дикобраз, чешуйчатый муравьед и дикая свинья — пегая, с длинными загнутыми клыками. Однажды через просвет между деревьями мы увидели вдалеке открытый зеленый склон холма, по которому на довольно большой скорости промелькнуло крупное животное серовато-коричневого цвета. Оно скрылось так быстро, что мы не успели рассмотреть, кто это был; если это действительно был олень, как утверждает лорд Джон, то он никак не меньше гигантских ирландских лосей, кости которых время от времени до сих пор находят в болотах моей родины.

После таинственного визита, который кто-то нанес в наш лагерь, мы всегда возвращались туда с неким опасением. Однако на этот раз все было в порядке.

В тот вечер у нас состоялся серьезный разговор относительно сложившейся ситуации и планов на будущее, который я должен описать подробнее, поскольку он привел к новому походу, позволившему нам получить больше знаний о Земле Мейпла Уайта, чем могли бы дать многие

недели исследований. Дебаты открыл Саммерли. Целый день он ворчал, а теперь какая-то реплика лорда Джона насчет того, что нам следует делать завтра, послужила поводом для того, чтобы выплеснуть накопившуюся желчь.

— Что нам действительно следует делать сегодня, завтра и постоянно, — сказал профессор, — так это искать выход из той ловушки, в которую мы угодили. Все ваши помыслы направлены на то, как забраться в эту страну поглубже. Я же считаю, что нам нужно найти способ отсюда выбраться.

— Я удивлен, сэр, — прогудел Челленджер, поглаживая свою величественную бороду, — что человек науки может испытывать столь постыдное чувство. Вы находитесь в стране, где амбициозному натуралисту предоставлены такие возможности, как никому другому за все время цивилизации; и вы предлагаете оставить Землю Мейпла Уайта, когда мы получили лишь самые поверхностные представления о местных обитателях. Я не ожидал от вас такого, профессор Саммерли.

— Вы забываете, — кисло сказал Саммерли, — что у меня в Лондоне есть много учеников, которые в настоящее время предоставлены ис-

ключительно моему неумелому заместителю. В этом заключается отличие моего положения от вашего, профессор Челленджер, так как, насколько мне известно, вам никогда не доверяли ответственной педагогической работы.

— Совершенно верно, — ответил Челленджер. — Я всегда считал кощунственным направлять мозг, способный к оригинальным исследованиям самого высокого уровня, на более мелкие задачи. Вот почему я всегда решительно отвергал любые предложения преподавательских должностей.

— Какие предложения, например? — ехидно спросил Саммерли; но здесь лорд Джон поспешил сменить тему разговора.

— Должен сказать, — вмешался он, — что лично я очень разочаруюсь, если мы вернемся в Лондон, прежде чем нам удастся узнать об этой стране намного больше, чем я знаю сейчас.

— А я после такого просто никогда не осмелюсь войти в редакцию своей газеты и посмотреть в глаза старику Мак-Ардлу, — добавил я. (Вы ведь извините мне мою излишнюю откровенность в изложении фактов, не правда ли, сэр?) — Он никогда не простит мне, что я упустил такой неистощимый материал. К тому же, насколько

я понимаю, обсуждать пока особенно нечего, поскольку спуститься сейчас мы все равно не сможем, даже если и очень захотим.

— Наш юный друг с успехом компенсирует некоторые очевидные пробелы в интеллектуальном плане определенной дозой примитивного здравого смысла, — заметил профессор Челленджер. — Интересы его прискорбной профессии для нас несущественны; но, как он правильно заметил, в любом случае мы не сможем спуститься, так что тратить силы на обсуждение не имеет смысла.

— Не имеет смысла тратить силы на что-либо другое, — проворчал Саммерли с трубкой в зубах. — Позвольте мне напомнить вам, что мы прибыли сюда с вполне определенной миссией, порученной нам собранием в Зоологическом институте в Лондоне. Эта миссия заключается в проверке правдивости заявлений профессора Челленджера. Вынужден признать, что в настоящий момент мы все полностью подтверждаем. Таким образом, поставленная перед нами задача выполнена. Что же касается деталей, которые остаются невыясненными, то задача эта настолько обширна, что справиться с ней может лишь большая экспедиция со специальным обору-

дованием. Если же мы предпримем попытку выполнить это самостоятельно, единственным возможным результатом может быть только то, что мы вообще никогда не вернемся и не сделаем того существенного вклада в науку, который в состоянии сделать уже сейчас. Профессор Челленджер придумал способ, как доставить нас на это плато, которое до этого казалось недоступным; думаю, что теперь нам нужно обратиться к нему с просьбой проявить такую же изобретательность, чтобы вернуть нас в мир, откуда все мы пришли.

Должен признаться, что точка зрения Саммерли показалась мне тогда вполне разумной. Даже на Челленджера произвел впечатление довод о торжестве его врагов, если подтверждение его заявлений никогда не достигнет ушей тех, кто в них сомневался.

— Проблема спуска на первый взгляд может показаться пугающей, — сказал он, — и все же я нисколько не сомневаюсь, что интеллекту по силам решить эту задачу. Я готов согласиться со своим коллегой, что в настоящее время длительная задержка на Земле Мейпла Уайта нежелательна и что в самом ближайшем будущем нам придется лицом к лицу столкнуться с задачей возвращения. Однако я наотрез отказы-

ваюсь возвращаться, пока мы не проведем хотя бы поверхностное обследование этой страны и не сможем взять с собой нечто наподобие карты.

Профессор Саммерли нетерпеливо фыркнул.

— Мы провели здесь два долгих и тяжелых дня, — возразил он, — но не узнали о географии этой местности больше, чем знали в самом начале. Уже понятно, что здесь растут густые девственные леса и уйдут месяцы на то, чтобы углубиться в них и исследовать все районы этой территории. Если бы тут имелся какой-либо пик, было бы другое дело, но до сих пор мы видели только уклон к центру. Чем дальше мы заходим, тем менее вероятно, что нам удастся найти место, с которого откроется общий вид.

В этот момент на меня нашло какое-то вдохновение. Мои глаза скользнули по громадному шишковатому стволу старого дерева гинкго, которое склонило над нами свои длинные ветви. Разумеется, если дерево это толще остальных в обхвате, то оно должно быть и самым высоким. Если края плато действительно являются его самой высокой точкой, тогда почему бы этому могучему дереву не сыграть роль смотровой башни, возвышающейся над всей страной? Я вырос в Ирландии и с тех пор умею прекрасно лазить

по деревьям. Мои друзья могли бы поучить меня, как карабкаться на скалы, но уверен, что среди ветвей дерева я чувствую себя увереннее их всех. Если бы мне только удалось встать на нижние сучья, то тогда уже ничто не могло бы помешать мне подняться на самую верхушку. Моя идея привела моих товарищей в восторг.

— Наш юный друг способен на акробатические трюки, которые не под силу человеку с более тяжелой, хотя, возможно, и более представительной фигурой, — сказал Челленджер, и щеки его довольно зарумянились, словно красные яблоки. — Я аплодирую вашей решительности.

— Боже мой, какой вы все-таки молодец, юноша! — сказал лорд Джон, похлопав меня по спине. — Ума не приложу, как мы сами до этого не додумались! Сейчас осталось уже не больше часа до того как стемнеет, но если вы возьмете с собой вашу тетрадь, то сможете сделать набросок местности. Если поставить под нижней веткой один на другой три ящика с патронами, я смогу подсадить вас.

Я повернулся лицом к стволу, лорд Джон встал на ящики и принялся осторожно поднимать меня; но тут к нам подскочил Челленджер и так подтолкнул меня вверх своей огромной

рукой, что буквально забросил на дерево. Схватившись за ветку обеими руками и подтянув ноги, я медленно забросил на нее колено, а затем вскарабкался полностью. Над моей головой находились три прекрасных боковых ответвления, словно ступени огромной лестницы, а над ними еще целое скопление удобных веток, и я поднимался наверх с такой скоростью, что очень скоро потерял землю из виду и подо мной осталась только густая листва. Время от времени мне приходилось сталкиваться с определенными трудностями, а в одном месте я футов десять карабкался по какой-то вьющейся лиане; но, тем не менее, я быстро двигался вверх, и гулкий голос Челленджера слышался уже где-то очень далеко внизу. Однако дерево оказалось просто громадным, и, подняв глаза вверх, я все еще не видел просвета между листьями. На ветке, на которой я стоял, я заметил какое-то напоминавшее густой куст растение-паразит, как мне тогда показалось. Я заглянул за него и от удивления и ужаса едва не свалился с дерева.

На меня с расстояния всего в какой-то фут или два в упор смотрело неизвестное существо. Оно пряталось по другую сторону растения и выглянуло в тот же момент, что и я. Это был человек — по

крайней мере, он был больше похож на человека, чем любая из обезьян, которых мне приходилось видеть раньше. Лицо было вытянутым, белесым и прыщеватым, нос приплюснут, нижняя челюсть выступала вперед, а вокруг подбородка торчала жесткая щетина. Глаза под густыми тяжелыми бровями были свирепыми, а когда существо открыло рот и издало грозный рык, прозвучавший для меня как проклятие, я увидел острые клыки. В его взгляде читались ненависть и угроза. Но уже в следующий момент они сменились выражением всепоглощающего испуга. Неизвестное существо быстро нырнуло вниз, и я услышал только хруст ломающихся под ним веток. Прежде чем оно скрылось, я успел заметить, что тело его покрыто редкими волосами, как у розовой свиньи.

— Что случилось? — встревоженно крикнул снизу Рокстон. — С вами все в порядке?

— Вы его видели? — крикнул я в ответ; обеими руками я вцепился в дерево, и нервы мои были на пределе.

— Мы слышали какой-то шум, как будто у вас нога соскользнула с ветки. Что это было?

Я был шокирован внезапным и странным появлением этого человека-обезьяны и засомневался, не стоит ли мне спуститься вниз и рассказать

об этой встрече своим товарищам. Но я уже так высоко взобрался на дерево, что было бы унизительным вернуться, не выполнив своего задания.

Поэтому после долгой паузы, которая потребовалась мне, чтобы восстановить дыхание и решимость, я продолжил восхождение. Один раз я встал на гнилой сук и на несколько секунд повис на руках, но, если не учитывать этого случая, взбираться мне было не трудно. Постепенно листва вокруг меня начала редеть, и по пахну́вшему мне в лицо свежему ветру я понял, что поднялся выше всех деревьев в этом лесу. Однако я твердо решил не смотреть по сторонам, прежде чем не окажусь на самой верхушке; поэтому я продолжал карабкаться вверх, пока не встал на последнюю ветку, которая начала гнуться под моим весом. Я уселся на удобной развилке и, надежно обосновавшись на этом месте, огляделся вокруг, на великолепную панораму страны, в которой мы очутились.

Солнце уже клонилось к западу, вечер был исключительно ясным, и мне было прекрасно видно все плато. С высоты оказалось, что оно представляет собой овал длиной примерно в тридцать миль и шириной около двадцати. По

форме плато напоминало неглубокую воронку, стенки которой имели уклон в сторону довольно большого озера, расположенного в центре. В свете угасающего дня это зеленое озеро, с берегами протяженностью около десяти миль, выглядело очень красиво: по краям росли густые заросли тростника, а поверхность была прорезана несколькими песчаными отмелями, которые в мягких вечерних лучах казались золотыми. На этих островках песка виднелось несколько длинных темных пятен, которые были больше чем аллигаторы и длиннее чем каноэ. В бинокль я четко видел, как они двигаются, но что это такое, понять так и не смог.

На той стороне плато, где сейчас находились мы, поросший лесом склон с несколькими пятнами полян тянулся вниз к центральному озеру на пять или шесть миль. Прямо у себя под ногами я видел поляну игуанодонов, а чуть дальше в круглом просвете между деревьями находилось болото птеродактилей. Однако противоположная сторона плато выглядела совершенно по-другому. Там базальтовые скалы, которые мы видели снаружи, находились и внутри, образуя крутой выступ высотой приблизительно в двести футов, с подножием, поросшим лесом. Вдоль основания

этих красноватых скал на некоторой высоте от земли я в бинокль заметил несколько темных отверстий, являющихся, как я решил, входами в пещеры. В одной из них мерцало что-то белое, но что именно — мне рассмотреть не удалось. Я зарисовывал карту местности, пока не село солнце и не стало так темно, что я уже не мог различать детали. Затем я спустился вниз к своим товарищам, которые с нетерпением ждали меня под деревом. Наконец-то и я стал настоящим героем. Я сам все придумал и сам все осуществил; и теперь мы имеем карту, которая избавит нас от слепых блужданий среди неизвестных опасностей в течение долгих месяцев. Каждый из участников экспедиции торжественно пожал мне руку.

Но прежде чем они принялись обсуждать мою карту, я должен был рассказать им о встрече среди ветвей с человеком-обезьяной.

— Он находился там все это время, — сказал я.

— Откуда вы это знаете? — спросил лорд Джон.

— Потому что меня ни на минуту не оставляло чувство, что за нами следит кто-то враждебно настроенный. Я говорил вам об этом, профессор Челленджер.

— Наш юный друг действительно говорил что-то в этом роде. К тому же он единственный из

нас, кто наделен кельтским темпераментом, делающим его столь чувствительным к подобным впечатлениям.

— Вся теория телепатии… — начал было Саммерли, набивая трубку.

— Слишком обширна, чтобы мы начали обсуждать ее прямо сейчас, — решительно закончил за него Челленджер. — А теперь скажите-ка мне, — продолжил он с видом епископа, обращающегося к слушателям воскресной школы, — вы случайно не заметили, могло ли это существо опускать большой палец поперек ладони?

— Нет, не заметил.

— Был ли у него хвост?

— Не знаю.

— Приспособлены ли его ноги, чтобы хвататься за ветки?

— Я думаю, что ему не удалось бы так быстро передвигаться по веткам, если бы оно не могло хвататься за них ногами.

— Если мне не изменяет память, в Южной Америке обитает — профессор Саммерли может меня поправить — примерно тридцать шесть видов обезьян, но о человекообразных обезьянах ничего не известно. Теперь, однако, ясно, что в этой стране они все-таки существуют, причем

это не волосатый вид, подобный гориллам, которые встречаются только в Африке и на Востоке. (Глядя на него, меня так и подмывало вставить, что я, тем не менее, встречал их близкого родственника прямо в Кенсингтоне.) Представители этого вида имеют усы и светлую кожу. Последнее обстоятельство указывает на то, что они живут на деревьях. Мы столкнемся здесь с вопросом, к кому это существо ближе — к обезьяне или к человеку. В последнем случае вполне можно предположить, что это то, что вульгарно называют «отсутствующим звеном»[109]. Решение этой проблемы является нашей прямой обязанностью.

— Ничего подобного, — резко прервал его Саммерли. — Теперь, когда благодаря сообразительности и ловкости мистера Мэлоуна — (я просто не могу не процитировать здесь эти его слова), — у нас в руках появилась карта, наша единственная прямая обязанность — выбраться из этого жуткого места живыми и здоровыми.

---

[109] Примечания: 109

Поскольку само это плато по своей природе имеет явно вулканическое происхождение, а асфальт является как раз той субстанцией, которая ассоциируется с глубинными, плутоническими силами… — «Месторождения асфальта обычно связаны с месторождениями нефти. Неясно, почему автор связывает асфальт с вулканическим происхождением плато» (Рождественский А. К. Примечания… — С. 244). (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

— К благам цивилизации, — проворчал Челленджер.

— К информационным возможностям цивилизации, сэр. Наш долг заключается в том, чтобы подробно записать увиденное нами и оставить дальнейшие исследования для других. Вы все с этим соглашались, до того как Мэлоун принес схему местности.

— Ну ладно, — сказал Челленджер, — я признаю, что мне тоже было бы спокойнее, если бы я был уверен, что результаты экспедиции переданы нашим друзьям. Но пока у меня нет никаких идей относительно того, как нам отсюда спуститься. Однако я еще никогда в жизни не сталкивался с проблемой, которую мой изобретательный мозг был бы не в состоянии решить, и я обещаю вам, что с завтрашнего дня обращу все свое внимание на вопрос о нашем спуске. — На том пока и порешили.

Тем вечером при свете костра и нашей единственной свечи была составлена первая карта Затерянного мира. Все детали, которые я отметил приблизительно, сидя на своей смотровой башне, теперь были расставлены в правильные относительно друг друга места. Карандаш Челленджера застыл над большим белым пятном,

обозначавшим озеро.

— Как мы его назовем? — спросил он.

— Почему бы вам не воспользоваться шансом увековечить собственное имя? — своим обычным ехидным тоном спросил Саммерли.

— Я верю, сэр, что потомки будут иметь другие, более существенные основания запомнить мое имя, — сурово отрезал Челленджер. — Любой невежда может сохранить бессмысленную память о себе, присвоив свое имя горе или реке. Такой монумент мне не нужен.

Саммерли с кривой улыбкой уже приготовился произнести какую-то очередную колкость, но в разговор поспешил вмешаться лорд Джон.

— Как назвать это озеро, должны решить вы, молодой человек, — сказал он. — Вы увидели его первым, и, честное слово, ни у кого не может быть больше прав, чем у вас, назвать его озером Мэлоуна.

— Конечно. Пусть наш юный друг сам даст ему имя, — согласился Челленджер.

— Тогда пусть оно зовется озером Глэдис. — Должен признаться, что, произнеся эти слова, я густо покраснел.

— А вы не находите, что «Центральное озеро» было бы точнее? — заметил Саммерли.

— Нет, я бы все-таки предпочел «Озеро Глэдис».

Челленджер сочувственно взглянул на меня и с притворным неодобрением покачал большой головой.

— Какое ребячество, — сказал он. — Тем не менее пусть будет озеро Глэдис.

Глава XII
В лесу было жутко

Я уже говорил, — а, может быть, и не говорил: в последние дни память меня часто подводит, — что я сиял от гордости, когда трое таких людей, как мои спутники, поблагодарили меня за то, что я спас положение или, по крайней мере, очень помог из него выйти. Как самый младший в нашей группе, — и не только по годам, но и по опыту, характеру, знаниям и всему тому, что делает человека мужчиной, — я с самого начала оставался в тени. А теперь мне наконец удалось проявить себя. Эта мысль согревала меня. Увы! Гордыня часто ведет к падению. Этой маленькой искре самодовольства, добавившей мне самонадеянности, суждено было в ту же ночь стать причиной самого страшного события в моей жизни, закончившегося шоком. При мысли об этом у меня по-прежнему сжимается сердце.

А дело было так. После приключения на дереве я был слишком возбужден и не мог заснуть. Саммерли, который в это время находился на дежурстве, сидел, съежившись, возле наше-

го маленького костра: угловатая согнувшаяся фигура, ружье на коленях, острая козлиная бородка, трясущаяся при каждом усталом кивке головы. Лорд Джон лежал тихо, завернувшись в свое южноамериканское пончо, а Челленджер громко храпел, и издаваемые им свистящие и рокочущие звуки эхом отдавались в лесу. Воздух был бодряще холодным, и с неба ярко светила полная луна. Замечательная ночь для прогулки! Внезапно у меня мелькнула мысль — а почему бы и нет? Предположим, что я сейчас потихоньку уйду, предположим, дойду до центрального озера, предположим, вернусь к завтраку с новыми зарисовками местности — в этом случае все, безусловно, будут считать меня еще более полезным членом нашей команды. И тогда, если Саммерли все-таки настоит на своем и если будут найдены средства к спасению, мы вернемся в Лондон, имея достоверную информацию о главной тайне этого плато, которую удалось открыть мне, мне одному. Я подумал о Глэдис и о ее словах, что «всегда есть возможность совершить подвиг». Мне казалось, что голос ее звучит прямо у меня в ушах. Я также вспомнил о Мак-Ардле. Какая статья на целых три колонки получится для нашей газеты! Она станет фундаментом моей

будущей карьеры! Тогда меня могут послать на следующую большую войну в качестве военного корреспондента. Я схватил ружье, — карманы у меня были полны патронов, — и, отодвинув колючие кусты, заменявшие ворота в нашем лагере, быстро выскользнул наружу. Бросив последний взгляд назад, я увидел дремлющего Саммерли, нашего совершенно бесполезного часового: он по-прежнему кивал головой над тлеющим костром, словно сломавшаяся механическая игрушка.

Не успел я пройти и сотни ярдов, как уже пожалел о своем опрометчивом решении. Возможно, я уже упоминал, что у меня слишком богатое воображение для того, чтобы быть по-настоящему смелым. Мной движет непреодолимый страх, что кто-то может подумать, будто я испугался. Именно эта сила и толкала меня сейчас вперед. Теперь я уже просто не мог вернуться в лагерь, так ничего и не сделав. Даже если бы мои друзья не заметили моего отсутствия и никогда не узнали о моей слабости, мне все равно было бы стыдно перед самим собой. И, тем не менее, я содрогался при мысли о положении, в котором оказался, и в тот момент готов был отдать все, лишь бы только с честью выйти из этой ситуации.

В лесу было просто жутко. Деревья росли так

густо и листва их раскидывалась так широко, что свет луны не пробивался вниз; лишь кое-где в просветах среди высоких ветвей я видел кусочки звездного неба. Когда глаза немного привыкли к темноте, выяснилось, что у мрака под деревьями есть оттенки: стволы деревьев все-таки были смутно различимы, тогда как между ними и позади них зияли абсолютно черные, как уголь, пятна тени, словно входы в таинственные пещеры. Проходя через них, я весь сжимался от ужаса. Мне вспомнился отчаянный предсмертный вопль игуанодона — леденящий душу крик, эхом разносившийся по всему лесу. Перед глазами также возникла перепачканная кровью, обрюзгшая, бородавчатая морда, которую я на какое-то мгновение увидел в свете факела лорда Джона. Я и теперь находился в охотничьих угодьях этого чудовища. В любой момент оно могло выскочить на меня из темноты — безымянный и свирепый монстр. Я остановился и вынул из кармана патрон, чтобы зарядить ружье. Когда я взялся за рычаг казенника, все внутри у меня оборвалось. Я взял с собой не винтовку, а дробовик!

Вновь меня охватило жгучее желание вернуться. Теперь, конечно, для этого был прекрасный повод: в подобных обстоятельствах никто уже не

мог бы меня упрекнуть. Но снова глупая гордость взяла верх над здравым смыслом. Я не имел права потерпеть неудачу. В конце концов, против тех опасностей, которые я, возможно, встречу, ружье может оказаться столь же бесполезным, как и дробовик. Если я вернусь в лагерь, чтобы поменять оружие, то вряд ли мне удастся войти и выйти, оставаясь незамеченным. Последовали бы объяснения, и моя попытка не принадлежала бы больше мне одному. После некоторых колебаний я собрал все свое мужество и продолжил путь, неся под мышкой бесполезное оружие.

Темнота леса была тревожной, но еще более пугающей выглядела поляна игуанодонов, залитая белесым лунным светом. Прячась за кустами, я выглянул. Никого из огромных животных не было. Возможно, трагедия, унесшая жизнь одного из них, отпугнула их от этого пастбища. В серебристых лучах луны я не заметил никаких признаков жизни. Поэтому, собравшись с духом, я быстро проскочил через открытое место и в джунглях на другой стороне наткнулся на ручей, ставший моим проводником. Это был веселый попутчик, он что-то бормотал и посмеивался на бегу, в точности как мой старый знакомый ручей в Западных графствах, где я еще мальчишкой ло-

вил по ночам форель. Идя вдоль ручья, я должен был выйти к озеру, а по дороге назад он точно так же выведет меня к лагерю. В густом кустарнике я частенько терял ручей из виду, но мне всегда удавалось быстро находить его по журчанию и плеску воды.

Ниже по склону лес начинал редеть, и его сменил кустарник с отдельными высокими деревьями. Поэтому здесь я мог продвигаться быстрее; к тому же теперь мне хорошо было видно вокруг, а сам я оставался скрытым растительностью. Я прошел совсем близко от болота птеродактилей, и когда я был там, откуда-то, совсем рядом со мной, с сухим кожистым шуршанием взмыло в воздух одно из этих громадных существ — размах крыльев у него был не менее двадцати футов. Пролетая надо мной, птеродактиль закрыл собой луну и в просвечивающих сквозь его перепончатые крылья белых лучах стал похож на летающий скелет. Я низко пригнулся за кустами, поскольку по опыту знал, что всего один тревожный крик птеродактиля может привести к нападению на меня сотни его омерзительных собратьев. И только когда все опять полностью успокоилось, я осмелился продолжить свое путешествие.

Ночь была очень тихой, но по мере продвиже-

ния вперед я стал различать низкий грохочущий звук, какое-то непрерывное бормотание где-то впереди меня. Звук становился все громче, я явно приближался к его источнику. Наконец стало понятно, что звук исходит из какого-то места рядом со мной. Когда я остановился и прислушался, шум оставался неизменным, как будто источник его был неподвижным. Это напоминало кипение чайника или бульканье какого-то большого котла. Вскоре я понял причину этих звуков, так как в центре небольшой поляны нашел озеро — или скорее лужу, поскольку размерами оно не превышало бассейн вокруг фонтана на Трафальгарской площади, — с какой-то черной, напоминающей смолу жидкостью, на поверхность которой поднимались и лопались большие пузыри газа. Воздух над ней обжигал жаром, а земля вокруг была такой горячей, что я не мог удержать на ней руку. Было понятно, что мощный вулканический процесс, в результате которого много лет тому назад образовалось это странное плато, еще не угас. Я и раньше замечал, что буйная растительность укрывает здесь потемневшие камни и языки застывшей лавы, но эта лужа асфальта в джунглях была первым подтверждением того, что на склонах древнего кратера по-прежнему

имеет место вулканическая активность. У меня не было времени рассмотреть это место внимательнее, поскольку я должен был торопиться, чтобы вернуться в лагерь к утру.

Это была прогулка, полная страхов, прогулка, которую мне не забыть никогда. Когда мне попадались залитые лунным светом поляны, я крался в тени вдоль их края. В джунглях я пробирался вперед, с замиранием сердца останавливаясь всякий раз, когда слышал хруст веток, ломающихся под ногами какого-то проходящего мимо меня зверя. Время от времени передо мной на мгновение возникали и тут же исчезали большие тени: огромные и беззвучные, они, казалось, передвигались на мягких лапах. Сколько раз я останавливался, намереваясь повернуть назад, но все же моя гордость неизменно брала верх над страхом и посылала меня вперед, к достижению намеченной цели.

Наконец (на моих часах был час ночи) сквозь просвет в джунглях я увидел блеск воды и через десять минут был уже в зарослях тростника на берегу центрального озера. Мне очень хотелось пить, поэтому я лег и надолго припал к воде, которая оказалась свежей и холодной. Там, где я вышел, находилась широкая тропа с множеством

следов: видимо, это был один из водопоев местных животных. У самой воды отдельно лежал огромный валун из лавы. Когда я взобрался на него и лег на его вершине, мне открылся великолепный обзор во всех направлениях.

То, что я увидел, вызвало у меня изумление. Описывая вид с верхушки дерева, я говорил, что заметил на дальнем склоне скалы ряд темных пятен, показавшихся мне входами в пещеры. Теперь же, глядя на эту скалу, я видел в тех же местах круги света, — рыжеватые, четко очерченные пятна, словно бортовые иллюминаторы большого лайнера в темноте. Сначала я решил, что это может быть свечение лавы вследствие какого-то вулканического процесса, но потом понял, что это не так. Любая вулканическая активность могла происходить только где-то внизу, в расселине, но уж никак не высоко среди скал. Тогда что же это было? Это было удивительно, но, тем не менее, действительно имело место. Рыжеватые пятна могли быть отсветом огня в пещерах — костров, которые способна развести только рука человека. Значит, на плато обитали человеческие существа. Это знаменательное открытие полностью оправдывало мою экспедицию! С такой новостью можно было возвращаться в Лондон!

Я пролежал довольно долго, всматриваясь в красноватые, колеблющиеся пятна света. Думаю, что они находились милях в десяти от меня; но даже на таком расстоянии можно было различить, как время от времени они мигали или становились тусклыми, когда кто-то проходил мимо и заслонял их. Чего бы я только ни отдал, чтобы подползти туда и заглянуть внутрь, а затем рассказать моим друзьям о внешнем виде и нравах расы, обитающей в этом странном месте! В данный момент, конечно, об этом не могло быть и речи, но теперь, безусловно, мы не могли просто так оставить это плато, не получив по этому поводу какого-то определенного представления.

Озеро Глэдис — мое собственное озеро — лежало передо мной, словно разлитая ртуть, и в центре его отражалась яркая луна. Оно было мелким, и во многих местах я заметил выступающие из воды песчаные отмели. На неподвижной поверхности повсюду виднелись следы жизни: иногда — просто рябь и круги на воде, иногда — прыжок в воду большой рыбы с серебристыми боками, а порой — появление выгнутой дугой серовато-коричневой спины какого-то проплывающего монстра. Однажды на фоне желтого песка я увидел животное, похожее на гигантского

лебедя, с неуклюжим телом и длинной гибкой шеей, которое шаркающими шагами двигалось по краю отмели. Потом оно зашло в воду, и я еще некоторое время мог видеть раскачивающуюся над поверхностью выгнутую шею с вытянутой головой. Затем животное нырнуло, и больше я его не видел.

Но вскоре я отвлекся от всех этих далеких объектов, потому что мое внимание привлекло происходившее прямо у меня под ногами. На водопой пришли двое животных, напоминающих собой броненосцев; они припали к воде и принялись лакать ее длинными и гибкими, словно красные ленты, языками. Затем громадный олень — великолепное животное, величественное, словно король, — спустился вниз вместе со своей оленихой и двумя детенышами и принялся пить рядом с броненосцами. Таких гигантских оленей больше нигде на земле не существует, потому что любой самый крупный лось, какого мне приходилось видеть, едва доходил бы этому зверю до плеча. Потом олень тревожно фыркнул и тут же скрылся со своей семьей в камышах; броненосцы также спешно бросились в укрытие. По тропе явно двигался кто-то большой и опасный.

Сначала я не мог понять, где же я раньше видел

эту нескладную фигуру, выгнутую дугой спину с цепочкой треугольных выступов, странную птичью голову, наклоненную очень близко к земле. Но внезапно я вспомнил. Это был стегозавр — то самое животное, изображение которого сохранил в своей записной книжке Мейпл Уайт и которое первым привлекло внимание Челленджера! Возможно, это тот самый экземпляр, с которым столкнулся американский художник. Земля содрогалась под громадным весом животного, а звук его мощных глотков эхом разносился в тишине ночи. Целых пять минут стегозавр стоял так близко к моему камню, что, протянув руку, я мог бы коснуться раскачивающегося гребня у него на спине. Затем он тяжелыми шагами ушел прочь и скрылся среди валунов.

Взглянув на часы, я увидел, что было уже половина третьего, а значит, мне следовало отправляться в обратный путь. Сложностей с определением направления у меня не возникло, поскольку мне все время нужно было держаться справа от моего маленького ручья, а он впадал в озеро на расстоянии брошенного камня от той скалы, на которой я лежал. Поэтому я тронулся в путь в приподнятом настроении, с чувством, что выполнил свою работу хорошо и, вернувшись,

смогу сообщить своим друзьям много важных новостей. В первую очередь, конечно, это касалось огней в пещерах и убежденности в том, что там обитает какая-то раса троглодитов[110]. Но помимо этого я мог бы немало рассказать и о центральном озере. Я готов был подтвердить, что оно полно странных существ, да к тому же мне удалось увидеть там и несколько форм наземной жизни, которые раньше нам не встречались. На ходу я размышлял о том, что очень не многие люди в мире могли бы похвастаться тем, что провели такую странную ночь и в ходе ее расширили познания человечества о природе.

Занятый этими мыслями, я взбирался вверх по склону и достиг уже примерно середины пути, когда странный звук сзади вернул меня к действительности. Он был низким, глубоким и угрожающим, что-то среднее между храпом и рычанием. Неподалеку от меня явно находилось какое-то странное существо, но, оглянувшись, я ничего не заметил и поэтому пошел еще быстрее.

---

[110] Примечания: 110

...«отсутствующим звеном». — В додарвиновских эволюционистических теориях и долгое время спустя после открытий Ч. Дарвина антропологи, рассматривавшие развитие жизни на Земле как звенья одной цепи, искали вид, который должен был заполнить пустое место между человекообразными обезьянами и человеком — так называемое «отсутствующее звено». *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

Я преодолел примерно полмили, когда этот звук послышался снова, по-прежнему позади меня. На этот раз он был более громким и зловещим. Сердце мое буквально замерло, когда я вдруг осознал, что это животное, кем бы оно ни было, преследует именно *меня*. От этой мысли я похолодел, и волосы мои встали дыбом. То, что эти чудовища рвали друг друга на куски, было частью их странной борьбы за существование, но то, что они могут переключиться на современного человека, намеренно идти по следам и охотиться на человеческое существо, находящееся по развитию выше их, показалось мне ошеломляющей и страшной мыслью. Словно видение с самого глубокого круга Дантова «Ада», я снова вспомнил перепачканную в крови морду, которую мы рассмотрели при свете факела лорда Джона. С трясущимися от страха коленями я остановился и, повернувшись, стал всматриваться в освещенную луной тропинку позади меня. Все было абсолютно неподвижно, как во сне. Все, что мне удалось увидеть, — лишь серебристые прогалины и темные пятна кустов. Затем в полной тишине, неотвратимо и грозно, вновь прозвучало низкое, гортанное хрипение, но уже намного громче и ближе, чем до сих пор. Теперь никаких сомнений не оставалось: кто-

то шел по моему следу, приближаясь с каждой минутой.

Я стоял, словно парализованный, пристально глядя назад. Внезапно я что-то заметил. В кустах на дальнем конце поляны, которую я только что пересек, наметилось какое-то движение. От деревьев отделилась большая тень и выпрыгнула на освещенное луной место. Я умышленно сказал «выпрыгнула», поскольку животное это передвигалось, как кенгуру, прыгая в вертикальном положении на своих мощных задних лапах, тогда как передние были согнуты. Оно было громадным по размеру и явно очень сильным, словно стоящий на задних ногах слон, но движения животного, несмотря на массивность, были очень осторожными. В первый момент, увидев эту фигуру, я понадеялся, что это игуанодон, который, как мне известно, довольно безобиден; но каким бы невежественным в этих вопросах я ни был, я тут же понял, что это совсем другое существо. В отличие от благородной оленьей головы большого трехпалого поедателя листьев морда у этого чудища была широкой и приплюснутой и напоминала жабью, как у того животного, которое приходило к нашему лагерю. Свирепый крик и дикая энергия во время преследования убедили

меня в том, что это, безусловно, один из больших хищных динозавров — самых ужасных созданий, которые когда-либо ступали по этой планете. Продвигаясь вприпрыжку вперед, этот гигантский зверь то и дело опирался на передние лапы и через каждые двадцать ярдов припадал носом к земле. Он явно вынюхивал мой след. Иногда казалось, что чудовище на мгновение потеряло его. Но оно тут же находило след и быстро двигалось вдоль тропинки, по которой прошел я.

Даже теперь, когда я вспоминаю этот ночной кошмар, на лбу у меня выступает холодный пот. Что мне оставалось делать? В руках у меня попрежнему было бесполезное в данном случае ружьишко для охоты на куропаток. Что толку в нем сейчас? В отчаянии я оглянулся кругом в поисках какой-то скалы или дерева, но я стоял посреди местности, заросшей кустарником, и ничего выше молодого деревца поблизости не было; к тому же я знал, что это животное в состоянии сломать и большое дерево, словно тростинку. Мой единственный шанс заключался в бегстве. По изрытой ямами и трещинами земле я не мог двигаться быстро, но, безнадежно оглядываясь вокруг, я заметил впереди себя хорошо утоптанную тропу. Во время наших походов мы

встречали много таких троп, оставленных дикими животными. По этой дороге я вполне мог бы и припустить, потому что я хороший бегун, да к тому же в прекрасной форме. Отбросив в сторону бесполезный дробовик, я промчался следующие полмили так, как не бегал никогда, ни раньше, ни впоследствии. Ноги мои гудели, грудь лихорадочно вздымалась. Мне казалось, что мое горло просто разорвется от недостатка воздуха, а я все бежал, бежал и бежал, подгоняемый страхом. Наконец я остановился, не в состоянии двигаться дальше. На какой-то миг мне показалось, что я оторвался от преследования: на тропинке позади меня было тихо. Но уже в следующее мгновение сквозь звук ломающихся и раздираемых веток снова послышался топот гигантских ног и шумное дыхание монстра. Он опять догнал меня, и я понял, что пропал.

С моей стороны было настоящим безумием пуститься наутек так поздно! До сих пор динозавр ориентировался по запаху и двигался медленно. Но когда я побежал, он увидел меня. Теперь ему помогало зрение, поскольку сейчас уже тропа показывала, куда я двигаюсь. Вот он появился из-за поворота, перемещаясь громадными скачками. Лунный свет отражался в его больших выпучен-

ных глазах, на ряде длинных зубов в раскрытой пасти, на жутких когтях на коротких и мощных передних лапах. С криком ужаса я повернулся и вновь бросился бежать по тропе. Позади меня все громче и громче слышалось свистящее дыхание чудовища, его тяжелые шаги звучали уже совсем близко. В любой момент я ждал, что вот-вот оно схватит меня за спину. Внезапно раздался какой-то грохот — я почувствовал, что куда-то падаю, и все вокруг меня покрылось мраком.

Когда я снова пришел в себя, — думаю, что я не мог оставаться без сознания дольше нескольких минут, — я ощутил ужасный, резкий запах. Протянув руку в темноту, я наткнулся на что-то, напоминающее на ощупь огромный кусок мяса, тогда как другая рука схватила большую кость. Прямо надо мной сиял круг звездного неба, благодаря чему я понял, что лежу на дне глубокой ямы. Я медленно поднялся на ноги и ощупал себя. Все тело, от головы до пят, болело, но зато конечности были целы и все суставы работали. Когда в моем сознании восстановились обстоятельства падения, я с ужасом поднял глаза, ожидая увидеть на тусклом фоне ночного неба силуэт страшной головы. Однако монстра видно не было, и сверху не доносилось ни звука. Я принялся медленно

двигаться по кругу, пытаясь на ощупь понять, что это за странное место, куда я так своевременно свалился.

Как я уже сказал, это была яма с крутыми стенами, имевшая в поперечнике примерно двенадцать футов. Все дно ее было усеяно громадными кусками мяса, большинство из которых находилось на последней стадии разложения. От жуткого, ядовитого смрада я едва мог дышать. Постоянно спотыкаясь об эти гниющие глыбы, я вдруг наткнулся на что-то твердое — это был вертикальный шест, прочно закрепленный посередине провала и настолько высокий, что я не смог дотянуться до его верхушки рукой. Похоже, что он был смазан жиром.

Внезапно я вспомнил про жестяную коробочку с восковыми спичками, лежавшую у меня в кармане. Чиркнув одной из них, я смог наконец-то составить мнение о месте, в которое я упал. Никаких сомнений о его природе быть не могло: это явно была западня, причем сделанная руками человека. Шест в центре, длиной около девяти футов, был заострен сверху. Он весь почернел от застывшей крови животных, которые на него падали. Разбросанные вокруг останки представляли собой фрагменты тел жертв, расчлененные

на куски, чтобы освободить место для следующего зверя, который мог упасть на этот кол. Я вспомнил заявление Челленджера, что человек не может жить на этом плато, поскольку своим немощным оружием он не в состоянии защитить себя от обитающих здесь чудовищ. Но теперь стало понятно, как все было устроено. Убежищем для аборигенов, кем бы они ни были, служили пещеры с узким входом, куда не могли проникнуть огромные доисторические ящеры, а развитый ум помогал людям строить такие вот закрытые сверху ветками ловушки на звериных тропах, способные убить любое животное, несмотря на его силу и ловкость. Люди и здесь оставались хозяевами положения.

Как человеку тренированному, мне нетрудно было взобраться по наклонной стене ямы, но я долго колебался, прежде чем подняться наверх, где я опять оказывался в пределах досягаемости ужасного динозавра, который едва не убил меня. Откуда мне было знать, не прячется ли он за ближайшими кустами, ожидая моего появления? Однако я все же собрался с духом, потому что вспомнил разговор между Челленджером и Саммерли о повадках больших ящеров. Оба единодушно сходились во мнении, что эти чудища

практически лишены мозга, что в их крошечных черепных коробках нет места ни капле разума и что, если они полностью вымерли, то, безусловно, исключительно из-за собственной тупости, которая не позволила им адаптироваться к меняющимся условиям существования.

Если бы чудовище лежало и ждало меня, это означало бы, что зверь оценил то, что со мной произошло, а это, в свою очередь, предполагало бы его способность связать между собой причину и следствие. Конечно же, вероятнее всего это безмозглое создание, руководствуясь только инстинктом хищника, прекратило преследование, когда я вдруг исчез, и после некоторого замешательства отправилось на поиски другой добычи. Я добрался до края ямы и выглянул наружу. Звезды уже начали гаснуть, небо посветлело, и в лицо мне приятно пахну́л свежий утренний ветерок. Моего врага не было ни видно, ни слышно. Я медленно поднялся наверх и еще некоторое время посидел на краю ямы, готовый спрыгнуть в свое убежище в случае опасности. Затем, успокоенный тем, что по-прежнему было тихо и при этом становилось все светлее, я собрал все свое мужество и, крадучись, двинулся назад по тропе, которая привела меня сюда. Через некоторое

время я подобрал свой дробовик, а затем натолкнулся и на ручей, служивший мне ориентиром. Так, постоянно испуганно оглядываясь по сторонам, я наконец направился обратно в лагерь.

Вдруг я услышал звук, напомнивший мне о моих товарищах, которых сейчас не было рядом. В чистом и неподвижном утреннем воздухе где-то вдалеке прозвучала резкая и громкая нота одиночного выстрела. Я остановился и прислушался, но больше ничего не последовало. На мгновение меня поразила мысль, что моим друзьям могла угрожать какая-то внезапная опасность. Но затем мне в голову пришло более простое и более естественное объяснение. Сейчас уже полностью рассвело. Вне всяких сомнений, мое отсутствие было тут же замечено. Мои друзья решили, что я заблудился в лесу, и выстрелили в воздух, чтобы указать мне дорогу назад. Правда, мы ввели строгий запрет на стрельбу, но, решив, что я оказался в беде, они бы не колебались. Теперь я должен был вернуться как можно скорее, чтобы успокоить их.

Я выбился из сил, поэтому мое продвижение было не таким быстрым, как мне бы того хотелось; но в конце концов я вышел к знакомым уже мне местам. Слева находилось болото птеродактилей,

прямо передо мной была поляна игуанодонов. Теперь я дошел до последней полосы деревьев, отделявшей меня от Форта Челленджер. Набрав побольше воздуха, я бодро закричал, чтобы унять страхи моих друзей. Но мне никто не ответил. От этой зловещей тишины сердце мое упало. Я бросился бежать. Передо мной появилась наша колючая ограда, невредимая, какой я ее и оставил; но ворота были открыты. Я кинулся внутрь. В холодных лучах утреннего солнца глазам моим предстала страшная картина. Наши пожитки в беспорядке валялись на земле; мои друзья исчезли, а рядом с тлеющими углями потухшего костра трава была перепачкана красным — там была ужасная лужа крови.

Я был настолько ошеломлен этим неожиданным ударом, что на некоторое время почти потерял рассудок. Смутно припоминаю, как я, словно в страшном сне, бежал через лес вокруг опустевшего лагеря, призывая своих друзей. Но мрачные тени джунглей оставались безмолвными. Ужасные мысли о том, что я могу их больше никогда не увидеть, что я могу остаться покинутым в полном одиночестве в этом жутком месте, не имея возможности спуститься в близкий мне мир внизу, что я могу прожить всю жизнь и уме-

реть в этой стране кошмаров, доводили меня до отчаяния. От безысходности я готов был рвать на себе волосы и биться головой о стену. Только теперь я осознал, насколько привык полагаться на своих товарищей: на спокойную уверенность Челленджера, на властную невозмутимость ироничного лорда Джона Рокстона. Без них я чувствовал себя ребенком в темной комнате, беззащитным и беспомощным. Я не знал, куда повернуть и что делать дальше.

После некоторого смятения я заставил себя успокоиться и попытаться выяснить, какое внезапное несчастье могло случиться с моими друзьями. Полный беспорядок в лагере свидетельствовал о каком-то нападении, а ружейный выстрел, без сомнения, указывал время, когда это произошло. То, что имел место всего один выстрел, говорило о том, что все произошло мгновенно. Ружья остались лежать на земле, а в казеннике одного из них — принадлежавшего лорду Джону — осталась стреляная гильза. Брошенные возле костра одеяла Челленджера и Саммерли подтверждали, что они в тот момент спали. Ящики с боеприпасами и едой были разбросаны в диком беспорядке вместе с нашими злосчастными фотокамерами и фотографически-

ми пластинками, но ничего не пропало. С другой стороны, вся распакованная провизия — а ее, насколько я помнил, было немало — исчезла. Следовательно, набег был осуществлен животными, а не туземцами, потому что последние точно бы ничего не оставили.

Но если это были животные, — или какое-то одно ужасное животное, — тогда что же произошло с моими друзьями? Правда, на земле оставалась страшная лужа крови, что говорило о жестоком применении силы. Чудовище, преследовавшее меня этой ночью, могло унести свою жертву с такой же легкостью, с какой кошка уносит мышь. В этом случае остальные бросились бы за ним в погоню. Но тогда они наверняка взяли бы с собой свои ружья. Чем больше мой уставший и сбитый с толку мозг старался разложить все по полочкам, тем дальше я был от какого-либо приемлемого объяснения случившемуся. Я обследовал лес вокруг лагеря, но не смог обнаружить никаких следов, которые помогли бы мне прийти к определенному мнению. В итоге я заблудился, и мне очень повезло, когда после целого часа блужданий я снова вышел к нашему лагерю.

Внезапно мне в голову пришла мысль, которая немного успокоила меня. Я не был абсолютно

один в этом мире. Внизу, у подножия скалы, на расстоянии окрика продолжал ждать наш верный Замбо. Я подошел к краю плато и заглянул вниз. Конечно же, он сидел на корточках в своем маленьком лагере перед костром, среди одеял. Но, к моему огромному удивлению, рядом с Замбо сидел еще один человек. В первый момент мое сердце затрепетало от радости, поскольку я решил, что одному из моих друзей удалось благополучно спуститься вниз. Но уже в следующий миг надежды мои рассеялись. В лучах восходящего солнца было видно, что кожа этого человека красноватого цвета. Это был индеец. Я громко закричал и замахал носовым платком. Замбо сразу поднял глаза, помахал мне рукой и стал подниматься на утес. Вскоре он уже стоял на его вершине недалеко от меня и с глубокой скорбью слушал мой рассказ о случившемся.

— Их забрал дьявол, масса Мэлоун, это точно, — сказал Замбо. — Вы попали в страну дьявола, сэр, и он берет всех вас к себе. Послушайтесь моего совета, масса Мэлоун, и спускайтесь быстрее вниз, пока он и вас не забрал.

— Как же я могу спуститься, Замбо?

— Возьмите лианы с деревьев, масса Мэлоун. Бросьте их сюда. Я их крепко привяжу к этому

пню, и у вас будет мост.

— Мы уже думали об этом. Здесь нет таких лиан, которые могли бы нас выдержать.

— Тогда пошлите за веревками, масса Мэлоун.

— Кого же я могу послать за ними и куда?

— Пошлите в индейскую деревню, сэр. Много веревок из шкур в индейской деревне. Там внизу сидит индеец, пошлите его.

— Кто он?

— Это один из наших индейцев. Другие индейцы побили его и отобрали его деньги. Он вернулся к нам. Теперь он готов забрать письмо, принести веревки — что хотите.

Забрать письмо! А почему бы и нет? Возможно, ему даже удастся привести с собой помощь; но, в любом случае, индеец мог бы сделать так, чтобы жизни наши были потрачены не зря и чтобы известия о том, что нам удалось узнать для науки, достигли наших друзей на родине. У меня уже было два оконченных письма. Мне оставалось написать третье, которое охватит самые последние события, вплоть до сегодняшнего дня. Индеец сможет передать его в цивилизованный мир. Поэтому я отдал Замбо распоряжение опять прийти сюда вечером и провел остаток этого несчастливого и одинокого для меня дня

за описанием моих ночных приключений. Я также написал записку, которую индеец должен передать любому белому торговцу или капитану парохода, какого ему только удастся найти; в этой записке я умолял проверить, какие веревки нам передадут, поскольку от этого зависит наша жизнь. Все эти бумаги я перебросил вечером Замбо, вместе с моим кошельком, в котором лежали три английских соверена. Их нужно было отдать индейцу и пообещать вдвое больше, если он вернется с веревками.

Так что теперь, мой дорогой Мак-Ардл, вы поймете, каким именно образом к вам попадают мои послания, а также узнаете правду о нас, на случай, если вы больше никогда не получите весточку от своего несчастного корреспондента. Сегодня вечером я слишком устал и слишком опустошен, чтобы строить какие-то планы. Завтра мне предстоит обдумать, каким образом я мог бы, не теряя возможности пользоваться защитой нашего лагеря, вести поиск следов моих пропавших друзей.

Глава XIII
Картина, которую я никогда не забуду

Когда солнце стало клониться к закату, знаменуя наступление унылой для меня ночи, на обширной равнине далеко внизу я увидел одинокую фигуру индейца; я долго следил за ним, — единственной призрачной надеждой на избавление, — пока он наконец не скрылся в розоватой от лучей заходящего солнца туманной дымке, которая отделяла меня от далекой спасительной реки.

Было уже совсем темно, когда я вернулся в наш разоренный лагерь. Последнее, что я увидел, уходя, были красные отблески костра Замбо — одинокий огонек света во всем бескрайнем мире. Этот огонек согревал мою сумрачную душу, подтверждая, что я здесь все-таки не один. Но, благодаря моим действиям после того как на меня обрушился этот разительный удар, я все же чувствовал теперь определенное облегчение: приятно было сознавать, что мир узна́ет о том, что нам удалось сделать, и таким образом наши имена не исчезнут бесследно вместе с нашими

телами, а будут ассоциироваться у потомков с открытиями, которые нам удалось совершить.

Спать в лагере, отмеченном злым роком, было страшно; но заснуть в джунглях все-таки было еще страшнее. Выбирать не приходилось. С одной стороны, благоразумие подсказывало мне, что я должен бодрствовать и оставаться начеку, а с другой стороны, мой изможденный организм говорил, что делать этого не нужно. Я вскарабкался на нижний сук большого дерева гинкго, но на его закругленной поверхности невозможно было устроиться безопасно: я, безусловно, свалился бы вниз и свернул себе шею, едва задремав. Поэтому я снова спустился и стал думать, что же предпринять. В конце концов я закрыл ворота, разжег три отдельных костра, расположив их треугольником, плотно поужинал и провалился в крепкий сон, пробуждение от которого было весьма странным и чрезвычайно приятным.

Лишь только забрезжило утро, как мне на плечо легла чья-то рука; я вздрогнул, нервы мои мгновенно напряглись, а сам я потянулся за ружьем. Но тут же у меня вырвался крик радости, поскольку в утренних лучах солнца я увидел присевшего рядом со мной лорда Джона Рокстона.

Это, конечно, был он — и в то же время уже не

он. Когда я в последний раз видел его, это был спокойный, исполненный чувства собственного достоинства, опрятно одетый человек. Сейчас лорд Джон поражал бледностью, взгляд его блуждал; Джон Рокстон тяжело дышал, словно бежал долго и быстро. Его суровое лицо было поцарапано и испачкано кровью, одежда превратилась лохмотья, шляпы на голове не было. Я изумленно глядел на него, но он не дал мне о чем-либо спросить, а тут же принялся хватать наше имущество.

— Быстрее, юноша! Быстрее! — крикнул Джон Рокстон. — Дорога каждая минута. Берите ружья, оба. Я беру два других. Хватайте все патроны, какие только сможете унести. Набивайте ими свои карманы. Теперь — немного еды. Полдюжины банок будет достаточно. Отлично! Времени на разговоры или размышления у нас нет. Вперед, или мы все погибнем!

Спросонья, еще не совсем понимая, что все это может означать, я бешено мчался за ним по лесу, с ружьями под мышками и полными руками всяких припасов. Лорд Джон несся впереди, оббегая самые густые заросли низкорослого подлеска, пока не достиг плотной стены кустарника. Не обращая внимания на колючки, Джон Рокстон ри-

нулся прямо в середину, увлекая меня за собой.

— Вот! — задыхаясь, произнес он. — Думаю, здесь мы в безопасности. Они, несомненно, сразу же отправятся в лагерь. Это первое, что придет им в голову. Но такой поворот событий должен их озадачить.

— Что все это значит? — спросил я, когда немного отдышался. — Где оба наши профессора? И кто за нами гонится?

— Люди-обезьяны! — воскликнул лорд Джон. — Бог мой, что за зверье! Не стоит повышать голос, потому что у них отличный слух — и острый глаз, но обоняние, насколько я могу судить, слабое, так что, думаю, они нас здесь не учуют. Где вы были, юноша? Вы так счастливо отделались от встречи с ними.

В нескольких фразах я шепотом рассказал о своих приключениях.

— Плохо дело, — сказал он, когда услышал о динозавре и о яме-западне. — Да, курортом это местечко не назовешь, верно? Но я даже не догадывался об их способностях, пока эти дьяволы не захватили нас. Однажды я попал в плен к папуасам-людоедам, но те были просто само благородство по сравнению с этой сворой.

— Как все произошло? — спросил я.

— Это случилось рано утром. Наши просвещенные друзья едва проснулись и не успели даже начать спор. Внезапно на нас посыпались обезьяны[111]. Они падали сверху, как яблоки с дерева. Думаю, что они собирались наверху под покровом темноты, пока это громадное дерево у нас над головами буквально переполнилось ими. Я попал одной из обезьян в живот, но прежде чем мы успели понять, что происходит, они уже повалили всех нас на спину. Я назвал их обезьянами, но в руках у них были палки и камни, они что-то щебетали друг другу, а затем связали нам руки лианами. Так что в этом смысле они стоят выше всех животных, каких мне приходилось встречать в моих странствиях. Люди-обезьяны — это были именно они, «отсутствующее звено», как сказали наши профессора; и лично я предпочел бы, чтобы эти существа продолжали отсутствовать и дальше. Они унесли своего раненного товарища, из которого кровь хлестала, как из недорезанной свиньи, а потом уселись вокруг нас, и на их физиономиях я прочитал наш смертный приговор. Это крупные ребята,

[111] Примечания: 111

…троглодитов. — Троглодит (от греч. troglōdýtēs — пещерный житель) — первобытный пещерный человек. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

ростом с человека, но сильнее. У них пытливые прозрачные серые глаза под рыжими кустистыми бровями. Обезьяны все сидели и пялились на нас. Челленджер — не робкого десятка, но и он был напуган. Он умудрился вскочить на ноги и завопил на них, чтобы они не тянули и покончили с нами. Думаю, что от неожиданности у профессора слегка помутилось в голове, потому что он принялся яростно проклинать их, словно одержимый. Пожалуй, даже своих любимых газетчиков он не стал бы оскорблять так грубо.

— Ну и что же они сделали? — Я был увлечен странным рассказом моего товарища, который, шепча мне на ухо, постоянно оглядывался по сторонам, сжимая в руке ружье с взведенным курком.

— Я уже подумал, что нам пришел конец, но тут поведение обезьян изменилось. Они начали обсуждать что-то между собой на своем тарабарском языке. Затем один из них встал рядом с Челленджером. Вы, молодой человек, будете смеяться, но клянусь — выглядели они, как родственники. Я бы и сам не поверил, если бы не видел это собственными глазами. Этот старый обезьяночеловек — а он был у них вождем — был вылитый Челленджер, только рыжий, со

всеми достоинствами внешности нашего друга, только слегка преувеличенными. Короткое тело, широкие плечи, круглая грудь, короткая шея, большая рыжая оборка бороды, кустистые брови, немой вопрос «Какого черта вам здесь нужно?!» во взгляде — в общем, полный набор. Когда этот обезьяночеловек встал рядом с Челленджером и положил руку ему на плечо, сходство стало полным. Реакция Саммерли была несколько истерической — он расхохотался до слез. Люди-обезьяны тоже засмеялись, — или, по крайней мере, как-то похоже закудахтали, — а затем потащили нас через лес. Они не притронулись к ружьям и другим нашим вещам, — я полагаю, решили, что они могут быть опасны, — но зато забрали всю нашу распакованную провизию. Со мной и Саммерли по дороге обращались довольно грубо, — о чем свидетельствуют царапины и состояние моей одежды, — поскольку обезьяны тащили нас напрямую через заросли ежевики, их же толстой шкуре все это было нипочем. Зато с Челленджером все было в порядке: четыре обезьяны несли его на своих плечах, и он передвигался, словно римский император. Что это?

Вдали послышался странный щелкающий звук, напоминающий стук кастаньет.

— Они идут! — сказал лорд Джон, заряжая второй двуствольный «экспресс». — Зарядите все ружья, юноша, потому что живыми мы им не дадимся, об этом можно даже не думать! Такие звуки они производят, когда возбуждены. Боже правый, им будет от чего возбудиться, если они найдут нас. Это будет настоящая «Песня о последней битве Греев». Как там поют некоторые болваны, «сжимая ружья слабнущей рукой, в кольце из вражеских тел». А теперь слышите?

— Где-то очень далеко.

— Эта небольшая группа нам не страшна, но подозреваю, что их отряды ищут нас по всему лесу. Ладно, я продолжу свой печальный рассказ. Вскоре обезьяны притащили нас в свой город — примерно тысяча хижин из веток и листьев в большой роще у подножия скал. Это где-то в трех-четырех милях отсюда. Эти отвратительные твари постоянно прикасались ко мне своими лапами, и мне до сих пор кажется, что я уже никогда от этого не отмоюсь. Они привязали нас, — парень, который тащил меня, вязал узлы, как заправский боцман, — и так мы и лежали под деревом с задранными вверх ногами, а рядом осталась стоять в карауле здоровенная обезьяна с дубинкой в руках. Когда я говорю «мы», то имею в

виду себя и Саммерли. Старина Челленджер в это время сидел с ними на дереве, уплетал ананасы и вообще радовался жизни. Правда, должен сказать, что он смог принести нам немного фруктов и ослабил наши путы. Вы бы сами расхохотались, когда бы увидели, как он по-приятельски восседает на дереве вместе со своим братом-близнецом и распевает своим зычным басом: «Звони-ка громче, неистовый колокол», поскольку любая музыка, похоже, приводила этих существ в благостное расположение духа; но, как вы можете догадаться, нам тогда было не до смеха. Обезьяны явно были расположены разрешать ему делать все, что угодно, без всяких ограничений, но при этом проводили между ним и нами четкую границу. Нас очень утешала мысль о том, что вы убежали и все записи находятся у вас.

А теперь, молодой человек, я поведаю вам нечто такое, что вас, несомненно, удивит. Вы говорите, что столкнулись со следами деятельности людей: кострами, ловушками и тому подобным. А мы видели этих туземцев. Маленькие испуганные бедолаги, хотя нужно сказать, что оснований для страхов у них здесь предостаточно. Похоже, что люди занимают часть плато на той стороне озера, где вы видели пещеры, а эти обезьяноподобные

создания живут на этой стороне, причем между теми и другими постоянно идет кровавая война. Так выглядит общая картина, насколько я смог ее оценить. Так вот. Вчера обезьяны захватили с полдюжины людей и привели их к себе, как пленников. Вы в жизни не слышали столько трескотни и воплей, которые тут начались. Люди, небольшие краснокожие ребята, были так избиты и исцарапаны, что едва переставляли ноги. Обезьяны тут же убили двоих из них, а еще одному просто оторвали руку — совершенно по-зверски. Мужественный маленький народ — пленники при этом даже не вскрикнули. Но зато это жуткое зрелище произвело сильное впечатление на всех нас. Саммерли просто потерял сознание, и было видно, что даже Челленджер крепился из последних сил. Вам не кажется, что они ушли?

Мы замерли и прислушались, но мирную тишину леса нарушало только пение птиц. Лорд Рокстон продолжил свой рассказ.

— Думаю, что вам чудом удалось избежать самых больших неприятностей в своей жизни, молодой человек. Именно поимка индейцев заставила обезьян забыть про вас; в противном случае они бы неминуемо вернулись в лагерь и

схватили вас. Как вы уже говорили, они с самого начала следили за нами с дерева и, конечно, знали, что теперь нас на одного меньше. Однако тогда обезьяны думали только о своей новой добыче; поэтому именно я разбудил вас сегодня утром, а не дикая свора. Ну, а потом нас ожидало еще одно жуткое зрелище. Господи, что за кошмар нам пришлось пережить! Помните заросли острых ростков бамбука у подножия скалы, где мы нашли скелет американца? Так вот, они находятся как раз напротив города обезьян, и это место, куда прыгают сверху их пленные. Думаю, что если бы мы поискали там, то нашли бы горы скелетов. Наверху расположена открытая площадка, как для парадов, и обезьяны устраивают из этого целый ритуальный спектакль. Бедняги-пленные должны были прыгать по очереди, и главное развлечение для зрителей заключалось в том, чтобы посмотреть, разобьются ли жертвы или напорются на острые колья. Обезьяны и нас вытащили посмотреть на это. Все племя выстроилось на краю обрыва. Четверо индейцев прыгнули, и бамбук пронзил их тела, как вязальная спица проходит сквозь кусок масла. Неудивительно, что, когда мы нашли скелет того янки, стебли росли у него между ребрами. Это было ужасно

— но, признаюсь, в то же время испытываешь и какое-то жуткое любопытство. Мы все были заворожены тем, как индейцы ныряли вниз, и это несмотря на мысли, что следующими на доске для этих прыжков можем оказаться мы сами.

Но этого не произошло. Насколько я понял, на сегодня обезьянам было достаточно шестерых индейцев, хотя, полагаю, что главные роли в этом шоу все-таки были уготованы нам. Челленджер, вероятно, мог избежать этой участи, но мы с Саммерли точно последовали бы за индейцами. Язык обезьян наполовину состоит из жестов, так что понять их было не так уж и трудно. Поэтому я решил, что пора бежать. Некоторое время я обдумывал свой план, — кое-что нужно было еще сообразить. Полагаться я мог только на себя, так как Саммерли здесь был абсолютно бесполезен, да и Челленджер — не намного лучше. Единственный раз за все это время профессора смогли поговорить и тут же стали препираться, потому что не могли сойтись во мнении относительно научной классификации этих рыжеголовых дьяволов, которые нас захватили. Один говорил,

что это яванские дриопитеки[112], а второй — что это питекантропы[113]. Сумасшествие какое-то, так что лично я классифицировал их обоих как ненормальных. Однако, как я уже говорил, была еще пара моментов, которые мне предстояло обдумать. У этих обезьян короткие кривые ноги и тяжелые тела — вы это сами видели. Даже Челленджер мог бы дать фору в беге на сто ярдов самому быстрому из них, а уж мы с вами в их глазах были бы настоящими Шраббами[114]. Еще один нюанс заключался в том, что обезьяны ничего не знали о ружьях. Не думаю, что они поняли, каким образом получил свою рану тот парень, которого я подстрелил. Если бы нам удалось добраться до своего оружия, мы могли бы сделать немало.

---

[112] Примечания: 112

Внезапно на нас посыпались обезьяны. — Обыгрывается английская поговорка «it rained cats and dogs», что приблизительно соответствует русской — «дождь льет как из ведра». *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[113] Примечания: 113

…дриопитеки… — Дриопитек (от греч. drys — дерево — и pithekos — обезьяна; древесная обезьяна) — крупная ископаемая человекообразная обезьяна, населявшая в середине кайнозойской эры тропические леса Западной Европы, Египта и Индии. Считается предком современных человекообразных обезьян — гориллы, шимпанзе, орангутанга — и человека. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[114] Примечания: 114

Альфред Шрабб — выдающийся шотландский бегун начала XX века.

(Примеч. пер.)

Поэтому я проснулся рано утром, врезал нашему охраннику ногой в живот, так что тот свалился, после чего побежал в лагерь. Там я нашел вас и наши ружья, и вот мы здесь.

— А как же профессора?! — в ужасе воскликнул я.

— Что ж, мы просто вернемся и вызволим их. Взять их с собой я не мог. Челленджер был на дереве, а Саммерли просто не годился для этих целей. Единственный шанс заключался в том, чтобы завладеть ружьями, а затем попробовать спасти профессоров. Конечно, обезьяны могли тут же убить их в качестве мести. Не думаю, чтобы они тронули Челленджера, но вот за Саммерли поручиться не могу. Но они все равно намеревались его убить, в этом я совершенно убежден. Так что мой побег ситуацию не усугубил. Но для нас дело чести вернуться и либо освободить наших друзей, либо разделить их участь. Так что пока, молодой человек, вы можете покаяться в грехах и очистить свою душу, поскольку еще до наступления вечера наша судьба будет каким-то образом решена.

Я пытаюсь воспроизвести отрывистую речь лорда Рокстона, его короткие энергичные фразы, его наполовину ироничный, наполовину

беспечный тон. Но он был рожден настоящим лидером. Чем серьезней была опасность, тем беззаботнее он говорил, речь его становилась более живой, в холодных глазах разгорался огонь настоящей жизни, а усы, как у Дон Кихота, возбужденно топорщились. Джон Рокстон любил опасность, превыше всего ценил в приключениях драматическую сторону (причем ценил это тем больше, чем активнее участвовал в этом сам), придерживался мнения, что любой риск в жизни представляет собой своего рода спорт, жестокую схватку между человеком и Судьбой, где на кону стоят Жизнь и Смерть, — все это делало его в подобных ситуациях незаменимым компаньоном. Если бы мы так не волновались за жизнь наших друзей, я бы только порадовался возможности участвовать в подобном деле с этим человеком. Мы уже начали выбираться из нашего убежища, когда я вдруг почувствовал, как лорд Джон схватил меня за руку.

— О Боже! — прошептал он. — Это они!

С того места, где мы лежали, нам был виден темный проход, образованный среди стволов и ветвей и укрытый сверху зеленой листвой. По нему сейчас двигалась группка людей-обезьян. Они шли гуськом: кривые ноги, сгорбленные спи-

ны, руки, время от времени касавшиеся земли, и головы, которые постоянно поворачивались по сторонам. Обезьяны шли согнувшись, и поэтому трудно было определить, какой у них рост, но я бы оценил его примерно в пять футов; при этом у них были длинные руки и очень широкая грудь. Многие из них несли с собой палки, и издалека обезьян можно было бы принять за вереницу очень волосатых людей с корявыми фигурами. Мне удалось лишь ненадолго увидеть их, потому что они сразу скрылись среди кустов.

— Не сейчас, — сказал лорд Джон, который уже поднял было свое ружье. — Лучше всего нам тихонько отлежаться здесь, пока они не откажутся от поисков. Затем мы подумаем, как нам вернуться в их город, и ударим в самое болезненное место. Дадим обезьянам еще час, после чего тронемся в путь.

Мы решили скоротать время, открыв одну из консервных банок и позавтракав. Лорд Рокстон со вчерашнего дня не ел ничего, кроме нескольких плодов, и поэтому был зверски голоден. После завтрака, разложив патроны по карманам и взяв в каждую руку по ружью, мы отправились выполнять свою миссию по спасению друзей. Прежде чем уйти мы тщательно запомнили

местонахождение нашего маленького укрытия среди зарослей кустарника и направление к нему от Форта Челленджер, чтобы при необходимости легко его найти.

Мы молча двигались через кусты, пока не вышли на край скалы рядом с нашим старым лагерем. Здесь мы остановились, и лорд Джон поведал мне о своем плане.

— Пока мы находимся среди толстых деревьев, мы во власти этих свиней, — сказал он. — Они нас видят, а мы их — нет. Но на открытой местности все обстоит иначе. Здесь мы можем двигаться намного быстрее, чем они. Поэтому везде, где это возможно, нам нужно держаться открытых мест. На краю плато больших деревьев меньше, чем в глубине. Так что будем идти там, где у нас есть преимущество. Шагайте медленно, внимательно смотрите по сторонам и держите ружье наготове. И самое главное: не давайте им взять себя в плен, если у вас остается хотя бы один патрон — это вам мой последний совет, юноша.

Когда мы подошли к краю обрыва, я заглянул вниз и увидел нашего доброго старого Замбо, который сидел на камне и курил. Я бы многое отдал, чтобы можно было окликнуть его и рассказать о том, что с нами произошло, но это было слишком

опасно, поскольку нас могли услышать. Казалось, что лес вокруг полон людей-обезьян; снова и снова до нас долетали издаваемые ими странные щелкающие звуки. В такие моменты мы ныряли в ближайший кустарник и неподвижно лежали там, пока шум не стихал. Поэтому мы продвигались вперед крайне медленно, и прошло не менее двух часов, прежде чем по предостерегающим жестам лорда Джона я понял, что мы, должно быть, приближаемся к цели нашего путешествия. Он дал мне знак лежать тихо, а сам пополз вперед. Через минуту он вернулся. Голос его дрожал от волнения.

— Пойдемте! — прошептал лорд Джон. — Пойдемте быстрее! Я только молю Бога, чтобы не было слишком поздно!

Меня охватила нервная дрожь, когда я пополз вперед и, улегшись рядом с ним, взглянул из-за кустов на открывавшуюся перед нами поляну.

Эту картину я не забуду никогда, до своего последнего дня. Она была настолько дикой, настолько немыслимой, что я не знаю, как передать это словами вам и как я сам когда-нибудь смогу заставить себя поверить в это, сидя в гостиной клуба «Савидж» и глядя на тусклый гранит набережной; если, конечно, мне удастся когда-нибудь

туда вернуться. Я понимаю, что тогда это покажется мне каким-то жутким, страшным сном, каким-то лихорадочным бредом. И все же я опишу это сейчас, пока события еще свежи в моей памяти и пока есть, по крайней мере, один человек, который точно знает, что я не лгу, потому что он лежал тогда во влажной траве рядом со мной.

Перед нами было большое открытое пространство, в несколько сотен ярдов в поперечнике, до самого обрыва заросшее травой и низким папоротником. Впереди полукругом росли деревья с построенными из листьев странными небольшими хижинами, располагавшимися среди ветвей, друг над другом. Лучшей аналогией будет гнездовье грачей, где вместо гнезд располагаются маленькие домики. На входе в эти жилища и на ветвях деревьев поблизости расселась плотная толпа людей-обезьян; судя по их размерам, это были женщины и дети племени. Все они, устроившись на заднем плане, с живым интересом смотрели на сцену в центре поляны, которая ошеломила нас и привела в замешательство.

Возле края скалы собралась толпа из сотни этих косматых рыжеволосых существ; все они выглядели свирепо, причем некоторые из них были внушительных размеров. Обезьяны подчинялись

определенной дисциплине, и никто из них не старался нарушить порядок, в котором они стояли. Перед ними находилась небольшая группка индейцев — маленьких, лишенных шерсти человечков, красноватая кожа которых в ярких лучах солнца отсвечивала, как полированная бронза. Рядом с ними стоял высокий белый человек: голова его была опущена, руки согнуты, и весь его вид свидетельствовал об ужасе и о подавленности. Угловатую фигуру профессора Саммерли невозможно было спутать с чьей-либо другой.

Вокруг этой группы удрученных пленников стояло несколько людей-обезьян, которые караулили их и делали побег невозможным. Кроме того, отдельно ото всех, на самом краю пропасти стояли две фигуры, настолько странные и, при других обстоятельствах, настолько курьезные, что они полностью поглотили мое внимание. Одна из них принадлежала нашему другу, профессору Челленджеру. С его плеч свисали остатки куртки, рубашка была полностью изорвана, а большая борода сбилась в черный клубок, закрывавший могучую грудь. Профессор потерял свою шляпу, и его волосы, которые за время наших странствий отросли, торчали в стороны в диком беспорядке. Было похоже, что всего за один

день он превратился из высочайшего продукта современной цивилизации в самого последнего дикаря Южной Америки. Рядом с ним стоял его хозяин, король людей-обезьян. Лорд Джон был прав: он был точной копией нашего профессора, только волосы у него были не черные, а рыжие. Та же короткая широкая фигура, те же тяжелые плечи, те же свешенные вперед руки, та же спутанная оттопыренная борода на волосатой груди. Существенное различие можно было заметить в области выше бровей, где покатый лоб и низкий изогнутый череп человека-обезьяны резко контрастировали с широким лбом и величественной головой европейца.

Все, что я описываю здесь так долго, запечатлелось в моем мозгу в считанные мгновения. Тогда нам приходилось размышлять совершенно о других вещах, поскольку действо было в самом разгаре. Двое людей-обезьян схватили одного из индейцев и потащили его к обрыву. Король поднял руку, подавая им знак. Они поймали несчастного пленника за руку и за ногу и с невероятной стремительностью трижды раскачали его вперед и назад, после чего со страшной силой швырнули беднягу в пропасть. Обезьяны бросили его с такой силой, что, прежде чем начать падать,

он высоко взмыл в воздух. Когда индеец скрылся из виду, все сборище, кроме часовых, подскочило к краю скалы. Последовала долгая пауза, вслед за которой раздался сумасшедший рев восторга. Все принялись скакать, вскидывая вверх длинные волосатые руки и неистово воя. Затем обезьяны отошли от края, снова выстроились в линию и принялись ждать следующую жертву.

На этот раз наступил черед Саммерли. Двое сторожей схватили его за запястья и грубо вытащили вперед. Он, как мог, упирался, стараясь вырвать свои длинные руки и напоминая петуха, которого тянут из курятника. Челленджер повернулся к королю и принялся неистово размахивать руками. Борясь за жизнь своего друга, он просил, убеждал, умолял. Но обезьяночеловек грубо оттолкнул его в сторону и покачал головой. Это было его последнее осознанное движение на этой земле. Раздался выстрел ружья лорда Джона, король осел, и его лохматая рыжая фигура растянулась на земле.

— Стреляй в самую гущу! Стреляй, сынок, стреляй! — закричал Джон Рокстон.

В душе каждого самого обычного человека есть странные кровавые глубины. По своей натуре я человек мягкосердечный, и много раз

на охоте при крике раненного зайца мне на глаза наворачивались слезы. Но сейчас меня охватила настоящая жажда крови. Вскочив на ноги, я разрядил один магазин, затем второй, я раскрывал ружье для перезарядки, защелкивал его, возбужденно вопя и испытывая странную радость от убийства. Своими четырьмя ружьями мы подняли ужасную панику. Оба стража, которые держали Саммерли за руки, упали, а сам он стоял, изумленно покачиваясь, словно пьяный, как будто не веря тому, что снова свободен. Повсюду носились толпы ошеломленных людей-обезьян, недоумевающих, откуда налетел этот ураган смерти и что это может означать. Они размахивали руками, отчаянно жестикулировали и визжали, спотыкаясь о тела упавших. Затем в едином порыве воющая толпа ринулась под защиту деревьев, оставляя позади убитых и раненных товарищей. В этот момент пленники были оставлены посреди поляны одни.

Быстрый ум Челленджера мгновенно оценил ситуацию. Он схватил ошарашенного Саммерли за руку, и они вдвоем побежали к нам. В погоню за ними бросились двое охранников, но они тут же свалились под пулями лорда Джона. Мы выбежали на поляну, чтобы встретить наших друзей и

вручить им по заряженному ружью. Но Саммерли совсем обессилел, он едва переставлял ноги.

Тем временем люди-обезьяны начали приходить в себя после всеобщей паники. Они стали двигаться вдоль кустарника, грозя отрезать нас от леса. Мы с Челленджером подхватили Саммерли под руки, тогда как лорд Джон прикрывал наш отход, снова и снова стреляя в высовывающиеся из кустов рычащие головы дикарей.

Еще примерно милю стрекочущие обезьяны преследовали нас буквально по пятам. Затем погоня стала отставать: они поняли нашу силу и уже не собирались подставляться под бьющее без промаха ружье. Когда же мы наконец достигли лагеря, то, оглянувшись, поняли, что мы здесь одни.

Но это нам только показалось: все же мы ошиблись. Едва мы закрыли колючим кустом вход в лагерь, пожали друг другу руки и присели на землю у нашего ручья, чтобы отдышаться, как услышали топот ног, а затем тихий жалобный плач со стороны входа. Лорд Рокстон тут же ринулся вперед с ружьем в руке и отбросил закрывавший его куст. Там, уткнувшись лицом в землю, лежали маленькие краснокожие фигурки четверых спасшихся индейцев, трясущихся от

страха и, тем не менее, просивших нашей защиты. Один из них выразительным жестом показал, что окружающие нас джунгли полны опасностей. Затем, бросившись вперед, обхватил руками ноги лорда Джона и прижался к ним лицом.

— Черт возьми! — воскликнул наш пэр[115], в ужасном смущении теребя свой ус. — Ну что прикажете делать с этими людьми? Эй, вставай, малыш, и прекрати вытирать лицом мои ботинки.

Саммерли сидел, набивая табак в свою старую трубку.

— О них тоже следует позаботиться, — сказал он. — Вы всех нас вырвали из когтей смерти. Честное слово, это было здорово!

— Восхитительно! — воскликнул Челленджер. — Просто восхитительно! Не только от себя лично, но и от всего европейского научного сообщества мы выражаем вам глубокую благодарность за то, что вы сделали. Я нисколько не преувеличиваю, говоря, что наша с профессором Саммерли гибель оставила бы невосполнимый

---

[115] Примечания: 115

...питекантропы. — Питекантроп (от греч. píthēkos — обезьяна — и ánthrōpos — человек) — древнейший ископаемый человек, живший около миллиона лет назад. В эволюции занимает промежуточное положение между обезьяной и человеком. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

пробел в современной истории зоологии. А вы с нашим юным другом сделали все как нельзя лучше.

Он одарил нас отеческой улыбкой, но, честно говоря, европейский научный мир был бы немало изумлен, увидев своего избранника, надежду и будущее в таком неприглядном виде: нечесаные, спутавшиеся волосы, голая грудь и изорванная в лохмотья одежда. Между коленями Челленджер сжимал банку с мясными консервами, а в руке держал большой кусок холодной австралийской баранины. Индеец взглянул на него, после чего, тихонько взвизгнув, вновь припал к земле и обхватил ногу лорда Джона.

— Не бойся, малыш, — сказал лорд Джон, погладив склонившуюся перед ним маленькую голову. — Его пугает ваш внешний вид, Челленджер, и, — ей-богу! — меня это не удивляет. Ладно, успокойся, приятель, он — просто человек, как и все мы.

— Однако, сэр! — воскликнул профессор.

— Вам, Челленджер, повезло, что у вас *действительно* несколько необычная внешность. Если бы вы не были так похожи на местного короля…

— Клянусь, лорд Джон, вы слишком многое себе позволяете.

— Но это же факт.

— Сэр, я прошу вас сменить тему разговора. Ваши замечания непонятны и крайне неуместны. Перед нами стоит вопрос: что делать с этими индейцами? Очевидным решением было бы проводить их домой, если, конечно, они знают, где он находится.

— С этим как раз нет никаких сложностей, — сказал я. — Они живут в пещерах на другой стороне центрального озера.

— Ну вот, наш юный друг знает, где они живут. Я догадываюсь, что путь туда довольно неблизкий.

— Добрых двадцать миль, сэр, — ответил я.

Саммерли застонал.

— Я, например, точно не смогу туда добраться. К тому же я определенно слышу, как это зверье по-прежнему рыщет по нашему следу. — Едва он произнес эти слова, как из темноты леса раздался далекий стрекочущий крик человека-обезьяны. Индейцы снова тихонько завыли от страха.

— Мы должны уходить, причем уходить быстро! — решительно сказал лорд Джон. — Вы, молодой человек, будете помогать Саммерли. Эти индейцы понесут наши припасы. А теперь — вперед, пока обезьяны не нашли нас.

Менее чем через полчаса мы достигли нашего

убежища в зарослях кустарника и укрылись в нем. Целый день нам были слышны возбужденные крики людей-обезьян, доносившиеся со стороны нашего лагеря, но ни один из них возле нас так не появился; поэтому все беглецы — белые и краснокожие — погрузились в долгий и глубокий сон.

Вечером я дремал, когда кто-то дернул меня за рукав, и я увидел рядом с собой Челленджера.

— Вы ведь ведете записи всех этих событий и предполагаете когда-нибудь опубликовать их, мистер Мэлоун, — торжественным тоном сказал он.

— Я здесь только как представитель прессы, — ответил я.

— Вот именно. Возможно, вы слышали некоторые довольно глупые высказывания лорда Джона Рокстона, предполагающего, что могло быть определенное… определенное сходство…

— Да, я слышал это.

— Должен сказать, что любое обнародование этой мысли, любая несерьезность вашего повествования относительно происшедшего были бы чрезвычайно оскорбительны для меня.

— Я буду строго придерживаться фактов.

— Наблюдения лорда Джона зачастую бывают

весьма странными, и он способен найти абсолютно абсурдные причины того уважения, которое самые неразвитые расы демонстрируют перед достоинством и силой воли. Вы улавливаете, что я имею в виду?

— Разумеется.

— Я оставляю это на ваше усмотрение. — Затем, после долгой паузы, профессор добавил: — Король людей-обезьян действительно внушал уважение — он был очень красивой и умной личностью. Разве вы этого не заметили?

— Весьма выдающееся создание, — сказал я.

Эти слова успокоили профессора, и он стал устраиваться, чтобы продолжить сон.

Глава XIV
Это была полная победа

Мы думали, что наши преследователи, люди-обезьяны, ничего не знают о нашем убежище, но вскоре мы обнаружили, что ошибались. В лесу стояла полная тишина, ни один лист не шевелился на деревьях, вокруг все было мирно и спокойно, но по своему опыту нам следовало бы знать, как искусно и терпеливо могут выслеживать своих жертв эти существа, выжидая, когда представится подходящий момент. Что бы мне ни уготовила судьба в дальнейшей моей жизни, я уверен, что еще никогда не был так близок к смерти, как в то утро. Но теперь все по порядку.

После вчерашних ужасных переживаний и скудной еды мы проснулись изможденными. Саммерли так ослабел, что даже чтобы встать на ноги, ему пришлось приложить значительные усилия; но старик все равно был полон какой-то суровой решимости, не признающей поражений. У нас состоялся совет, на котором решено было подождать в укрытии еще час или два, хорошенько позавтракать, что было нам совершенно

необходимо, а потом отправиться через плато вокруг центрального озера к пещерам, где, по моим наблюдениям, жили индейцы. Нам казалось, мы можем рассчитывать, что пленники, которых мы спасли, замолвят за нас словечко перед своими соплеменниками, чтобы обеспечить нам теплый прием. Затем, завершив нашу миссию и получив более полное представление о тайнах Земли Мейпла Уайта, мы намеревались сосредоточить свои усилия на насущной проблеме нашего возвращения. Даже Челленджер уже готов был признать, что тогда мы выполним все, ради чего пришли сюда, и с этого момента нашим первостепенным долгом будет донести до цивилизации поразительные открытия, которые мы совершили.

Теперь у нас появилась возможность рассмотреть индейцев, которых мы спасли, более спокойно. Роста они были небольшого, живые, жилистые, хорошо сложенные. Хорошо очерченные и лишенные растительности добродушные лица, черные прямые волосы, завязанные в пучок на затылке кожаными шнурками; набедренные повязки также были из кожи. Мочки ушей были разорваны и кровоточили; похоже, что там висели какие-то украшения, которые сорва-

ли их поработители. Речь индейцев оказалась непонятной для нас; они много говорили между собой, а поскольку они, показывая друг на друга, много раз повторили слово «акала», мы решили, что это название их народа. Время от времени с искаженными от страха и ненависти лицами они потрясали сжатыми кулаками в сторону леса и выкрикивали: «Дода! Дода!»; так индейцы, безусловно, называли своих врагов.

— Что вы о них думаете, Челленджер? — спросил лорд Джон. — Для меня, например, совершенно ясно, что этот маленький парень с выбритой спереди головой у них за главного.

Действительно, это было очевидно: этот человек держался отдельно от остальных, и все обращались к нему с видимыми знаками глубокого почтения. Он казался младше остальных, и, тем не менее, в нем чувствовалась такая гордость и достоинство, что, когда Челленджер положил свою большую ладонь ему на голову, тот вздрогнул, как пришпоренный конь, и, сверкнув на профессора черными глазами, отодвинулся от него подальше. Затем, прижав руку к груди и держа себя с большим достоинством, индеец несколько раз повторил слово «маретас». Нисколько не смутившись, профессор взял за плечо

другого, ближайшего к нему индейца, и продолжил свою лекцию, словно это был какой-то экспонат в классной комнате.

— Судя по объему черепной коробки, углам наклона элементов лица и другим признакам, — сказал Челленджер своим зычным голосом, — этот тип людей нельзя рассматривать как неразвитую расу; наоборот, мы должны разместить их на шкале развития намного выше, чем многие южноамериканские племена, которые я мог бы назвать. Достоверной гипотезы, способной объяснить эволюцию этой расы в данном месте, нет. К тому же между людьми-обезьянами и примитивными животными, выжившими на этом плато, существует такой разрыв, что было бы недопустимо считать, что они могли развиться в тех условиях, где мы их нашли.

— Тогда откуда же они здесь взялись? С неба свалились? — спросил лорд Джон.

— Этот вопрос, вне всяких сомнений, еще будет горячо обсуждаться во всех научных кругах Европы и Америки, — ответил профессор. — Мое видение этой ситуации таково, — с этими словами он заносчиво надулся и высокомерно оглядел всех нас, — что в особых условиях этой страны эволюция продвинулась до стадии

позвоночных животных, причем старые виды выжили и существуют параллельно с новыми. Поэтому мы встречаем здесь таких современных животных, — имеющих, кстати, очень древнюю родословную, — как тапир, большой олень и муравьед в одной компании с рептилиями юрского периода. Здесь все довольно понятно. Теперь вернемся к людям-обезьянам и индейцам. Что может сказать наука относительно их присутствия на Земле Мейпла Уайта? Я объясняю это только вмешательством извне. Возможно, в Южной Америке обитали человекообразные обезьяны, которые в незапамятные времена переселились сюда, а затем развились в существ, которых мы видим сейчас. Причем некоторые из них, — тут он выразительно посмотрел на меня, — приобрели внешний вид и форму, которые, при наличии известной доли интеллекта, могли бы — не побоюсь этого слова — сделать честь любой современной расе. Что же касается индейцев, то я нисколько не сомневаюсь, что они являются более поздними пришельцами снизу. Они поднялись сюда, гонимые голодом либо военным нашествием. Столкнувшись с кровожадными существами, которых они никогда прежде не видели, индейцы схоронились в пещерах, описанных нашим

юным другом. Индейцам, несомненно, пришлось вести жестокую борьбу, чтобы противостоять диким животным и особенно людям-обезьянам, которые рассматривали их как незваных гостей и вели с ними непримиримую войну с коварством и хитростью, отсутствующими у более крупных существ. Это также объясняет и тот факт, что численность индейцев, видимо, весьма ограничена. Итак, джентльмены, удалось ли мне приоткрыть завесу тайны по этому вопросу или у вас имеются еще какие-то сомнения?

Профессор Саммерли был сейчас слишком подавлен, чтобы вступать в спор, хотя и яростно качал головой в знак своего решительного несогласия. Лорд Джон просто почесал голову, заметив, что не может возразить Челленджеру, поскольку выступает в другой весовой категории. Что же касается меня, то я выполнял свою обычную роль, переводя беседу в исключительно прозаическую и практическую плоскость: я сообщил, что один из наших индейцев исчез.

— Он пошел, чтобы принести воды, — сказал лорд Джон. — Мы снабдили его пустой банкой из-под говядины, и он ушел.

— В старый лагерь? — спросил я.

— Нет, к ручью. Он протекает вон там, между

деревьями. Ярдов двести отсюда, не больше. Но индеец и вправду мог бы уже вернуться.

— Пойду поищу его, — сказал я, взял свое ружье и направился в сторону ручья, оставив своих друзей готовить наш небогатый завтрак. Вам может показаться, что я поступил опрометчиво, покинув, пусть и ненадолго, гостеприимные заросли, но не надо забывать, что мы находились за много миль от города обезьян и что, как мы думали, эти создания не знали о нашем убежище; к тому же когда в руках моих было ружье, они были мне не страшны. Но я еще не испытал в полной мере их коварство и их силу.

Где-то впереди я слышал журчание ручья, но меня отделяла от него плотная группа деревьев и кустарника. Я уже скрылся из виду моих друзей, когда вдруг под одним из деревьев заметил что-то красное. Подойдя поближе, я был потрясен, обнаружив там мертвое тело пропавшего индейца. Он лежал на боку, руки и ноги были раскинуты, а голова повернута набок в совершенно неестественном положении, как будто он заглядывал себе за плечо. Я крикнул, чтобы предупредить моих друзей об опасности, а сам подбежал к телу и склонился над ним. Похоже, мой ангел-хранитель не оставил меня в эту минуту, потому что, то

ли подчиняясь какому-то инстинкту самосохранения, то ли среагировав на неуловимый шелест листьев, я внезапно посмотрел вверх. Из густой листвы прямо у меня над головой медленно опускались две длинные мускулистые руки, покрытые рыжеватой шерстью. Еще мгновение — и они сомкнулась бы у меня на горле. Я отскочил назад, но, хоть я и действовал очень быстро, руки были еще проворнее. Благодаря моему неожиданному движению они промахнулись, однако одна из них все-таки схватила меня за затылок, а вторая — за лицо. Чтобы защитить свое горло, я поднял руки, но в следующий момент громадная лапа соскользнула с моего лица и уцепилась в них. Меня легко подняли в воздух, и я почувствовал, как непреодолимая сила поворачивает мою голову назад все дальше и дальше, пока боль в шейных позвонках не стала невыносимой. Сознание начало покидать меня, но я все же оторвал эту чудовищную руку от своего подбородка. Взглянув вверх, я увидел ужасное лицо с взирающими на меня холодными и безжалостными голубыми глазами. В этом жутком взгляде было что-то гипнотическое. Я не мог больше сопротивляться. Когда обезьяна почувствовала, что я обмяк, в пасти ее сверкнули два страшных клыка,

а лапы еще сильнее сдавили мой подбородок, выворачивая его вверх и назад. У меня перед глазами все поплыло и начало заволакиваться дымкой, а в ушах зазвенели маленькие серебряные колокольчики. Затем где-то вдалеке я услышал приглушенный звук выстрела и смутно ощутил удар от падения на землю, где я и остался лежать без движения, потеряв сознание.

Когда я очнулся, оказалось, что я лежу на спине в нашем пристанище среди колючих кустов. Кто-то принес воды из ручья, и лорд Джон брызгал ею мне на голову, тогда как Челленджер и Саммерли с озабоченными лицами поддерживали меня за плечи. На мгновение за масками больших ученых я увидел их человеческие души. Это потрясло меня не меньше, чем физическая боль, которую мне пришлось испытать, и через полчаса, несмотря на то что голова все еще болела, а шея поворачивалась с трудом, я уже сидел и готов был действовать.

— Вы просто чудом избежали гибели, молодой человек, — сказал лорд Рокстон. — Когда я услышал ваш крик и, подбежав, увидел, что голова у вас наполовину свернута, а ботинки судорожно дергаются в воздухе, я уже решил, что мы вас потеряли. От волнения я промазал, но этот негодяй

выронил вас и мгновенно исчез. Черт побери! Как мне не хватает здесь пятидесяти бойцов с ружьями! Я бы истребил все это адское племя и оставил Землю Мейпла Уайта намного чище, чем мы ее нашли.

Было ясно, что люди-обезьяны каким-то образом выследили нас и теперь наблюдают за нами со всех сторон. Днем нам особенно нечего было бояться, но было весьма вероятно, что они набросятся на нас ночью; поэтому чем раньше мы избавимся от этого опасного соседства, тем лучше. С трех сторон нас окружал густой лес, где в любой момент могла ожидать засада. Но с четвертой стороны находился спуск в направлении центрального озера, поросший лишь невысоким кустарником, с отдельными деревьями и попадавшимися время от времени открытыми прогалинами. Это был тот самый маршрут, по которому я прошел в своем одиночном путешествии, и вел он прямо к пещерам индейцев. Так что в любом случае путь наш лежал именно сюда.

Мы уходили от нашего старого лагеря с чувством большого сожаления не потому, что там оставалось много наших припасов; еще тяжелее для нас было терять связь с Замбо — последним

звеном, соединявшим нас с внешним миром. Однако с нами были все наши ружья и достаточный запас патронов к ним, так что по крайней мере некоторое время мы могли постоять за себя. К тому же мы не теряли надежды, что вскоре нам представится возможность вернуться сюда и снова встретиться с нашим верным слугой. Замбо клятвенно обещал ждать нас, и мы не сомневались, что он сдержит свое слово.

Мы выступили вскоре после полудня. Молодой вождь шагал впереди в качестве проводника, но при этом наотрез отказался нести какую-либо поклажу. Позади него шли двое оставшихся индейцев, которые тащили на спинах наши скудные пожитки. Мы, четверо белых людей, держа заряженные ружья наготове, замыкали шествие. Когда мы тронулись в путь, из глубины леса позади нас внезапно раздался громкий вой людей-обезьян: трудно было понять, выражают ли они радость и торжество в связи с нашим уходом или презрительную насмешку над нашим бегством. Оглянувшись, мы увидели лишь плотную стену деревьев, но, судя по долгому и громкому реву, за ней скрывалось множество наших врагов. Однако никаких признаков погони видно не было, и вскоре мы вышли на более

открытую местность, на которую их власть уже не распространялась.

Я шел позади своих друзей и не мог без улыбки смотреть на них. Неужели это тот самый любитель роскоши лорд Джон Рокстон, который тогда, в Олбани, сидел передо мной среди персидских ковров и дорогих картин в розовом свете причудливых светильников? Был ли это тот самый внушительного вида профессор, который возвышался над своим массивным письменным столом в огромном кабинете в Энмор-парке? И, наконец, неужели сейчас я видел ту самую аскетическую и подтянутую фигуру, которая однажды предстала перед собранием в Зоологическом институте? Любые бродяги, которых можно встретить где-нибудь на окраине графства Суррей, выглядели бы более прилично и не так безнадежно.

Вся наша сменная одежда осталась в лагере внизу, и хотя мы пробыли на плато всего неделю, но неделя эта была для нас очень тяжелой; впрочем, для меня — в меньшей степени, поскольку мне удалось избежать плена у людей-обезьян. Мои друзья потеряли шляпы и теперь шли, повязав головы носовыми платками; одежда свисала с них клочьями, а чумазые небритые лица едва можно было узнать. Саммерли и Челленджер

тяжело хромали, я же с трудом тащил ноги от слабости после утренней встречи с обезьяной, а моя шея до сих пор не гнулась от страшной хватки могучих лап. Мы действительно представляли собой довольно плачевное зрелище, и я не удивился, заметив, что индейцы время от времени оглядываются на нас с выражением ужаса и удивления на лицах.

Ближе к вечеру мы достигли озера, и, когда мы вышли из кустов и увидели перед собой водную гладь, наши новые друзья дружно издали крик радости и стали оживленно показывать на нее руками. Перед нами действительно открывалась великолепная картина. По зеркальной поверхности широким веером двигалась большая флотилия каноэ, направлявшихся как раз к тому месту, на которое мы вышли. Когда мы в первый раз заметили их, они были от нас на расстоянии в несколько миль; но плыли они очень быстро и вскоре подошли к нам настолько близко, что люди на них смогли нас рассмотреть. Как только это произошло, раздался громогласный крик восторга, и мы увидели, как гребцы поднялись со своих мест, неистово размахивая в воздухе веслами и копьями. Затем, снова взявшись за работу, они буквально пролетели разделявшее

нас расстояние, причалили к пологому берегу и, бросившись к нам, распростерлись на песке перед своим молодым вождем, громко издавая приветственные крики. Наконец один из индейцев, немолодой мужчина в ожерелье и браслетах из блестящих стеклянных бусин и в наброшенной на плечи янтарного цвета шкуре какого-то красивого пятнистого зверя выбежал вперед и нежно обнял юношу, которого мы спасли. Потом мужчина взглянул в нашу сторону и задал несколько вопросов, после чего с большим достоинством подошел и по очереди обнял каждого из нас. Вслед за этим по его приказу все племя легло на землю перед нами в знак уважения. Лично я чувствовал себя крайне неловко при знаках такого раболепного почитания; те же чувства я прочел и на лицах Саммерли и Рокстона, зато Челленджер буквально расцвел, как бутон под солнцем.

— Возможно, они и неразвитый народ, — сказал он, поглаживая бороду и поглядывая на индейцев сверху вниз, — но манера их поведения в присутствии представителей высшей расы могла бы послужить примером для некоторых более продвинутых европейцев. Просто поразительно, насколько точно действуют инстинкты человека,

близкого к природе!

Было очевидно, что туземцы ступили на тропу войны, поскольку у каждого мужчины было копье — длинный бамбуковый шест с костяным наконечником, лук со стрелами, а на боку висела дубинка или каменный боевой топор. Хмурые и злые взгляды в сторону леса, из которого мы пришли, а также частое повторение слова «дода» явно свидетельствовали о том, что это был отряд, отправившийся, чтобы спасти или отомстить за юношу, оказавшегося, как мы поняли, сыном старого вождя. Теперь все племя, собравшись в круг, держало совет, тогда как мы сидели на базальтовой плите и наблюдали за происходящим. Сначала слово взяли несколько воинов, а в конце наш новый юный друг произнес вдохновенную речь, используя такие красноречивые жесты и выражения, что все было почти так же понятно, как если бы мы знали их язык.

— Какой смысл нам возвращаться сейчас? — сказал он. — Рано или поздно это должно было произойти. Ваши товарищи убиты. Что толку в том, что я вернулся невредимым? Другие погибли. Никто из нас не может чувствовать себя в безопасности. Сейчас мы вместе и мы готовы. — Затем он показал в нашу сторону. — Эти странные

люди — наши друзья. Им подвластны, — здесь он воздел руки к небу, — гром и молния. Когда еще нам представится подобный случай? Пойдемте же вперед и либо умрем, либо обеспечим себе безопасность на будущее. Иначе как мы сможем смотреть в глаза нашим женщинам?

Эти слова тронули сердца маленьких краснокожих воинов, и, когда юноша закончил говорить, все в знак одобрения дружно закричали, потрясая в воздухе своим примитивным оружием. Старый вождь сделал несколько шагов в нашу сторону и задал пару вопросов, указывая при этом в сторону леса. Лорд Джон знаком предложил ему подождать, а сам обернулся к нам.

— Что ж, что будете делать вы в этой ситуации — решать вам, — сказал он. — Что касается меня, то с этим обезьяньим племенем у меня свои счеты, и если при этом придется стереть их с лица земли, думаю, никто об этом не пожалеет. Я пойду с нашими маленькими краснокожими друзьями и помогу им победить. А что скажете вы, молодой человек?

— Разумеется, я пойду вместе с вами.

— А вы, Челленджер?

— Я, несомненно, готов помочь.

— Вы, Саммерли?

— Похоже, мы очень отклонились от первоначальной цели нашей экспедиции, лорд Джон. Уверяю вас, что, покидая свое профессорское кресло в Лондоне, я едва ли мог предположить, что делаю это, чтобы возглавить племя дикарей в их походе против человекообразных обезьян.

— Пути господни неисповедимы, — с улыбкой сказал лорд Джон. — Но поскольку мы все-таки столкнулись с подобным выбором, каким будет ваше решение?

— Это представляется мне крайне сомнительным шагом, — сказал Саммерли, продолжая спорить до последнего, — но, если все вы идете, не вижу, как я при этом могу оставаться в стороне.

— Тогда решено, — произнес лорд Джон. С этими словами он повернулся к вождю, выразительно кивнул и похлопал по своему ружью.

Старик по очереди взял каждого из нас за руки, а его люди взревели еще громче, чем раньше.

Наступил вечер, и сегодня выступать было уже слишком поздно, поэтому индейцы разбили на берегу походный лагерь. Со всех его сторон разгорались и дымили костры. Несколько человек скрылись в джунглях и вскоре пригнали оттуда молодого игуанодона. Как и у всех остальных игуанодонов, у животного на плече было

пятно, нанесенное горячим асфальтом. Только когда мы увидели, как один из туземцев вышел вперед и с видом хозяина дал согласие зарезать это животное, мы, наконец, поняли, что эти огромные создания были здесь такой же частной собственностью, как у нас на родине стадо скота, и что знаки, которые так озадачили нас, всего лишь метка владельца. С этими беззащитными, апатичными вегетарианцами с большими конечностями и крошечным мозгом, могли легко управляться даже дети. Через несколько минут куски огромной туши уже жарились на дюжине разных костров вместе с большими рыбинами в блестящей чешуе, которых туземцы копьями достали из озера.

Саммерли улегся на песке и спал, а остальные бродили вдоль кромки воды, стараясь узнать как можно больше об этой удивительной стране. Дважды мы натыкались на участки с голубой глиной, которую уже видели на болоте птеродактилей. Это были старые места выхода вулканических пород, которые по непонятной мне причине вызывали живейший интерес лорда Джона. Внимание Челленджера привлек бурлящий и булькающий грязевой гейзер, на поверхности которого лопались большие пузыри какого-то

газа. Профессор вставил в гейзер полый стебель камыша, после чего поднес к другому концу этой трубки зажженную спичку; когда раздался громкий хлопок и появилось голубое пламя, Челленджер восторженно вскрикнул, словно школьник, удовлетворивший свое любопытство. Но еще больше он обрадовался, когда поднес к камышу перевернутую вверх дном кожаную сумку, чтобы наполнить ее газом, и сумка медленно поплыла в воздухе.

— Это горючий газ, причем существенно более легкий, чем атмосферный воздух. Могу сказать, что в нем, без всяких сомнений, содержится значительная часть свободного водорода. Возможности Джорджа Эдварда Челленджера далеко не исчерпаны, мой юный друг. Может быть, я еще покажу вам, как великие умы подчиняют Природу для своего блага. — Его буквально распирало от какой-то возникшей у него тайной идеи, но больше он ничего так и не сказал.

Все, что мы видели на берегу, не шло ни в какое сравнение с великолепием раскинувшейся перед нами водной глади. Большое количество людей и производимый нами шум распугали все живое поблизости, и, если не считать нескольких птеродактилей, круживших высоко у нас над

головами в поисках падали, вокруг лагеря все было тихо. Чего нельзя сказать о розоватых водах центрального озера. В них бурлила и вздымалась своя, необычная жизнь. На поверхность то и дело выскакивали большие серовато-коричневые спины с высокими зазубренными плавниками и снова исчезали в глубине. Вдали на песчаных отмелях мы видели неуклюжие ползающие фигуры — гигантских черепах, странных ящеров и еще какое-то большое плоское животное, напоминающее извивающийся, трепещущий ковер из черной жирной кожи. Оно медленно двигалось в сторону озера. Кое-где высоко из воды высовывались змеевидные головы; быстро прорезая поверхность, они скользили в небольшом воротнике из пены, оставляя за собой длинный бурлящий след, и грациозно, словно лебеди, то поднимали, то опускали на ходу изящные шеи. Это продолжалось до тех пор, пока одно из этих созданий, извиваясь, не выползло на песок в нескольких сотнях ярдов от нас, обнажив бочкообразное тело и огромные плавники позади змеиной шеи, после чего Челленджер и присоединившийся к нам Саммерли в один голос принялись удивляться и восхищаться им.

— Плезиозавр![116] Пресноводный плезиозавр! — кричал Саммерли. — Ради того, чтобы увидеть такое, стоило прожить жизнь! Мы с вами, мой дорогой Челленджер, отмечены Божьим благословением, как никто из всех зоологов с начала времен!

Только с наступлением ночи, когда повсюду в лагере разгорелись костры наших туземных союзников, нам удалось оттащить от воды ученых мужей, очарованных первобытным озером. Даже в темноте, лежа на берегу, мы время от времени слышали фырканье и плеск живущих здесь громадных животных.

С первыми лучами солнца наш лагерь был уже на ногах, а еще через час мы выступили в незабываемый поход. Раньше я часто мечтал стать военным корреспондентом. Но даже в самом диком из своих снов я не мог представить себе характер военной кампании, о которой мне суждено было написать! Вот мое первое донесение с поля битвы.

За ночь наши силы пополнились новым от-

---

[116] Примечания: 116

…пэр… — Пэр (от англ. peer — равный) — звание представителей высшей аристократии в Англии, имевших право суда равных только себе. Пэры — члены верхней палаты английского парламента — палаты лордов. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

рядом туземцев, прибывшим из пещер, и, когда мы выступили, среди нас насчитывалось уже примерно четыре или пять сотен сильных мужчин. Вперед были высланы разведчики, вслед за которыми единой колонной двинулись главные силы; пройдя по склону, поросшему кустарником, они вышли к краю леса. Здесь индейцы с луками и копьями растянулись в длинную смешанную линию. Рокстон и Саммерли заняли позиции на правом фланге, а мы с Челленджером отправились на левый. Вооруженные по последнему слову военной техники из лучших ружейных магазинов с Сент-Джеймс-стрит и Стрэнда, мы сопровождали в бой толпу воинов из каменного века.

Долго ждать появления врага нам не пришлось. Со стороны леса раздался дикий пронзительный крик, и внезапно толпа людей-обезьян с дубинками и камнями в руках ринулась в центр шеренги индейцев. Это был отважный бросок, но довольно глупый и опрометчивый, поскольку эти большие кривоногие существа двигались медленно, а их соперники были ловкими, словно кошки. Страшные на вид, свирепые полузвери, с пеной на губах и горящими глазами, задыхающиеся на бегу, никак не могли добраться до своих

юрких врагов, тогда как стрелы одна за другой попадали в обезьян без промаха. Мимо меня, ревя от боли, пробежала громадная обезьяна, из груди и боков которой торчала дюжина дротиков. Из сострадания я прострелил ей голову, и обезьяна рухнула на землю среди листьев алоэ. Но это был единственный прозвучавший выстрел, потому что атака была направлена в центр наших рядов и индейцам не требовалась помощь в ее отражении. Не думаю, что из тех людей-обезьян, которые выскочили на открытую местность, хотя бы одной удалось вернуться в свое укрытие.

Но среди деревьев ситуация стала гораздо более опасной. В течение примерно часа после того как мы вошли в лес, там шел отчаянный бой, в котором временами нам приходилось очень тяжело. Неожиданно выскакивая из подлеска, обезьяны с огромными дубинами набрасывались на индейцев и часто успевали свалить троих или четверых, прежде чем удавалось достать их копьями. Ужасные удары людей-обезьян сокрушали все на своем пути. Один из таких ударов разнес в щепки ружье Саммерли, а следующий наверняка размозжил бы ему череп, если бы какой-то индеец не поразил врага в самое сердце. Другие обезьяны, сидевшие на деревьях, швыря-

ли в нас камни и сучья, а иногда спрыгивали вниз и яростно сражались с нашими воинами, пока не падали замертво. Однажды наши союзники дрогнули под напором противника и, если бы не огонь наших ружей, несомненно, бросились бы бежать. Но старому вождю удалось умело сплотить ряды своих воинов, и те ответили таким ударом, что теперь уже люди-обезьяны начали отступать. Саммерли был безоружен, но я стрелял так быстро, как только мог, а с противоположного фланга слышалась частая пальба Челленджера и лорда Джона.

А затем наступил момент, когда противника охватила паника, которая привела его к поражению. С воплями и воем эти мощные существа бросились врассыпную через кустарник, тогда как наши союзники с победными криками преследовали бегущего врага. В тот день на поле битвы выплеснулась вся бесконечная вражда многих поколений, вся ненависть и жестокость, все воспоминания об издевательствах и травле. В конце концов человек все-таки восторжествовал, а полузверь навсегда вернулся на место, отведенное ему историей. Беглецы двигались слишком медленно, чтобы скрыться от ловких туземцев, и из разных концов густого леса мы то и дело

слышали торжествующие крики, звон тетивы луков, треск веток и глухие удары о землю, когда обезьяны падали из своих укрытий на деревьях.

Я преследовал оставшихся обезьян, когда к нам вышли лорд Джон и Челленджер.

— Все кончено, — сказал лорд Джон. — Думаю, индейцы сами приведут здесь все в порядок. Вероятно, чем меньше мы увидим, тем спокойней будем спать по ночам.

В глазах у Челленджера горел азарт убийства.

— Мы получили привилегию, — воскликнул он, выступая важно, словно бойцовский петух, — присутствовать на одном из типичных решающих сражений в истории — сражений, определивших судьбу будущего мира! Что, друзья мои, означает завоевание одной нации другой нацией? Это бессмыслица. Любой исход приводит к одному и тому же результату. Но вот такие отчаянные битвы, когда на заре человечества жителям пещер удавалось одолеть тигров, или когда слоны впервые понимали, что у них есть властелин, — вот это и есть настоящие завоевания, победы, которые стоят затраченных усилий. В результате странного поворота судьбы мы стали свидетелями такого противостояния и помогли решить его исход. Отныне будущее на этом плато

должно принадлежать человеку.

В конечном счете, чтобы оправдать такие жестокие средства, требовалась твердая вера в свою правоту. Продвигаясь вместе через лес, мы наталкивались на многочисленные тела людей-обезьян, пронзенные копьями или стрелами. Кое-где небольшие группки убитых индейцев отмечали места, где кто-то из обезьян сворачивал к опушке, чтобы здесь расстаться со своей жизнью. Впереди мы постоянно слышали визг и рев, указывавшие нам направление, в котором велось преследование. Обезьян гнали к их городу. Там они приняли последний бой, но снова потерпели поражение, и мы стали свидетелями страшной развязки. Последних оставшихся в живых восемьдесят или сто самцов индейцы оттеснили на небольшую поляну, которая выходила к краю скалы и где всего два дня назад нам пришлось сражаться. Когда мы появились там, индейцы сомкнулись вокруг обезьян полукругом, и через минуту все было кончено. Тридцать или сорок обезьян были убиты на месте. Остальных, визжащих и царапающихся, сбросили в пропасть, и они, повторив путь своих пленников, упали с высоты шестиста футов на острые стебли бамбука. Все произошло, как и говорил Челленджер: на

Земле Мейпла Уайта навеки установилась власть человека. Город обезьян разрушили, самцов истребили, самок и детенышей угнали в рабство, и длившаяся долгие века вражда подошла к своему кровавому завершению.

Нам эта победа дала много преимуществ. Мы могли снова вернуться в лагерь и забрать свои припасы. Мы опять могли общаться с Замбо, который с ужасом издалека наблюдал за тем, как с края скалы в пропасть падает лавина обезьян.

— Уходите оттуда, масса, уходите! — крикнул он, выкатывая глаза от страха. — Если вы останетесь, дьявол обязательно заберет вас!

— Его устами говорит само благоразумие! — убежденно сказал Саммерли. — Мы пережили уже достаточно приключений, которые не соответствуют ни нашему характеру, ни нашему положению. Я напоминаю вам о вашем обещании, Челленджер. С этого момента вы направляете все свои силы на то, чтобы возвратить нас из этой ужасной страны назад, к цивилизации.

Глава XV
Наши глаза видели великие чудеса

Я веду свои записи изо дня в день и верю, что придет время, когда я наконец смогу сказать, что сквозь сгустившиеся над нами тучи снова пробивается солнце. Мы продолжаем оставаться здесь, не видя способа выбраться отсюда, и очень страдаем от этого. И все же я надеюсь, что настанет такой момент, когда мы будем даже рады, что, хоть нас и удерживали в этой стране помимо нашей воли, мы смогли увидеть еще больше чудес и еще больше обитателей этого удивительного места.

Победа индейцев и уничтожение людей-обезьян стали поворотной точкой в нашей судьбе. Теперь мы чувствовали себя на этом плато полными хозяевами, потому что, после того как мы с помощью «непонятных чар» помогли туземцам одолеть их извечных недругов, они смотрели на нас со смешанным чувством страха и благодарности. Ради собственного спокойствия индейцы, вероятно, и сами были бы рады, если бы такие грозные и непредсказуемые люди покинули

их страну, но никакого способа, как нам спуститься на равнину, они предложить не могли. Насколько нам удалось понять по их жестам, здесь существовал туннель, по которому можно было попасть сюда, и нижний выход из него мы уже видели, когда были внизу. Без сомнения, в разные эпохи таким образом попали на плато и люди-обезьяны, и индейцы; по этому же пути сюда прошел со своим напарником и Мейпл Уайт. Однако год назад здесь произошло ужасное землетрясение, во время которого верхний вход в туннель обвалился и полностью исчез. Так что теперь, когда мы жестами говорили индейцам о своем желании спуститься вниз, те только качали головой и пожимали плечами. Возможно, они действительно не могут нам помочь уйти, а может быть и просто не хотят.

В конце победоносной военной кампании оставшихся в живых обезьян провели через все плато (с жутким воем) и устроили неподалеку от индейских пещер, где с этого времени им предстояло жить в качестве рабов под надзором своих хозяев. Это было грубое и упрощенное повторение истории иудеев в Вавилоне или израильтян в Египте в ее первобытном варианте. По ночам из-за деревьев раздавались протяжные крики

какого-то примитивного Иезекииля[117], скорбящего о былом величии и вспоминающего рассвет Города Обезьян, все жители которого превратились теперь в дровосеков и водоносов.

Через два дня после сражения мы вновь пересекли плато вместе с нашими союзниками и разбили лагерь у подножия скалы. Индейцы могли бы предложить нам поселиться с ними в пещерах, но лорд Джон, несомненно, отклонил бы это предложение, поскольку так мы в случае предательства оказывались полностью во власти туземцев. Поэтому мы сохранили свою независимость и, поддерживая с аборигенами самые дружеские отношения, все же на всякий случай держали наши ружья наготове. Мы также все время заходили к ним пещеры, представлявшие собой удивительное место, хоть нам так и не удалось понять, построены они человеком или самой природой. Все пещеры находились в одном пласте и были вырыты в какой-то мягкой горной породе, располагавшейся между вулканическим базальтом, из которого состояли рыжеватые ска-

[117] Примечания: 117

Плезиозавр! — Плезиозавр (от греч. plēsios — близкий — и — zauros — ящер) — крупнейший (до пятидесяти метров в длину) морской хищник мезозоя. Имел широкое уплощенное тело, большие ласты и длинную шею. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

лы над ними, и твердым гранитом, лежавшим в их основании.

Входы в пещеры находились на высоте около восьмидесяти футов над землей, и к ним вела длинная каменная лестница с такими узкими и крутыми ступенями, что ни одно крупное животное подняться по ним не могло бы. Внутри было тепло и сухо, в глубь горы уходили прямые проходы разной длины с гладкими серыми стенами, расписанные множеством прекрасных картин, сделанных обугленными палочками и изображавшими различных животных, обитающих на плато. Даже если в этой стране будет уничтожено все живое, будущие исследователи найдут на стенах пещер многочисленные свидетельства присутствия здесь странной фауны — динозавров, игуанодонов и рыбоподобных ящеров, — которые жили на этой земле совсем недавно.

Когда мы узнали, что у огромных игуанодонов имеются хозяева, которые пасут их, как обычный домашний скот, являющийся просто ходячим источником мяса, мы решили, что человек, даже обладая примитивным оружием, по-настоящему установил свою власть на плато. Однако вскоре нам суждено было понять, что это все же не

совсем так и эта страна всего лишь терпит присутствие людей.

На третий день после того, как наш лагерь был перенесен к пещерам индейцев, произошла трагедия. Челленджер и Саммерли вместе отправились к озеру. Они взяли с собой и туземцев, которые под их руководством должны были загарпунить несколько экземпляров больших водных ящеров. Мы с лордом Джоном остались в нашем лагере, а остальные индейцы рассеялись по заросшему травой склону перед пещерами и занимались каждый своим делом. Внезапно раздался пронзительный тревожный крик, и сотни языков на разный лад подхватили слово «стоа». Со всех сторон мужчины, женщины и дети бросились бежать, в дикой панике толпой взбираясь по лестницам к спасительным пещерам.

Подняв глаза, мы увидели, как они машут нам сверху руками, призывая быстрее присоединиться к ним. Мы схватили свои многозарядные винтовки и выбежали, чтобы посмотреть на приближающуюся опасность. Вдруг из-за ближайших деревьев выскочила группа из двенадцати или пятнадцати индейцев, которые неслись что есть духу, преследуемые двумя ужасными чудовищами; такой же монстр напал ранее на наш лагерь

и преследовал меня во время моего путешествия к озеру. Внешне эти животные были похожи на отвратительных жаб и передвигались скачками, но размеров были просто невероятных — больше, чем самый крупный слон. Раньше мы видели их только в темноте, и они действительно были ночными животными, а при свете дня выходили, только если их потревожили во время лежки, как было и в этот раз. Мы стояли, завороженно глядя на них, потому что их покрытые буграми и бородавками шкуры блестели, словно рыбья чешуя, и, когда животные двигались, солнечные лучи отражались от них, переливаясь всеми цветами радуги.

Однако времени любоваться ими у нас не было, потому что в следующий момент монстры настигли группку беглецов и устроили настоящую бойню. Животные всем своим весом наскакивали на очередную жертву, давя и калеча ее, а затем тут же бросались к следующей. Несчастные туземцы кричали от ужаса, но были совершенно беспомощны перед безжалостной и страшной силой этих чудовищ; все, что они могли сделать, — это изо всех сил пытаться убежать. Индейцы падали на землю один за другим, и в живых оставалось уже не больше полудюжины, прежде чем мы с

лордом Джоном смогли прийти к ним на помощь. Впрочем, от нее было мало толку и наше вмешательство только навлекло опасность на нас самих. Мы расстреляли магазины своих винтовок, с расстояния около двухсот ярдов посылая в этих тварей пулю за пулей, но эффект был такой же, как если бы мы стреляли бумажными шариками. Эти неразвитые рептилии не обращали внимания на раны, жизненные силы у них были сосредоточены не в голове, а распределялись по спинному мозгу, и поэтому их трудно было убить из современного оружия. Все что нам удалось сделать, это замедлить продвижение чудовищ, отвлекая их внимание вспышками и звуком выстрелов наших ружей, и таким образом выиграть время для туземцев и для нас самих, чтобы успеть добежать до спасительных ступеней. Но там, где были бессильны конические разрывные пули двадцатого столетия, преуспели отравленные индейские стрелы, которые сначала погружали в сок строфанта[118], а затем втыкали в гниющее мясо. Охотнику, нападающему на такого зверя,

[118] Примечания: 118

…Иезекииля… — Древнееврейский пророк VII–VI вв. до н. э. Призывал в своих проповедях к неуклонному соблюдению предписаний иудаизма. «Книга Пророка Иезекииля» входит в Ветхий Завет. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

от них было мало толку, поскольку действие яда при вялом движении крови у рептилий было медленным, и, прежде чем начнет работать яд, животное вполне могло убить своего противника. Но сейчас, когда два монстра загнали нас к подножию лестницы, из каждой щели в скале на них обрушился град свистящих стрел и дротиков. Через минуту чудища уже были полностью утыканы ими и, тем не менее, не чувствуя боли, в бессильной ярости, царапая камень и обливая его слизью, неуклюже карабкались по ступеням за своими жертвами, продвигаясь на несколько ярдов вверх и тут же срываясь вниз. Но в конце концов яд все-таки подействовал. Одно из животных вдруг издало протяжный стон и уронило свою огромную широкую голову на землю. Второе с пронзительным воющим криком сделало несколько скачков по кругу, а затем, свалившись, забилось в предсмертной агонии и через несколько минут замерло окончательно. С торжествующими возгласами индейцы всей толпой спустились из своих пещер и устроили вокруг мертвых тел победный танец, неистово радуясь, что еще двое их самых опасных врагов повержены.

Вечером туземцы разделали и убрали туши, но

не для еды — потому что яд все еще продолжал действовать, — а чтобы избежать в племени эпидемии. Однако громадные сердца этих рептилий, каждое величиной с большую подушку, остались лежать на месте и все еще бились, вздымаясь и оседая, неторопливо и непрерывно, словно продолжая вести какую-то независимую страшную жизнь. Нервные узлы в них погибли только на третий день, и эти ужасные органы наконец остановились.

Однажды, когда в моем распоряжении будет письменный стол, а не ящик из-под консервов, хорошие письменные принадлежности, а не огрызок карандаша и последняя потрепанная тетрадка, я обязательно напишу подробнее об индейцах акала, о нашей жизни среди них и о наблюдениях, сделанных на Земле Мейпла Уайта. Я верю, память моя никогда не подведет меня, потому что до моего последнего вздоха каждый час и каждая минута нашего пребывания здесь будут стоять перед моими глазами так же четко, как первые воспоминания из детства. Никакие новые впечатления не смогут стереть то, что так прочно запечатлелось в моем сердце. Наступит время, и я опишу эту удивительную лунную ночь на громадном озере, когда в индейские сети попался

молодой ихтиозавр[119], едва не перевернувший наше каноэ, прежде чем его удалось вытащить на берег. Это было странное существо: с виду — наполовину тюлень, наполовину рыба, с двумя глазами, прикрытыми роговыми пластинами, по обе стороны морды и третьим глазом на темени. Этой же ночью выскочившая из тростника зеленая водяная змея утащила в своих кольцах одного из гребцов с каноэ Челленджера. Я также упомяну о большом белом ночном животном, — причем мы до сегодняшнего дня так и не знаем, было ли это млекопитающее или рептилия, — которое живет в отвратительном болоте в восточной части озера и, быстро двигаясь в темноте, излучает слабое фосфоресцирующее сияние. Индейцы так боятся его, что отказываются приближаться к этому месту, и, хотя мы дважды предпринимали экспедиции туда и оба раза видели белое животное, нам не удалось пройти через глубокую топь, в которой оно живет. Я могу только сказать, что оно несколько больше, чем корова, и от него исходит очень странный мускусный запах. А еще я

[119] Примечания: 119

…строфанта… — Строфант — род деревянистых лиан и кустарников семейства кутровых. Растет в тропической Африке и в Южной Азии. Используется в медицине как средство, возбуждающее сердечную деятельность. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Красящих)*

поведаю о гигантской птице с длинной голой, как у стервятника, шеей и хищной головой, которая однажды гналась за Челленджером до самого укрытия на скалах. Она больше страуса, так же, как и он, передвигается по земле, и представляет собой смертельную опасность. Когда Челленджер уже карабкался по ступеням, один удар ее изогнутого клюва снес каблук на его ботинке, словно тот был срезан бритвой. На этот раз, по крайней мере, современное оружие оказалось действенным, и после выстрела лорда Рокстона птица, дрыгая ногами и раскинув в стороны перья, рухнула, устремив на нас свои желтые безжалостные глаза. Это громадное существо — ростом в двенадцать футов — называется фороракус[120], по словам нашего запыхавшегося, но ликующего профессора. Возможно, когда-нибудь я увижу эту приплюснутую голову в отведенной ей нише среди других трофеев лорда Джона в Олбани. И, наконец, я не забуду рассказать про

[120] Примечания: 120

…ихтиозавр… — Ихтиозавр (от греч. ichthys — рыба — и zauros — ящер) — хищные морские пресмыкающиеся мезозойской эры, имевшие рыбообразное тело. Достигали двенадцати метров в длину. В отличие от плезиозавров, жили в открытом море. По образу жизни были похожи на современных акул. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

токсодона[121] — гигантскую десятифутовую морскую свинку с выступающими острыми, как долото, зубами, которую мы подстрелили, когда она ранним утром пила из озера.

Обо всем этом я когда-нибудь напишу во всех деталях, а пока длится эта волнующая экспедиция, я стараюсь бережно вести свои записи о тех замечательных летних вечерах, когда мы лежим в высокой траве недалеко от леса, под высоким синим небом, и любуемся странной пернатой дичью у себя над головой и причудливыми незнакомыми существами, которые выбираются из своих нор, чтобы поглазеть на нас. Ветви кустов над нами гнутся под тяжестью соблазнительных плодов, а снизу, из травы, на нас смотрят странные и очаровательные цветы. Я пишу также и о долгих лунных ночах, когда, стоя у мерцающей поверхности большого озера, мы с изумлением и благоговейным страхом наблюдаем огромные круги на воде после внезапного всплеска какого-то фантастического монстра или зеленоватое свечение неведомого существа, проплывающего

---

[121] Примечания: 121

…фороракус… — Гигантская, бегающая подобно современному страусу хищная птица, жившая в начале кайнозойской эры и достигавшая в высоту двух метров (а не двенадцати футов — т. е. более чем трех с половиной метров, как это указано в романе). *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

где-то на большой глубине. Все эти незабываемые картины мое перо и моя память когда-нибудь воспроизведут на бумаге в самых мельчайших подробностях.

Но вы можете спросить меня: причем здесь все эти ваши переживания и чем вызвано промедление, когда вы и ваши друзья должны день и ночь искать способ вернуться в цивилизованный мир? На это я могу ответить, что все мы работали над достижением этой цели, но наши усилия были напрасны. Один факт мы выяснили для себя очень скоро: индейцы не станут делать ничего, чтобы помочь нам. В остальном они были нашими друзьями, — можно даже сказать, преданными рабами; но когда речь заходила о том, чтобы помочь нам изготовить и отнести к обрыву длинную доску, которая могла бы стать мостом через пропасть, или же когда мы хотели получить от них лианы или ремни из кожи, чтобы сплести веревки, мы натыкались на добродушный, но непреодолимый отказ. При этом туземцы могли улыбаться, непонимающе моргать, качать головой — но этим все и заканчивалось. Даже старый вождь отвечал нам так же, и только Маретас, юноша, которому мы спасли жизнь, относился к нам сочувственно и жестами показывал, что

огорчен тем, что желания наши не выполняются. После полного триумфа в войне с обезьянами индейцы смотрели на нас, как на сверхлюдей, которые носят победу в трубках своего странного оружия. Они считали, что пока мы остаемся с ними, удача на их стороне. Каждому из нас, кто забудет про свою родину и навсегда поселится на плато, предлагали по маленькой краснокожей жене и по отдельной пещере. Это, конечно, было очень любезно, но, однако, совершенно не соответствовало нашим желаниям; теперь мы знали наверняка, что свои планы о спуске в долину мы должны держать в секрете от индейцев, поскольку у нас были основания опасаться, что в последний момент они могут попробовать удержать нас силой.

Несмотря на риск встретиться с динозаврами (которые особенно опасны по ночам, поскольку, как я уже говорил, являются ночными хищниками), я дважды за последние три недели побывал в нашем старом лагере, чтобы увидеться со слугой-негром. Замбо по-прежнему находился на своем посту у подножия скал. Напрасно я нетерпеливо оглядывал широкую равнину в надежде увидеть вдалеке спешащую к нам помощь, о которой мы все молились. Усеянное кактусами обширное

пространство оставалось голым, пустынным до самой линии бамбуковых зарослей, темневших у горизонта.

— Они уже скоро придут, масса Мэлоун. Прежде чем пройдет следующая неделя, индейцы вернутся, принесут веревку и спустят вас вниз, — прокричал мне бодрым голосом наш замечательный Замбо.

Когда я возвращался из своего второго похода к обрыву, в течение которого мне пришлось провести ночь отдельно от своих друзей, со мной произошел один странный случай. Я шел обратно по хорошо знакомому мне маршруту и уже находился в миле от болота птеродактилей, когда увидел, что ко мне приближается нечто необычное. Это был человек, двигавшийся внутри рамы из согнутых палок, так что он со всех сторон был окружен клеткой в форме колокола. Подойдя поближе, я удивился еще больше, когда понял, что это лорд Джон Рокстон. Заметив меня, он выскользнул из-под своей чудной защиты и со смехом подошел ко мне; и все же мне показалось, что он чем-то смущен.

— Вот уж не ожидал встретить вас здесь, молодой человек, — сказал лорд Джон.

— А вы что здесь делаете, черт возьми? — в

свою очередь спросил я.

— Навещаю своих друзей — птеродактилей, — ответил он.

— Но зачем?

— Интереснейшие твари, вам так не кажется? Но такие необщительные! Ведут себя отвратительно грубо по отношению к непрошеным гостям, как вы, наверно, помните. Вот я и соорудил эту раму, которая предохраняет от слишком пристального внимания.

— А что вам нужно было на этом болоте?

Лорд Джон посмотрел на меня с деланным удивлением, и я заметил в его взгляде какую-то нерешительность.

— Вы не допускаете, что кто-то, кроме наших профессоров, тоже хочет побольше знать? — сказал он наконец. — Я просто изучаю этих чудных милашек. Этого достаточно.

— Я не хотел вас обидеть, — сказал я.

К нему снова вернулось добродушное настроение, и он рассмеялся.

— И вы не обижайтесь, молодой человек. Я собираюсь заполучить для Челленджера одного такого дьявольского птенчика. В этом заключается одна из моих обязанностей. Нет, я не хочу, чтобы вы пошли вместе со мной. В этой клетке я

буду в безопасности, а вы — нет. Скоро увидимся, я вернусь в лагерь до наступления темноты.

С этими словами лорд Джон повернулся, и, когда я уходил, он уже шел через лес, неся на себе свою необычную клетку.

Если лорд Джон в этот раз вел себя как-то странно, то поведение Челленджера было еще более удивительным. Должен сказать, что он казался чрезвычайно привлекательным индейским женщинам и поэтому всегда носил с собой большую пальмовую ветку, которой отгонял их, словно мух, когда их внимание становилось слишком назойливым. Одним из самых гротескных воспоминаний, которые я унесу с собой, будет картина, когда профессор с этим символом власти в руках выступает, как султан из комической оперы, выставив вперед свою черную бороду и широко расставляя при ходьбе носки ботинок, а за ним следует целая вереница индейских девушек, едва прикрытых одеждой из растительных волокон, с широко открытыми от восхищения глазами. Что же касается Саммерли, то он был полностью поглощен жизнью мира насекомых и птиц на плато и проводил за подготовкой и упаковкой экспонатов все свое время (за исключением той его части, которая была посвящена обвинениям

Челленджера в его нежелании действовать, чтобы вытащить нас отсюда).

Каждое утро Челленджер куда-то уходил и возвращался с серьезным и важным видом, как человек, несущий на своих плечах груз большого и рискованного предприятия. Однажды — с пальмовой веткой в руке и толпой восхищенных поклонниц позади — он привел нас в свою укрытую от посторонних глаз мастерскую и посвятил в свои планы.

Мастерская была расположена на небольшой поляне посреди пальмовой рощи. Там находился один из кипящих грязевых гейзеров, о которых я уже рассказывал. По краям были разложены кожаные ремни, вырезанные из шкуры игуанодона, и какая-то большая сложенная мембрана, оказавшаяся высушенным и выскобленным желудком одного из рыбоподобных ящеров из озера. С одной стороны профессор зашил этот громадный мешок, а с другой оставил небольшое отверстие. В него было вставлено несколько бамбуковых трубок, концы которых входили в конические глиняные воронки, собиравшие газ, поднимавшийся большими пузырями через грязь гейзера. Вскоре дряблый мешок начал медленно расширяться и продемонстрировал такое

стремление подняться вверх, что Челленджер привязал удерживающие его веревки к стволам близлежащих деревьев. Через полчаса перед нами был уже аэростат приличных размеров, и по рывкам и натяжению ремней было видно, что он способен поднять значительный вес. Челленджер напоминал счастливого отца при виде собственного первенца. Умиленно глядя на произведение своей мысли, профессор стоял, тихо улыбаясь и довольно поглаживая бороду. Первым прервал молчание Саммерли.

— Но вы же не собираетесь поднять нас на этой штуке, Челленджер? — сказал он ехидным тоном.

— Я собираюсь, мой дорогой Саммерли, продемонстрировать вам ее возможности, и вы, увидев их, без колебаний ей доверитесь.

— Можете сразу же выбросить это из головы, — решительно заявил Саммерли, — ничто на свете не заставит меня совершить такую глупость. Лорд Джон, я полагаю, вы не поддерживаете такое безумство?

— Я бы назвал это остроумной идеей, — ответил наш пэр. — Только хорошо бы взглянуть, как это работает.

— Непременно, — сказал Челленджер. — В

течение нескольких дней я сосредоточивал все силы своего ума на том, как нам спуститься с этих скал. Мы уже успели убедиться, что слезть по отвесной стене мы не можем, а туннель завален. Мы также не в состоянии построить какой-либо мост, чтобы перебраться на утес, с которого мы сюда пришли. Тогда каким же образом я мог бы переправить нас отсюда? Некоторое время назад я заметил нашему юному другу, что из гейзера поднимается свободный водород. Вслед за этим идея об аэростате пришла сама собой. Должен признать, что поначалу сложно было найти подходящую оболочку для удержания в ней газа, но изучение громадных внутренностей этих рептилий предложило мне решение и этой проблемы. И теперь посмотрите на результат!

Одной рукой он важно взялся за обрывки своей изорванной куртки, а второй с гордостью показал на шар.

К этому времени раздувшийся аэростат уже достаточно округлился и с силой дергал удерживающие его веревки.

— Чистое безумие![122] — фыркнул Саммерли.

Лорду Джону идея очень понравилась.

— Наш старик все-таки голова! — шепнул он мне, а затем уже громче обратился к Челленджеру: — А как же насчет гондолы?

— Гондола станет моей следующей задачей. Я уже составил план, как ее сделать и прикрепить к аэростату. Тем временем я просто покажу вам, что мой аппарат способен выдержать вес каждого из нас.

— Вы хотели сказать, всех нас вместе?

— Нет, мой план заключается в том, что мы спустимся вниз по очереди, как на парашюте, а затем шар будет подниматься наверх способом, который я без труда разработаю. Главное, чтобы он выдержал вес одного человека и аккуратно спустил его к подножию, и это будет все, что от него требуется. А сейчас я продемонстрирую вам его возможности.

Он вынес внушительных размеров обломок базальта, имевший такую форму, что к нему легко можно было привязать веревку. Веревка была

---

[122] Примечания: 122

...токсодона... — Токсодон — крупное тяжеловесное млекопитающее семейства копытных, населявшее Южную Америку в начале четвертичного периода кайнозойской эры. Хотя внешне токсодон и напоминал морскую свинку, он не родствен ей. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

та самая, которую мы подняли с собой на плато, после того как воспользовались ею при восхождении на утес — очень крепкая, хотя и тонкая, более сотни футов в длину. Профессор приготовил своего рода кожаную сбрую с множеством прикрепленных к ней ремешков. Он установил сбрую на купол шара, а свисающие с нее ремни собрал внизу вместе, так чтобы давление любого веса было распределено на значительную площадь. Затем к ремням профессор привязал обломок базальта, с которого свисала наша веревка, другим концом трижды обмотанная вокруг руки Челленджера.

— А сейчас, — в радостном предвкушении с улыбкой сказал он, — я продемонстрирую вам подъемную силу моего шара. — С этими словами он ножом перерезал ремни, удерживающие аппарат.

Это была самая опасная ситуация, в которой оказалась вся наша экспедиция за время путешествия. Надутая оболочка рванулась в небо с невероятной скоростью. В тот же миг Челленджера оторвало от земли и потянуло вверх. Я успел обхватить его руками за пояс, но и сам тут же оказался в воздухе. Лорд Джон мертвой хваткой вцепился мне в ноги, но я чувствовал, что и он

уже отрывается от поверхности. На мгновение я представил себе, как это должно было выглядеть со стороны: четверо путешественников плывут, как связка сосисок, над страной, которую они пришли исследовать. Однако, к счастью, у прочности нашей веревки имелся предел, чего, похоже, нельзя сказать о подъемной мощи этого адского устройства. Раздался резкий хлопок — мы кубарем упали на землю, а сверху на нас кольцами свалилась веревка. Когда нам в конце концов удалось подняться на ноги, далеко в вышине мы увидели стремительно удаляющийся обломок базальта, который уже превратился в темную точку на фоне синего неба.

— Великолепно! — воскликнул не потерявший самообладания Челленджер, потирая ушибленную руку. — Какая всесторонняя и убедительная демонстрация! Я даже не ожидал такого успеха. Обещаю, джентльмены, что через неделю будет готов второй шар, и вы можете твердо рассчитывать, что преодолеете первый этап нашего возвращения домой безопасно и с комфортом.

До сих пор я описывал все события в той последовательности, в какой они происходили. Теперь же я возобновляю свое повествование уже из нашего старого лагеря, где нас так долго ждал

Замбо; сейчас все трудности и опасности, как страшный сон, остались позади, на вершине этих рыжеватых скал, которые вздымаются у нас над головой. Мы благополучно спустились вниз, — хотя и совершенно неожиданным образом, — и с нами сейчас все в порядке. Пройдет еще от шести недель до двух месяцев, и мы вернемся в Лондон, так что очень может быть, что это письмо попадет вам в руки не намного раньше нашего приезда. Души наши томятся, а мысли устремляются вперед, навстречу огромному, родному для нас городу, который так дорог нашему сердцу.

Вечером того же дня, после нашего рискованного приключения с воздушным шаром, изготовленным Челленджером, в судьбе нашей наступили решительные перемены. Я уже говорил, что единственным человеком, который проявлял какое-то сочувствие к нашим попыткам выбраться отсюда, был спасенный нами молодой вождь. Он один не хотел удерживать нас силой в этой странной стране. Все это он передавал нам с помощью выразительного языка жестов. В тот вечер, после захода солнца, Маретас спустился в наш маленький лагерь и протянул мне (по каким-то причинам он всегда уделял мне внимания больше, чем другим; возможно, потому что

я был ближе всех к нему по возрасту) небольшой свиток древесной коры, а затем, с серьезным видом показав в сторону ряда пещер над нами, приложил палец к губам, призывая сохранить это втайне, после чего вновь, крадучись, вернулся к своему племени.

Я поднес кусок коры к свету костра, и мы все внимательно рассмотрели его. Он имел форму квадрата со стороной около одного фута. Внутри был какой-то рисунок из странно расположенных линий, который я воспроизвожу в своих записях.

Рисунок был аккуратно сделан углем на белом фоне и на первый взгляд напоминал грубое изображение музыкальной партитуры.

— Что бы это ни было, могу поклясться, что это что-то очень важное для нас, — сказал я. — Это было написано на лице молодого вождя, когда он отдавал мне свиток.

— Если только мы не имеем дело с примитивной шуткой, — возразил Саммерли. — Желание пошутить я бы отнес к самым основополагающим достижениям человечества.

— Это явно какой-то шифр, — заметил Челленджер.

— Скорее похоже на ребус, — заметил лорд Джон, вытягивая шею, чтобы получше рассмот-

реть рисунок. Затем внезапно он протянул руку и схватил загадочное изображение.

— Черт побери! — воскликнул Джон Рокстон. — Я, кажется, понял. Юноша был прав. Смотрите! Сколько таких черточек на этой коре? Восемнадцать. А теперь обратите внимание, что пещер на склоне горы над нами тоже восемнадцать.

— Когда Маретас передавал мне это, он показывал в сторону пещер, — вспомнил я.

— Тогда все правильно. Это схема пещер. Ну да! Восемнадцать пещер в ряд, одни короткие, другие глубокие, некоторые с разветвлениями — мы же сами все это видели. Это карта, а вот тут на ней стоит крестик. Зачем он здесь? Им отмечена пещера, которая намного глубже всех остальных.

— Она сквозная! — воскликнул я.

— Кажется, наш юный друг разгадал эту загадку, — сказал Челленджер. — Если пещера не проходит насквозь, тогда я совершенно не понимаю, зачем этот молодой человек, у которого есть все основания относиться к нам хорошо, старается привлечь к ней наше внимание. Но если она действительно сквозная и имеет выход с другой стороны на том же уровне, то нам для спуска останется преодолеть не более ста футов.

— Целых сто футов! — охнул Саммерли.

— Но ведь у нас по-прежнему есть веревка длиной более ста футов! — воскликнул я. — Ее наверняка хватит, чтобы спуститься.

— А как насчет тех индейцев, которые находятся в этой пещере? — возразил Саммерли.

— Индейцы не живут ни в одной из пещер над нами, — сказал я. — Все они используются только в качестве кладовых и складов. Почему бы нам не пойти туда прямо сейчас и все не разведать?

На плато есть засохший лес каких-то смолянистых растений — разновидности араукарии[123], по утверждению нашего ботаника, — которые используются индейцами как факелы. Каждый из нас взял по охапке таких веток, и мы по замшелым ступенькам отправились к пещере, которая была отмечена на схеме. Как я и предполагал, она была пуста, если не считать множества громадных летучих мышей, которые хлопали крыльями у нас над головой. Не желая привлекать к нашим действиям внимание индейцев, некоторое время мы, спотыкаясь, двигались в темноте, пока не миновали несколько поворотов и не зашли в пещеру достаточно глубоко. Затем мы наконец

[123] Примечания: 123

Чистое безумие! — Выражение из комедии Вильяма Шекспира «Двенадцатая ночь» (1600). *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

зажгли наши факелы. Это был прекрасный сухой туннель, с гладкими серыми стенами, покрытыми туземными символами, с выгнутым сводом и усыпанным белым блестящим песком полом. Мы торопливо двигались по проходу, пока — с возгласом глубокого разочарования — вынуждены были остановиться. Путь нам преграждала вертикальная каменная стена без единой трещины. Через нее не смогла бы проскочить даже мышь. Уйти таким путем было невозможно.

С тяжелым сердцем мы стояли, молча глядя на это неожиданное препятствие. Но оно возникло здесь не в результате каких-то подземных толчков, как в туннеле, по которому мы пытались подняться. Стена в конце была точно такой же, как и боковые стены. Это был тупик, причем он был здесь всегда.

— Не беда, друзья мои, — наконец сказал неунывающий Челленджер. — Я по-прежнему твердо обещаю вам сделать воздушный шар.

Саммерли тихо застонал.

— А может быть, мы зашли не в ту пещеру? — предположил я.

— Исключено, молодой человек, — сказал лорд Джон, водя пальцем по схеме. — Семнадцатая справа и вторая слева. Это, безусловно, та самая

пещера.

Я взглянул на отметку, на которую указывал его палец, и вскрикнул от радости.

— Кажется, я все понял! Следуйте за мной! Следуйте за мной!

С факелом в руке я торопливо пошел назад по пройденному нами пути.

— Вот, — сказал я, показывая на лежащие на земле горелые спички, — здесь мы их зажгли.

— Ну, правильно.

— На схеме эта пещера показана, как имеющая развилку, а мы в темноте прошли нужный поворот, прежде чем зажечь факелы. Теперь, двигаясь к выходу, мы справа должны найти более длинный ход.

Все оказалось, как я и думал. Не прошли мы и тридцати ярдов, как обнаружили большое черное отверстие в стене. Мы свернули туда и оказались в гораздо большем коридоре, чем перед этим. Задыхаясь от нетерпения, мы быстро прошли по нему много сотен ярдов. Затем внезапно в черном мраке коридора увидели отблески света и замерли в изумлении. Казалось, что лист неподвижного огня перекрывает проход и преграждает нам путь. Мы торопливо двинулись к нему. От этого свечения не исходило ничего

— ни звука, ни тепла, ни движения; и все же перед нами сияла большая светящаяся занавеска, окрашивая стены пещеры в серебристый цвет и превращая песок под нашими ногами в пыль из сияющих драгоценных камней. Только подойдя ближе, мы разглядели закругленный край.

— Это луна, черт побери! — закричал лорд Джон. — Мы вышли, ребята! Мы вышли!

Это действительно была полная луна, сиявшая прямо напротив отверстия, выходившего на отвесную стену скалы. Маленький проем, размером не больше обычного окна, но для наших целей этого было вполне достаточно. Высунув головы, мы увидели, что спуск отсюда будет не слишком сложным и что земля находится не так уж и далеко. Неудивительно, что снизу мы не заметили это место, поскольку стена здесь была отвесной и подъем казался снизу невозможным, поэтому проводить более подробное исследование не имело смысла. Сейчас мы удовлетворились тем, что действительно можем спуститься с помощью нашей веревки, после чего радостные вернулись в наш лагерь, чтобы провести необходимые приготовления к следующему вечеру.

Все, что мы делали, следовало делать быстро и тайно, потому что даже в самый последний

момент индейцы могли остановить нас. Все свои припасы мы решили оставить, взяв с собой лишь ружья и патроны. Но у Челленджера была одна громоздкая вещь, которую он непременно хотел взять с собой, и еще один особый груз, о котором я пока не могу говорить и с которым у нас возникли особые трудности.

День тянулся очень медленно, но с приходом темноты мы были готовы уходить. С большим трудом мы подняли наши вещи по ступенькам, а затем, оглянувшись назад, бросили последний долгий взгляд на эту странную страну, которая, боюсь, очень скоро может потерять свою неповторимость в результате усилий охотников и старателей; но, тем не менее, для каждого из нас она остается волшебной страной, полной очарования и романтики, страной, в которой мы много рисковали, много страдали и много узнали — *нашей* страной, как мы всегда будем с гордостью ее называть. Пещеры слева от нас отбрасывали в темноту веселые красноватые отблески костра. На склоне внизу раздавались смех и пение индейцев. Чуть дальше располагался широкий участок леса, а в центре неясно мерцало большое озеро — колыбель удивительных монстров. Когда мы смотрели на всю эту картину, из мрака раздался

высокий звенящий крик — призыв какого-то необычного животного. Казалось, что это был голос самой Земли Мейпла Уайта, которая таким образом прощалась с нами. Мы повернулись и вошли в пещеру, которая вела нас домой.

Еще через два часа мы сами, наш груз и пожитки были уже у подножия скалы. За исключением поклажи Челленджера, у нас не возникло никаких сложностей. Оставив все имущество в месте спуска, мы тут же направились к лагерю Замбо. Но, подойдя к нему ранним утром, мы с изумлением обнаружили в долине не один костер, а целую дюжину: сюда прибыл спасательный отряд. Там было двадцать индейцев с реки, с кольями, веревками и всем, что могло понадобиться для строительства перекидного моста через пропасть. Теперь, по крайней мере, у нас не было трудностей с переносом нашей поклажи, когда мы утром отправились в обратный путь к Амазонке.

Я благодарен судьбе и на этом заканчиваю свой рассказ. Наши глаза видели великие чудеса, а души стали чище благодаря тому, что нам довелось пережить. Каждый из нас стал по-своему лучше и сильнее. Может так случиться, что, добравшись до Пары, мы сделаем остановку перед

дальнейшей дорогой. Тогда мое письмо уйдет с первой почтой и опередит меня. Если же этого не произойдет, письмо прибудет в Лондон в тот же день, что и я. Но в любом случае, мой дорогой Мак-Ардл, я надеюсь, что очень скоро смогу лично пожать вашу руку.

Глава XVI
Процессия! Процессия!

Я бы хотел также выразить здесь огромную благодарность всем нашим друзьям на Амазонке за их доброту и гостеприимство по отношению к нам во время обратного путешествия. Особо мне хотелось бы поблагодарить сеньора Пеналосу и других представителей правительства Бразилии за отданные ими специальные распоряжения, согласно которым в пути нам оказывалась всяческая поддержка, а также сеньору Перейре из Пары. Благодаря ее предусмотрительности в этом городе нас уже ждала полная экипировка, необходимая, чтобы прилично выглядеть при возвращении в цивилизованный мир. Поэтому представляется черной неблагодарностью с нашей стороны, что нам пришлось ввести в заблуждение радушно принявших нас благодетелей, хотя в данных обстоятельствах у нас просто не было другого выхода; поэтому сейчас я сообщаю им, что они лишь понапрасну потеряют свое время и деньги, если попробуют пройти по нашим следам. В моих записях были изменены

даже названия местности и имена людей, и поэтому я совершенно убежден, что никто, даже при самом тщательном их изучении, не сможет подойти к нашей неизведанной стране даже на тысячу миль.

Эмоциональное возбуждение в тех частях Южной Америки, через которые мы проследовали, как нам показалось, носило локальный характер, и я могу заверить наших друзей в Англии, что здесь не наблюдалось даже намека на тот ажиотаж, который в Европе был вызван одними только слухами о наших приключениях. Лишь когда наш пароход «Иверния» находился уже на расстоянии в пятьсот миль от Саутгемптона и нас буквально засыпало телеграфными запросами от множества газет и информационных агентств, предлагавших огромные гонорары за короткое сообщение о результатах экспедиции, мы поняли, что к нашему путешествию было приковано напряженное внимание не только научного мира, но и широкой общественности. Однако между собой мы договорились, что никаких определенных заявлений для прессы делать не будем, пока не встретимся с членами Зоологического института, поскольку, как делегаты их собрания, мы, естественно, должны были представить свой пер-

вый доклад тому органу, который уполномочил нас вести расследование. Таким образом, хотя в Саутгемптоне нас встречала целая толпа репортеров, мы наотрез отказались давать какую-либо информацию, и это автоматически привело к тому, что теперь все внимание публики сфокусировалось на заседании, которое было назначено на вечер 7 ноября.

Для этой встречи зал Зоологического института, ставший отправной точкой нашей миссии, оказался слишком маленьким, и в качестве помещения удалось найти только Куинс-Холл на Риджент-стрит. Теперь уже понятно, что даже если бы устроители рискнули заказать Альберт-Холл, все равно места для всех желающих было бы недостаточно.

Это знаменательное заседание должно было состояться на второй день после нашего приезда. А в первый день все мы, разумеется, были поглощены личными делами. О своих я пока предпочитаю умолчать. Возможно, когда-нибудь мне станет легче говорить и даже думать об этом. В начале моего повествования читатель узнал, что именно двигало моими действиями, и было бы, наверное, логично продолжить рассказ и показать, чем все закончилось. Я верю, что настанет

день, когда я пойму, что мне не о чем жалеть. В конце концов, это подтолкнуло меня принять участие в удивительном приключении, и я могу быть только благодарен той силе, которая меня на это подвигла.

А теперь перейдем к последнему этапу нашего приключения, весьма насыщенному событиями. Когда я ломал голову над тем, как мне лучше описать его, взгляд мой упал на утренний выпуск нашей «Газетт» от 8 ноября с полным репортажем об этом событии, прекрасно написанным моим другом и коллегой Макдоном. Я решил привести его статью целиком, включая заголовки; вряд ли можно написать об этом лучше. Вынужден признать, что наша газета, гордая тем, что в экспедиции принимал участие ее специальный корреспондент, уделила особое внимание этому заседанию в Зоологическом институте, но отчеты других крупных ежедневных изданий едва ли были менее подробными. Итак, репортаж моего друга Мака:

«НОВЫЙ МИР

МНОГОЛЮДНОЕ СОБРАНИЕ В КУИНС-ХОЛЛЕ

АЖИОТАЖ В ЗАЛЕ

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

ЧТО ЭТО БЫЛО?

НОЧНЫЕ ВОЛНЕНИЯ НА РИДЖЕНТ-СТРИТ

(Репортаж нашего специального корреспондента)

Вчера вечером в Куинс-Холле состоялось вызвавшее горячие споры заседание Зоологического института, созванное, чтобы заслушать отчет комиссии, посланной в прошлом году в Южную Америку, с целью проверить утверждения профессора Челленджера о существовании на этом континенте доисторических форм жизни, и нужно сказать, что эта дата, вероятно, будет вписана красной строкой в историю науки, поскольку представленные там материалы носили настолько удивительный и сенсационный характер, что ни один из присутствующих там уже никогда не забудет это событие. (О, дружище Макдон! Что за чудовищная и громоздкая начальная фраза?!) Теоретически пригласительные билеты раздали только сотрудникам института и их дру-

зьям, но последняя категория оказалась понятием растяжимым, и задолго до восьми часов, (время, на которое было назначено начало слушаний), Большой зал уже был забит до отказа. Однако публика, безосновательно посчитавшая себя обиженной, без четверти восемь штурмом взяла входную дверь, причем в результате продолжительной свалки несколько человек получили травмы, включая полицейского инспектора Скобла, который, к несчастью, сломал ногу. После такого не находящего никаких оправданий вторжения, в результате которого были окончательно заполнены не только все проходы, но и места, выделенные для прессы, можно сказать, что возвращения этой экспедиции ожидали не менее пяти тысяч человек. Когда же наконец появились наши путешественники, они заняли свои места возле сцены, на которой уже расположились ведущие ученые не только Англии, но также Франции и Германии. Здесь была представлена и Швеция, в лице профессора Сергиуса — знаменитого зоолога из университета

города Упсала.

При появлении четверых героев этого события вся аудитория поднялась со своих мест и в течение нескольких минут горячо приветствовала их. Внимательный наблюдатель, однако, мог бы заметить в общем хоре аплодисментов отдельные возгласы неодобрения и сделать вывод, что едва ли сегодняшнее обсуждение будет совершенно мирным. Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что никто не предвидел того неожиданного оборота, который приняли события в действительности.

Поскольку фотографии этих четверых скитальцев постоянно появляются на страницах газет, видимо, здесь нет нужды описывать их внешность, которая лишь незначительно изменилась вследствие тех лишений, которые, как они сами утверждают, им пришлось пережить. Возможно, борода профессора Челленджера стала более косматой, черты лица профессора Саммерли — более аскетичными, фигура лорда Джона Рокстона — более сухопарой, и все они втроем,

быть может, стали чуть более загорелыми, чем когда покидали наши берега; при этом все они, похоже, чувствуют себя прекрасно. Что же касается нашего собственного корреспондента, известного спортсмена и участника международных соревнований по регби, Э. Д. Мэлоуна, то он находится в отличной форме, и с его честного, хоть и не блещущего красотой лица, не сходит добродушная довольная улыбка». (Ну, погоди, Мак! Мы с тобой еще встретимся!)

«Когда в зале вновь стало тихо и присутствующие после оваций в честь отважных путешественников заняли свои места, к собранию обратился председательствующий, герцог Даремский. Он заявил, что он нисколько не намерен задерживать внимание почтенной публики, которая пришла, чтобы встретиться с путешественниками. Он также не собирается предвосхищать доклад профессора Саммерли, являющегося председателем комиссии по расследованию, хотя по имеющимся сведениям экспедиция увенчалась невероятным успехом».

(Аплодисменты в зале.) «Видимо, время романтиков еще не миновало, и существуют такие точки соприкосновения, где самые смелые фантазии писателей находят подтверждение в реальных научных исследованиях, проводимых настоящими искателями истины. Прежде чем закончить свое вступительное слово, он только хотел бы добавить, что чрезвычайно рад — как рады и все присутствующие — тому факту, что эти джентльмены вернулись после выполнения своей сложной и опасной миссии целыми и невредимыми, поскольку любое несчастье с подобного рода экспедицией, бесспорно, повлекло бы практически невосполнимые потери для всей зоологической науки». (Бурные аплодисменты, к которым присоединился и профессор Челленджер.) «Появление профессора Саммерли вызвало новый взрыв оваций, которые в дальнейшем то и дело прерывали его выступление. Мы не приводим эту речь полностью по той причине, что репортаж нашего специального корреспондента обо всех приключениях экспедиции будет издан

отдельным приложением к нашей газете. Поэтому здесь мы ограничимся лишь несколькими общими замечаниями. Описывая ход путешествия и отдавая должное своему другу, профессору Челленджеру, вместе с извинениями за то недоверие, с которым были приняты его предыдущие утверждения, тогда еще не вполне подтвержденные доказательствами, профессор Саммерли рассказал о фактическом маршруте экспедиции, тем не менее, тщательно скрывая информацию, которая могла бы помочь кому бы то ни было разыскать это удивительное плато. Когда он рассказывал о пути от главного русла реки до того момента, когда они достигли подножия скал, слушатели были захвачены описанием трудностей, с которыми столкнулась экспедиция в многократных попытках подняться на плато; затем профессор Саммерли поведал, как их отчаянные усилия в конце концов увенчались успехом, что стоило жизни двум их верным слугам-метисам». (Эта удивительная интерпретация того случая связана со стремлением профес-

сора избежать во время заседания любых нежелательных вопросов.)

«Пройдя в ходе своего повествования с аудиторией до вершины и оставшись там без возможности спуститься вследствие падения моста, профессор Саммерли перешел к описанию ужасных и привлекательных сторон этой удивительной страны. Он мало говорил о собственных приключениях, зато сделал упор на богатый урожай новых знаний, пополнивших закрома науки в результате проведенных ими наблюдений за неповторимым миром животных, птиц, насекомых и растений этого плато. Особенно широко там представлены жесткокрылые[124] и чешуекрылые[125]: всего за несколько недель на плато было обнаружено сорок шесть новых видов первых и девяносто четыре — вторых. Однако основной интерес публики, естественно, был направлен

[124] Примечания: 124

…араукарии… — Хвойные деревья, растущие в Южной Америке и в Австралии. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

[125] Примечания: 125

…жесткокрылые… — Научное название жуков. Задние — летательные — крылья жуков покрыты жесткими и плотными надкрыльями. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

на крупных животных, в особенности на тех, которые считались давно вымершими. Профессор привел довольно обширный перечень таких существ, но при этом нисколько не сомневается, что список может быть очень существенно расширен, когда это место будет изучено более подробно. Саммерли со своими спутниками видел, по крайней мере, дюжину созданий, — правда, большинство из них на расстоянии, — которых в современной науке не с кем сопоставить. Всех их следует должным образом классифицировать и изучить. В качестве примера он назвал змею, чья сброшенная кожа темно-багрового цвета имела длину пятьдесят один фут; упомянул какое-то белое существо, предположительно млекопитающее, которое в темноте излучает хорошо заметное фосфоресцирующее свечение, а также большого черного мотылька, укус которого индейцы считают чрезвычайно ядовитым. Кроме этих абсолютно новых форм жизни, на плато широко представлены хорошо известные доисторические виды, в некоторых случаях относящиеся

к раннему юрскому периоду. Среди них профессор отметил гротескного вида гигантского стегозавра, которого мистер Мэлоун видел у водопоя на озере и зарисовки которого также были в записных книжках американского путешественника, первым проникшего в этот неведомый мир. Профессор Саммерли также описал игуанодона и птеродактиля — два первых чуда, которых им довелось встретить там. Затем он привел собрание в нервный трепет рассказом об ужасных плотоядных динозаврах, которые не раз преследовали членов экспедиции и были самыми опасными из всех повстречавшихся им животных. Далее он перешел к огромной и беспощадной птице фороракус и гигантским оленям, которые до сих пор трубят на просторах этого плоскогорья. Однако когда профессор Саммерли коротко изложил тайны, скрывающиеся в водах центрального озера, интерес и подъем публики достигли своего апогея. Так и хотелось ущипнуть себя и убедиться, что ты не спишь, когда этот вполне здравомыслящий человек бесстрастным

тоном описывал чудовищных трехглазых рыбоящеров и гигантских водяных змей, которые населяют это удивительное место. Затем он упомянул об индейцах и о необычной колонии человекообразных обезьян, которых можно рассматривать как следующий шаг развития после явантропов[126], и которые, таким образом, стоят ближе всех известных форм к гипотетическому существу, именуемому „отсутствующим звеном“. В конце всеобщее веселое оживление было вызвано его описанием остроумного, но крайне опасного изобретения профессора Челленджера в области воздухоплавания, после чего профессор Саммерли закончил свое выступление впечатляющим рассказом о том, каким образом их экспедиция в конце концов смогла вновь вернуться к цивилизации.

Все надеялись, что сами слушания на этом будут закончены и далее должным образом последуют поздравления и благодарственная речь профессора Сергиуса

[126] Примечания: 126

…чешуекрылые… — См. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 378. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

из университета города Упсала; однако вскоре стало понятно, что дальнейший ход событий вряд ли будет таким гладким. В течение вечера среди слушателей периодически проявлялись признаки присутствия оппозиции, и теперь в центре зала со своего места поднялся доктор Джеймс Иллингуорт из Эдинбурга. Доктор Иллингуорт спросил, будут ли перед вынесением общей резолюции приниматься поправки.

Председатель. Да, сэр, если таковые имеются.

Доктор Иллингуорт. Да, ваша светлость, должна быть внесена поправка.

Председатель. Тогда давайте ее сразу выслушаем.

Профессор Саммерли (вскакивая с места). Ваша светлость, я хотел бы объяснить: этот человек является моим личным врагом со времен нашей дискуссии на страницах „Научного журнала“ по

поводу истиной природы батибиуса[127].

Председатель. Боюсь, что личные отношения нас не касаются. Продолжайте.

Часть замечаний доктора Иллингуорта была очень плохо слышна из-за энергичного противодействия ему со стороны друзей исследователей. Было даже предпринято несколько попыток усадить его. Но, будучи человеком громадной физической силы и обладая мощным голосом, он сумел перекрыть поднявшийся шум и закончить свою речь. С самого начала, когда доктор Иллингуорт поднялся со своего места, было понятно, что в зале у него есть несколько друзей, а также симпатизирующих ему, хотя они и составляли здесь меньшинство. Отношение же большей части публики можно было бы назвать внимательным нейтралитетом.

Доктор Иллингуорт начал свое выступление с высокой оценки научной деятельности профессора Челленджера

---

[127] Примечания: 127

Некая первозданная протоплазма, которая, по утверждению приверженцев теории Дарвина, покрывает дно мирового океана; на самом деле — результат ошибки при сборе океанографических образцов. *(Примеч. пер.)*

и профессора Саммерли. Он очень сожалел, что кто-то мог заподозрить какие-то личные мотивы в его высказываниях, которые на самом деле направлены исключительно на поиск научной истины. В действительности же его позиция в точности такая, какую на предыдущем заседании занимал профессор Саммерли. В прошлый раз профессор Челленджер сделал определенные заявления, в которых его коллега усомнился. Теперь этот же коллега выступает с аналогичными заявлениями и при этом рассчитывает, что они не вызовут никаких вопросов. Разве это логично? (Возгласы: „Да!“, „Нет!“ и длительная пауза, в течение которой в ложе прессы было слышно, как профессор Челленджер просил у председателя позволения выбросить доктора Иллингуорта на улицу.) Год назад один человек говорил определенные вещи. Теперь четыре человека говорят другие вещи, еще более поразительные. Можно ли считать это окончательным доказательством в вопросе, который носит столь революционный и невероятный характер? В

последнее время уже бывали случаи, когда путешественники, приехавшие неизвестно откуда, рассказывали сказки, легко принимавшиеся на веру. Неужели лондонский Зоологический институт сам хочет оказаться в подобном положении? Доктор Иллингуорт признает, что члены комиссии являются людьми с сильным характером. Но человеческая природа очень сложна. Жажда славы может сбить с пути даже самого уважаемого профессора. Все мы, как мотыльки, тянемся к ее свету. Охотники на крупного зверя любят придумывать небылицы для своих соперников, а журналисты в погоне за сенсацией не прочь дополнить факты с помощью своей богатой фантазии. У каждого из членов комиссии были свои причины представить большинство результатов экспедиции именно так. (Возгласы: „Как не стыдно! Позор!“) Доктор Иллингуорт не хотел никого обидеть. („Тем не менее!“ и долгий шум в зале.) Подтверждение же всех этих удивительных сказок является весьма зыбким. К чему оно сводится? К нескольким фото-

графиям. Но неужели в наш век, когда искусство фальсификации достигло таких высот, какие-то фотографии можно рассматривать в качестве доказательств? Что представлено еще? У нас есть рассказ о тайном бегстве и спуске на веревках, что сделало невозможным доставку более крупных образцов. Ход остроумный, но не убедительный. Насколько удалось понять, лорд Джон Рокстон заявил, что у него есть голова фороракуса. Остается добавить, что очень хотелось бы на нее взглянуть.

Лорд Джон Рокстон. Этот человек, похоже, назвал меня лжецом? (Гул в зале.)

Председатель. Я призываю всех к порядку! Доктор Иллингуорт, я должен просить вас заканчивать выступление и выдвинуть свою поправку.

Доктор Иллингуорт. Ваша светлость, я хотел бы сказать еще многое, но подчиняюсь вашему решению. Таким образом, я предлагаю, поблагодарив профессора Саммерли за его интересный рассказ, сами факты по существу признать как недоказанные и поручить их рассмотре-

ние более широкой и, возможно, более авторитетной комиссии по расследованию.

Трудно описать шум, который поднялся после такого заявления. Значительная часть аудитории выражала свое недовольство такими инсинуациями[128] в отношении путешественников громкими криками возмущения и возгласами: „Не рассматривать эту поправку! Долой! Убрать его!“ С другой стороны, оппозиционеры — а их, нужно признать, было немало — энергично поддерживали это дополнение криками: „К порядку! Председатель! Несправедливо!“ В задних рядах вспыхнула потасовка, где принялись тузить друг друга собравшиеся в этой части зала студенты-медики. Масштабные беспорядки сдерживались лишь благодаря присутствию здесь большого числа дам. Однако внезапно наступила некая пауза, все вдруг замолчали, после чего воца-

[128] Примечания: 128

…явантопов… — Явантроп (от Ява и греч. ánthrōpos — человек) — ископаемый человек неандертальского типа, костные останки которого были найдены в 1931–1932 гг. на острове Ява. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

рилась тишина. Это поднялся со своего места профессор Челленджер. Его появление и его манеры всегда приковывают к себе внимание, и, когда он поднял руку, призывая к порядку, все тут же успокоились, чтобы услышать, что он скажет.

— Многие из присутствующих помнят, — сказал профессор Челленджер, — что аналогичными глупыми и грубыми сценами было отмечено и прошлое заседание, на котором у меня была возможность ответить на них. В тот раз главным моим обидчиком был профессор Саммерли, и хотя сейчас он изменил свое отношение и раскаивается, сам факт не может быть забыт полностью. Сегодня вечером я слышал подобные, и даже еще более оскорбительные высказывания, от человека, который только что сел на свое место, и, хотя потребуется сознательно унизиться, чтобы снизойти до его ментального уровня, я все-таки попробую сделать это, чтобы развеять сомнения, которые могут у кого-то возникнуть. (Смех и шум в зале.) В этой аудитории излишне напоминать, что хотя делать доклад сего-

дня вечером было поручено профессору Саммерли, как председателю комиссии по расследованию, все же реальной и основной движущей силой этого проекта был я, и достижение сколько-нибудь положительного результата должно быть приписано именно мне. Я благополучно провел этих трех джентльменов в заранее оговоренное место, и я, как вы уже слышали, сумел убедить их в справедливости моих предыдущих утверждений. Мы не рассчитывали, что после нашего возвращения встретим такой жесткий диспут вокруг наших совместных выводов. Основываясь, однако, на своем предшествующем опыте, на этот раз я приехал с такими доказательствами, которые способны убедить любого здравомыслящего человека. Как уже объяснял профессор Саммерли, во время набега на наш лагерь людей-обезьян наши фотокамеры были повреждены и большинство негативов были уничтожены. (Смех, свист, возгласы: „Хватит сочинять!“ с задних рядов.) Я упомянул здесь людей-обезьян и просто не могу удержаться, чтобы не заметить,

что некоторые из только что услышанных мною звуков живо напомнили мне незабываемую встречу с этими по-своему интересными существами. (Смех.) Несмотря на гибель большого числа бесценных негативов, в нашей коллекции сохранилось определенное количество фотографий, демонстрирующих условия жизни на плато и подтверждающих правдивость наших слов. Нас обвиняют в том, что эти фотоснимки были подделаны? (Выкрик „Да!“, за которым последовал шум и долгая пауза, в результате чего несколько человек были выведены из зала.) Негативы были представлены экспертам для изучения. Но есть ли какие-то другие доказательства? В условиях такого бегства было, разумеется, невозможно привезти большое количество багажа, но все же удалось спасти собранную профессором Саммерли коллекцию жуков и бабочек, где имеется много новых видов. Разве это не доказательство? (Несколько голосов „Нет!“) Кто сказал „нет“?

Доктор Иллингуорт (вставая). С нашей точки зрения, такая коллекция мог-

ла быть собрана и в другом месте, а не только на доисторическом плато. (Аплодисменты.)

Профессор Челленджер. Я уверен, сэр, что ваш авторитет в научном мире ни у кого сомнений не вызывает, хотя признаюсь, что лично мне ваше имя ни о чем не говорит. Теперь, оставив в покое фотографии и энтомологическую коллекцию, я перейду к разнообразной и точной информации, которую мы собрали по вопросам, ранее вообще никогда не поднимавшимся. Например, относительно повадок птеродактилей… (Выкрик: „Ерунда!“ и шум в зале.) Повторяю: теперь мы можем пролить свет на некоторые повадки птеродактилей. Я могу представить вам рисунок из моей подборки, сделанный с натуры, который сможет убедить вас, что…

Доктор Иллингуорт. Ни один рисунок ни в чем нас убедить не сможет.

Профессор Челленджер. Вы, вероятно, хотели бы взглянуть на оригинал?

Доктор Иллингуорт. Безусловно.

Профессор Челленджер. И тогда вы смо-

жете в это поверить?

Доктор Иллингуорт (со смехом). Вне всяких сомнений.

Именно в этот момент и произошла главная сенсация этого вечера — сенсация настолько драматическая, что вряд ли ей когда-либо удастся подобрать какую-то параллель в истории научных заседаний. Профессор Челленджер поднял руку, и в тот же миг по этому сигналу поднялся наш коллега мистер Э. Д. Мэлоун и прошел за кулисы. Еще через мгновение он появился вновь, теперь уже в сопровождении громадного негра; вдвоем они вытащили на сцену большой квадратный ящик. Он явно был очень тяжелым, и его медленно вынесли вперед и поставили перед креслом профессора. В зале наступила полная тишина, публика замерла, напряженно глядя на происходящее. Профессор Челленджер снял с ящика выдвижную крышку, заглянул внутрь и, несколько раз прищелкнув пальцами, успокаивающим голосом произнес:

— Ну же, красавчик, давай, выходи!

Еще через мгновение внизу послы-

шались какой-то шум и царапанье, и изнутри показалось совершенно омерзительное и ужасное существо, усевшееся на краю ящика. Вся огромная аудитория буквально окаменела, и из этого состояния ее не смогло вывести даже неожиданное падение герцога Даремского в оркестровую яму.

Голова этого создания напоминала самую невероятную горгулью, какую только могло создать воображение безумного средневекового архитектора. Злобный и отталкивающий вид дополняли два маленьких красных глаза, горевших, словно тлеющие угольки. Длинная хищная пасть была приоткрыта, и в ней виднелись два ряда острых, как у акулы, зубов. Спина была сгорблена, и ее покрывало нечто, напоминавшее выцветшую серую шаль. Это был сам дьявол из наших детских снов.

В зале поднялась суматоха: кто-то вскрикнул, две дамы из первого ряда упали в обморок, а те, кто находился на сцене, норовили последовать в оркестровую яму вслед за председателем. В какой-то мо-

мент возникла опасность общей паники. Профессор Челленджер поднял руки, чтобы успокоить поднявшееся волнение, но это движение испугало животное рядом с ним. Его странная шаль внезапно развернулась, раскрылась и превратилась в пару кожистых крыльев. Хозяин схватил существо за ноги, но было уже слишком поздно. Оно соскользнуло со своего насеста и принялось медленно кружить по Куинс-Холлу, сухо шелестя своими десятифутовыми крыльями. По всему помещению распространился удушливый гнилостный запах. Крики публики с балконов, испуганной близостью горящих глаз и смертоносного клюва, привели чудовище в бешенство. Оно принялось летать все быстрее, ударяясь о стены и люстры в слепой безумной панике. „Окно! Ради всего святого, закройте окно!“ — дико закричал профессор со сцены, подскакивая на месте и в отчаянии заламывая руки. Увы, его предупреждение слишком запоздало! Тут же свирепое создание, с силой ударяясь о стены, как гигантский мотылек, бьющийся под

абажуром лампы, нашло спасительный проем, протиснуло в него свое громадное тело и скрылось. Профессор Челленджер рухнул в кресло, закрыв лицо руками, а по всему залу прокатился общий вздох облегчения, когда стало понятно, что инцидент на этом исчерпан.

А потом… Практически невозможно описать то, что началось потом, когда полный восторг сторонников профессора и бурная реакция его противников слились воедино в мощную волну, которая, поднявшись в дальнем конце зала и набирая силы по мере продвижения, прокатилась через оркестровую яму, захлестнула сцену и подхватила четверых героев на свой гребень». (Хорошо сказано, Мак!) «Если ранее публика была несправедлива к исследователям, то теперь она постаралась восполнить это в полной мере. Все повскакивали со своих мест, все куда-то двигались, кричали и жестикулировали. Четверых путешественников окружала плотная группа возбужденных мужчин, и сотня голосов требовала: „Качать их! Качать их!“ В следующее мгновение четыре

фигуры взмыли в воздух над головами восторженных зрителей. Напрасно они пытались сопротивляться: спуститься вниз со своего почетного места на руках публики было просто невозможно. „На Риджент-стрит! На Риджент-стрит!“ — раздались новые голоса. В толпе стало заметно некоторое направленное движение, и вскоре поток людей медленно двинулся к выходу, унося этих четверых на своих плечах.

А на улице, где ожидало еще не менее ста тысяч, царило нечто невообразимое. Люди толпились от тыльной стороны отеля „Лэнгхем“ до Оксфорд-серкес. Появление четверых отважных путешественников, поднятых на руки высоко над головами в ярком свете уличных электрических фонарей, было встречено общим одобрительным ревом. Кто-то закричал: „Процессия! Процессия!“ Сомкнутым строем, блокируя боковые улицы, толпа двинулась вперед по направлению к Риджент-стрит, Пэлл-Мэлл, Сент-Джеймс-стрит и Пиккадилли. Все движение в центральной части Лондона было пе-

рекрыто, и впоследствии сообщалось о множестве стычек между демонстрантами с одной стороны и полицейскими и водителями такси — с другой.

Только около полуночи четверо искателей приключений были наконец отпущены неподалеку от квартиры лорда Джона Рокстона в Олбани, тогда как разбушевавшаяся толпа, распевавшая хором „Они такие славные парни“[129], закончила гимном „Боже, храни короля“[130]. Вот как завершился самый удивительный за последнее время вечер в Лондоне».

Так написал об этом мой друг Макдон, и можно сказать, что рассказ его, несмотря на некоторую цветистость слога, довольно точно отражает происшедшие события. Что же касается главного события, то оно оказалось полной неожиданностью для публики, но, конечно, не для нас.

---

[129] Примечания: 129

…инсинуациями… — Инсинуация (от лат. insinuatio — вкрадчивость) — злостный вымысел; клевета; измышление, имеющее цель опорочить кого-либо. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[130] Примечания: 130

«Они такие славные парни»… — Английская песенка, традиционно исполняющаяся в честь героя какого-либо торжества. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

Читатель, возможно, помнит, как я встретил лорда Джона Рокстона, когда он в своем защитном кринолине[131] отправлялся, чтобы принести профессору Челленджеру «дьявольского птенчика», как он сам его тогда назвал. Я также намекал на трудности, которые вызвал у нас багаж профессора, когда мы покидали плато, и, если бы я описывал наш путь назад, я мог бы многое поведать о тех проблемах, с которыми мы столкнулись, чтобы с помощью гнилой рыбы утолить ненасытный аппетит нашего нового неприятного попутчика. Если я умолчал об этом ранее, то только из-за горячего желания профессора, чтобы ни малейший слух о привезенном нами неоспоримом аргументе не мог просочиться до наступления момента, когда нужно будет опровергнуть любые доводы противника.

Пару слов о судьбе лондонского птеродактиля. По этому вопросу точно ничего не известно. Есть свидетельства двух перепуганных женщин о том, что он сидел на крыше Куинс-Холла и оставался там в течение нескольких часов, напоминая собой какую-то дьявольскую статую. На следующий день в вечерних газетах появилось сообщение,

[131] Примечания: 131

«Боже, храни короля (королеву)». — Национальный гимн Великобритании. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

что рядовой Колдстримского гвардейского полка Майлс, стоявший на часах возле Мальборо-Хаус[132], самовольно покинул свой пост и предстал за это перед судом военного трибунала. Суд не принял объяснений рядового Майлса, утверждавшего, что он уронил винтовку и бросился наутек по Мэлл[133], потому что, подняв глаза, внезапно увидел на фоне луны самого дьявола; а ведь это происшествие могло иметь самое непосредственное отношение к нашему вопросу. Еще одним свидетельством очевидцев, которое мне удалось обнаружить, была запись в вахтенном журнале парохода «Фрисланд», совершающего регулярные рейсы между Голландией и Америкой. Там утверждается, что в девять часов утра на следующее утро, когда маяк Старт-Поинт находился в десяти милях от них по правому борту, их обогнало нечто среднее между летающим козлом и гигантской летучей мышью, двигавшееся с огромной скоростью на юго-запад. Если инстинкт вел его на родину в правильном направлении, можно не сомневаться, что последний европейский

[132] Примечания: 132

Бывшая резиденция членов королевской семьи. *(Примеч. пер.)*

[133] Примечания: 133

Улица в центральной части Лондона; ведет от Трафальгарской площади к Букингемскому дворцу. *(Примеч. пер.)*

птеродактиль нашел свою гибель где-то в водах Атлантики.

А что же моя несравненная Глэдис? Глэдис, именем которой было названо таинственное озеро, теперь переименованное в Центральное, поскольку эта женщина никогда не получит от меня шанса на бессмертие. С другой стороны, разве сам я раньше не ощущал жесткость ее натуры? Разве не чувствовал, даже с гордостью повинуясь ее прихотям, что любовь, которая может толкнуть дорогого человека на гибель или угрожает его жизни, немногого стоит? Разве в своих самых сокровенных мыслях, с которыми я постоянно боролся, я не видел, что за внешней красотой прячется эгоизм и непостоянство души? Разве не замечал, что Глэдис тянется к героическим и благородным личностям не ради них самих, а ради той славы, отблески которой могут упасть и на нее, без всяких усилий и жертв с ее стороны? Или же все эти наблюдения были теми самыми мудрыми мыслями, которые так часто приходят слишком поздно? Это был тяжелый жизненный удар, и я почувствовал, что становлюсь циником. Но когда я пишу это, прошла уже неделя, за это время у нас произошел один важный разговор с лордом Джоном Рокстоном, и — что ж, в конце

концов, все могло быть и значительно хуже.

А теперь обо всем по порядку. Спустившись на берег в Саутгемптоне, я не получил ни письма, ни телеграммы, и поэтому, добравшись к десяти часам вечера к маленькой вилле в Стритхэме, был встревожен. Может быть, моей любимой уже нет в живых? Я столько мечтал о раскрытых объятиях, о ее очаровательной улыбке, о горячих словах одобрения в адрес человека, который готов был рисковать жизнью во имя ее каприза. После витания в облаках я спустился на нашу грешную землю, и все же одного ее ласкового слова было бы достаточно, чтобы вновь поднять меня на небеса. Пробежав по садовой дорожке, я забарабанил в дверь и, услышав голос Глэдис, рванулся мимо оторопевшей горничной в гостиную. Моя возлюбленная сидела на невысоком диванчике возле пианино под лампой с абажуром. В три скачка я пересек комнату и схватил ее за руки.

— Глэдис! — с жаром воскликнул я. — Глэдис!

Она посмотрела на меня с изумлением. Что-то неуловимо изменилось в ней. Выражение ее глаз, тяжелый пристальный взгляд, разрез губ — все это было для меня новым. Она отдернула руки.

— Что вы хотите этим сказать?

— Глэдис! — вновь воскликнул я. — Что с вами

случилось? Я не узнаю вас. Та ли это Глэдис, — моя Глэдис, — маленькая Глэдис Хангертон?

— Нет, — ответила она. — Я — Глэдис Поттс. Позвольте представить вам моего мужа.

Насколько нелепой может быть наша жизнь! Я поймал себя на том, что механически раскланиваюсь и жму руку какому-то маленькому рыжеволосому мужчине, уютно расположившемуся в глубоком кресле, которое раньше было предназначено только для меня. При этом мы оба кивали и глупейшим образом улыбались друг другу.

— Отец позволил нам пожить здесь, пока не будет готов наш дом, — сказала Глэдис.

— Вот как, — сказал я.

— Выходит, вы не получили моего письма в Паре?

— Нет, никаких писем я не получал.

— О, какая досада! Оно бы вам все объяснило.

— Все и так уже ясно, — ответил я.

— Я рассказывала Уильяму о вас, — продолжала Глэдис. — У нас с ним нет секретов. Мне очень жаль, что так получилось. Но ваше чувство не могло быть глубоким, раз вы решились отправиться куда-то, на другой конец света, и оставить меня здесь одну. Вы ведь на меня не сердитесь?

— Нет, что вы. Я, пожалуй, лучше пойду.

— Выпейте с нами чаю, — сказал маленький мужчина, а затем доверительным тоном добавил: — Так оно и бывает — всегда остается кто-то один. В противном случае у нас была бы полигамия; ну, вы меня понимаете. — И он по-идиотски расхохотался, в то время как я счел за лучшее поспешно выйти.

Я был уже за дверью, когда внезапно на меня что-то нашло, и я вернулся к своему более удачливому сопернику, который при этом как-то нервно взглянул на кнопку электрического звонка для вызова прислуги.

— Можно мне задать вам один вопрос? — спросил я.

— Ну, если он не выходит за рамки приличий, — ответил мистер Поттс.

— Как вам удалось этого добиться? Может быть, вы отыскали сокровище? Или покорили полюс? Были отважным пиратом? Перелетели через Ла-Манш? Что это было? Как вы этого достигли?

Он смотрел на меня с выражением полного непонимания на добродушном и невзрачном лице.

— А вам не кажется, что это носит слишком личный характер? — неуверенно сказал мистер

Поттс.

— Господи, ну всего один вопрос! — воскликнул я. — Кто вы? Я имею в виду, кто вы по профессии?

— Я — служащий адвокатской конторы, — ответил он. — Второй человек в «Джонсон и Меривейл», Ченсери-лейн, 41.

— Всего хорошего! — с чувством сказал я и, как и все безутешные герои с разбитым сердцем, скрылся в темноте; меня одновременно переполняли и ярость, и печаль, и смех.

Еще один небольшой эпизод, прежде чем я закончу свой рассказ. Вчера вечером мы все собрались у лорда Джона Рокстона и, закурив после ужина, сидели в приятной компании и вспоминали наши приключения. Мне было странно видеть эти хорошо знакомые фигуры и лица в совершенно другой обстановке. Вот Челленджер — та же снисходительная улыбка, полуприкрытые веки, высокомерный взгляд, выпяченная вперед борода, могучая грудь, которая нетерпеливо вздымается, когда он что-то втолковывает Саммерли. А тот сидит, попыхивая своей неизменной короткой трубкой, торчащей из щели между узкими усами и седой козлиной бородкой, и горячо оспаривает каждое слово своего вечного

оппонента. И наконец, хозяин дома — суровое лицо, орлиный профиль, холодные, как льдинки, ироничные голубые глаза, на дне которых всегда прячется что-то дьявольское.

После ужина лорд Джон Рокстон собирался что-то сказать нам в святая святых — своей любимой комнате с розовым освещением и бесчисленными охотничьими трофеями. Он вынул из шкафа старую коробку из-под сигар, и сейчас она лежала перед ним на столе.

— Есть один вопрос, — сказал он, — о котором, возможно, мне следовало бы сказать вам раньше, но я просто хотел сначала сам во всем разобраться. Не стоит побуждать надежды, которым потом не суждено сбыться. Однако теперь речь идет уже не о каких-то надеждах, а о конкретных фактах. Помните тот день, когда мы нашли на болоте гнездовье птеродактилей? Тогда еще кое-что в том месте привлекло мое внимание. Возможно, вы этого не заметили, но я сейчас объясню. Там был кратер вулкана, заполненный голубой глиной. — Профессора дружно закивали.

— Путешествуя по всему миру, я только в одном месте сталкивался с подобными кратерами с голубой глиной. И место это — алмазные копи компании «Де Бирс» возле Кимберли в Южной

Африке. Так что в голове моей засела мысль об алмазах. Я смастерил приспособление для защиты от этих зловонных тварей и провел там замечательный день вместе с моей мотыгой. И вот что я там нашел.

Он открыл коробку от сигар и, наклонив ее, высыпал на стол два или три десятка необработанных камней размером от боба до каштана.

— Вы, вероятно, считаете, что мне следовало сказать вам об этом еще тогда. Не исключено, но человека неискушенного на этом пути подстерегает множество ловушек. Камни могут быть большими, но при этом не представлять ценности из-за своего цвета и чистоты. Поэтому, привезя их сюда, я в первый же день отнес один из камней к ювелиру и попросил огранить и оценить его.

Лорд Джон достал из кармана небольшую коробочку и вытряхнул оттуда великолепный сияющий бриллиант, один из самых красивых, какие мне приходилось видеть.

— Перед вами результат, — сказал он. — Ювелир оценил всю партию минимум в двести тысяч фунтов. Разумеется, эта сумма принадлежит всем нам в равных долях, о других вариантах я даже слышать не хочу. Что ж, Челленджер, как вы

распорядитесь своими пятьюдесятью тысячами?

— Если вы действительно настаиваете на своем щедром предложении, — сказал профессор, — то я бы основал частный музей, о котором давно мечтаю.

— А вы, Саммерли?

— Я оставлю свою преподавательскую деятельность и наконец-то займусь окончательной классификацией окаменелостей в меловых отложениях.

— А я использую свою долю, — сказал лорд Джон Рокстон, — на снаряжение хорошо подготовленной экспедиции, чтобы еще разок взглянуть на милое нашему сердцу плато. Что же касается вас, юноша, то вы, конечно, потратите свои деньги на свадьбу?

— Пока еще рано, — с удрученной улыбкой ответил я. — Думаю, что я бы предпочел отправился с вами, если, конечно, вы возьмете меня с собой.

Лорд Рокстон ничего не сказал; он просто протянул мне через стол свою крепкую загорелую руку.

Отравленный пояс

Рассказ о еще одном приключении профессора Джорджа Э. Челленджера, лорда Джона Рокстона, профессора Саммерли и мистера Э. Д. Мэлоуна, первооткрывателей Затерянного мира

Глава I
Размытые линии

Именно сейчас, когда все эти невероятные события очень четко предстают в моем сознании, я просто обязан зафиксировать их, чтобы детали не поблекли со временем. Но даже теперь, когда я делаю это, меня переполняет изумление от того, что с нашей маленькой группой из Затерянного мира — профессором Челленджером, профессором Саммерли, лордом Джоном Рокстоном и мной — снова могли произойти столь невероятные события.

Когда несколько лет назад в «Дейли газетт» я описывал наше путешествие в Южную Африку, имевшее мировое значение, я даже не думал, что на мою долю выпадет рассказать еще более невероятную историю о происшедшем со мной, историю настолько уникальную, что среди других событий в истории человечества она выделяется как заснеженная вершина на фоне скромных холмов у ее подножия. Этот случай поразителен уже сам по себе, но то, что необычайный эпизод свел вместе нас четверых,

сложилось будто бы само собой и, казалось, было просто неминуемо. Я расскажу вам об этом как можно более коротко и понятно, хотя, конечно, и понимаю, что для читателя основной интерес представляют как раз всевозможные подробности, поскольку человеческое любопытство всегда было и остается неиссякаемым.

В пятницу, двадцать седьмого августа, — этот день навсегда останется знаменательной датой для мировой истории — я зашел в реакцию газеты, где работал, чтобы попросить господина Мак-Ардла, который по-прежнему был редактором нашего отдела новостей, дать мне три выходных. Выслушав меня, старый добрый шотландец покачал головой, почесал едва прикрытую рыжеватым пушком лысину и в конце концов воплотил свое нежелание пойти мне навстречу в слова.

— Я тут подумал, мистер Мэлоун, что в ближайшие дни вы нам понадобитесь. Похоже, есть одно дело, с которым сможете справиться должным образом только вы.

— Что ж, мне очень жаль, — сказал я, стараясь скрыть свое разочарование. — Конечно же, если я нужен, то больше говорить тут не о чем. Но у меня были важные личные дела, и если бы я мог

освободиться…

— Нет, не думаю, что это возможно.

Это была очень неприятная для меня новость, но я все же очень старался сохранить хорошую мину при плохой игре. В конце концов, я сам был в этом виноват, поскольку следовало бы уже понять, что журналист не имеет никакого права на личные планы.

— Будем считать, что я забыл об этом, — сказал я, пытаясь вложить в эту короткую фразу как можно больше беззаботности. — Так о каком деле идет речь?

— В общем, нужно поехать в Ротерфилд и взять интервью у этого старого дьявола.

— Уж не профессора ли Челленджера вы имеете в виду?! — воскликнул я.

— Ну да, именно его. На прошлой неделе он протащил одного молодого человека, Алека Симпсона из «Курьера», целую милю по дороге, схватив за воротник пальто и подтяжки. Вы, наверное, читали об этом в полицейской хронике. Наши ребята скорее согласились бы взять интервью у крокодила, выпущенного из клетки в зоопарке. Но мне думается, что вы, тем не менее, смогли бы сделать это: все-таки Челленджер ваш старинный друг.

— Так это же все упрощает! — сказал я с большим облегчением. — Ведь я для того и просил дать мне три выходных, чтобы съездить к профессору Челленджеру в Ротерфилд. Все дело в том, что как раз наступает третья годовщина нашего главного приключения на плато, и он пригласил всю нашу компанию к себе домой, чтобы это отметить.

— Замечательно! — воскликнул господин Мак-Ардл, потирая руки и радостно поблескивая глазами сквозь стекла очков. — Тогда вы точно сможете что-то из него вытянуть. Был бы это кто-то другой, я бы сказал, что все это полная ерунда, но профессор уже один раз доказал, на что он способен, и, кто знает, возможно, он сделает это еще раз.

— Что-то из него вытянуть? — переспросил я. — О чем, собственно говоря, речь?

— Так вы не читали его письмо «Возможности с точки зрения науки» в сегодняшней «Таймс»?

— Нет, не читал.

Мак-Ардл быстро наклонился и поднял с пола газету.

— Читайте вслух, — сказал он, тыча пальцем в нужную колонку. — С удовольствием послушаю это снова, потому что я уже и сам не уверен, что

правильно понял то, что он хотел сказать.

Вот то письмо, которое я зачитал редактору отдела новостей «Дейли газетт»:

«Возможности с точки зрения науки»

«Сэр!

Меня весьма позабавило, — вызвав, впрочем, и целый ряд других, менее приятных чувств, — самодовольное и совершенно дурацкое письмо Джеймса Уилсона Мак-Фейла, недавно опубликованное в вашей колонке и посвященное размытию границ фраунгоферовых линий в оптических спектрах[134] как планет, так и неподвижных звезд. Он отзывается об этом явлении, как о чем-то малозначительном. Но для более глубокого ума становится вполне понятно, что этот факт, с большой долей вероятности, может иметь огромное значение — настолько важное, чтобы затронуть благополучие каждого мужчины, каждой женщины и каждого ребенка на этой

[134] Примечания: 134

…кринолине… — Кринолин — нависающая над кормой речных судов часть палубы — для защиты руля от повреждений. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

планете. Я, конечно, не надеюсь донести научным языком хоть какую-то часть того, что я при этом имею в виду, тем неудачникам, которые черпают мысли из колонок ежедневных газет. Поэтому я попытаюсь опуститься до их ограниченности и описать ситуацию с помощью простых житейских аналогий, рассчитанных на умственные рамки ваших читателей».

— Господи, да он просто уникальный тип, настоящее чудо! — сказал Мак-Ардл, задумчиво покачивая головой. — От его выходок даже у едва вылупившихся птенцов перья встанут дыбом, а собрание мирных квакеров[135] передерется. Поэтому-то и не удивительно, что в Лондоне Челленджеру так тяжело. И это очень прискорбно, мистер Мэлоун, потому что он действительно голова! Ну ладно, давайте послушаем про аналогии.

«Допустим, — читал я, — что несколько

[135] Примечания: 135

Квакер — последователь протестантского религиозного течения, проповедующего пацифизм и благотворительность; возникло в Англии во второй половине XVII века. *(Примеч. пер.)*

связанных пробок поместили в умеренное течение и отправили в путешествие через Атлантику. Эта связка медленно плывет, находясь изо дня в день в одних и тех же условиях. Если бы пробки были разумными созданиями, мы могли бы предположить, что они сочли эти условия стабильными и надежными. Но мы, обладая знанием высшего порядка, понимаем, что, к удивлению этих пробок, с ними может произойти очень многое. Они могут наткнуться на корабль или на спящего кита, или же запутаться в водорослях. В любом случае, их путешествие, вероятно, закончится тем, что их выбросит на скалистый берег полуострова Лабрадор[136]. Но что могут знать обо всем этом пробки, спокойно, день за днем, плывущие в том, что они считают бескрайним и однообразным океаном?

---

[136] Примечания: 136

…фраунгоферовых линий в оптических спектрах… — Фраунгоферовы линии — результат рассеяния и поглощения электромагнитного излучения звезд верхними слоями их атмосфер, а также атмосферой Земли. Открыты в 1802 году английским ученым Уильямом Хайдом Волластоном (1766–1828), детально исследованы в 1814 году немецким физиком Йозефом Фраунгофером (1787–1826), по имени которого и получили свое название. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

Ваш читатель, наверное, догадается, что под Атлантикой в этой притче понимается могущественный океан эфира[137], сквозь который мы проплываем, а под связкой из пробок подразумевается маленькая и неприметная Солнечная система, к которой мы принадлежим. Вместе с нашим никудышным Солнцем и сборищем его мелких спутников мы плывем изо дня в день в одних и тех же условиях к неведомому концу, к какой-то ужасной катастрофе, которая настигнет нас на самой границе космоса, где нас вынесет к какому-нибудь эфирному водопаду Ниагара или выбросит на какой-то немыслимый Лабрадор. Я не вижу здесь оснований для пустого и беспричинного оптимизма вашего корреспондента, мистера Джеймса Уилсона Мак-Фейла, зато вижу множество причин для того, чтобы с большим вниманием следить за всеми изменениями в космическом пространстве вокруг нас, которые способны

[137] Примечания: 137

…полуострова Лабрадор. — Лабрадор — полуостров на северо-востоке Северной Америки, в Канаде. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

повлиять на наше будущее».

— Да, он, наверное, был бы хорошим проповедником, — заметил Мак-Ардл. — Его слова гремят, словно звуки органа. Давайте читать дальше, о том, что именно его так беспокоит.

«Общее размытие и сдвиг фраунгоферовых линий в спектре, на мой взгляд, указывает на масштабные космические изменения весьма тонкого и необычного характера. Свет планеты представляет собой отраженный свет Солнца. Свет же звезды исходит непосредственно от нее самой. Но со спектрами как планет, так и звезд в данном случае, произошли одинаковые изменения. Тогда неужели дело в самих планетах и звездах? Мне эта мысль представляется абсурдной. Какое общее изменение могло произойти с ними со всеми, да к тому же и одновременно? Или это изменения в нашей земной атмосфере? Возможно, но в высшей степени маловероятно, поскольку мы не видим никаких признаков вокруг нас, и химический анализ также этого не выявляет. Какова же тогда третья возможная причи-

на? Она может заключаться в изменениях проводящей среды, крайне тонкого эфира, заполняющего пространство между звездами во вселенной. В глубине этого океана эфира мы с вами плывем в спокойном потоке. Почему этот поток не может вынести нас в эфирные пояса, совершенно неизведанные нами и обладающие свойствами, о которых мы не имеем ни малейшего представления? Где-то произошло изменение. Об этом и говорит искажение космического спектра. Эти изменения могут быть положительными. Могут таить в себе опасность. А также могут быть и нейтральными. Мы не знаем этого. При поверхностном рассмотрении данного вопроса можно не придавать ему особого значения, но человек, для которого, как для меня, характерен глубокий, истинно философский взгляд на вещи, конечно, поймет, что возможности вселенной безграничны и что мудрый человек — это тот, кто всегда готов к неожиданному. Вот простой пример: кто осмелится утверждать, что загадочная и масштабная вспышка неизвестного забо-

левания, вспыхнувшая среди аборигенов на Суматре[138], о которой вы написали в своей колонке как раз сегодня утром, не имеет никакого отношения к каким-либо космическим изменениям? Эти народы могут реагировать на них быстрее, чем более многонациональная европейская раса. Я здесь просто высказываю идею, которая пришла мне в голову. Утверждать, что она верна, на сегодняшний день так же неправильно, как и отрицать это. Но только тупица, лишенный воображения, станет оспаривать, что эта мысль укладывается в рамки того, что с научной точки зрения вполне возможно.

С уважением,
Джордж Эдвард Челленджер.
Брайерс, Ротерфилд».

— Прекрасное письмо, оно не оставляет равнодушным, — сказал Мак-Ардл задумчиво и

---

[138] Примечания: 138

…эфира… — По представлениям древних греков — верхний лучезарный слой воздуха, местопребывание богов. Некоторые древние философы считали эфир вместе с огнем и водой первоначалом всего существующего, другие отождествляли его с вечным движением. По представлениям физиков XVIII–XIX веков, эфир заполняет космос. В современной науке (физике) термин «эфир» не употребляется. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Красящих)*

принялся вставлять сигарету в длинную стеклянную трубку, которую он использовал как мундштук. — А что вы, мистер Мэлоун, думаете об этом?

Мне пришлось признаться в своем полном и унизительном незнании предмета обсуждения. Например, что это за фраунгоферовы линии? Мак-Ардл, который только что изучал этот вопрос при содействии нашего научного консультанта, взял со своего стола две многоцветные полоски спектра, отдаленно напоминающие ленты на шляпке какой-нибудь молодой и честолюбивой поклонницы крикета. Затем он показал мне черные линии, вертикально разграничивающие непрерывную яркую полосу, изменявшую свой цвет от красного на одном конце до фиолетового на другом через все оттенки оранжевого, желтого, зеленого, голубого и синего.

— Вот эти черные полоски и есть фраунгоферовы линии, — сказал Мак-Ардл. — Вместе эти цвета образуют «белый» свет. Любой свет, пропущенный через призму, разложится на одни и те же цвета. Они нам ни о чем не говорят. Дело только в этих линиях, поскольку они изменяются в зависимости от того, что является источником света. Именно эти линии на этой неделе стали не

четкими, как раньше, а размытыми, и все астрономы принялись горячо обсуждать возможные причины этого. Вот фотография таких размытых линий для нашего завтрашнего номера. Пока что общественность не проявила интереса к этому вопросу, но, думаю, письмо Челленджера в «Таймс» заставит ее проснуться.

— А причем здесь то, что случилось на Суматре?

— Ну, связь между размытыми линиями спектра и заболевшим аборигеном на Суматре очень натянута. И все-таки старина Челленджер раньше уже доказывал нам, что он знает, о чем говорит. Несомненно, там появилась какая-то странная болезнь, а сегодня из Сингапура пришла телеграмма о том, что в Зондском проливе не работает ни один маяк, и о двух кораблях, севших по этой причине на мель. Так или иначе, было бы хорошо взять у профессора интервью по этому поводу. Если удастся узнать что-то определенное, к понедельнику нужно будет подготовить статью.

Я как раз выходил из кабинета редактора отдела новостей, прокручивая в голове свое новое задание, когда услышал, что меня зовут из приемной на нижнем этаже. Там дожидался курьер с телеграфа, который принес телеграмму из мо-

его дома в Стритхэме. Она была от того самого человека, о котором мы только что говорили. Вот что он писал:

> «Мэлоун, Хилл-стрит, 17, Стритхэм. — Привезите кислород. — Челленджер».

«Привезите кислород»! Профессор, на моей памяти, всегда обладал весьма тяжеловесным чувством юмора, и оно, как правило, с трудом воспринималось окружающими. Возможно, это была одна из тех шуток, которые самого Челленджера доводили до гомерического хохота[139], когда он, зажмурив глаза, широко открыв рот и потрясая своей бородой, переставал воспринимать окружающее, даже если дело касалось самых серьезных вещей. Я еще раз перечитал загадочные слова, но мне так и не удалось увидеть в них что-то, хоть отдаленно напоминающее шутку. Тогда это, конечно, была просто лаконичная просьба, хотя и очень странная. Челленджер был последним человеком во всем мире, обдуманное указание которого я посмел бы не выполнить. Возможно, речь шла о каком-либо химическом

---

[139] Примечания: 139

…на Суматре… — Суматра — остров в Малайском архипелаге, в Индонезии. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

опыте, а возможно… В общем, мне ни к чему было задумываться над тем, зачем профессору понадобился кислород. Я просто должен был его привезти. У меня оставалось около часа до поезда, уходящего с вокзала Виктория. Я поймал такси и, следуя по адресу, найденному в телефонном справочнике, поехал на Оксфорд-стрит в компанию «Оксиджен тьюб сепплай».

Выйдя из такси возле здания компании, я увидел у дверей двух молодых людей, которые вынесли железный цилиндр и не без труда погрузили его в ожидавшую машину. За ними по пятам шел пожилой человек, который ругался скрипучим язвительным голосом и указывал, что и как им делать. Затем он обернулся ко мне. Строгие черты лица и козлиная бородка — я не мог ошибиться, это был мой давний приятель, своенравный профессор Саммерли.

— Что! — вскрикнул он. — Только не говорите мне, что он и вам прислал эту нелепейшую телеграмму с просьбой привезти кислород!

Я показал ему бланк.

— Что сказать! Я тоже получил такую же, и, как видите, хоть и очень неохотно, но решил сделать то, что там написано. Наш старый друг, как всегда, абсолютно невыносим. Необходимость в

кислороде не может быть столь срочной, чтобы он исчерпал все традиционные возможности и покусился на время тех, кто на самом деле более занят, чем он сам. Почему он не мог заказать это напрямую?

Я мог только высказать предположение, что Челленджер хотел получить кислород немедленно.

— Или думал, что хочет, а это уже совсем другое дело. Но теперь вам ни к чему покупать кислород, учитывая, какой у меня запас.

— И все-таки Челленджер, похоже, почему-то хотел, чтобы мы оба привезли его. Правильнее будет, если я в точности выполню его указания.

Несмотря на ворчание и возражения Саммерли, я заказал еще один баллон, который погрузили в машину вместе с предыдущим, поскольку профессор предложил подвезти меня на вокзал.

Я вернулся, чтобы расплатиться с таксистом, который почему-то очень возмущался и спорил по поводу оплаты. Когда я снова подошел к профессору Саммерли, тот яростно пререкался с молодыми людьми, которые вынесли для него баллон с кислородом, и его маленькая седая козлиная бородка тряслась от негодования. Один из парней, насколько я помню, назвал его «старым

глупым белым какаду», чем привел водителя Саммерли в такое бешенство, что тот выскочил из машины и вступился за своего обиженного хозяина, и нам с большим трудом удалось избежать потасовки прямо на улице.

Эти мелочи могут показаться тривиальными, и на тот момент они выглядели просто незначительными эпизодами. Но только сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, какое они имели отношение ко всей истории, которую я собираюсь вам рассказать.

Мне показалось, что водитель был новичком или же просто потерял самообладание в этом шуме, поскольку по дороге на вокзал он вел машину просто безобразно. Дважды мы чуть не столкнулись с другими машинами, которые также неуверенно держались на дороге, и я помню, что даже сказал тогда Саммерли, что уровень вождения в Лондоне заметно снизился. Однажды мы чуть не зацепили большую толпу зевак, следивших за дракой на углу Мэлл. Люди, которые были очень возбуждены, со злостью подняли крик на неуклюжего водителя, а один молодой человек даже запрыгнул на подножку и стал размахивать тростью прямо у нас над головами. Я столкнул его, и мы были очень рады, когда нам удалось

отделаться от них и целыми и невредимыми выехать из парка. Эти незначительные события, сменяя друг друга, действовали мне на нервы, и по раздраженности моего товарища я видел, что и его терпению приходит конец.

Но хорошее настроение снова вернулось к нам, когда на платформе мы увидели высокую худощавую фигуру ожидавшего нас лорда Джона Рокстона, одетого в желтый твидовый костюм для охоты. На его мужественном лице, с этими незабываемыми глазами, неистовыми и ироничными одновременно, при виде нас отразилась радость. В его рыжеватых волосах виднелась седина, морщинки на лбу стали со временем глубже, но во всем остальном это был все тот же лорд Джон, наш старый добрый товарищ.

— Приветствую вас, герр профессор! Здравствуйте, молодой человек! — крикнул он нам, подходя поближе.

Увидев в тележке, которую носильщик вез за нами, баллон с кислородом, Джон Рокстон развеселился.

— Значит, и вы купили кислород! — воскликнул он. — Мой уже в вагоне. Зачем же это все нашему старому приятелю?

— Вы читали его письмо, опубликованное в

«Таймс»? — спросил я.

— Что за письмо?

— Полная чушь и бессмыслица! — резко вставил Саммерли.

— Ну, если я не ошибаюсь, оно имеет непосредственное отношение к его просьбе привезти кислород, — сказал я.

— Чушь и бессмыслица! — с неожиданной злостью повторил Саммерли. Все мы ехали в вагоне первого класса для курящих, и он уже успел закурить свою старую короткую обугленную трубку из тернового корня, которая, казалось, вот-вот обожжет кончик его длинного, агрессивного носа.

— Старина Челленджер — человек умный, — пылко сказал профессор. — Чтобы это отрицать, нужно быть полным идиотом. Посмотрите на его шляпу. Под ней скрываются шестьдесят унций[140] ума — большой мотор, работающий идеально и выдающий безупречный результат. По корпусу мотора я легко могу определить его мощность. Но Челленджер прирожденный шарлатан — вы сами слышали, как я говорил ему это прямо в лицо, — прирожденный шарлатан,

---

[140] Примечания: 140

1 унция = 28,35 грамма. *(Примеч. пер.)*

использующий всякие театральные эффекты, чтобы оказаться в центре внимания. Все было слишком спокойно, и старина Челленджер решил заставить общественность говорить о нем. Вы же не думаете, что он всерьез верит во всю эту чепуху об изменениях в эфире и опасности для человеческой расы? В жизни не слыхал подобных небылиц!

Саммерли сидел, словно старый белый ворон, каркающий и трясущийся от сардонического смеха[141].

Когда я слушал Саммерли, во мне поднималась волна злости. Недостойно было говорить так о человеке, который принес нам славу и благодаря которому мы стали участниками приключений, каких не было еще ни у кого на земле. Я уже открыл рот, чтобы высказать свое возмущение, но лорд Джон меня опередил.

— Вы уже когда-то ссорились со стариной Челленджером, — угрюмо сказал он, — но через десять секунд оказались на лопатках. Мне кажется, профессор Саммерли, что этот человек другого

[141] Примечания: 141

…до гомерического хохота… — Гомерический хохот — неудержимый, необычайной силы смех (от описания смеха богов в поэме «Илиада» древнегреческого поэта Гомера). *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

уровня, и лучшее, что вы можете сделать, это быть с ним начеку и оставить его в покое.

— Кроме того, — сказал я, — Челленджер был хорошим другом каждому из нас. Какие бы ошибки он ни допускал, профессор остается абсолютно прямым человеком, и я не думаю, что он позволяет себе говорить какие-то нелицеприятные вещи о своих товарищах у них за спиной.

— Хорошо сказано, молодой человек, — произнес лорд Джон Рокстон. Затем с доброй улыбкой на лице он похлопал по плечу профессора Саммерли. — Да бросьте, герр профессор, мы же не станем ссориться в такой день. Мы слишком многое пережили вместе. Однако будьте осторожнее, когда разговор заходит о Челленджере, потому что мы с молодым человеком испытываем определенную слабость к этому старому медведю.

Но Саммерли не был настроен на компромисс. Он сморщился от недовольства и сердито задымил своей трубкой.

— А что до вас, лорд Джон Рокстон, — со скрипом произнес он, — то ваше мнение по вопросам науки для меня имеет такую же ценность, как мои рассуждения о новом виде дробовика — для вас. У меня есть собственное суждение, сэр, и я высказываю его так, так считаю нужным. И

неужели то, что один раз мое научное чутье подвело меня, означает, что я теперь должен принимать за чистую монету все, что станет говорить этот человек, каким бы притянутым за уши оно ни было? Почему мы в науке должны иметь своего Папу Римского, авторитетно излагающего непогрешимые истины, принимаемые простым народом безо всяких сомнений? Хочу вам сказать, сэр, что у меня есть своя голова на плечах, и если я не буду пользоваться ею, то почувствую себя снобом и рабом чужих мнений. Если вам нравится верить всякому бреду об эфире и о фраунгоферовых линиях, продолжайте это делать, но не просите человека, который старше и мудрее вас, разделять ваше безрассудство. Разве не очевидно, что если бы на эфир было оказано такое воздействие, о котором говорит Челленджер, и если бы это столь пагубно сказалось на здоровье людей, то и мы с вами также должны были бы почувствовать это? — Он засмеялся, наслаждаясь триумфом. — Да, сэр, мы давно уже почувствовали бы себя плохо, и вместо того чтобы сидеть сейчас в вагоне, преспокойно обсуждая научные вопросы, ощутили бы симптомы отравления. И где признаки этого опасного космического нарушения? Скажите мне, сэр! Скажите! Ну же, не

уходите от ответа! Я требую, отвечайте!

Происходившее злило меня все больше и больше. В манере поведения Саммерли было что-то агрессивное и вызывающее раздражение.

— Думаю, что если бы вы знали больше фактов, то не были бы столь категоричны в своих суждениях, — сказал я.

Саммерли достал изо рта трубку и остановил на мне холодный взгляд.

— Сэр, прошу вас объяснить, что вы хотите сказать этим своим нелепым замечанием?

— Я хочу сказать, что, когда я уходил из офиса, редактор отдела новостей сообщил мне о том, что пришла телеграмма, сообщавшая о массовом заболевании аборигенов на Суматре, а еще о том, что в Зондском проливе не работают маяки.

— Воистину, нет предела человеческому легковерию! — в ярости вскрикнул Саммерли. — Но вы же должны понимать, что эфир, — если, допустим, принять на мгновение абсурдные предположения Челленджера, — это вселенская субстанция, которая присутствует здесь так же, как и на другом конце света. Или вы хоть на секунду допускаете, что есть английский эфир и эфир Суматры? Возможно, вы полагаете, что эфир графства Кент чем-то лучше эфира графства

Суррей, через которое сейчас проезжает наш поезд? Действительно, нет пределов доверчивости и невежеству среднестатистического дилетанта. Мыслимо ли, чтобы эфир Суматры был столь ужасным, чтобы стать причиной массового заболевания, тогда как эфир здесь не произвел на нас сколько-нибудь ощутимого эффекта? Лично я могу сказать, что в жизни не чувствовал большей силы в теле и большей трезвости ума, чем сейчас.

— Возможно. Я не считаю себя большим ученым, — сказал я, — хотя где-то слышал, что то, что одно поколение называет наукой, следующее считает заблуждением. Но и капли здравого смысла достаточно, чтобы понять, что поскольку мы так мало знаем об эфире, на него, возможно, оказывают влияние некоторые местные условия в других частях света, и там он может оказывать такое воздействие, которое мы здесь заметим лишь позже.

— С помощью «возможно» и «может быть» легко доказать все что угодно! — со злостью воскликнул Саммерли. — Свиньи могут летать. Да, сэр, свиньи *могут* летать, — но не летают. Нет смысла пытаться вас переубедить. Челленджер забил вам голову всякой чепухой, и вы оба не

способны рассуждать здраво. Это все равно, что спорить с этой стенкой.

— Должен заметить, профессор Саммерли, что ваши манеры ничуть не стали лучше с тех пор, как я в последний раз имел удовольствие общаться с вами, — сурово сказал лорд Джон.

— Вы, лорды, просто не привыкли слышать правду, — ответил Саммерли с горькой улыбкой. — Вас возмущает, — не так ли? — когда кто-то дает вам понять, что даже при вашем титуле вы остаетесь человеком невежественным?

— Честное слово, сэр, — резко заметил лорд Джон, — были бы вы помоложе, вы бы не посмели говорить со мной в столь оскорбительном тоне.

Саммерли заносчиво поднял голову, и его редкая козлиная бородка вызывающе задрожала.

— Знайте же, сэр, что молодой или старый, я никогда не боялся высказывать свое мнение пижону-невежде — да, сэр, именно так, пижону-невежде, будь у вас даже все титулы, какие только смогли выдумать рабы, а принять — дураки.

Глаза лорда Джона на миг вспыхнули, но, приложив огромное усилие, он справился со своим гневом и с горькой улыбкой откинулся на спинку кресла, скрестив руки на груди. Для меня все это было ужасно и очень печально. Воспоминания

словно волной нахлынули на меня: хорошие дружеские отношения, счастливые дни приключений — все то, ради чего мы вместе терпели, работали и в итоге победили. И чтобы это все закончилось вот так — обидами и оскорблениями! Вдруг я заплакал — громко всхлипывая, хватая воздух. Это были бесконтрольные рыдания, которые невозможно было сдержать. Мои товарищи удивленно смотрели на меня. Я закрыл лицо руками.

— Все в порядке, — сказал я. — Просто… просто мне так жаль!

— Вы нездоровы, молодой человек, вот что с вами, — сказал лорд Джон. — Я сразу подумал, что вы плохо себя чувствуете.

— Ваши привычки, сэр, ничуть не изменились за последние три года, — произнес Саммерли, покачивая головой. — Я также отметил ваше странное поведение, еще когда мы встретились. Не утруждайте себя сочувствием, лорд Джон. Причиной этих слез является исключительно алкоголь. Человек выпил. И еще, лорд Джон, я только что назвал вас пижоном; наверное, это было чересчур. Но это слово напоминает мне об одном достоинстве, тривиальном, но забав-

ном, которым я когда-то обладал[142]. Вы знаете меня как сурового ученого. А можете ли вы поверить, что когда-то, еще в детстве, я заслуженно слыл мастером имитировать звуки, издаваемые животными? Возможно, я могу скрасить нашу поездку. Вероятно, вам будет забавно послушать, как я кукарекаю, словно петух?

— Нет, сэр, — сказал лорд Джон, который по-прежнему был очень обижен, — это *не будет* забавно.

— Моя способность повторить кудахтанье курицы, только что снесшей яйцо, тоже считалась тогда выше среднего. Может, рискнем?

— Нет, сэр.

Но несмотря на эти решительные возражения, профессор Саммерли отложил свою трубку и оставшееся время развлекал нас, точнее пытался развлечь, имитацией звуков всех животных по очереди, что казалось столь абсурдным, что мои слезы вдруг сменились бурным смехом или даже истерическим хохотом, — ведь я сидел напротив этого важного профессора и видел, точнее сказать слышал его в образе кричащего петуха или щенка, которому наступили на хвост. Тогда

---

[142] Примечания: 142

Игра слов: coxcomb или cockscomb (*англ.*): 1) пижон, фат; 2) петушиный гребень. *(Примеч. пер.)*

лорд Джон передал мне газету, на полях которой написал карандашом: «Бедняга! Совсем с ума сошел». Безусловно, все это выглядело довольно эксцентрично, но все-таки само представление поразило меня и показалось очень умным и забавным.

Во время этого спектакля лорд Джон наклонился ко мне и стал рассказывать какую-то бесконечную историю о буйволе и индийском радже, которая, как мне казалось, не имела ни начала, ни конца. Профессор Саммерли уже начал щебетать, как канарейка, а лорд Джон приблизился к кульминации своего рассказа, когда наш поезд остановился в Джарвис Брук, откуда мы должны были добираться дальше, в Ротерфилд.

Здесь нас встречал Челленджер. Он, казалось, сиял. Не каждый индюк умеет ходить с таким чувством собственного достоинства, так медленно, высоко поднимая ноги, как профессор разгуливал по своей станции, с милостивой улыбкой снисходительного поощрения оглядывая всех вокруг себя. Если что-то и изменилось в нем с момента нашей последней встречи, так это черты лица, ставшие еще выразительнее. Большая голова и широкий лоб, на котором лежала прядь черных волос, казались даже больше, чем раньше.

Черная борода выдавалась вперед еще более впечатляющим каскадом, а серо-голубые глаза с надменными, насмешливо полуприкрытыми веками казались еще более властными.

Челленджер удивленно пожал мне руку и ободряюще улыбнулся — так улыбается директор школы ученику младших классов, — потом поздоровался с остальными, помог нам взять наши вещи и баллоны с кислородом и погрузить их в машину. Мы сели в автомобиль. За рулем был все тот же невозмутимый Остин, немногословный человек, которого я видел в роли дворецкого во время моего первого визита в дом профессора. Извилистая дорога вела вверх по холму, и за окном открывался прекрасный вид. Я сидел на переднем сиденье рядом с водителем, а трое моих товарищей позади нас говорили, казалось, все одновременно. Лорд Джон, насколько мне удалось разобрать, все пытался рассказать свою историю о буйволе, и в то же время я слышал глубокий, как и прежде, рокочущий голос Челленджера и нетерпеливую речь Саммерли, столкнувшихся в жестокой борьбе двух научных умов. Вдруг Остин, не отрывая глаз от дороги, наклонил ко мне свое коричневато-красное лицо.

— Меня уволили, — сказал он.

— Боже мой! — воскликнул я.

Сегодня все казалось странным. Окружающие говорили необычные, неожиданные вещи. Все это было как во сне.

— Уже в сорок седьмой раз, — добавил Остин задумчиво.

— И когда вы уходите? — спросил я, желая разговорить его.

— Я не ухожу, — ответил Остин.

Казалось, разговор на этом закончился, но слуга тут же продолжил.

— Если мне придется уйти, кто же за ним присматривать-то будет, — кивнул он в сторону хозяина. — Кто же еще будет ему служить?

— Кто-нибудь другой, — запинаясь, предположил я.

— Да нет. И недели никто не выдержит. Если мне придется уйти, жизнь в этом доме остановится. Все равно как часы, если вытащить из них ходовую пружину. Я говорю это вам, потому что вы его друг и должны знать. Если бы я поймал его на слове… но для этого нужно быть совсем бессердечным. Он и его супруга — это два маленьких ребенка, которых запеленали и оставили одних. Я просто все для них. И вот пожалуйста, он меня увольняет.

— А почему вы говорите, что никто не выдержит? — спросил я.

— Никто не сможет так снисходительно относится к нему, как я. Хозяин очень умен, так умен, что иногда ведет себя как полный болван. Я вижу, что он совсем с ума сошел, точно вам говорю. Ну, взять хотя бы то, что он сделал сегодня утром.

— А что же он сделал?

Остин снова наклонился ко мне.

— Он укусил прислугу, — сказал он хриплым шепотом.

— Укусил?!

— Да, сэр. Укусил ее за ногу. Я собственными глазами видел, как она бегала от него по всему дому.

— Боже мой!

— Вы бы и не то сказали, если бы видели, что тут происходит. Он не дружит с соседями. Некоторые из них считают, что среди тех монстров, о которых вы написали, он чувствовал себя как

дома — «Дом, милый дом!»[143] — и что более подходящей компании для него и не сыскать. Вот так *они* говорят. Но я работаю у него уже десять лет, и я обожаю его, я знаю, он прекрасный человек, и, в конечном счете, для меня большая честь служить у него. Но порой он действительно бывает жесток. Вот, например, что вы скажите об этом, сэр. Ведь это не совсем то, что можно было бы считать старомодным английским гостеприимством, правда? Нет, вы только почитайте!

Машина очень медленно ехала по крутому, извилистому подъему. На углу, над аккуратно подрезанной живой изгородью виднелась табличка. После того как Остин предупредил меня, прочесть это было несложно, поскольку надпись была короткой и броской:

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

ПОСЕТИТЕЛЯМ, ЖУРНАЛИСТАМ И НИЩИМ

---

[143] Примечания: 143

…сардонического смеха. — Сардонический (от греч. sardonios — язвительный, презрительный) — злобно-насмешливый. Происхождение этого слова, по одной из версий, связано с островом Сардиния, где росла трава sardonia herba: люди, употреблявшие ее в пищу, умирали, и их лица искажали судороги, похожие на усмешку. Согласно другой легенде, у жителей Сардинии был обычай приносить в жертву стариков, эта церемония сопровождалась всеобщим смехом, причем смеялись даже те, кого приносили в жертву. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

ВХОД ЗАПРЕЩЕН

Дж. Э. ЧЕЛЛЕНДЖЕР

— Да уж, радушием это не назовешь, — сказал Остин, покачивая головой и поглядывая на надпись. — На рождественской открытке, например, это смотрелось бы не очень здорово. Прошу прощения, сэр, я уже многие годы не говорил так много, но сегодня, похоже, чувства просто переполняют меня. Пусть он увольняет меня хоть до посинения, но я не уйду, и точка. Я его слуга, а он мой хозяин, и так будет, думаю, до конца наших дней.

Мы проехали между белыми столбами ворот и покатили по извилистой дороге, усаженной кустами рододендрона. В конце ее стоял низкий кирпичный домик, отделанный белым деревом, очень уютный и милый. Госпожа Челленджер, маленькая, изящная улыбающаяся женщина, встречала нас, стоя перед открытой дверью.

— Ну вот, моя дорогая, — сказал Челленджер, торопливо выходя из машины, — прибыли наши гости. У нас редко бывают посетители, не так ли? Мы с соседями друг друга, мягко говоря, недолюбливаем. Если бы они могли подсыпать нам в еду крысиного яда, то, думаю, уже давно

бы это сделали.

— Это ужасно, просто ужасно! — вскрикнула леди, находясь на грани между смехом и слезами. — Джордж постоянно со всеми ссорится. У нас нет ни единого друга во всей округе.

— Это позволяет мне сосредоточить все свое внимание на моей несравненной супруге, — сказал Челленджер, положив короткую толстую руку ей на талию. Чтобы представить себе эту пару, стоит просто посмотреть на гориллу и газель. — Пойдем, пойдем, эти джентльмены устали с дороги, и обед, должно быть, уже готов. Сара уже вернулась?

Леди уныло покачала головой, а профессор громко рассмеялся и ловко пригладил свою бороду.

— Остин, — крикнул он, — когда поставите машину, уж будьте добры, помогите своей хозяйке накрыть на стол к обеду. А теперь, джентльмены, прошу вас, проходите в мой кабинет, поскольку есть парочка весьма важных вопросов, о которых я очень хочу вам рассказать.

Глава II
Смертоносный поток

Когда мы проходили через холл, зазвонил телефон, и мы стали невольными свидетелями разговора профессора Челленджера. Я говорю «мы», потому что кто угодно на расстоянии ста метров мог слышать его громогласный голос, эхом отзывавшийся во всем доме. В моей памяти до сих пор остались его слова.

— Да, да, конечно, это я… Да, конечно, *тот самый профессор Челленджер*, знаменитый профессор, кто же еще?… Конечно, каждое слово, иначе зачем бы я стал писать это… Я бы этому не удивился… Все указывает именно на это… День, максимум несколько дней… Что ж, я ничего не могу поделать… Очень неприятно, несомненно, но я думаю, что это повлияет на людей и поважнее вас. И нечего скулить по этому поводу… Нет, я, вероятно, не смогу. Вам самим стоит рискнуть… Все, хватит, сэр. Ерунда! У меня есть дела поважнее, чем выслушивать подобную чепуху.

Он со злостью бросил трубку и повел нас по лестнице в просторную комнату, где размещал-

ся его кабинет. На большом столе из красного дерева лежали семь или восемь запечатанных телеграмм.

— На самом деле, — сказал Челленджер, собирая их, — я уже начинаю думать, что сэкономил бы деньги своих корреспондентов, если бы имел индивидуальный телеграфный адрес. Возможно, «Ной[144], Ротерфилд» был бы наиболее подходящим.

Как и всегда, отпуская сомнительную шутку, он оперся о стол и разразился приступом хохота, а его руки тряслись так, что он едва мог открыть конверт.

— Ной! Подумать только — Ной! — задыхаясь и краснея, повторял профессор, тогда как мы с лордом Джоном сочувственно улыбались, а Сammерли, словно унылый козлик, качал головой в скептическом несогласии. Наконец Челленджер, продолжая громко смеяться, стал открывать телеграммы, а мы втроем стояли в эркере[145],

---

[144] Примечания: 144

«Дом, милый дом!» — Популярная английская песенка. Написана в 1823 году Дж. Пейном. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

[145] Примечания: 145

...Ной... — В Библии праведник, спасшийся вместе с семьей на построенном им по велению Бога ковчеге во время всемирного потопа. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

восхищаясь изумительным видом из окна.

На это и вправду стоило посмотреть. Плавно изогнутая дорога действительно привела нас достаточно высоко — на высоту семисот футов, как мы узнали позднее. Дом Челленджера стоял на самой вершине холма, и с южной стороны, куда выходило окно кабинета, можно было увидеть широкую долину, протянувшуюся до мягких изгибов возвышенности Саут-Даунс на волнистом горизонте. Между холмами находился город Льюис, отмеченный пеленой стоявшего над ним смога. Прямо у наших ног расстилалась заросшая вереском равнина, с длинными, ярко-зелеными полосами площадок для игры в гольф в Кроуборою и темными точками игроков. Немного южнее, среди лесов, была видна часть железнодорожного пути из Лондона в Брайтон[146]. А прямо перед нами, буквально под нашими ногами, находился маленький огороженный дворик, где стояла машина, доставившая нас с вокзала.

Восклицание Челленджера заставило нас обернуться. Он прочел свои телеграммы и методично сложил их в стопку на столе. Его большое мор-

---

[146] Примечания: 146

…в эркере… — Эркер — полукруглый или многогранный выступ в стене наподобие закрытого вертикального балкона. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

щинистое лицо, по крайней мере, та его часть, которую было видно из-за спутанной бороды, сильно раскраснелось, и он, казалось, был очень взволнован.

— Что ж, джентльмены, — сказал профессор таким голосом, будто выступал перед большой аудиторией, — наше воссоединение действительно интересно, и происходит оно при невероятных — я бы даже сказал беспрецедентных обстоятельствах. Разрешите поинтересоваться, заметили ли вы что-нибудь интересное или необычное во время своей поездки?

— Единственное, что заметил я, — сказал Сammерли с кислой улыбкой, — так это то, что манеры нашего юного друга за прошедшие годы ничуть не улучшились. С сожалением должен отметить, что у меня есть серьезные жалобы на его поведение в поезде, и вы могли бы обвинить меня в неискренности, если бы я не сказал, что это произвело на меня весьма неприятное впечатление.

— Ну-ну, все мы иногда бываем немного скучными, — произнес лорд Джон. — Наш молодой друг не имел в виду ничего плохого. Кроме того, он ведь участвует в международных соревнованиях, так что если он полчаса рассказывает, что такое футбол, то у него на это есть больше прав,

чем у простых людей.

— Полчаса рассказывал про футбол?! — возмущенно воскликнул я. — Да это вы полчаса рассказывали свою тягучую историю о каком-то буйволе. Профессор Саммерли подтвердит это.

— Сложно сказать, кто из вас был скучнее, — ответил Саммерли. — Но смею уверить вас, Челленджер, что никогда в жизни я больше не желаю слышать ни о футболе, ни о буйволах.

— Я не произнес сегодня ни слова о футболе! — протестовал я.

Лорд Джон пронзительно присвистнул, а Саммерли уныло покачал головой.

— И ваше поведение рано утром… — сказал он. — Все это действительно печально. Пока я сидел там, в тишине, грустный и задумчивый…

— В тишине! — возмущенно воскликнул лорд Джон. — А кто устроил нам в пути этот концерт из череды имитаций, что больше походило на звуки, издаваемые сломанным граммофоном, нежели человеком?

Саммерли возмущенно выпрямил спину.

— А вы, оказывается, любитель пошутить, лорд Джон, — сказал он, скорчив кислую мину.

— Послушайте, черт возьми! Да это какое-то сумасшествие чистой воды! — воскликнул лорд

Джон. — Каждый из нас точно знает, что совершил другой, только вот не помнит, что делал он сам. Давайте восстановим картину с самого начала. Мы сели в вагон первого класса для курящих — это выяснили, верно? Потом мы стали спорить о письме в «Таймс» старины Челленджера.

— Что, правда спорили? — довольно пророкотал хозяин дома, прикрывая глаза.

— Саммерли, вы еще сказали, что в этом споре истина найдена быть не может.

— Боже мой! — воскликнул Челленджер, выпятив грудь и приглаживая бороду. — Не может быть найдена истина! Кажется, я уже где-то это слышал. Могу ли я поинтересоваться, какие аргументы приводил великий и знаменитый профессор Саммерли, чтобы опровергнуть версию какого-то скромного человека, рискнувшего выразить свое мнение по возникшему вопросу? Возможно, до того как разгромить эту невероятную чушь, он соизволит привести некоторые доводы в поддержку своего альтернативного мнения.

Произнеся все это с присущим ему напыщенным и неуклюжим сарказмом, Челленджер пожал плечами и шутовски поклонился, широко разведя руки в стороны.

— Мой довод очень прост, — упрямо заявил Саммерли. — Я говорил о том, что если окружающий Землю эфир был столь токсичен в одной ее части, чтобы привести к появлению опасных признаков, то очень маловероятно, что на нас троих, едущих в вагоне, происходящее не произвело совсем никакого эффекта.

Это объяснение вызвало у Челленджера настоящий взрыв неуемного веселья. Он смеялся так, что, казалось, дрожала вся комната.

— Наш почтенный Саммерли плохо сопоставляет факты, и это, впрочем, уже не в первый раз, — наконец сказал он, потирая лоб. — Что ж, джентльмены, нет лучшего способа доказать вам мою мысль, чем проделать то, что я лично сделал сегодня утром. Вам будет намного легче простить себе свои заблуждения, когда вы поймете, что даже у меня были моменты почти полной потери самоконтроля. В течение нескольких лет в нашем доме работала горничной некая Сара — ее фамилией я никогда не забивал себе голову. Это была женщина суровой и отталкивающей внешности, чопорного и сдержанного поведения, невозмутимая по своей природе, и мы никогда не видели с ее стороны проявления каких-либо эмоций. Я сидел за завтраком один — миссис

Челленджер привыкла проводить утро в своей комнате, — как вдруг мне в голову пришла мысль о том, что было бы забавно и познавательно проверить, существуют ли какие-то границы невозмутимости нашей горничной. Я придумал простой, но эффективный эксперимент. Опрокинув маленькую вазу с цветами, стоявшую на скатерти, я позвонил в колокольчик, а сам спрятался под стол. Сара вошла и, увидев, что комната пуста, решила, что я ушел в свой кабинет. Как я и предполагал, она подошла и наклонилась над столом, чтобы поднять вазу. Я увидел ее хлопковый чулок и мягкую тапочку. Высунув голову, я вцепился зубами в ее ногу. Эксперимент имел невероятный успех. Несколько секунд Сара, оторопев, стояла неподвижно, глядя вниз на мою голову. Затем завизжала, вырвалась и выбежала из комнаты. Я последовал за ней, придумывая на ходу какие-то объяснения, но она неслась со всех ног вниз по дороге, и через несколько минут я высмотрел в полевой бинокль, как она удалялась в юго-западном направлении. Я рассказываю вам этот анекдотичный случай как есть — за что купил, за то и продаю. Я просто хочу заронить зерно этой информации в ваш мозг и подождать, пока оно прорастет. Правда, поучительно? Эта

история не навела вас на какие-нибудь мысли? Вот что вы, лорд Джон, думаете об этом?

Лорд Джон рассудительно покачал головой.

— Совсем скоро у вас могут быть большие неприятности, если вы не притормозите, — сказал он.

— Наверное, и у вас, Саммерли, имеются какие-то соображения?

— Вы должны немедленно оставить работу, Челленджер, и поехать на три месяца в Германию, на воды, — сказал он.

— Глубокая мысль, это действительно впечатляет! — воскликнул Челленджер. — А теперь вы, мой юный друг, и, возможно, от вас я наконец услышу мудрую мысль там, где ваши старшие товарищи пока что так безнадежно провалились.

И я его не разочаровал. Возможно, это и нескромно с моей стороны, но это действительно было так. Конечно, все кажется достаточно очевидным, когда вы уже знаете о том, что произошло, но тогда это было совсем не так. Однако ответ внезапно сам снизошел на меня вместе с ощущением абсолютной его правильности.

— Яд! — вырвалось у меня.

И лишь только тогда, когда я произнес это слово, в моем сознании выстроились все собы-

тия этого утра: от лорда Джона с его буйволом, моего истерического плача и возмутительного поведения профессора Саммерли до странных происшествий в Лондоне, толпы в парке, отчаянной езды водителя и ссоры возле компании по продаже кислорода.

— Ну конечно! — воскликнул я. — Это все яд. Мы отравлены.

— Верно, — сказал Челленджер, потирая руки, — мы отравлены. Наша планета попала в отравленный пояс эфира и сейчас погружается в него еще глубже, со скоростью нескольких миллионов миль в минуту. Наш юный друг выразил причину возникшего замешательства и проблем одним словом — «яд».

В полной тишине мы изумленно смотрели друг на друга. Похоже, у нас просто не хватало слов, чтобы прокомментировать эту ситуацию.

— Такие симптомы могут быть порождены и объяснены умственной заторможенностью, — сказал Челленджер. — Я не уверен, что у всех вас она выражается в той же мере, что и у меня, поскольку полагаю, что скорости протекания различных мыслительных процессов соотносятся между собой пропорционально. Но это, несомненно, заметно даже по нашему юному другу. После

всплеска игривого веселья, испугавшего мою горничную, я присел, чтобы все проанализировать. Я признался себе, что никогда ранее мне в голову не приходила мысль о том, чтобы укусить кого-то из прислуги. Порыв, который я тогда почувствовал, был явно ненормальным. И через мгновение я все понял. Я измерил свой пульс — его скорость была на десять ударов больше обычного, обострились также все рефлексы. Я обратился к своему высшему, здравому «я», истинному Дж. Э. Ч. — Джорджу Эдварду Челленджеру, который остается спокойным и невозмутимым, несмотря на любые молекулярные изменения. Я вызвал его для того, чтобы, так сказать, оценить те дурацкие фокусы, которые способен проделать этот яд с моим мозгом. Я понял, что я действительно сам себе хозяин. Мне удалось осознать и взять под контроль свой беспорядочный ум. Это была замечательная демонстрация победы мысли над материей, поскольку это была победа над тем особым типом материи, который самым тесным образом связан с мыслью и умом. Можно даже сказать, что ум не работал должным образом, и его контролировала личность. Таким образом, когда моя супруга спустилась вниз и у меня возникло желание притаиться за дверью и испугать

ее каким-то диким криком, я смог подавить в себе этот порыв и поприветствовал ее сдержанно и с достоинством. Точно так же я уловил и сумел проконтролировать внезапно возникшее желание закрякать, как утка.

Позже, когда я спустился, чтобы договориться о машине, и увидел Остина, наклонившегося над открытым капотом и занятого ремонтом, я снова смог взять себя в руки. И хотя я уже занес раскрытую ладонь, но все-таки смог сдержаться. В противном случае мы бы, возможно, потеряли Остина так же, как потеряли служанку. Вместо этого я тронул его за плечо и попросил вовремя подать машину к дому, чтобы успеть встретить ваш поезд. В настоящий момент моим самым большим искушением было бы схватить профессора Саммерли за его глупую старую бородку и как следует встряхнуть его. Но пока что, как вы сами можете убедиться, я образец сдержанности. И рекомендую вам брать с меня пример.

— Я вот думаю о своем буйволе… — сказал лорд Джон.

— А я о футбольном матче.

— Возможно, вы и правы, Челленджер, — сказал Саммерли уже более мягким голосом. — Я готов согласиться с тем, что мой подход скорее

критический, нежели конструктивный, и что я не могу с готовностью перейти к какой-то новой теории, тем более столь необычной и фантастической, как эта. Так или иначе, когда я восстанавливаю в памяти события этого утра, когда думаю о дурацком поведении моих товарищей, мне довольно-таки легко поверить, что причиной таких симптомов может быть какой-то яд возбуждающего действия.

Челленджер добродушно похлопал своего товарища по плечу.

— Прогресс есть, — произнес он. — Определенно есть.

— Сэр, скажите, пожалуйста, — робко спросил Саммерли, — какие прогнозы, по вашему мнению, можно сделать на сегодняшний день?

— С вашего позволения, я действительно скажу несколько слов по этому поводу. — Челленджер присел на стол, и его короткие толстые ноги повисли в воздухе. — Мы становимся свидетелями колоссального и ужасного события. По моему мнению, наступает конец света.

Конец света! Мы повернулись к окну и увидели удивительный летний деревенский пейзаж, далеко простирающиеся поросшие вереском склоны, прекрасные загородные дома, симпатичные

фермы, людей на поле для гольфа, получающих удовольствие от игры.

Конец света! Любой из нас когда-то слышал эти слова, но мысль о том, что они могут незамедлительно приобрести буквальное значение, что речь идет уже не о какой-то абстрактной дате, а о «сейчас», о сегодня, была жуткой и ошеломляющей. Мы были потрясены и в тишине ожидали, когда Челленджер продолжит. Его осанка и уверенный вид придавали его словам такую силу и серьезность, что мгновенно забывалась грубость и взбалмошность этого человека, и в наших глазах он сейчас выглядел как некто величественный и возвышающийся над простыми людьми. Затем — по крайней мере, для меня — всплыли ободряющие воспоминания о том, что уже дважды с того момента, как мы вошли в эту комнату, он разразился приступом неудержимого смеха. Безусловно, подумал я, для мысленного отчуждения существует какой-то предел. В конце концов, этот кризис не может быть столь глубоким и столь тяжелым.

— Представьте себе, — сказал Челленджер, — гроздь винограда, покрытую микроскопическими вредными бациллами. Садовник обрабатывает ее каким-то дезинфицирующим средством. Воз-

можно, он делает это для того, чтобы виноград был чище. Возможно, он хочет освободить место для других бацилл, менее вредных. Он окунает гроздь в яд, и бациллы исчезают. Наш Садовник, как мне кажется, собирается таким же образом окунуть в яд Солнечную систему. Тогда человеческие бациллы, маленькие смертные вибрионы, которые крутились и извивались на внешней оболочке Земли, в один миг прекратят свое существование.

И снова в воздухе повисла тишина. Ее нарушил пронзительный звонок телефона.

— Вот еще одна из таких бацилл ищет помощи, — сказал Челленджер с мрачной улыбкой. — Они начинают сознавать, что вселенная не так уж и нуждается в их длительном существовании.

Затем он на несколько минут вышел из комнаты. Я помню, что, пока его не было, никто из нас не проронил ни звука. У нас не было ни подходящих слов, ни комментариев.

— Это работник медицинской службы из Брайтона, — сказал Челленджер, вернувшись в комнату. — По каким-то причинам на уровне моря симптомы развиваются быстрее. Мы находимся на высоте семисот футов, и это дает нам определенное преимущество. Люди, похоже,

решили, что я самый большой специалист по данному вопросу. Причиной этого, несомненно, послужило мое письмо в «Таймс». Когда мы вернулись с вокзала, я разговаривал по телефону с мэром одного провинциального городка. Возможно, вы слышали наш разговор. Этот человек, похоже, придает слишком большое значение собственной персоне. Я помог ему несколько изменить свой взгляд на вещи.

Саммерли встал и подошел к окну. Его тонкие костлявые руки дрожали от волнения.

— Челленджер, — с чувством начал он, — это дело слишком серьезное, чтобы вести пустые споры. Не думайте, что я задаю вопросы, просто чтобы вас позлить. Я хочу убедиться, что в ваших доводах нет никакой ошибки. Сегодня солнце в голубом небе светит как никогда ярко. Посмотрите на этот вереск, цветы, на этих птиц. Кто-то наслаждается игрой в гольф, а вон там люди собирают зерно. Вы говорите нам, что и они, и мы находимся на грани уничтожения — что этот солнечный день может стать тем самым роковым днем, которого давно уже ожидала человеческая раса. И на чем же, судя из того, что мы знаем, основываются ваши жуткие прогнозы? На каких-то ненормальных линиях в спектре,

на слухах с Суматры, на необычном поведении, которое мы заметили друг за другом. Последний признак не так явно выражен, ведь и вы, и мы, приложив усилия, смогли контролировать это состояние. С нами вам не нужно церемониться, Челленджер. Мы вместе уже не раз смотрели в лицо смерти. Говорите прямо, мы хотим знать точно, что происходит и каковы, по вашему мнению, перспективы на будущее.

Это была смелая и хорошая речь. В словах Саммерли чувствовались стойкость и сила духа, отодвинувшие на второй план едкость и чопорность старого зоолога. Лорд Джон встал, чтобы пожать ему руку.

— Я тоже так считаю, — сказал Джон Рокстон. — Что ж, Челленджер, только вы можете сказать нам, что происходит. Мы — люди не нервные, вы это и сами хорошо знаете, но когда мы приезжаем навестить вас и видим, что вы с головой окунулись в размышления о Судном дне, нам требуются определенные разъяснения. В чем заключается опасность, насколько она серьезна, и что мы должны сделать, чтобы правильно встретить ее?

Он стоял перед нами, высокий и сильный, положив загорелую руку на плечо Саммерли, весь залитый лучами солнца, заглядывающего в окно.

Я сидел, откинувшись на спинку кресла, сжимая в зубах потухшую сигарету, в таком полуоцепенелом состоянии, когда все ощущения становятся даже слишком отчетливыми. Это могла быть новая стадия отравления, но все безумные побуждения исчезли, и на смену им пришло очень вялое и в то же время восприимчивое состояние ума. Я был наблюдателем. Казалось, меня лично это совсем не касалось. Но я видел перед собой трех сильных мужчин, которые совершенно запутались, и наблюдать за ними было удивительно любопытно. Перед тем как ответить, Челленджер сдвинул густые брови и долго теребил бороду. Было заметно, что он очень тщательно взвешивает каждое слово.

— Какие последние новости вы слышали, когда уезжали из Лондона? — спросил он.

— Около десяти я был в офисе «Газетт», — сказал я. — Как раз тогда из Сингапура пришла телеграмма о том, что эпидемия на Суматре, судя по всему, приобретает массовый характер, и что вследствие этого не зажглись маяки.

— С того момента события стали развиваться немного быстрее, — сказал Челленджер, взяв в руки пачку телеграмм. — Я тесно общаюсь с властями и прессой, так что получаю новости

из всех источников. Кстати, ко мне поступили многочисленные и очень настойчивые просьбы о том, чтобы приехать в Лондон, но я не вижу в этом никакого смысла. Судя по всему, отравление начинается с психического расстройства. Говорят, этим утром массовые беспорядки в Париже были очень серьезными и среди шахтеров Уэльса начинаются волнения. Если верить имеющимся данным, за этой стадией возбуждения, различной как для разных рас, так и для отдельных людей, следует некоторая экзальтация[147] и ясность ума, — мне кажется, я вижу подобные признаки в поведении нашего юного друга. Спустя существенный период времени это состояние сменяется комой, которая быстро приводит к смерти. Я полагаю, — насколько мне позволяют мои познания в токсикологии, — что существуют газы растительного происхождения, воздействующие на нервную систему…

— Дурман[148], — предположил Саммерли.

— Великолепно! — воскликнул Челленджер. —

---

[147] Примечания: 147

в Брайтон… — Брайтон — курортный город на юге Англии, у пролива Ла-Манш. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[148] Примечания: 148

…экзальтация… — Восторженное, болезненно возбужденное состояние. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

Если мы дадим название нашему токсическому веществу, это придаст делу научную точность. Дурман по латыни *datura*, так что назовем этот яд датуроном. Мой дорогой Саммерли, вы можете гордиться тем, что дали имя вселенскому уничтожителю, дезинфицирующему средству Великого Садовника — эта слава будет посмертной, но оттого не менее значительной. В этом случае признаки воздействия датурона могут быть такими, как я и сказал. То, что под воздействие яда попадет весь мир и ни одному живому существу не удастся спастись, кажется мне вполне очевидным, поскольку эфир является средой нашей вселенной и поэтому вездесущ. На нынешний момент он отличался в разных местах своего воздействия, но эта разница — вопрос всего нескольких часов. Это словно прилив, покрывающий сначала одну полоску песка, затем другую, то накатывающий, то отступающий неровной линией, пока наконец вода не зальет всё. Что касается действия и распространения датурона, это происходит по определенным законам, изучить которые было бы очень интересно, если бы только отведенное нам время позволяло это сделать. Насколько я могу судить, — он бросил взгляд на телеграммы, — первыми жертвами яда

стали наименее развитые расы. Очень печальные сообщения приходят из Африки, а аборигены Австралии, как сообщается, уже полностью уничтожены. На сегодняшний день северные народы показали бóльшую сопротивляемость, чем южные. На этой телеграмме, доставленной сегодня утром из Марселя, как вы можете видеть, стоит время — 9.45. Я зачитаю вам ее:

> «Всю ночь Прованс был охвачен исступленными волнениями. Мятежи среди виноградарей в городе Ним. Попытка совершения переворота социалистами в Тулоне. Внезапная вспышка заболевания, сопровождаемого комой, поразила население этим утром. Peste foudroyante[149]. Огромное количество умерших на улицах. Коммерческая деятельность парализована, наступил всеобщий хаос».

— Час спустя из того же источника пришло следующее:

> «Нам грозит полное уничтожение. Соборы и церкви переполнены. Число

---

[149] Примечания: 149
Молниеносный мор (*фр.*). *(Примеч. пер.)*

умерших превосходит число живых. Это ужасно и непостижимо. Смерть, кажется, приходит безболезненно, но быстро и неизбежно».

— Подобная телеграмма пришла и из Парижа, где события пока что развиваются не так стремительно. Кажется, народы Индии и Персии уже окончательно вымерли. Славянское население Австрии также уничтожено, тогда как потомки германских племен практически не почувствовали никакого влияния яда. В общем, насколько я могу судить по имеющейся у меня информации, люди, населяющие равнины и прибрежную зону, почувствовали изменения быстрее, нежели те, кто живет во внутренней части страны или на возвышенной местности. Даже небольшой подъем над уровнем моря играет важную роль, и, должно быть, если кто-то из человеческой расы и выживет, его опять-таки можно будет отыскать на вершине какого-нибудь Арарата. Даже наш небольшой холм на сегодняшний день может временно оказаться безопасным островком в море бедствий. Но, судя по скорости развития событий, всего через несколько часов мы все будем в равных условиях.

Лорд Джон Рокстон задумчиво потер лоб.

— Меня поражает, — сказал он, — что вы можете сидеть здесь с такой пачкой телеграмм под рукой и смеяться. Я видел смерть не реже, чем большинство других людей, но всеобщая смерть — это ведь ужасно!

— Что касается смеха, — сказал Челленджер, — прошу вас принять во внимание, что я, как и вы, был подвержен стимулирующему воздействию эфирного яда. Что же до ужаса, который вселяет массовая смерть людей, я бы хотел уверить вас, что все это несколько преувеличено. Если бы вас отправили в море одного, в неизвестном направлении, на открытой лодке, у вас замирало бы сердце. Изоляция и неопределенность угнетали бы вас. Но если бы вы путешествовали на крепком корабле, где с вами были бы все ваши друзья и близкие, вы почувствовали бы, что какой бы неопределенной ни была цель вашего путешествия, у вас, по крайней мере, есть с окружающими нечто общее, что будет объединять вас до самого конца. На мой взгляд, смерть в одиночестве ужасна, но всеобщая смерть, особенно если она безболезненна, не так уж и страшна. Я скорее могу согласиться с человеком, который считает, что самое ужасное — это пережить все

великое, ценное и значительное.

— Что же вы предлагаете? — спросил Саммерли, на этот раз кивая в знак согласия со своим ученым коллегой.

— Я предлагаю пообедать, — сказал Челленджер, поскольку в этот момент как раз раздался гонг, приглашающий к столу. — Наша кухарка делает потрясающий омлет, с которым могут сравниться только котлеты ее же приготовления. Будем надеяться, что никакие космические изменения не повлияли на ее великолепные кулинарные способности. К тому же нам необходимо совместными усилиями уничтожить мой мозель-шварцбергер девяносто шестого года, в противном случае это чудесное вино великолепного урожая будет утрачено понапрасну. — Он тяжело поднялся со стола, на котором сидел все это время, оглашая участь планеты. — Пойдемте, — сказал Челленджер. — Если времени осталось мало, то тем более мы должны потратить его, предаваясь благоразумным удовольствиям.

И это действительно был очень веселый обед. Правда и то, что мы не могли забыть об ужасе сложившейся ситуации. Ощущение значимости происходящего не покидало нас и сдерживало наши мысли. Конечно, тот, кто никогда не смот-

рел смерти в глаза, может сильно бояться ее. Однако все мы во время нашего знаменательного путешествия уже привыкли к ее постоянному присутствию. Что же касается миссис Челленджер, то она полностью полагалась на своего сильного мужа и была согласна идти за ним, куда бы он ее ни повел. Наше будущее определяла судьба, настоящее же принадлежало только нам. Мы проводили его в приятной компании и в прекрасном настроении. Наши мысли, как я уже говорил, были удивительно ясными. Во время беседы даже мне иногда удавалось блеснуть. Что до Челленджера, то он был просто великолепен! Никогда еще я не осознавал так ясно истинное величие этого человека, размах и силу его мысли. Саммерли раззадоривал его хором критических высказываний, тогда как мы с лордом Джоном от души смеялись над этой полемикой, а миссис Челленджер, положив руку супругу на плечо, контролировала гнев философа. Жизнь, смерть, рок и человеческая судьба — таковы были главные темы того незабываемого часа, усугублявшегося тем, что во время еды странные и неожиданные вспышки возбуждения моего ума и дрожь в руках и ногах свидетельствовали о том, что невидимая волна смерти медленно и мягко захлестывает

нас. Вдруг я заметил, как лорд Джон закрыл глаза руками, а Саммерли на мгновение откинулся на спинку стула. Каждое наше дыхание было под властью неведомой силы. И все же мысли наши были полны радости и спокойствия. Вошел Остин, положил на стол сигареты и уже собирался уходить.

— Остин! — позвал его хозяин.

— Да, сэр.

— Благодарю вас за верную службу. — На грубом лице слуги появилась робкая улыбка.

— Я выполнял свой долг, сэр.

— Остин, я думаю, сегодня настанет конец света.

— Да, сэр. А в котором часу?

— Точно сказать не могу, Остин. Но еще до наступления вечера.

— Очень хорошо, сэр.

Молчаливый Остин откланялся и вышел. Челленджер закурил сигарету и, пододвигая свой стул ближе к стулу супруги, взял ее за руку.

— Дорогая, ты знаешь, как обстоят дела, — сказал он. — Я рассказал об этом и нашим друзьям. Ты же не боишься, правда?

— Больно не будет, Джордж?

— Не больнее действия веселящего газа у сто-

матолога. Каждый раз, когда тебе делали это, ты практически умирала.

— Но ощущения были приятными.

— Может быть, так будет и со смертью. Изнуренный телесный механизм не может запомнить это ощущение, но мы знаем, какое наслаждение для ума приносит транс или сон. Природа могла создать красивую дверь и прикрыть ее тонкой развевающейся занавеской, чтобы сделать выход в новую жизнь для наших пытливых душ. Каждый раз, размышляя о жизни, я приходил к выводу, что в основе всего лежит мудрость и доброта, и если когда-нибудь человек и нуждается в ласке, так именно в момент этого опасного перехода из одной жизни в другую. Нет, Саммерли, я не приемлю вашего материализма, поскольку я, по крайней мере, намного больше, чем просто предмет физического мира — пакет соли и три ведра воды. Здесь, вот здесь, — он постучал огромным волосатым кулаком по своей голове, — здесь есть нечто, что использует материю, но не состоит из нее — нечто, что способно уничтожить смерть, но никогда не будет уничтожено ею.

— Раз уж вы заговорили о смерти, то я вот что хотел бы добавить, — вставил лорд Джон. — Я, можно сказать, христианин, но мне кажется,

что в обычае наших предков хоронить своих соплеменников с их топорами, луком, стрелами и прочими предметами, с которыми они не расставались при жизни, есть что-то очень мудрое и естественное. Я думаю, — добавил он, застенчиво пробежав взглядом по лицам сидевших за столом, — что чувствовал бы себя более уютно, если бы меня похоронили вместе с моим любимым штуцером-экспресс калибра 450 и охотничьим ружьем, тем, что покороче, с прорезиненным ложем, и одной или двумя обоймами патронов. Конечно, это просто глупая прихоть, но она такова. Как вам это, герр профессор?

— Ну что ж, — сказал Саммерли, — коль уж вы спрашиваете мое мнение, то для меня это выглядит так, будто нас отбросили в каменный век или в еще более ранние времена. Я сам из двадцатого столетия и хотел бы умереть, как разумный и цивилизованный человек. Не уверен, что боюсь смерти больше, чем все вы, поскольку я уже человек в возрасте и в любом случае не прожил бы намного дольше. Но не в моем характере просто сидеть и ждать, ничего не делая, как овечка, дожидающаяся прихода мясника. Вы уверены, Челленджер, что здесь уже ничего не поделаешь?

— Для того чтобы спастись, — ничего, — сказал Челленджер. — Но, возможно, в моих силах продлить нашу жизнь на несколько часов, чтобы мы могли увидеть, как будет разворачиваться эта вселенская трагедия до того, как мы сами станем ее жертвами. Я предпринял определенные шаги…

— Кислород?

— Именно. Кислород.

— Но чем может помочь кислород, когда речь идет об отравлении эфиром? Между кислородом и эфиром такая же разница, как, например, между куском кирпича и газом. Это разные виды материи. Они не могут столкнуться друг с другом. Ну же, Челленджер, согласитесь, что это предложение не состоятельно.

— Мой дорогой Саммерли, почти наверняка на этот эфирный яд оказывают воздействие факторы материального мира. Мы видим это по характеру и скорости развития событий. Мы не могли предположить этого априори[150], но это, несомненно, факт. Поэтому я убежден, что такой газ как кислород, повышающий способность организма к

[150] Примечания: 150

…априори… — Априори (от лат. a priori — из предшествующего) — заранее, наперед; до подтверждения на опыте. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

жизни и сопротивлению, очень вероятно, сможет отсрочить воздействие того, что вы так остроумно назвали датуроном. Я могу ошибаться, но я абсолютно уверен в правильности моих доводов.

— Что ж, — сказал лорд Джон, — если мы будем сидеть, присосавшись к этим баллонам, как маленькие детки к бутылочкам, то увольте — я в этом не участвую.

— В этом не будет необходимости, — ответил Челленджер. — В основном благодаря стараниям моей супруги мы подготовились, переоборудовав ее будуар, чтобы сделать его настолько воздухонепроницаемым, насколько это возможно. С помощью половиков и лакированной бумаги.

— Господи, Челленджер, не думаете ли вы, что лакированная бумага помешает эфиру проникнуть в комнату?

— Что поделать, мой уважаемый друг, вы упорно не хотите понять суть. Это делается не для того, чтобы не дать эфиру, в котором произошли такие изменения, проникнуть внутрь, а для того, чтобы удержать внутри кислород. Я думаю, что если мы сможем обеспечить в этой комнате некоторое перенасыщение воздуха кислородом, то нам удастся поддерживать работу нашего мозга. У нас было два баллона с кислородом, и вы привезли

еще три. Это не много, но хоть что-то.

— На какое время их хватит?

— Понятия не имею. Мы не начнем использовать их до тех пор, пока наши симптомы не станут невыносимыми. Тогда мы откроем кислород, поскольку он будет нужен нам очень быстро. Это даст нам несколько часов, возможно, даже несколько дней, в течение которых мы сможем смотреть на разрушенный мир. Мы отсрочим нашу смерть и получим уникальный опыт. Мы, пятеро человек, которые, по всей видимости, окажутся в арьергарде человеческой расы, двигающейся в неизведанное. Надеюсь, вы будете столь любезны и поможете мне с баллонами. Кажется, атмосфера становится все более гнетущей.

Глава III
Затопленные волной

Комната, в которой нам предстояло провести этот незабываемый опыт, была очаровательным женским будуаром размером примерно четырнадцать на шестнадцать футов. В конце ее, за красной бархатной занавеской находилась еще одна маленькая комнатка — гардеробная профессора, которая в свою очередь выходила в большую спальню. Занавеска все еще висела, но для проведения нашего эксперимента будуар и гардеробная стали единым помещением. Одна дверь и оконная рама были практически герметично заклеены лакированной бумагой. Над второй дверью, выходившей на лестничную площадку, было окошко, которое можно было открыть с помощью шнура, когда возникнет необходимость проветрить комнату. В каждом углу стояла бадья с большим зеленым кустом.

— Как избавляться от избытка углекислого газа, не тратя при этом наш кислород, остается вопросом непростым и жизненно важным, — сказал Челленджер, оглядываясь вокруг, после того как

мы уложили пять железных баллонов в ряд у стены. — Если бы у меня было больше времени на подготовку, я бы сконцентрировал на этой проблеме все свои мысли и знания, но сейчас мы просто должны сделать все, что можем. Эти кусты нам немного помогут. Два баллона с кислородом следует открыть мгновенно, чтобы мы не были застигнуты врасплох. В то же время, лучше не отходить далеко от этой комнаты: переломный момент может настать внезапно.

В комнате находилось широкое низкое окно, выходившее на балкон. Из окна открывался тот же вид, каким мы уже любовались из кабинета. Глядя на улицу, я не заметил ничего необычного. По одной стороне холма, прямо передо мной, спускалась извилистая дорога. Сохранившийся, казалось, еще с доисторических времен кеб, который сейчас можно встретить только в деревне, с трудом поднимался по склону, — как видно, с вокзала. Ниже по холму шла нянечка с детской коляской, ведя второго ребенка за руку. Голубой дым, поднимавшийся из труб домов, придавал всему этому пейзажу уютный и спокойный вид. Ни в небесах, ни на залитой солнцем земле ничто не предвещало катастрофы. На полях по-прежнему убирали урожай, а игроки в гольф, парами

или группами по четыре человека, все так же переходили от лунки к лунке. В моей же голове стояла такая неразбериха и нервы были так натянуты, что беззаботность этих людей просто поражала меня.

— Эти ребята, кажется, не чувствуют никаких болезненных симптомов, — сказал я, указывая на площадку для игры в гольф.

— Вы когда-нибудь играли в гольф? — спросил лорд Джон.

— Нет, не играл.

— Так вот, молодой человек, когда вы попробуете, вы поймете, что и трубный глас о начале Страшного суда не остановит настоящего игрока, вышедшего на площадку. Ага! Снова звонит телефон.

Иногда во время обеда или после него профессора вызывал резкий и настойчивый телефонный звонок. Челленджер в нескольких коротких фразах передавал поступившие к нему новости нам. Столь ужасных происшествий мировая история еще не знала. Огромная тень поднималась с юга, словно волна смерти. Египет уже ощутил на себе это сумасшествие, и все население теперь было в коме. Испания и Португалия после полного помешательства, в ходе которого клерикалы отчаянно

сцепились с анархистами, сейчас умолкли. Телеграмм из Южной Америки уже не поступало. Южные штаты Северной Америки после жестоких расовых столкновений также подверглись воздействию яда. К северу от Мэриленда пока что ничего не замечено, в Канаде же эффект воздействия датурона едва ощутим. Бельгия, Голландия и Дания по очереди были поражены ядом. Отчаянные сообщения приходили изо всех частей света в большие исследовательские центры, к химикам и докторам наук с мировым именем, в ожидании их совета. Множество вопросов задавали и астрономам. Но ничего нельзя было сделать. Это были вопросы вселенского масштаба, лежащие за пределами человеческих знаний и контроля. Это была смерть — безболезненная, но неизбежная, — смерть для молодых и старых, для здоровых и больных, для богатых и бедных, без надежды избежать ее. Такие новости доходили до нас урывками телефонных сообщений. Большие города уже знали, какова их судьба, и, насколько мы могли понять, готовились теперь принять ее с достоинством и смирением. К тому же мы видели людей, играющих в гольф или работающих в поле, которые веселились, словно ягнята под занесенным ножом мясника.

Это казалось удивительным. Но откуда им было знать? Все это обрушилось так внезапно. Было ли опубликовано какое-то предупреждение в утренней газете? Сейчас было только три пополудни. Слухи распространялись, похоже, прямо у нас на глазах, и мы видели, как жнецы стали быстро уходить с полей. Часть игроков в гольф тоже уже возвращалась в помещение клуба. Они мчались так, будто начинался ливень. Следом за ними бежали мальчики, подносившие им клюшки. Другая часть игроков оставалась на площадке. Нянечка повернула и стала торопливо толкать коляску вверх по холму. Я заметил, что она шла, приложив руку ко лбу. Кеб остановился, и усталая лошадь отдыхала, низко склонив голову. Над всеми ними было идеально чистое небо — огромный и бескрайний голубой свод, и только вдалеке над низкими холмами виднелось несколько белых кудрявых облаков. Если человеческая раса должна умереть сегодня, то, по крайней мере, смертное ложе будет великолепным. И все это спокойное очарование природы делало столь ужасное и масштабное разрушение еще более страшным и вызывающим сожаление. Безусловно, это было слишком хорошее пристанище, чтобы уйти из него столь быстро!

Но, как я уже сказал, снова раздался телефонный звонок.

Внезапно я услышал из коридора грозный голос Челленджера.

— Мэлоун! — крикнул он. — Вас к аппарату.

Я быстро спустился вниз. Звонил Мак-Ардл из Лондона.

— Это вы, мистер Мэлоун? — раздался в трубке взволнованный знакомый голос. — Мистер Мэлоун, здесь, в Лондоне происходят ужасные вещи. Богом молю, спросите у профессора Челленджера, можно ли что-то сделать.

— Он не может ничего посоветовать, сэр, — ответил я. — Профессор Челленджер считает этот кризис вселенским и неизбежным. У нас здесь есть немного кислорода, но это позволит нам отсрочить свою смерть всего на несколько часов.

— Кислород! — выкрикнул отчаянный голос. — Уже нет времени, чтобы достать его. Офис превратился в сущий ад после того, как вы уехали. Сейчас половина служащих без сознания. Я и сам валюсь с ног. Из окна я вижу множество людей, лежащих на земле на Флит-стрит. Движение остановлено. Судя по последним телеграммам, весь мир…

Его голос становился все тише и вдруг совсем

смолк. В следующий миг я услышал в трубке глухой удар, будто голова Мак-Ардла бессильно упала и ударилась о стол.

— Мистер Мак-Ардл! — закричал я. — Мистер Мак-Ардл!

Он не отвечал. Я положил трубку, зная, что больше никогда не услышу его голос.

В то же мгновение, сделав шаг от телефона, я почувствовал, что с нами что-то происходит. Было такое ощущение, как будто мы стоим по плечи в воде и нас накрыло накатившей волной. Казалось, что мою шею тихо обвила невидимая рука и принялась мягко выдавливать из меня жизнь. Я ощутил невероятное давление, сжимавшее грудь, голову сдавливала невидимая сила, в ушах стоял громкий звон, а перед глазами появились яркие вспышки. Шатаясь, я подошел к перилам лестницы. В этот самый момент мимо меня пронесся Челленджер, сопя, словно раненный буйвол; вид у него был ужасный — пурпурно-красное лицо, налитые кровью глаза и торчащие в разные стороны волосы. Его маленькая жена без сознания лежала на его широком плече, и профессор с грохотом неловко поднимался по ступеням, карабкался наверх и спотыкался, но нес себя и ее, исключительно благодаря своей

силе воли, через этот ядовитый воздух к спасительной гавани нашего временного убежища. Видя, как он старается, я тоже бросился вверх по лестнице, карабкаясь, падая, хватаясь за перила, пока не упал лицом на последнюю ступень почти без чувств. Стальные пальцы лорда Джона взяли меня за воротник, и еще через миг я оказался на ковре в будуаре, неспособный ни говорить, ни двигаться. Рядом со мной лежала женщина, а Саммерли, согнувшись, сидел в кресле у окна, так, что голова его почти касалась коленей. Будто во сне, я видел, как Челленджер, словно гигантский жук, медленно ползет по полу. Через мгновение я услышал шипение выходившего из баллонов кислорода. Челленджер сделал два или три огромных вдоха, и его легкие взревели, наполнившись живительным газом.

— Работает! — ликующе воскликнул он. — Мои доводы подтвердились! — Он снова встал на ноги, сильный и энергичный. Потом профессор бросился к своей жене с баллоном в руке и поднес его к ее лицу. Через несколько секунд миссис Челленджер застонала, а затем пошевелилась и даже села. Челленджер повернулся ко мне, и я почувствовал теплую живительную волну, растекающуюся по моим артериям. Мой рассудок

говорил мне, что это лишь передышка, однако, как бы беспечно мы ни рассуждали о ценности жизни, каждый час нашего существования теперь казался бесценным. Никогда ранее я не испытывал столь волнующей чувственной радости, какую подарило мне это ощущение вернувшейся жизни. Из моих легких исчезла тяжесть, ранее напряженное лицо расслабилось, и сладкое чувство мягкого, расслабленного покоя охватило меня. Я лежал и видел, как под действием того же лекарства жизнь возвращается к Саммерли, а затем, наконец, пришла очередь лорда Джона. Он вскочил и подал мне руку, помогая встать, в то время как Челленджер поднял свою супругу и положил ее на диван.

— О Джордж, мне так жаль, что ты вернул меня к жизни, — сказала она, держа его за руку. — Дверь смерти действительно, как ты и говорил, завешена красивой развевающейся занавеской, поскольку, когда приступ удушья прошел, смерть стала казаться мне несказанно прекрасной и успокаивающей. Зачем ты принес меня сюда?

— Потому что я хочу, чтобы мы совершили этот переход вместе. Мы ведь были вместе столько лет. Было бы так печально разлучиться с тобой в последний момент.

На миг в этом человеке с нежным голосом я увидел нового Челленджера, и этот Челленджер был очень далек от скандального, напыщенного, самонадеянного профессора, который то удивлял, то обижал свое поколение. Здесь, в тени смерти, мы увидели мужчину, который завоевал и смог удержать любовь женщины. Вдруг настроение Челленджера переменилось, и он снова стал нашим решительным капитаном.

— Я единственный из людей, кто предсказал эту катастрофу, — сказал он с нотками ликования и научного триумфа в голосе. — Что же до вас, мой дорогой Саммерли, думаю, ваши последние сомнения в отношении размытых линий в спектре были разрешены, и вы больше не будете настаивать на том, что мое письмо в «Таймс» основано на заблуждении.

На этот раз наш сварливый коллега не готов был принять этот вызов. Саммерли мог лишь сидеть, жадно глотая воздух и вытягивая тонкие длинные ноги, словно желая убедиться, что он действительно все еще здесь, на этой планете. Челленджер прошел по комнате к кислородному баллону, и громкое шипение стихло до едва уловимого свиста.

— Мы должны экономно расходовать наш за-

пас газа, — сказал он. — Сейчас воздух в комнате сильно перенасыщен кислородом, и я полагаю, что ни один из нас не чувствует никаких неприятных симптомов. Только опытным путем мы сможем определить, какое количество кислорода поможет нам нейтрализовать действие яда. Посмотрим, на сколько этого хватит.

Мы сидели в тихом нервном напряжении минут пять или больше, отслеживая наши новые ощущения. Мне стало казаться, будто я снова чувствую, как сжимаются мои виски. Миссис Челленджер, лежа на диване, вскрикнула, что она теряет сознание. Ее супруг снова открыл кислород.

— В донаучные времена, — сказал он, — на каждой подводной лодке держали белую мышь, поскольку ее более чувствительный организм давал знать о том, содержатся ли в воздухе отравляющие вещества, намного раньше, чем это ощущали моряки. Ты, моя дорогая, будешь нашей белой мышью. Сейчас я открыл кислород сильнее, и тебе должно стать лучше.

— Да, мне уже лучше.

— Возможно, это и есть правильная концентрация. Когда мы точно определим достаточное минимальное количество кислорода, мы сможем

вычислить, как долго нам удастся просуществовать. К сожалению, на наше возвращение к жизни ушло уже значительное количество содержимого первого баллона.

— Какое это имеет значение? — спросил лорд Джон, стоявший у самого окна, засунув руки в карманы. — Если мы должны умереть, какой толк в том, чтобы задерживаться? Или вы думаете, у нас есть шанс?

Челленджер улыбнулся и покачал головой.

— Что ж, в таком случае не кажется ли вам, что достойнее будет сделать прыжок, чем ждать, когда тебя подтолкнут. Если этому суждено свершиться, я за то, чтобы прочитать молитву, отключить кислород и открыть окна.

— Почему бы и нет? — отважно сказала леди. — Конечно, Джордж, лорд Джон прав, так будет лучше.

— Я категорически против! — недовольно воскликнул Саммерли. — Когда мы должны будем умереть, это случится так или иначе, но намеренно приближать смерть кажется мне глупым и неоправданным поступком.

— А что на это скажет наш юный друг? — спросил Челленджер.

— Я считаю, мы должны досмотреть эту драму

до конца.

— И я придерживаюсь абсолютно того же мнения, — поддержал меня он.

— Тогда, Джордж, если ты так говоришь, я тоже поддержу тебя, — воскликнула дама.

— Ну что ж, я просто предложил, — сказал лорд Джон. — Если вы хотите дождаться конца, я с вами. Несомненно, это жутко интересно. В моей жизни было немало приключений и не меньше волнующих моментов, чем у большинства людей, но заканчиваю я жизнь на пике переживаний[151].

— Если допустить существование после смерти… — начал Челленджер.

— Смелое предположение! — выкрикнул Саммерли. Челленджер пристально, с немым укором посмотрел на него.

— Если допустить существование после смерти, — продолжил он наставническим тоном, — никто из нас не в силах предвидеть, какие возможности для наблюдения за материальным

---

[151] Примечания: 151

В моей жизни было немало приключений и не меньше волнующих моментов, чем у большинства людей, но заканчиваю я жизнь на пике переживаний. — За несколько дней до смерти А. Конан Дойл практически дословно повторит эту фразу в своей записной книжке. («Читатели увидят, что у меня было много приключений. Но самое великолепное ждет меня теперь».) (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

миром получает человек после перехода на новый, духовный уровень. Безусловно, даже самому бестолковому человеку, — тут он выразительно посмотрел на Саммерли, — должно быть понятно, что мы лучше всего наблюдаем и формируем мнение о явлениях материального мира именно до тех пор, пока сами материальны. Поэтому, только оставаясь в живых в течение еще нескольких часов, мы можем надеяться на то, что унесем с собой, в наше дальнейшее существование, четкое представление о самом удивительном из событий, когда-либо происходивших в мире или даже во Вселенной. Мне будет очень печально, если нам придется хоть на минуту сократить это необыкновенное переживание.

— Тут я совершенно согласен! — воскликнул Саммерли.

— Поддерживается без возражений, — сказал лорд Джон. — Господи, этот ваш бедняга шофер во дворе уже отправился в свой последний путь. Может быть, нам сделать вылазку вниз и перенести его сюда?

— Это было бы безумным поступком, — резко возразил Саммерли.

— Что ж, пожалуй, вы правы, — сказал лорд Джон. — Ему это не поможет, и, к тому же, наш

кислород разойдется по всему дому, даже если нам удастся вернуться сюда живыми. Боже мой, посмотрите на этих маленьких птичек под деревьями!

Мы придвинули четыре стула к длинному низкому окну. Миссис Челленджер все еще лежала на диване с закрытыми глазами. Я помню, как мне в голову пришла чудовищная и нелепая мысль — впрочем, эту иллюзию мог усилить тяжелый, удушливый воздух, которым мы дышали, — о том, что мы сидим в первом ряду партера перед сценой, на которой разыгрывался последний акт драмы этого мира.

На авансцене, прямо перед нашими глазами, находился маленький дворик, где стоял наполовину вымытый автомобиль. Остин, шофер, на этот раз все-таки дождался своего последнего увольнения: он лежал у колеса с большим темным синяком на лбу, оставшимся от удара о подножку или крыло автомобиля. Рука Остина все еще сжимала шланг, из которого текла вода. В углу двора росла пара небольших платанов, а под ними лежало несколько жалких маленьких комочков из пушистых перьев, с крошечными, задранными вверх лапками. Смерть одним ударом своей косы смела все, великое и малое.

Мы смотрели на извилистую дорогу, ведущую к станции. Внизу как придется, один на другом, лежали упавшие люди, которые на наших глазах убегали с поля. Чуть выше по дороге мы увидели нянечку. Ее голова и плечи покоились на поросшем травой склоне. Нянечка успела достать ребенка из коляски, и сейчас у нее на руках был неподвижный сверток. Маленьким пятном на обочине виднелось и то место рядом с ней, где лежал старший мальчик. Еще ближе к нам находился кеб, между оглоблями которого стояла на коленях мертвая лошадь. Старый извозчик повис на козлах, свесив руки, словно нелепое чучело. Через окно мы едва смогли разглядеть сидевшего внутри молодого человека. Дверца была распахнута; одной рукой он ухватился за ручку, будто в последний момент пытался выпрыгнуть. Не так далеко от нас находилось поле для гольфа, на котором, как и утром, темными точками виднелись фигуры игроков; только теперь они лежали без движения на траве и среди кустов вереска, окаймлявших площадку. На одной из лужаек распласталось восемь тел — четверо игроков, остававшихся в игре до последнего, и их помощники, подносившие клюшки. В небе не было ни единой птицы, на земле не было видно

ни одного двигавшегося человека или животного. Лучи вечернего солнца спокойно ложились на землю. Над всем этим пейзажем нависало умиротворение и тишина вселенской смерти — смерти, которая скоро должна была забрать и нас. На тот момент именно лист хрупкого стекла, сохранявший необходимый кислород и удерживавший снаружи отравленный эфир, защищал нас от участи нам подобных. Знания и предусмотрительность одного человека на несколько коротких часов смогли сберечь наш маленький оазис жизни в огромной пустыне смерти, позволив на время избежать этой глобальной катастрофы. Позже, когда кислорода перестанет хватать и нам, мы тоже будем лежать, задыхаясь, в этом будуаре, на ковре вишневого цвета. И тогда окончательно завершится существование человеческой расы и вообще всей земной жизни. Мы долго еще смотрели в окно на трагедию нашего мира, находясь в слишком подавленном состоянии, чтобы говорить.

— Там горит дом, — наконец прервал молчание Челленджер, указывая на столб дыма, поднимавшийся над деревьями. — И если учесть, сколько людей работало с огнем, когда все произошло, думаю, что таких домов будет много — возможно,

пожаром будут охвачены целые города. Самого по себе факта возгорания достаточно, чтобы понять, что процент содержания кислорода в атмосфере нормальный и что дело здесь в эфире. Ах, видите, вон там, на вершине Кроубороу-Хилл, тоже огонь. Если я не ошибаюсь, это помещение гольф-клуба. Вот и пробили часы на церкви. Нашим философам, наверное, было бы интересно порассуждать о том, что созданные человеком механизмы пережили расу, которая их создала.

— О Господи! — воскликнул лорд Джон, взволнованно поднимаясь со стула. — Что это за клубы дыма? Это же поезд.

Сначала мы услышали гудок, а затем перед нами стремительно появился поезд, проносясь мимо, как мне показалось, на невероятной скорости. Мы не могли знать, откуда он шел и куда. Только по чудесной случайности он смог проехать хоть какое-то расстояние. Но сейчас нам предстояло увидеть ужасное окончание его пути. На платформе неподвижно стоял состав с полными вагонами угля. Затаив дыхание, мы смотрели, как экспресс с ревом летел по той же колее. Удар был страшным. Локомотив и вагоны превратились в груду щепок и искореженного металла. Из-под обломков показались красные языки пла-

мени, и вскоре все было охвачено огнем. Полчаса мы сидели молча, не способные промолвить ни слова, ошеломленные этим невероятным происшествием.

— Бедные, бедные люди! — наконец воскликнула госпожа Челленджер и, всхлипывая, вцепилась в руку супруга.

— Дорогая, пассажиры в поезде почувствовали не больше, чем куски угля в вагоне, в который врезался поезд, или пыль, в которую они теперь превратились, — сказал Челленджер, успокаивающе поглаживая ее по руке. — Это был поезд с живыми людьми, когда он выезжал с вокзала Виктория, но задолго до того как его постигла ужасная участь, там уже оставались одни мертвецы.

— Подобное, должно быть, происходит сейчас по всему миру, — сказал я, и перед глазами у меня возникли трагические картины. — Подумайте о кораблях в море, идущих на всех парах до тех пор, пока не погаснут топки или пока корабль не налетит на мель у одного из берегов. И парусные суда тоже будут плыть, покачиваясь от груза тел умерших моряков, корабельные доски станут гнить, в стыки начнет сочиться вода, пока один за другим они все не исчезнут под водой. Навер-

ное, еще сто лет спустя Атлантика будет усеяна темными точками старых покинутых кораблей.

— А люди в шахтах? — с угрюмой улыбкой сказал Саммерли. — Если на земле каким-то образом снова появятся геологи, у них должны возникнуть странные теории относительно появления человеческих останков в угольном слое.

— Я не специалист в этой области, — отметил лорд Джон, — но мне кажется, что после этой катастрофы на нашей Земле впору повесить табличку «Свободна, сдается внаем». Если человеческая раса будет стерта с лица земли, как же люди смогут снова здесь появиться?

— Мир раньше тоже был пуст, — сурово ответил Челленджер. — Люди появились здесь по законам, которые по сути своей находятся выше нашего понимания и нам неподвластны. Почему то же самое не может произойти еще раз?

— Дорогой мой Челленджер, неужели вы на самом деле в это верите?

— У меня, профессор Саммерли, нет привычки говорить вещи, которые я не имею в виду на самом деле. Ваше замечание неуместно. — С этими словами он выставил бороду вперед и вызывающе прищурился.

— Что ж, вы всю жизнь были упрямым дог-

матиком, таким и умрете, — кисло отметил Саммерли.

— Вы же, сэр, всю жизнь были лишенным воображения обструкционистом[152], и теперь уже нет никакой надежды на то, что вы изменитесь.

— Но зато *вас* даже самые жестокие критики не смогут обвинить в нехватке воображения, — парировал Саммерли.

— Честное слово! — сказал лорд Джон. — Вы были бы не вы, если бы свой последний вдох кислорода не потратили на взаимные оскорбления. Какая вообще разница, вернутся ли люди на Землю или нет? Это уж точно случится не на нашем веку.

— Своим замечанием, сэр, вы демонстрируете чрезвычайную ограниченность взглядов, — сурово отрезал Челленджер. — Истинно научный ум не должны сдерживать временные и пространственные ограничения. Он выстраивает для себя наблюдательный пункт на границе настоящего, которая отделяет бесконечное прошлое от бесконечного будущего. Именно с этой надежной позиции он обращается к самым истокам или к

[152] Примечания: 152

…обструкционистом… — Здесь: критиканом, готовым протестовать по любому поводу и без оного (от лат. obstructio — закупорка, преграда, помеха). *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

окончанию всего сущего. Что же до смерти, то истинно научный ум умирает на своем посту, работая до последнего в нормальном, методичном режиме. Он полностью пренебрегает столь незначительным фактором как физическое увядание, точно так же как и любыми другими ограничениями материального плана. Я прав, профессор Саммерли?

— С определенными оговорками я мог бы с этим согласиться, — проворчал в ответ тот.

— Идеальный научный ум, — продолжал Челленджер, — причем я говорю об этом в третьем лице, чтобы не показаться слишком самодовольным, — так вот, идеальный научный ум способен найти точку абстрактного знания в промежутке между моментами, когда его владелец упадет с воздушного шара и приземлится. Люди именно с такой силой воли нужны, чтобы покорять природу и защищать научную истину.

— Сдается мне, что на этот раз верх возьмет все-таки природа, — сказал лорд Джон, глядя в окно. — Я читал передовые статьи о том, что вы, господа, контролируете ее, но она, тем не менее, всегда поступает по-своему.

— Это не более чем временное отступление, — убежденно заявил Челленджер. — Что значат

несколько миллионов лет в масштабе вечности? Растительный мир, как вы видите, сумел выжить. Посмотрите на листья того платана. Птицы умерли, однако растение продолжает зеленеть. Из растительной жизни этого пруда и болота со временем выползут какие-нибудь микроскопические слизняки, пионеры огромной армии жизни, арьергардом которой сегодня являемся мы впятером. И после того как появятся простейшие формы животной жизни, последующий приход человека станет столь же очевидным, как и то, что из желудя неминуемо вырастет дуб. Прежний цикл повторится еще раз.

— А как же яд? — спросил я. — Разве он не убьет жизнь в самом зародыше?

— Яд может быть просто одним из слоев или пластов эфира, — ядовитый Гольфстрим посреди могущественного океана, по которому мы плывем во вселенной. Либо может выработаться устойчивость к нему, и жизнь приспособится к новым условиям. Один тот факт, что при сравнительно небольшом перенасыщении нашей крови кислородом мы можем противостоять воздействию яда, безусловно, является доказательством, что не потребуется серьезных перемен, чтобы животный мир смог выдержать это воздействие.

Дымившийся за деревьями дом загорелся. Мы видели, как высоко вверх поднимались языки пламени.

— Это все-таки довольно жутко, — пробормотал лорд Джон. Я еще никогда не видел его таким потрясенным.

— Ну, в конце концов, какая разница? — сказал я. — Мир мертв, и лучшие похороны для него — это, безусловно, кремация.

— Если загорится и этот дом, это укоротит нам жизнь.

— Я предусмотрел такую опасность, — сказал Челленджер, — и попросил мою супругу позаботиться о том, чтобы этого не произошло.

— Дом достаточно безопасен, дорогой. Но у меня в голове снова начинает сильно пульсировать кровь. Какой ужасный воздух!

— Мы должны освежить его, — сказал Челленджер, наклоняясь к баллону с кислородом.

— Он почти пустой, — сказал профессор. — Его хватило приблизительно на три с половиной часа. Сейчас почти восемь. Мы должны спокойно пережить ночь. По моим расчетам кислород должен закончиться завтра около девяти утра. Мы увидим восход солнца, которое на этот раз поднимется только для нас.

Он откупорил второй баллон и приоткрыл на полминуты окошко над дверью. Потом, когда воздух в комнате ощутимо улучшился, но наши симптомы обострились, мы снова закрыли его.

— Кстати, — сказал Челленджер, — человек живет не только за счет кислорода. Уже давно пора ужинать. Уверяю вас, джентльмены, что, когда я приглашал вас к себе домой, ожидая интересной встречи, я позаботился о том, чтобы мы ощутили великолепный вкус моих угощений. Как бы там ни было, мы должны делать то, что можем. Я уверен, что вы согласитесь со мной: было бы глупо расходовать наш кислород слишком быстро из-за зажженной керосинки. У меня есть небольшой запас холодного мяса, хлеба и маринованных овощей, что в сочетании с несколькими бутылками красного вина может сослужить нам хорошую службу. Спасибо тебе, моя дорогая, — ты, как всегда, устроила все наилучшим образом.

Действительно, можно было только удивляться, с каким самоуважением и чувством собственного достоинства, присущим британским хозяйкам, миссис Челленджер в течение нескольких минут накрыла центральный стол белоснежной скатертью, не забыв положить на нее салфетки, и подала простой ужин со всей

элегантностью цивилизованного общества, включая электрический фонарь посреди стола. Удивительным также было и то, что аппетит у нас оказался просто зверским.

— Это является показателем интенсивности наших переживаний, — сказал Челленджер с тем снисходительным видом, с каким он обычно принуждал свой научный ум объяснять очевидные факты. — Мы пережили великое потрясение, что влечет за собой нарушения на молекулярном уровне. А это, в свою очередь, означает, что необходимо восстановление. Большое горе или большая радость влекут за собой сильное чувство голода — а вовсе не потерю аппетита, как это подают наши писатели.

— Именно поэтому люди, живущие в деревне, пышно справляют свадьбы и похороны, — отважился вставить я.

— Именно так. Нашему юному другу удалось привести блестящий пример. Позвольте мне положить вам еще кусочек языка.

— У дикарей то же самое, — сказал лорд Джон, отрезая себе говядины. — Я видел, как они хоронили своего вождя в верховьях реки Арувими[153];

---

[153] Примечания: 153

…Арувими… — Река в Африке, правый приток реки Конго (Заир). (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

они съели целого бегемота, который весил, пожалуй, столько же, сколько и все это племя вместе взятое. Есть некоторые племена в Новой Гвинее, которые едят самого усопшего, — возможно, просто чтобы навести порядок и прибраться. Однако из всех похоронных церемоний на Земле наша, я думаю, — самая необычная.

— Странно то, — сказала госпожа Челленджер, — что я не могу почувствовать горечь от смерти тех, кто умер. В Бедфорде[154] остались мои родители. Я знаю, что они уже мертвы, но все же из-за этой невероятной вселенской трагедии не могу остро ощутить скорбь ни по кому, даже по ним.

— А моя старенькая мама жила в своем коттедже в Ирландии, — сказал я. — Я мысленно представляю ее, в шали и кружевном чепчике: она сидит у окна с закрытыми глазами, откинувшись на высокую спинку своего старого кресла, а рядом с ней лежат ее очки и книга. Почему я должен горевать? Она покинула этот мир, как покину его и я, и, возможно, в какой-то другой жизни я буду ближе к ней, чем Англия к Ирлан-

---

[154] Примечания: 154

...в Бедфорде... — Бедфорд — административный центр графства Бедфордшир в Центральной Англии. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

дии. Однако мне горько думать, что в родном мне теле больше не бьется жизнь.

— Кстати, о теле, — отметил Челленджер, — мы ведь не скорбим, когда подрезаем ногти или стрижем волосы, хотя они тоже однажды были частью нас самих. И одноногий человек не тоскует сентиментально по своей потерянной ноге. Физическое тело причиняет нам немало боли и усталости. Оно постоянно подчеркивает нашу ограниченность. Тогда зачем нам переживать об отделении от нашего физического «я»?

— Если мы от них на самом деле отделимы, — пробормотал Саммерли. — Но как бы там ни было, смерть вселенной ужасна.

— Как я уже объяснял, — сказал Челленджер, — вселенская смерть по своей природе должна быть не такой пугающей, как смерть изолированная.

— Точно так же и в бою, — заметил лорд Джон. — Если бы вы увидели одного человека, лежащего на земле с пробитой грудной клеткой и дыркой во лбу, вам от этой картины стало бы дурно. Но я видел десять тысяч таких тел в Судане, и мне при этом дурно не было, потому что когда творится история, жизнь любого из людей слишком незначительна, чтобы о ней беспокоиться. Когда миллиарды людей умирают вместе, как

это произошло сегодня, вы не можете отделить себя от толпы.

— Если бы только эта история закончилась для нас легко, — с тоской сказала женщина. — О Джордж, я так боюсь.

— Когда настанет час, ты будешь смелее всех нас, моя маленькая леди. Я был сварливым старым мужем, дорогая, но помни о том, что твой Дж. Э. Ч. был таким, каким создала его природа, и при этом ничего не мог с собой поделать. Но ты же, тем не менее, не хотела бы выйти замуж за кого-то другого?

— Ни за кого другого в целом свете, дорогой, — сказала она, обняв его за шею. Мы втроем подошли к окну и остановились, пораженные видом, открывшимся нашим взорам.

Стемнело, и мертвый мир погрузился в сумрак. Но с южной стороны на горизонте виднелась одна длинная ярко-красная полоса, которая расширялась и сужалась в быстром ритме пульса жизни, то резко поднимаясь к темно-красному зениту, то оседая и превращаясь в тонкую огненную линию.

— Льюис охвачен огнем!

— Нет, это горит Брайтон, — сказал Челленджер, подойдя к нам. — На фоне зарева виднеются

изгибы холмов. Значит это пожар на дальних окраинах, и тянется он на много миль. Должно быть, пылает уже весь город.

Огонь был виден еще в нескольких местах, и в темноте на железнодорожных путях все еще тлела гора обломков, но все это казалось лишь маленькими яркими точками по сравнению с сильнейшим пожаром, бушевавшим за холмами. Какой был бы материал для «Газетт»! Представить только, журналист стал свидетелем таких событий и практически не имел шанса воспользоваться этим — сенсация из сенсаций, но нет никого, кто бы мог ее оценить! И тогда неожиданно во мне проснулся мой старый добрый инстинкт фиксировать все происходящее. Если эти ученые мужи до конца верны делу своей жизни, почему же я не могу быть по-своему последовательным? Ни один человек никогда не увидит того, что я напишу. Но эту длинную ночь нужно как-то скоротать, и, по крайней мере для меня, о сне не могло быть и речи. Мои заметки помогут провести эти утомительные часы и займут мои мысли. Таким образом, сейчас передо мной лежит моя записная книжка со страницами, исписанными неровным почерком, поскольку писал я на коленях при тусклом свете

нашего единственного электрического фонаря. Будь у меня литературный талант, эти заметки могли бы стать стоящим произведением. Но как бы там ни было, возможно, они все же откроют людям наши столь длительные переживания и потрясения той жуткой ночи.

Глава IV
Дневник умирающего

До чего же странно выглядят эти слова, неразборчиво написанные сверху на пустой странице моей записной книжки! Еще более странным кажется мне то, что написал их я, Эдвард Мэлоун, — человек, который лишь какие-то двенадцать часов назад уехал из своей квартиры в Стритхэме, совершенно не представляя, какие удивительные происшествия принесет этот день! Я вспоминаю всю цепочку событий, мой разговор с Мак-Ардлом, первую тревожную заметку Челленджера в «Таймс», нелепую поездку на поезде, приятный обед, катастрофу, и сейчас вот чем это все закончилось — мы остались одни на пустой планете. Наша приближающаяся смерть столь очевидна, что я смотрю на эти строки, написанные по механической профессиональной привычке, строки, которые никто никогда не увидит, как на слова уже мертвого человека, — настолько близко он находится к той туманной границе, которую все, не вошедшие в наш тесный дружеский круг, уже перешагнули. Теперь я чувствую, сколь мудрыми

и правдивыми были слова Челленджера о том, что трагедией было бы, если бы мы пережили все благородное, прекрасное и красивое в этом мире. Но этого точно можно не бояться. Наш второй баллон с кислородом уже подходит к концу. Мы можем подсчитать ничтожно малое время нашей жизни практически до минуты.

Только что минут пятнадцать, не меньше, мы слушали лекцию Челленджера, который был так взволнован, что рвал и метал, будто выступал перед своими старыми научными оппонентами-скептиками в Куинс-Холле. Безусловно, публика на его выступление собралась странная: его жена, всегда уступчивая и совершенно не имеющая представления, о чем он говорит; Саммерли, пристроившийся в тени, ворчливый и критикующий все и вся, но, тем не менее, слушающий с интересом; лорд Джон, вальяжно рассевшийся в углу комнаты и немного заскучавший во время этого действа; и я, сидевший у окна и несколько рассеянно смотревший на происходящее, как будто это был сон или что-то такое, что лично ко мне, так или иначе, отношения не имело. Челленджер сидел за столом в центре комнаты, а перед ним стоял принесенный из гардеробной микроскоп с предметным стеклышком, подсвеченным

электрическим фонарем. Маленькое яркое пятно белого света, отражавшегося от зеркальца, освещало половину морщинистого бородатого лица профессора, тогда как вторая половина оставалась в густой тени. Похоже, в последнее время он изучал простейшие формы жизни, и сейчас его взволновало то, что на стекле, подготовленном за день до этого, он обнаружил все еще живую амебу.

— Вы сами можете убедиться в этом, — продолжал повторять Челленджер с большим энтузиазмом. — Саммерли, может быть, вы подойдете сюда и сами удостоверитесь в этом? Мэлоун, вы подтверждаете то, что я говорю? Маленькие веретенообразные существа в центре — это диатомовые водоросли[155], их можно не брать во внимание, поскольку это, видимо, скорее растения, чем животные. Но справа без сомнения находится амеба, медленно передвигающаяся по стеклу. Верхнее колесико вот здесь — это настройка резкости. Посмотрите на это сами.

Саммерли взглянул и молча согласился. Я тоже

---

[155] Примечания: 155

...диатомовые водоросли... — Диатомовые (от греч. diátomos — разделенный пополам) кремнистые водоросли, клетки которых имеют твердый кремнистый панцирь, состоящий из двух половинок — створок, находящих одна на другую. Известны с юрского периода. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

подошел посмотреть и увидел существо, состоящее, казалось, из перетертого стекла, медленно передвигающееся по светлому полю микроскопа. Лорд Джон готов был поверить Челленджеру на слово.

— Я не хочу забивать себе голову тем, жива амеба или нет, — сказал он. — Мы с этой штукой, насколько я знаю, друг друга ни разу не видели, так почему я стану переживать об этом? Очень сомневаюсь, что оно беспокоится о *нашем с вами* самочувствии.

Я засмеялся, но Челленджер посмотрел на меня так холодно и надменно, что я тут же осекся.

— Легкомысленность недоучек тормозит науку сильнее, чем глупость полных невежд, — авторитетно заявил он. — Если бы лорд Джон Рокстон снизошел до…

— Мой дорогой Джордж, не будь столь язвительным, — сказала его жена, придерживая рукой свои черные волосы, нависающие над микроскопом. — Какая разница, жива эта амеба или нет?

— Разница огромная, — резко ответил Челленджер.

— Хорошо, давайте послушаем, — сказал лорд Джон с добродушной улыбкой. — Эта тема не хуже любой другой. Если вы считаете, что я был

слишком бесцеремонным с этим существом или каким-либо образом мог оскорбить его чувства, спешу принести свои извинения.

— Что же до меня, — скрипучим голосом вставил любитель поспорить Саммерли, — то я не понимаю, почему столько внимания уделяется тому, что это существо живо. Оно находится в таком же воздухе, как и мы с вами, поэтому естественно, что яд на него не действует. Если бы оно находилось за пределами этой комнаты, оно бы погибло, как и все другие проявления животной жизни.

— Ваши замечания, мой дорогой Саммерли, — сказал Челленджер тоном огромного снисхождения (о, если бы я только мог описать это властное, высокомерное выражение лица в ярком свете, отражающемся от зеркальца микроскопа!), — свидетельствуют о том, что вы неверно оцениваете ситуацию. Этот образец был взят для анализа вчера и был герметично закрыт. Кислород к нему поступать не мог. Но эфир, разумеется, влиял на него так же, как и на все во Вселенной. Таким образом, получается, что яд на амебу не подействовал. Следовательно, мы можем утверждать, что и все другие амебы за пределами этой комнаты не погибли, как вы ошибочно считаете,

а сумели пережить катастрофу.

— Что ж, даже после этого я не стану прыгать от радости, — сказал лорд Джон. — Какое это имеет значение?

— Это имеет только то значение, что мир жив, а не мертв. Если бы вы обладали истинно научным воображением, ваша мысль, оттолкнувшись от одного этого факта, пошла бы дальше, и вы бы увидели, как через какие-нибудь несколько миллионов лет — всего лишь миг в огромном потоке веков — весь мир снова наполнится животными и людьми, жизнь которых произрастет из этого крошечного семени. Вы видели пожары в прериях, не оставившие на земле ни следа от травы или растений, — лишь черную обугленную пустыню. Вы могли бы подумать, что она навсегда останется такой. Однако корни растений остались в земле, и уже через несколько лет вы не сможете указать место, где раньше были лишь черные шрамы. Здесь, в этом крошечном существе, корни жизни всего животного мира, и благодаря его природному развитию и эволюции оно, безусловно, со временем не оставит и следа от этого страшного кризиса, свидетелями которого мы с вами сейчас являемся.

— Чертовски интересно! — сказал лорд Джон,

лениво наклоняясь к микроскопу. — Забавный малыш, его портрет будет первым в будущей семейной галерее всего живого. А какая у него на рубашке красивая большая запонка!

— Темное пятно — это его ядро, — сказал Челленджер с видом учителя, терпеливо объясняющего детям азбуку.

— Ну что ж, теперь мы не будем чувствовать себя одинокими, — со смехом произнес лорд Джон. — Не мы одни остались в живых.

— Кажется, вы, Челленджер, считаете само собой разумеющимся, — сказал Саммерли, — что цель создания этого мира — производить и поддерживать человеческую жизнь.

— Ну, сэр, а как бы вы определили эту цель? — спросил Челленджер, взрываясь при малейшем намеке на противоречие.

— Иногда я думаю, что только огромная заносчивость заставляет людей думать, что вся эта великая сцена была возведена исключительно для того, чтобы им было, где покрасоваться.

— Мы не можем столь безапелляционно рассуждать об этом, но, по крайней мере, без того, что вы назвали огромной заносчивостью, мы можем уверенно назвать себя высшим звеном развития.

— Высшим среди нам известных.

— Да, сэр, само собой разумеется.

— Задумайтесь о миллионах или даже триллионах лет, когда необитаемая земля пролетала сквозь космос, — или, если и не необитаемая, то, по крайней мере, без признаков человеческой жизни. Поразмыслите об этом: бесчисленное количество веков ее омывали дожди, палило солнце, обдували ветра. С точки зрения геологии, человек появился на Земле только вчера. Тогда почему же нужно безоговорочно принимать за данность то, что вся эта колоссальная подготовка была проделана только ради него?

— А для кого же тогда? Или для чего?

Саммерли пожал плечами.

— Откуда нам знать? Ради какого-то неведомого нам замысла — а человек появился лишь случайно, как побочный продукт этого процесса. Рассуждая подобным образом, вы напоминаете пену на поверхности океана, которая сочла, что океан был создан для того, чтобы появилась и существовала она, или церковную мышь полагающую, что это здание возведено именно для нее.

Я старался записывать каждое их слово, но вскоре обмен репликами стал перерастать в обычный шумный спор, пестрящий сложными научными терминами. Несомненно, это большая

честь слушать, как такие умы спорят о высоком; но поскольку им никак не удавалось найти общий язык, то простые люди, — такие как мы с лордом Джоном, — не могли почерпнуть для себя из этого представления ровным счетом ничего. Они пытались нейтрализовать друг друга, а мы остались предоставлены сами себе и уже мало что понимали. Наконец шум смолк, Саммерли вжался в свое кресло, тогда как Челленджер продолжал сидеть у микроскопа, крутить колесико и медленно, тихо и невнятно ворчать, словно море после шторма. Ко мне подошел лорд Джон, и мы вместе стали вглядываться в темноту ночи.

В черном небе висела бледная молодая луна — последняя, которую увидит человек, — и очень яркие звезды. Даже в чистом воздухе на плато в Южной Америке я никогда не видел таких. Возможно, изменения эфира каким-то образом повлияли на их свет. Погребальный костер Брайтона все еще пылал, а вдалеке, в небе на западе виднелось другое алое зарево, которое, видимо, свидетельствовало о подобном пожаре в Эранделе или Чичестере[156], а может, даже в

[156] Примечания: 156

…Чичестере… — Чичестер — административный центр графства Восточный Суссекс на юге Англии. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

Портсмуте[157]. Я сидел, размышляя и изредка делая кое-какие заметки. Воздух был наполнен сладкой меланхолией. Юность, красота, благородство, любовь — неужели этому всему наступил конец? Залитая звездным светом Земля казалась миром грез, полным мягкого спокойствия. Кто бы мог подумать, что однажды она превратится в Голгофу, усеянную человеческими телами? И вдруг я заметил, что смеюсь.

— Эй, молодой человек! — воскликнул лорд Джон, удивленно глядя на меня. — Хорошая шутка в это тяжелое время не повредит никому из нас. Чему вы смеетесь?

— Я подумал обо всех тех великих неразрешенных вопросах, — ответил я, — вопросах, которым мы посвятили так много времени, о которых так много размышляли. Например, задумайтесь о соперничестве между Англией и Германией или о Персидском заливе, не дававшем покоя моему старому начальнику. Мог ли кто-нибудь догадаться, как разрешится все то, по поводу чего мы так волновались и беспокоились?

И снова все умолкли. Я полагаю, что каждый из нас думал о друзьях, уже ушедших. Госпожа

---

[157] Примечания: 157

…Портсмуте… — См. т. 1, комментарий на с. 387. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

Челленджер тихо всхлипывала, а ее муж что-то шептал ей. Я думал о знакомых мне людях, которых уже постигла ужасная участь, представлял, как они лежат, бледные и неподвижные, так же как бедняга Остин во дворе. Например, Мак-Ардл: я точно знал, где он сейчас, знал, что его голова покоится на письменном столе, а рука все еще сжимает телефонную трубку — я сам слышал, как он упал замертво. А вот Бомон, наш редактор: могу предположить, что он лежит на сине-красном турецком ковре, украшавшем его кабинет. И все ребята в репортерской комнате — Макдон, Мюррей и Бонд. Уверен, что смерть застигла их за усердной работой, в руках у них были записные книжки, полные ярких впечатлений и необыкновенных происшествий. Догадываюсь, что одного из них отправили к медикам, другого — в Вестминстер[158], а третьего — в собор Святого Павла. Какие же невероятные заголовки они, должно быть, представляли себе в последний момент своей жизни, красивые строчки, коим никогда не суждено воплотиться в печати! Я

[158] Примечания: 158

…Вестминстер… — Исторический район в центральной части Лондона, где находятся здание парламента и Вестминстерское аббатство (см. комментарий на с. 399) *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

живо представляю себе Макдона в окружении врачей — «Надежда с Харлей-стрит» — Мак всегда питал слабость к аллитерации. «Интервью с мистером Соли Уилсоном. Знаменитый специалист говорит: „Никогда не сдавайся!“»… «Наш специальный корреспондент застал выдающегося ученого сидящим на крыше, где тот прятался от толпы запуганных пациентов, штурмовавших его дом. С видом человека, отчетливо понимавшего огромную важность происходящего, знаменитый врач отказался признать, что все пути к спасению перекрыты». Так бы начал старина Мак. Еще там был Бонд, он, вероятно, занялся бы собором Святого Павла. Бонд считал, что у него особый стиль. Господи, да это же тема именно для него! «Стоя на маленьком балконе под куполом и глядя вниз на кучку отчаявшихся людей, в этот последний миг своей жизни преклоняющихся перед могуществом Всевышнего, в которое они так настойчиво не хотели верить, я услышал полный мольбы и ужаса тихий стон колышущейся толпы. Это был дрожащий крик о помощи, обращенный к Неведомому…» и так далее.

Да, это был прекрасный конец жизни для репортера, хотя он умер, так и не использовав все свои богатства, как не удастся это сделать и мне. Чего

бы только ни отдал бедняга Бонд за то, чтобы увидеть свои инициалы под колонкой вроде этой!

Но что за ерунду я пишу! Впрочем, это всего лишь попытка скоротать медленно тянущееся время. Госпожа Челленджер пошла в гардеробную, и профессор говорит, что она уснула. Сидя за центральным столом, он что-то спокойно записывает и ищет в книгах так, как будто впереди у него годы безмятежной работы. Его перо громко царапает по бумаге, и этот скрип — словно презрительная насмешка над всеми теми, кто с ним не согласен.

Саммерли задремал в кресле и время от времени совершенно невыносимо храпит. Лорд Джон сидит с закрытыми глазами, откинувшись на спинку стула и держа руки в карманах. Как люди могут спать в такой ситуации — это у меня в голове не укладывается.

Полчетвертого утра. Я только что вздрогнул и проснулся. Последнюю запись я сделал в пять минут двенадцатого. Я запомнил это, потому что заводил часы и в этот момент посмотрел на циферблат. То есть я потратил впустую около пяти часов из оставшегося нам времени. Кто бы мог поверить в это? Но я чувствую себя намного бодрее и готов встретить свою смерть — или стараюсь

убедить себя в этом. И все-таки, чем больше представляет собой человек, чем мощнее поток его жизни, тем сильнее он должен страшиться смерти. Насколько же мудра и милосердна природа, обычно поднимающая якорь земной жизни человека маленькими, едва ощутимыми рывками, пока сознание не покинет ненадежную мирскую гавань и не отправится в открывающийся перед ним бескрайний океан!

Госпожа Челленджер все еще в гардеробной. Челленджер уснул на стуле. Какая картина! Его большое тело откинулось на спинку стула, огромные волосатые руки сцеплены на груди, а голова наклонена таким образом, что мне не видно ничего над его воротником, кроме спутанной щетки пышной бороды. Он вздрагивает от собственного храпа. К звонкому басу Челленджера добавляется высокий тенор Саммерли. Лорд Джон тоже спит, скрючившись в плетеном кресле. В комнату пробирается первый холодный утренний луч, и все вокруг серо и уныло.

Я смотрю в окно на рассвет — фатальный восход солнца, светящего над безлюдным миром. Человеческая раса исчезла, ее не стало в один день, но планеты продолжают двигаться, приливы чередуются с отливами, так же шепчет ветер,

и вся природа, похоже, идет своим путем, вплоть до последней амебы; скоро не останется и следа того, кто называл себя создателем и благословил или проклял эту Вселенную своим присутствием. Внизу, во дворе, лежит Остин, неуклюже раскинув руки, пятно его лица белеет в свете восходящего солнца, в руке у него шланг. Это наполовину смешное и наполовину печальное тело, лежащее рядом с машиной, которой оно когда-то управляло, олицетворяет собой судьбу всего человечества.

На этом заканчиваются записи, сделанные мною в ту ночь. С этого момента события разворачивались слишком быстро и неожиданно, чтобы я успевал делать какие-то заметки; однако в моей памяти все отпечаталось столь отчетливо, что я не упущу ни малейшей подробности.

Начинавшееся удушье, сжимавшее горло, заставило меня взглянуть на баллоны с кислородом, и то, что я увидел, испугало меня. В песочных часах, отсчитывавших оставшееся нам время, высыпался почти весь песок. Ночью Челленджер переключил трубку с третьего на четвертый баллон. Сейчас было видно, что и там кислорода уже почти не осталось. Меня захлестнуло жуткое, угнетающее чувство. Я подскочил к нашему

кислороду, открутил трубку и присоединил ее к последнему баллону. Но после я почувствовал угрызения совести, поскольку если бы я удержался от этого, все спокойно умерли бы во сне. Однако мысль эта была прервана криком дамы из внутренней комнаты:

— Джордж, Джордж, я задыхаюсь!

— Все хорошо, миссис Челленджер, — ответил я, когда все вскочили со своих мест. — Я только что открыл кислород.

Но даже в такой момент я не мог сдержать улыбки, глядя на Челленджера, который, протирая глаза большими волосатыми кулаками, был похож на огромного бородатого ребенка, которого только что разбудили. Саммерли дрожал, словно в лихорадке; наступило время, когда человеческий страх, приходящий с осознанием того, что с ним происходит, на миг одержал верх над стоицизмом[159] ученого. Однако лорд Джон оставался столь же хладнокровным и энергичным, будто только что проснулся, чтобы идти на охоту.

— Пятый и последний, — сказал он, глядя на трубку. — Скажите, молодой человек, вы ведь не записывали свои впечатления в этот блокнот?

---

[159] Примечания: 159

...стоицизмом... — Здесь: стойкость и мужество в жизненных испытаниях. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

— Просто несколько заметок, чтобы скоротать время.

— Что ж, не думаю, чтобы кто-то еще, кроме ирландца, был способен на такое. Полагаю, вам, чтобы найти своего читателя, придется дождаться, пока подрастет наша сестрица-амеба. А она, между тем, не очень-то интересуется происходящим. Итак, герр профессор, каковы наши перспективы?

Челленджер смотрел в окно на густой туман, стелящийся по земле. Местами покрытые лесом холмы поднимались из пушистого моря, словно конусы островов.

— Все как будто саваном укрыто, — сказала госпожа Челленджер, выйдя к нам в домашнем халате. — Как там, Джордж, поется в твоей песне — «Звон колокола старое проводит, звон колокола новое зовет». Эти строки оказались пророческими. Но вы, мои дорогие друзья, все дрожите, бедняги. Мне было тепло ночью под покрывалом, а вы мерзли на этих стульях. Ничего, скоро я вас согрею.

Это отважное маленькое создание спешно удалилось, и вскоре мы услышали свист чайника. Затем миссис Челленджер вернулась с пятью чашками горячего какао на подносе.

— Выпейте, — сказала она. — Вам станет намного лучше.

И мы выпили. Саммерли спросил разрешения закурить трубку, тогда как мы все курили сигареты. Думаю, это успокоило наши нервы, но сделали мы это зря, потому что атмосфера в душной комнате стала просто ужасной. Челленджеру пришлось открыть форточку.

— Сколько еще, Челленджер? — спросил лорд Джон.

— Часа три, может быть, — ответил тот, пожимая плечами.

— Раньше мне было страшно, — сказала его жена. — Но чем ближе этот момент, тем спокойнее становится. Тебе не кажется, что нам нужно помолиться, Джордж?

— Помолись, дорогая, если хочешь, — нежно ответил ее большой муж. — Все мы молимся поразному. Моя молитва заключается в принятии всего, что мне преподносит судьба, — радостном принятии. Высшая религия и высшая наука, похоже, в этом сходятся.

— Я не могу в полной мере охарактеризовать мое отношение как принятие, и уж тем более как радостное принятие, — проворчал Саммерли с трубкой в зубах. — Я покоряюсь, потому что мне

приходится это делать. Признаться, я предпочел бы иметь еще один год для того, чтобы закончить классификацию меловых отложений.

— Незавершенность вашей работы — пустяки, — напыщенно сказал Челленджер, — по сравнению с тем, что мое главное произведение, мой *magnum opus*, «Лестница жизни» остановилось лишь на первых главах. Все мои мысли, все прочитанное мною, весь мой опыт, — это, кстати, мое главное и уникальное оружие, — должны были быть собраны в этой книге эпохального значения. И все же, как я уже сказал, я смирился с этим.

— Думаю, у всех нас остались незавершенные дела, — сказал лорд Джон. — А что у вас, молодой человек?

— Я работал над сборником стихов, — ответил я.

— Что ж, так или иначе, но мир сумел этого избежать, — сказал лорд Джон. — Если идешь на ощупь, никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь.

— А что осталось у вас? — спросил я.

— Ну, так получилось, что я как раз со всем справился и оказался готов к смерти. Разве что обещание Меривейлу поехать весной в Тибет

поохотиться на снежного барса… А вот для вас, госпожа Челленджер, это, должно быть, тяжело: вы ведь только-только обустроили ваш прекрасный дом.

— Мой дом там, где Джордж. Но, Боже, чего бы я только не отдала за нашу последнюю прогулку в свежей утренней прохладе по этим прекрасным холмам.

Ее слова эхом отозвались в наших сердцах. Лучи солнца пробивались сквозь прозрачную заволакивавшую его дымку, и весь Уилд[160] купался в золотистом свете. Из нашей темной душной комнаты прекрасные, чистые просторы, по которым гулял свежий ветер, казались вершиной прекрасного. Госпожа Челленджер вытянула руку, будто желая прикоснуться к ним. Мы придвинули стулья и сели полукругом у окна. Воздух был очень спертым. Мне казалось, что тень смерти уже нависла над нами — последними представителями человеческой расы. Было такое ощущение, будто вокруг нас со всех сторон опускается невидимый занавес.

— Этого баллона хватило ненадолго, — сказал лорд Джон, полной грудью вдыхая воздух.

---

[160] Примечания: 160
Некогда лесистый район Южной Англии. *(Примеч. пер.)*

— Количество кислорода в них разное, — сказал Челленджер, — в зависимости от давления и аккуратности, с которой их наполняли. Склонен согласиться с вами, Рокстон, — этот баллон не полон.

— То есть у нас попросту украли последний час нашей жизни, — горько отметил Саммерли. — Блестящая финальная иллюстрация алчного мира, в котором мы жили. Что ж, Челленджер, сейчас самое время для вас изучать субъективные особенности феномена физического разложения.

— Сядь возле меня и дай мне руку, — сказал Челленджер жене. — Друзья, я думаю, что сидеть и дальше в этой невыносимой атмосфере уже не имеет смысла. Ты ведь тоже не хотела бы этого, дорогая, правда?

Миссис Челленджер застонала и прижалась щекой к его колену.

— Я видел, как люди зимой купаются в Серпантине[161], — произнес лорд Джон. — Когда все в воде, два или три человека остаются на берегу, дрожат и завидуют тем, кто уже нырнул. Это те последние, которым достается самое сложное. Я полностью за то, чтобы нырнуть одним махом и

[161] Примечания: 161

Узкое искусственное озеро в Гайд-парке в Лондоне с лодочной станцией и пляжем. *(Примеч. пер.)*

разом покончить со всем этим.

— Вы готовы открыть окно и поддаться действию эфира?

— Лучше уж отравиться, чем умереть от удушья.

Саммерли неохотно кивнул и протянул Челленджеру худую руку.

— Мы, бывало, ссорились, но все это уже в прошлом, — сказал он. — Мы были хорошими друзьями и в глубине души уважали друг друга. Прощайте!

— Прощайте, молодой человек! — сказал лорд Джон. — Но окно заклеено, мы не сможем его открыть.

Челленджер наклонился, поднял свою жену, прижав ее к себе, а она положила руки ему на плечи.

— Подайте мне полевой бинокль, Мэлоун, — строго сказал профессор.

Я выполнил его просьбу.

— Мы снова вверяем себя в руки той Силы, которая нас создала! — громогласно заявил Челленджер и с этими словами швырнул бинокль в окно.

Не успел упасть последний осколок стекла, как мы почувствовали, что в наши раскрасневшиеся

лица ударил сильный и сладостный поток ветра.

Не знаю, как долго сидели мы в тишине, изумленные происходящим. Затем, словно во сне, я снова услышал голос Челленджера.

— Мы опять вернулись к нормальным условиям! — воскликнул он. — Мир очистился от отравленного пояса, но мы единственные на Земле, кому удалось при этом спастись.

Глава V
Мертвый мир

Я помню, как мы сидели на стульях, жадно упиваясь сладким влажным юго-западным бризом, который нес в себе морскую свежесть, дергал муслиновые[162] занавески и охлаждал наши разгоряченные лица. Сколько же мы просидели вот так! Никто из нас потом так и не смог точно вспомнить этого. Мы были потрясены, мы были в замешательстве, в каком-то полубессознательном состоянии. Мы собрали всю свою отвагу, чтобы встретить смерть, и эта пугающая и неожиданная новость — что мы должны продолжать жить, после того как уже не стало расы, к которой мы принадлежали, — была воспринята нами буквально как физический удар и совершенно обескуражила нас. Но постепенно приостановленный механизм заработал снова, шлюзы памяти опять открылись, и мысли стали связными. Мы увидели с ясной, безжалостной четкостью связь между прошлым, настоящим и

[162] Примечания: 162

…муслиновые… — Муслин — мягкая тонкая ткань. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

будущим — жизнь, которой мы жили, и жизнь, которой нам предстоит жить дальше. В тихом ужасе мы смотрели друг другу в глаза. Вместо радости, которую должны были ощутить люди, совсем недавно избежавшие неминуемой, казалось бы, смерти, нас захлестнула ужасная волна глубочайшего уныния. Все на Земле, что мы так любили, унес огромный, бесконечный и неведомый океан, и вот мы остались покинутыми на пустынном острове, без друзей, без надежд, без ожиданий. Несколько лет мы будем блуждать, словно шакалы, среди могил, пока нас самих не настигнет запоздалая и одинокая смерть.

— Это ужасно, Джордж, ужасно! — с мучительными рыданиями выкрикнула леди. — Лучше бы мы умерли вместе со всеми! Ну зачем ты только спас нас? Такое чувство, что это мы умерли, а все остальные остались живы.

Челленджер сдвинул густые брови и сосредоточенно думал над чем-то, не выпуская из своей огромной волосатой лапы протянутую руку супруги. Я заметил, что в тяжелые моменты она всегда тянула к нему руки, как ребенок протягивает руки к своей матери.

— Не будучи фаталистом до такой степени, чтобы покорно подчиняться судьбе, — сказал

профессор, — высшей мудростью я всегда считал способность принять сложившиеся обстоятельства и приспособиться к ним. — Он говорил медленно, и его громкий голос дрожал от переизбытка чувств.

— А я *не принимаю* этого, — твердо сказал Сammерли.

— Не думаю, что это хоть что-то меняет, — заметил лорд Джон. — Вам придется принять это, сопротивляясь или смирившись; так какое тогда может иметь значение, хотите вы принять это или нет?

— Не припоминаю, чтобы кто-то спрашивал нашего разрешения перед тем, как это все началось, и не думаю, что нас спросят сейчас. Так какая же разница, каково наше мнение?

— В этом и состоит разница между счастьем и страданием, — сказал Челленджер; он выглядел рассеянным и продолжал поглаживать руку супруги. — Вы можете плыть по течению со спокойными сознанием и душой, либо бороться с ним, уставшие и разбитые. Все это выше нас, поэтому стоит просто смириться и прекратить рассуждать об этом.

— Но что же нам тогда вообще делать с нашей жизнью? — спросил я, в отчаянии взывая

к голубым и пустым небесам. — Что, например, делать мне? Газет уже нет, и моему призванию нет применения.

— Охотиться больше не на кого, армии тоже не существует, поэтому и моей карьере пришел конец, — сказал лорд Джон.

— Да и студентов больше не осталось, так что и моя профессия никому не нужна! — воскликнул Саммерли.

— А вот у меня по-прежнему есть мой муж и этот дом, и я могу благодарить небеса за то, что моя жизнь продолжается, — сказала дама.

— И моя жизнь по-прежнему имеет смысл, — заметил Челленджер, — ведь наука жива, а эта катастрофа сама по себе предоставит нам множество увлекательнейших вопросов для исследования.

Он распахнул настежь окна, и мы замерли, всматриваясь в безмолвный и неподвижный пейзаж.

— Дайте-ка подумать, — продолжал профессор. — Вчера было около трех, или немного больше, когда мир окончательно вошел в отравленный пояс и был полностью поглощен им. Сейчас девять. Вопрос состоит в том, когда именно мы вышли из него?

— На рассвете воздух все еще был очень тяжелым, — сказал я.

— Даже позже, — отметила миссис Челленджер. — Еще в восемь я ощущала такое же удушье, как и в самом начале.

— Тогда можно сделать вывод, что мы вышли из пояса сразу после восьми. В течение семнадцати часов мир был погружен в отравленный эфир. За это время Великий Садовник стерилизовал человеческую плесень, покрывавшую поверхность Его плода. Вопрос в том, возможно ли, чтобы эта работа была проделана не полностью — и кроме нас выжил кто-то еще?

— Именно об этом я и подумал, — сказал лорд Джон. — Почему мы должны быть единственным камешками на этом пустынном берегу?

— Абсурдно предполагать, что, кроме нас, кто-то еще мог остаться в живых, — убежденно заявил Саммерли. — Не забывайте о том, что сила яда была так велика, что даже такой человек, как наш Мэлоун, — сильный как бык и напрочь лишенный нервов, — едва сумел подняться по ступенькам, не потеряв сознания. Есть ли вероятность, что кому-то удалось выдержать не то что семнадцать часов — хотя бы семнадцать минут такого воздействия?

— Если только кто-то не предусмотрел этого и не подготовился так же, как наш старина Челленджер.

— Вот это, полагаю, крайне маловероятно, — сказал Челленджер, самоуверенно выставив вперед бороду и прикрыв глаза. — Не думаю, что такое сочетание научной наблюдательности со способностью делать выводы и предвидеть результат, позволившее нам избежать опасности, может встретиться в одном поколении дважды.

— Из этого вы делаете вывод, что все остальные определенно мертвы?

— Сомнений в этом очень мало. Однако мы не должны забывать о том, что действие яда распространялось снизу вверх и, возможно, слабее ощущалось в высших слоях атмосферы. Действительно странно, что все происходило именно так, но это как раз один из тех фактов, которые в будущем будут представлять для нас интереснейшую область для изучения. Итак, можно предположить, что, разыскивая выживших, следовало бы обратить свои полные надежд взоры к одной из деревень Тибета или какой-нибудь ферме в Альпах на высоте многих тысяч футов над уровнем моря.

— Что ж, учитывая, что нет ни поездов, ни па-

роходов, с таким же успехом можно говорить и о выживших, которые находятся где-нибудь на Луне, — сказал лорд Джон. — Но я всерьез задумываюсь о том, действительно ли все закончилось, или мы прошли только полпути.

Саммерли вытянул шею, вглядываясь в горизонт.

— Кажется, там светло и ясно, — неуверенно сказал он, — но так было и вчера. И лично я вовсе не уверен, что все уже закончено.

Челленджер пожал плечами.

— И снова мы возвращаемся к нашему фатализму, — произнес он. — Если мир уже переживал подобное, что, безусловно, нельзя исключить полностью, то это было очень давно. Поэтому у нас есть все основания полагать, что это не повторится еще очень долгое время.

— Все это очень хорошо, — сказал лорд Джон, — но когда происходит землетрясение, велика вероятность того, что вслед за ним случится следующее. Думаю, нам следует размять ноги и немного подышать свежим воздухом, пока мы можем это сделать. Поскольку кислорода у нас не осталось, беда может настигнуть нас как здесь, так и на улице.

Абсолютная апатия, ставшая реакцией на столь

невероятные переживания последних суток, была очень странной. Это чувство глубокого безразличия было и моральным, и физическим. Осталась только усталость и сознание тщетности любых усилий. Даже Челленджер поддался общему настроению и сидел в кресле, положив тяжелую голову на руки и размышляя о чем-то далеком, пока мы с лордом Джоном буквально не подняли его на ноги, удостоившись за это пристального взгляда и злобного рычания, как у пса, которого побеспокоили. Но, так или иначе, как только мы выбрались из своей тихой гавани на простор прежней жизни, наше нормальное состояние и энергия постепенно вернулись к нам.

Однако что нам было делать на этом кладбище человечества? Сталкивался ли кто-либо из людей с таким вопросом с начала времен? Действительно, в будущем у нас будет все необходимое и даже предметы роскоши. Все запасы еды и лучшие вина, все сокровища и произведения искусства будут нашими, если мы этого пожелаем. Но что нам *делать*? Несколько ближайших задач были нам вполне ясны, поскольку это было очевидно. Мы спустились на кухню и положили слуг на их кровати. Казалось, они умерли без страдания, один в кресле у камина, другую смерть застигла

за мытьем посуды. Затем мы внесли со двора беднягу Остина. Его окоченевшие мышцы были твердыми как камень, а предсмертная судорога изогнула губы в сардонической усмешке. Этот симптом встречался почти у всех умерших от яда. Куда бы мы ни пошли, везде на лицах усопших мы видели эту усмешку. Они, казалось, насмехались над нашим ужасным положением, тихо и беспощадно улыбаясь злополучно уцелевшим представителям их расы.

— Послушайте, — сказал лорд Джон, беспокойно расхаживая по столовой, пока мы пытались перекусить, — не знаю, что вы, господа, думаете об этом, но я просто *не могу* сидеть здесь и ничего не делать.

— Возможно, — сказал Челленджер, — вы будете столь любезны и подскажете, что нам нужно предпринять.

— Пошевелиться и посмотреть, что произошло.

— Именно это я и сам собирался предложить.

— Но не в этой маленькой деревне. Все, о чем может рассказать нам это место, мы уже увидели в окно.

— Тогда куда же нам направиться?

— В Лондон!

— Все это хорошо, — пробормотал Саммерли. — Возможно, вас и не испугает прогулка в сорок миль. Насчет Челленджера, с его короткими ногами, я не совсем уверен, зато абсолютно уверен насчет себя. — Эти слова очень разозлили Челленджера.

— Я бы советовал вам, сэр, ограничить свои замечания исключительно собственными физическими особенностями, тем более что здесь у вас огромнейшее поле для комментариев и есть где развернуться, — огрызнулся он.

— Я не хотел обидеть вас, мой дорогой Челленджер! — воскликнул наш бестактный друг. — Вы не можете нести ответственность за ваши физические данные. Если природой вам дано невысокое тяжелое тело, у вас, так или иначе, будут короткие и толстые ноги.

Челленджер был слишком взбешен, чтобы ответить. Он только рычал, щурился и обиженно пыхтел. Лорд Джон поспешил вмешаться, пока спор не перерос в ссору.

— Вы говорите о пешей прогулке. А почему, собственно, мы должны идти пешком? — спросил он.

— Вы предлагаете нам сесть на поезд? — бросил Челленджер, все еще негодуя.

— А что случилось с машиной? Почему бы нам не поехать на ней?

— Я в этом не специалист, — сказал Челленджер, задумчиво потирая бороду. — В то же время вы правы, утверждая, что человеческий интеллект в своем высшем проявлении должен быть весьма гибким, чтобы использовать любые имеющиеся средства. Вы подали отличную идею, лорд Джон. Я сам отвезу вас всех в Лондон.

— Ничего подобного вы не сделаете, — решительно отрезал Саммерли.

— Да, Джордж, действительно! — воскликнула миссис Челленджер. — Вспомни, ты садился за руль только однажды, и то умудрился врезаться в ворота гаража.

— Это была секундная потеря концентрации, — самодовольно сказал Челленджер. — Можете считать этот вопрос решенным. Я, безусловно, довезу вас всех в Лондон.

Спор разрешил лорд Джон.

— А какая у вас машина? — спросил он.

— «Хамбер»[163], двадцать лошадиных сил.

— Так ведь я несколько лет ездил именно на

---

[163] Примечания: 163

...«Хамбер»... — Марка легковых автомобилей, выпускавшихся одноименной британской фирмой. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

такой, — сказал Джон Рокстон. — Черт возьми! — добавил он. — Никогда не думал, что доживу до момента, когда смогу посадить в автомобиль весь род человеческий одновременно. Там как раз пять мест, насколько я помню. Одевайтесь, и ровно в десять я подъеду к крыльцу.

Почти точно в назначенный час с урчанием и треском из двора выехала машина с лордом Джоном за рулем. Я сел рядом с ним, а наша дама как весьма полезный маленький буфер втиснулась на заднем сиденье между двумя раздраженными мужчинами. Затем лорд Джон отпустил тормоз и, ловко переключая рычаг, быстро дошел от первой передачи до третьей. Мы отправились в самую необыкновенную из поездок, которую когда-либо совершал человек с момента появления на Земле.

Я бы хотел, чтобы вы попробовали представить себе очарование природы в тот августовский день, свежесть утреннего воздуха, золотое сияние летнего солнца, ясное небо, буйную зелень лесов Суссекса, темный пурпур одетых в вереск склонов. Если бы вы увидели пеструю красоту этого пейзажа, любые мысли о невероятной катастрофе непременно покинули бы вас, ведь вокруг не было ни единого признака происшедшей беды

— лишь величественная, всепоглощающая тишина. Деревенский воздух обычно всегда наполнен тихим гулом жизни, столь глубоким и непрекращающимся, что перестаешь его замечать. Так живущий у моря перестает слышать бесконечный шепот волн. Щебет птиц, жужжание насекомых, далекое эхо голосов, мычание коров и лай собак, грохот поездов и стук повозок — все это сливается в один низкий беспрестанный звук, незаметно доносящийся до вас. Как же нам недоставало его теперь! Эта мертвая тишина просто ужасала. Она была столь мрачной, столь впечатляющей, что тарахтение и стук нашей машины казались непростительным вмешательством, бестактным пренебрежением по отношению к благоговейному спокойствию, покровом лежавшему на руинах человеческой цивилизации. Именно эта беспощадная тишина и высокие облака дыма, местами поднимающиеся над округой от тлеющих домов, леденили наши сердца, когда мы смотрели вокруг на великолепный пейзаж Уилда.

А затем эти трупы! Сначала от вида бесконечной вереницы вытянутых ухмыляющихся лиц нас бросало в дрожь. Впечатление сохранилось так отчетливо и остро, что перед моими глаза-

ми, как наяву, и сейчас стоит этот медленный спуск с вокзального холма, молодая нянечка с двумя малышами, старая лошадь, опустившаяся на колени между оглобель, извозчик, скрючившийся на козлах, и молодой человек, сидящий внутри экипажа и держащийся за ручку, словно готовясь выпрыгнуть. Чуть ниже один на другом, вповалку лежали шестеро жнецов, их руки переплелись, а мертвые, неподвижные взгляды были устремлены вверх, в сияющие небеса. Все это запечатлелось в моей памяти, как на фотографии. Но вскоре, благодаря милосердию природы, наши слишком напряженные нервы отказались на это реагировать и чувства притупились. Глубина окружающего нас ужаса затмила собой трагедию отдельных людей. Люди начали сливаться в группы, группы — в толпы, а толпы — во вселенское явление, которое воспринималось уже как неизбежная деталь любого пейзажа. Только иногда, когда наше внимание привлекали какие-то особенно жестокие или нелепые случаи, сознание вдруг снова рывком возвращалось к действительности, к личному и общечеловеческому значению всего происшедшего.

Страшнее всего было видеть смерть детей. Я помню, что это наполняло нас сильнейшим

чувством невыносимой несправедливости. Мы с трудом сдерживали слезы, — а госпожа Челленджер и вовсе плакала, — когда, проезжая мимо большой школы, увидели длинную цепочку из крошечных тел, разбросанных по ведущей к ней дороге. Испуганные учителя отпустили детишек с уроков, и те торопились скорее добраться домой, когда действие яда настигло их. Многие люди застыли у открытых окон своих жилищ. В Танбридж-Уэллс[164] не было дома, из окна которого не выглядывало бы улыбающееся мертвое лицо. В последний момент нехватка воздуха, та самая необходимость в кислороде, которым мы одни смогли обеспечить себя, заставила их буквально подлетать к окнам. Люди, выбежавшие из своих домов без шляп и чепчиков, лежали и на обочинах дорог. Многие из них упали прямо на дорогу. Нам повезло, что лорд Джон оказался хорошим водителем, поскольку объезжать их было непросто. По городам и селам мы могли ехать только со скоростью пешехода, и один раз — насколько я помню, напротив школы в Танбридж-Уэллс — нам даже пришлось остановиться и отнести в

[164] Примечания: 164

В Танбридж-Уэллс… — Танбридж-Уэллс — курортный город в графстве Кент на юго-востоке Англии. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

сторону все тела, преграждавшие нам путь.

В моей памяти сохранилось несколько небольших, четких картин из длинной панорамы смерти на дорогах Суссекса и Кента. На одной из них запечатлелась большая, сверкающая машина возле гостиницы в деревне Саусбороу. Можно было догадаться, что в этой машине какая-то веселая компания возвращалась с вечеринки из Брайтона или из Истборна. В машине сидели три ярко одетые женщины, молодые и красивые, одна из них держала на руках пекинского спаниеля. С ними были мужчина щегольского вида в летах и молодой аристократ: в глазу его все еще был вставлен монокль, а сигарета, зажатая между пальцами одетой в перчатку руки, дотлела до совсем короткого окурка. Смерть, должно быть, застигла их внезапно, и они замерли, каждый на своем месте. Кроме пожилого мужчины, который в последний момент расстегнул воротник, стараясь вдохнуть, все они, наверное, спали. С одной стороны машины, у самой подножки, скрючившись, лежал официант. Рядом с его подносом были разбросаны осколки разбитых бокалов. С другой стороны двое бродяг в рваной одежде, мужчина и женщина, лежали там, где упали; мужчина по-прежнему протягивал свою

длинную тощую руку, как будто продолжал просить милостыню, как делал это и при жизни. Всего лишь один миг превратил и аристократа, и официанта, и бродягу, и даже собаку в одинаково инертную и разлагающуюся протоплазму.

Помню я и еще одну потрясающую картину. Это было в нескольких милях от Севенокса[165] со стороны Лондона. Там слева находится большой монастырь, а напротив него — длинный зеленый склон. На этом склоне собралось множество школьников, в молитве опустившихся на колени. Перед ними в ряд стояли монахини, а выше на склоне — женщина, которую мы сочли за мать настоятельницу. В отличие от искателей удовольствий в машине, эти люди, кажется, были предупреждены об опасности. Они красиво умерли вместе, учителя и ученики, собравшиеся на свой последний урок.

Мой разум все еще потрясен этим ужасающим событием, и я понапрасну ищу слова, способные выразить и воспроизвести эмоции, которые мы переживали тогда. Возможно, лучше и мудрее было бы вовсе не пытаться сделать это, а просто излагать факты. Даже Саммерли и Челленджер

---

[165] Примечания: 165

…Севенокса… — Город в графстве Кент. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

оказались настолько подавлены, что мы не слышали ни звука от наших спутников на заднем сиденье, только время от времени всхлипывала дама. Что же до лорда Джона, он был слишком занят сложной дорогой, и у него не было ни времени, ни желания разговаривать. С изнурительным постоянством он повторял одну-единственную фразу, и она накрепко засела в моей голове и в какой-то момент чуть не вызвала у меня приступ истерического смеха. Эти слова воплотили в себе весь кошмар того рокового дня:

— Ну и дела! Ничего себе!

Это восклицание повторялось вновь и вновь, каждый раз при виде жуткого сочетания смерти и несчастья.

— Ну и дела! Ничего себе! — опять воскликнул лорд Джон, когда наша машина спускалась с холма от вокзала в Ротерфилде, и повторял то же самое, проезжая через владения смерти по центральной улице Луишема[166] и старой кентской дороге.

Именно здесь с нами внезапно случилось необыкновенное потрясение. В окне простого

[166] Примечания: 166

…Луишема… — Луишем — во времена А. Конан Дойла городок недалеко от Лондона, ныне — район Большого Лондона. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

домика на углу мы заметили длинную тонкую руку, размахивавшую платком. Ни одна сцена неожиданной смерти не заставляла наши сердца так замереть, а потом вновь застучать с бешеной скоростью, как заставило это удивительное проявление жизни. Лорд Джон остановился у бордюра, и уже через миг мы ринулись в открытые двери, затем по лестнице в гостиную на втором этаже, откуда подавали знак.

В кресле у окна сидела пожилая женщина, а рядом с ней, на втором кресле, лежал баллон с кислородом. Он был такой же формы, что и те, которые спасли нам жизнь, только меньше. Когда мы все остановились в дверях и она повернулась к нам, мы увидели худое вытянутое лицо пожилой женщины в очках.

— Я боялась, что навсегда останусь здесь одна, — сказала она, — поскольку я инвалид и не могу двигаться.

— Что ж, мадам, — ответил Челленджер, — вам очень повезло, что мы проезжали мимо.

— Я хотела бы задать вам один крайне важный вопрос, — сказала пожилая дама. — Джентльмены, умоляю вас быть со мной откровенными. Как эти события отразятся на акциях Лондонской и Северо-Западной железной дороги?

Мы наверняка бы рассмеялись, если бы не трагически-серьезное выражение лица, с которым она ожидала нашего ответа. Госпожа Берстон, — именно так ее звали, — была вдовой, и ее доход полностью зависел от небольшого пакета акций. Ее существование регламентировалось подъемом и снижением дивидендов, и она не представляла себе жизни, на которую не влияла бы котировка акций. Напрасно пытались мы объяснить миссис Берстон, что ей, если она того пожелает, теперь могут принадлежать все деньги мира, и что они полностью потеряли свою ценность. Эта мысль просто не укладывалась в голове пожилой женщины, и она громко рыдала о своем пропавшем вкладе.

— Это все, что у меня было! — причитала она. — Теперь, когда у меня больше ничего нет, мне остается только умереть.

Пока продолжались ее рыдания, мы поняли, каким образом этому хрупкому старому деревцу удалось выжить, в то время как весь огромный лес погиб. Миссис Берстон была инвалидом и к тому же страдала от астмы. Кислород был прописан ей в связи с болезнью, и во время всемирного потрясения баллон находился в ее комнате. У нее вошло в привычку использовать кислород,

когда ей становилось трудно дышать. Это приносило ей облегчение, и, понемногу используя свой запас, пожилая дама смогла пережить эту ночь. Затем она уснула, и разбудил ее лишь гул мотора. Поскольку взять ее с собой мы не могли, мы просто убедились в том, что у нее есть все необходимое, и пообещали вернуться через пару дней или даже раньше. Когда мы уезжали, она по-прежнему горько рыдала о своем потерянном вкладе.

Чем ближе мы подъезжали к Темзе, тем шире становились улицы и тем сильнее они были загромождены. С большим трудом нам удалось проехать по Лондонскому мосту. Подъезд к нему со стороны Мидлсакса был полностью перекрыт остановившимися машинами, и двигаться дальше в этом направлении стало невозможно. У пристани недалеко от моста пылал ярким пламенем корабль, в воздухе летали хлопья сажи, и стоял тяжелый и едкий запах гари. Где-то у здания Парламента виднелось плотное облако дыма, но с того места, где мы находились, невозможно было рассмотреть, что именно там горит.

— Не знаю, каково ваше впечатление, — сказал лорд Джон, заглушив мотор, — но мне кажется, что за городом не так печально, как здесь.

Вид мертвого Лондона действует мне на нервы. Предлагаю сделать еще круг и возвращаться в Ротерфилд.

— Должен признаться, я не вижу, на что мы здесь можем надеяться, — сказал профессор Саммерли.

— И в то же время нам сложно осознать, что из семи миллионов людей в этой катастрофе удалось выжить лишь одной пожилой женщине, да и то благодаря такой случайности, как сочетание ее болезни и довольно своеобразного лекарства, — произнес Челленджер, и его голос прозвучал странно и гулко, словно раскат грома в полной тишине.

— Если есть и другие выжившие, то как мы найдем их, Джордж? — спросила миссис Челленджер. — И все-таки я согласна с тобой: мы не можем возвращаться, пока хотя бы не попытаемся сделать это.

Выйдя из оставленной на обочине машины, мы с трудом пробрались вдоль загроможденного трупами тротуара Кинг-Уильям-стрит и вошли в открытые двери большой страховой компании. Это было угловое здание, и мы выбрали его потому, что именно оттуда открывался вид во всех направлениях. Поднявшись по лестнице,

мы прошли, видимо, через зал для совещаний, поскольку здесь за длинным столом в центре комнаты сидели восемь солидных пожилых мужчин. Высокое окно было открыто, и мы вышли на балкон. Отсюда нам были видны расходящиеся радиально улицы города, наводненные человеческими телами, и дорога внизу, вся черная от крыш замерших такси. Все они или почти все направлялись из центра, из чего можно было сделать вывод, что в последний момент испуганные горожане пытались выбраться на окраину или в пригород к своим семьям. Тут и там над простыми машинами возвышался большой, слепящий блеском латуни лимузин какого-нибудь магната, безнадежно втискивающийся в перегруженный поток остановившегося движения. Прямо под нами как раз стоял такой автомобиль, огромный, роскошного вида; его хозяин, тучный пожилой мужчина, наполовину высунулся из окна, а его толстая, сияющая бриллиантами рука была вытянута вперед — так он подгонял своего водителя сделать последнюю попытку прорваться сквозь эту давку.

В этом потоке, словно острова, возвышалась дюжина двухэтажных автобусов, пассажиры на крышах жались друг к другу или лежали дру-

гу у друга на коленях, будто детские игрушки. Полицейский крепкого телосложения стоял, прислонившись к фонарю, на островке безопасности в центре мостовой. Страж порядка выглядел так естественно, что сложно было даже представить, что он не живой. У его ног лежал одетый в лохмотья мальчишка, продававший газеты, которые теперь были разбросаны вокруг него. В этой толчее застрял и фургон с газетами, на борту которого мы могли прочесть последние новости — крупные черные буквы на желтом фоне: «События на стадионе „Лордз“[167]. Матч по крикету на первенство графства прерван». Должно быть, это было одно из ранних изданий, поскольку другие заголовки уже гласили: «Неужели это конец? Предупреждение великого ученого», «Справедливы ли предположения Челленджера? Зловещие слухи».

Челленджер указал своей супруге на этот последний плакат, возвышающийся над поверженной толпой, словно знамя. Я видел, как вздымается его грудь, как он качает головой,

---

[167] Примечания: 167

…«Лордз»… — известный крикетный стадион в Лондоне (по имени Томаса Лордза, купившего этот стадион для Мэрилебонского крикетного клуба в 1814 году). *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

глядя на него. Профессору нравилась и льстила мысль о том, что Лондон умер с его именем на устах, а его слова запечатлелись в умах горожан. Его чувства были настолько очевидны, что это сразу же вызвало сардоническое замечание его коллеги.

— Вы в центре внимания до последнего, Челленджер, — заметил Саммерли.

— Похоже, это действительно так, — самодовольно ответил тот. — Что ж, — добавил он, глядя на множество расходящихся в разные стороны улиц, безмолвных и буквально захлебнувшихся смертью, — я действительно не вижу смысла в том, чтобы дольше оставаться в Лондоне. Думаю, следует сразу вернуться в Ротерфилд и обсудить, как с наибольшей пользой провести годы, которые нам еще предстоит прожить.

Из всех картин, отпечатавшихся в нашей памяти после посещения мертвого города, я бы хотел рассказать еще только об одной. Мы ненадолго заглянули в старую церковь Святой Марии, находившуюся как раз там, где мы оставили машину. Пробираясь по ступенькам между распростертыми телами, мы открыли двустворчатую дверь и вошли внутрь. Это было необыкновенное зрелище. Церковь была полностью забита стоящими

на коленях людьми, их позы выражали мольбу и покорность. В последний момент ужаса, оказавшись лицом к лицу с реалиями жизни, теми жуткими реалиями, которые нависают над нами, пока мы гоняемся за призраками, испуганные люди ринулись в старые городские церкви, где на протяжении многих лет никогда не собиралось много прихожан. Люди жались так близко друг к другу, что едва могли стать на колени, а многие из них в лихорадочной спешке забыли снять головной убор; на кафедре над ними стоял молодой человек, одетый не как священник. Видимо, он обращался к ним как раз в тот момент, когда всех их постигла печальная участь. Теперь он лежал, словно Панч из уличного балагана[168], его голова и ослабшие руки свисали с края кафедры. Это был настоящий кошмар: серая, пыльная церковь, ряды умерших в мучениях людей, полумрак и тишина. Мы машинально ходили здесь на цыпочках и говорили шепотом.

И тогда вдруг мне в голову пришла одна мысль. За старинной купелью в углу церкви около двери

[168] Примечания: 168

…словно Панч из уличного балагана… — Панч — персонаж английского народного театра кукол (представления «Панч и Джуан» и др.); соответствует русскому Петрушке. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

была глубокая ниша для звонаря, в которой висели веревки от колоколов. Почему бы нам отсюда не подать сигнал о нашем существовании всем в Лондоне, кто еще мог оставаться в живых? Я подбежал к веревке и потянул за нее, но раскачать колокол оказалось на удивление сложно. Лорд Джон пришел мне на помощь.

— Черт возьми, молодой человек! — сказал он, снимая пиджак. — Вам в голову пришла чертовски удачная мысль. Дайте мне тоже взяться, и вместе мы его сдвинем.

Но колокол был таким тяжелым, что только когда к нам присоединились Саммерли и Челленджер, над нашими головами раздался гул и звон, засвидетельствовавшие, что колокол наконец заговорил. Далеко над Лондоном полетел наш дружеский призыв с надеждой найти выживших. От этого мощного металлического набата наши сердца наполнились радостью, и мы с еще бóльшим усердием взялись за работу. Мы поднимались вверх за веревкой, отрывая обе ноги от земли, затем все вместе тянули ее вниз. Челленджер, самый невысокий из нас, прилагал к этому все свои огромные силы, неуклюже двигаясь вверх и вниз и квакая при каждом рывке, словно гигантская лягушка. Это был как раз

тот момент, когда художник мог бы написать картину о четырех искателях приключений, о товарищах, прошедших вместе через многие опасности и избранных судьбой для величайшего из всех испытаний.

Мы трудились так около получаса, капли пота текли по лицам, руки и спины болели от напряжения. Затем мы вышли на портик церкви, с надеждой вглядываясь в тихие, наводненные мертвыми телами улицы города. Но в ответ на наш призыв не последовало ни единого звука, ни единого движения.

— Все бесполезно, никого не осталось! — в сердцах воскликнул я.

— Больше мы ничего не сможем сделать, — сказала миссис Челленджер. — Бога ради, Джордж, давайте возвращаться в Ротерфилд. Еще один час в этом жутком, молчаливом городе сведет меня с ума.

Не сказав больше ни слова, мы снова сели в машину. Лорд Джон сдал назад и развернулся в южном направлении. Казалось, что для нас наступил финал и дописана последняя печальная страница. Кто бы мог предположить, что впереди нас ждет еще одна странная и удивительная глава.

Глава VI
Великое пробуждение

Я подошел к концу рассказа об этом необыкновенном происшествии, важность которого оставляет глубокий след не только в наших скромных судьбах, но и во всей истории человеческой расы. Как я говорил в начале своего повествования, когда придет время написать эту историю, это событие, безусловно, будет выделяться среди других, словно заснеженная вершина среди холмов у ее подножия. Нашему поколению была уготована особая участь, поскольку именно его избрали для такого великолепного опыта. Как долго будет продолжаться эффект — как долго человечество сможет сохранять чувство смирения и благоговения, которому научило его это невероятное потрясение, — покажет только будущее. Я думаю, справедливым будет сказать, что ничто в жизни не повторяется в точности. Человек не в силах понять, как он бессилен и как мало знает, не может почувствовать поддерживающую его невидимую руку, пока в один прекрасный момент эта рука не начнет сжиматься, готовая,

казалось, его раздавить. Смерть неотвратимо висела над нами, мы знали, что в любой момент это может повториться снова. Зловещее ощущение тенью легло на нашу жизнь, но кто станет отрицать, что в этой тени чувство долга, рассудительность и ответственность, понимание серьезности происходящего и умение ценить жизнь, истинное желание развиваться и совершенствоваться разрастались и становились для нас настолько реальными, что это повлияло на все наше общество без исключения? Произошло нечто, выходящее за рамки догм и религиозных течений: довольно-таки значительная перемена перспективы, изменение чувства гармонии, живое понимание того, что мы, люди, столь ничтожны и незначительны, что существуем лишь по милости и с позволения высших сил и зависим от первого прохладного порыва ветра из неизведанного. Но если благодаря этому пониманию мир стал серьезнее, я думаю, он не стал от этого печальнее. Безусловно, мы согласны с тем, что более умеренные и сдержанные удовольствия настоящего глубже и мудрее, чем глупая и шумная суета, которую принимали за наслаждение в минувшие дни — дни, столь недавние и уже столь непостижимые. Люди, растрачивавшие

жизнь впустую, на бесцельные походы в гости и приемы гостей, долгие и ненужные хлопоты по хозяйству, приготовление и поедание тщательно продуманных и скучных блюд, сейчас наконец нашли покой и умиротворение в книгах, музыке, тихих семейных вечерах благодаря более простому и разумному распределению времени. Здоровье и удовольствие делают их богаче, даже после внесения такого огромного вклада в общий фонд, значительно поднявшего уровень жизни на наших островах.

Что касается точного момента великого пробуждения, то здесь мнения расходятся. Считается, что, помимо разницы во времени, были и местные факторы, которые повлияли на действие яда. Конечно, в каждом регионе возрождение происходило практически одновременно. Многие свидетели утверждают, что стрелки на Биг Бене[169] в тот момент показывали десять минут

---

[169] Примечания: 169

…на Биг Бене… — Биг Бен — колокольная башня в Лондоне, часть архитектурного комплекса Вестминстерского дворца, один из самых узнаваемых символов Великобритании. Собственно Биг Беном называется самый крупный колокол в механизме башенных часов, запущенных в 1859 году и долгое время считавшихся самыми большими в мире. Название — Биг Бен (Большой Бен) колокол получил по имени Бенджамина Холла — председателя парламентской комиссии, принявшей решение о его постройке. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

седьмого. Королевский астроном зафиксировал двенадцать минут седьмого по Гринвичу. С другой стороны, Лэйрд Джонсон, очень талантливый наблюдатель из Восточной Англии, отметил другое время — шесть часов двадцать минут. На Гебридах[170] это произошло не раньше семи. Что же до нас, то тут не было никаких сомнений, поскольку в тот момент я сидел в кабинете Челленджера перед его тщательно выверенным хронометром. Была четверть седьмого.

Мной овладела глубочайшая депрессия. Общее впечатление от тех ужасных картин, которые мы успели увидеть на своем пути, тяжелым грузом легло мне на сердце. Имея крепкое здоровье и огромную физическую силу, я редко замечал за собой признаки помутнения сознания. Я обладал чисто ирландским талантом видеть проблеск надежды во мраке любой, даже безнадежной ситуации. Но сейчас эта темнота была страшной и безысходной. Все остальные были внизу, строили планы на будущее. Я сидел у открытого окна, упершись подбородком в руки, и думал о нашем плачевном положении. Сможем ли мы

[170] Примечания: 170

На Гебридах… — Гебриды — архипелаг из почти пятисот островов в Атлантическом океане в составе Великобритании. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

продолжать жить? Я задавал себе именно этот вопрос. Возможно ли существовать в мертвом мире? Так же, как по физическим законам большее тело притягивает к себе меньшие, не ощутим ли мы непреодолимое притяжение огромного тела человечества, канувшего в неизвестность? Как наступит наш конец? Будет ли это вызвано возвращением яда? Или же Земля станет необитаемой из-за продуктов всеобщего разложения? И, наконец, будет ли эта ситуация терзать наши умы и выводить нас из равновесия? Кучка сумасшедших на мертвой планете! Я размышлял над этой последней ужасной мыслью, когда негромкий шум заставил меня взглянуть вниз на дорогу. По склону холма старая лошадь тащила свой кеб!

В тот же момент я понял, что слышу щебетание птиц, чей-то кашель во дворе, и заметил некоторое движение за окном. И все же я помню, что именно нелепая кляча, везущая повозку, приковала мой взгляд. Медленно и тяжело дыша, поднималась она по склону. Затем я посмотрел дальше, на извозчика, сидевшего согнувшись на козлах, и на молодого человека, взволнованно выглядывавшего в окно и указывавшего направление. Несомненно, все они были вызывающе

живы!

Все снова были живы! Неужели это было лишь галлюцинацией? Возможно ли, чтобы происшествие с отравленным поясом привиделось мне в тщательно продуманном сне? На миг мой взволнованный ум готов был поверить даже в это. Но когда я опустил глаза, то увидел у себя на ладони волдырь от веревки городского колокола. Значит, все это действительно правда. И перед нами воскресший мир, вмиг подхваченный мощной волной жизни. Я смотрел за окно и повсюду видел движение — причем, к моему удивлению, жизнь продолжалась в том же ритме, что и до остановки. Я оторопело смотрел на игроков в гольф. Неужели они могли продолжать свою игру? Да, один из них сделал первый удар, а еще несколько человек на площадке явно торопились к лунке. Жнецы дружно возвращались на поле. Молодая нянечка шлепнула одного из своих подопечных и принялась снова толкать коляску вверх по склону. Все беззаботно подхватили нить своей жизни именно там, где упустили ее.

Я сбежал вниз по лестнице. Дверь в зал была открыта. Я услышал во дворе голоса моих товарищей, их громкие возгласы удивления и поздравления. Как же мы смеялись, покачивая

головой, когда собрались все вместе, и как госпожа Челленджер в порыве восторга расцеловала нас, перед тем как броситься в крепкие объятия супруга.

— Но не могли же они спать! — воскликнул лорд Джон. — Черт возьми, Челленджер, вы же сами не верите, что все эти люди спали с открытыми глазами, окоченевшими ногами и жуткой усмешкой смерти на лице!

— Такое могло происходить только в состоянии каталепсии[171], — сказал Челленджер. — До сих пор такое явление случалось крайне редко, и его всегда принимали за смерть. При каталепсии падает температура, дыхание останавливается, сердцебиение становится неощутимым — в общем-то, это и *есть* смерть; единственное отличие в том, что состояние это преходящее. Но даже человек самых широких взглядов, — здесь он прищурил глаза и самодовольно улыбнулся, — вряд ли мог бы представить себе подобную вспышку каталепсии вселенского масштаба.

— Можете называть это каталепсией, — от-

[171] Примечания: 171

…каталепсии… — Каталепсия (от греч. katalepsis — захват, удерживание) — расстройство двигательных функций организма, когда человек застывает в одной позе и не в силах из нее выйти. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

метил Саммерли, — в конце концов, это всего лишь название и мы знаем о ее последствиях так же мало, как и о последствиях яда, ставшего ее причиной. Несомненно одно: отравленный эфир стал причиной временной смерти.

Остин, сгорбившись, сидел на подножке автомобиля. Это его кашель я слышал сверху. До этого он молчал, но сейчас, оглядывая машину, принялся что-то бормотать себе под нос.

— Юный болван! — ворчал он. — Глаз да глаз за ним, ничего нельзя оставить!

— Что случилось, Остин?

— Масленки открыты, сэр. Кто-то решил побаловаться с машиной. Полагаю, это мальчишка-садовник, сэр.

Лорд Джон виновато улыбнулся.

— Я не знаю, что со мной, — продолжал Остин, неуверенно вставая на ноги. — Кажется, произошло нечто странное, когда я мыл машину. Помню, как я ударился о подножку. Но клянусь, что я никогда не оставил бы открытыми эти краны в системе смазки.

Изумленному Остину вкратце рассказали о том, что случилось с ним и нашим миром, объяснив заодно и причину утечки масла. С глубочайшим недоверием он слушал о том, как любитель вел

его машину, но особый интерес вызвал наш короткий рассказ о спящем городе. Мне запомнились его слова, которые он произнес, дослушав до конца.

— Значит, вы были рядом с Английским банком, сэр?

— Да, Остин.

— Вы были возле банка, где хранятся все эти миллионы, когда все вокруг спали?

— Именно так.

— Эх, не было там меня! — простонал Остин и снова продолжил уныло мыть машину из шланга.

Внезапно раздался шорох колес по гравию. Старая повозка остановилась у самой двери дома Челленджера. Я увидел, как из нее вышел молодой человек. В следующий миг служанка, взъерошенная и смущенная, словно ее только что разбудили от глубокого сна, подала на подносе его визитную карточку. Взглянув на нее, Челленджер засопел от ярости, и его густые черные волосы, казалось, начали подниматься дыбом от злости.

— Газетчик! — засопел он, а затем с пренебрежительной улыбкой добавил: — С другой стороны, это нормально, что весь мир торопится узнать, что я думаю о происшедшем.

— Вряд ли репортер приехал именно за этим, — сказал Саммерли, — поскольку он отправился в путь в этой повозке еще до того, как все произошло.

Я тоже посмотрел на карточку: «Джеймс Бакстер, „Нью-Йорк монитор“, корреспондент в Лондоне».

— Вы поговорите с ним?

— Ну уж нет, увольте.

— Но, Джордж! Вам стоит быть более тактичным и добрым по отношению к другим людям. Вы ведь определенно кое-что вынесли для себя из того, что нам пришлось пережить.

Челленджер только цокал языком и упрямо качал большой головой.

— До чего ядовитое племя, верно, Мэлоун? Худший паразит в современной цивилизации, легкая добыча для шарлатанов и помеха для уважающего себя человека! Сказали ли они обо мне хоть одно доброе слово?

— А вы о них сказали? — ответил я вопросом на вопрос. — Пойдемте, сэр, этот человек проделал долгий путь, чтобы встретиться с вами. Уверен, что вы не станете ему грубить.

— Что ж, — проворчал профессор, — вот вы и пойдете со мной и сами с ним поговорите. Я

заранее протестую против столь нахального вмешательства в мою личную жизнь. — Вразвалку следуя за мной, он продолжал что-то глухо рычать себе под нос, словно выведенный из себя мастиф.

Щеголеватый молодой американец достал свой блокнот и тут же перешел к делу.

— Я приехал сюда, сэр, — начал он, — потому что американцы очень хотели бы услышать больше об этой опасности, которая, по вашему мнению, нависла над миром.

— Я не знаю ни о какой опасности, которая в данный момент грозит миру, — резко ответил Челленджер.

Корреспондент посмотрел на него с некоторым удивлением.

— Сэр, я имел в виду вероятность того, что Земля может войти в пояс отравленного эфира.

— Сейчас я такой опасности не вижу, — сказал Челленджер.

Журналист выглядел теперь еще более озадаченным.

— Но вы ведь профессор Челленджер, верно? — спросил он.

— Да, сэр, меня зовут именно так.

— В таком случае, я не понимаю, как вы можете

говорить, что нет такой опасности. Я ссылаюсь на письмо, опубликованное этим утром под вашим именем в «Лондон таймс».

Теперь наступила очередь Челленджера удивляться.

— Этим утром? — переспросил он. — Но сегодня не было утреннего выпуска «Лондон таймс».

— Ну разумеется, был, сэр, — сдержанно возразил американец, — вы ведь знаете, что «Лондон таймс» выходит ежедневно. — Он достал из внутреннего кармана номер газеты. — А вот и то письмо, о котором я говорил.

Челленджер тихо засмеялся и потер руки.

— Я, кажется, начинаю понимать, — сказал он. — Так вы прочли это письмо сегодня утром?

— Да, сэр.

— И сразу же приехали, чтобы поговорить со мной?

— Да, сэр.

— Заметили ли вы что-нибудь необычное по дороге сюда?

— Что ж, честно говоря, ваши люди показались мне более энергичными и, в общем, более человечными, чем когда-либо. Носильщик стал рассказывать забавную историю, а в этой стране для меня это было непривычным.

— Что-нибудь еще?

— Да нет, сэр, больше ничего не припоминаю.

— Хорошо, а теперь скажите, в котором часу вы отъехали от вокзала Виктория?

Американец улыбнулся.

— Я приехал взять у вас интервью, профессор, а сейчас уже непонятно, кто кому задает вопросы. Вы делаете вместо меня бóльшую часть моей работы.

— Некоторым образом меня это действительно интересует. Так вы помните, в котором часу это было?

— Конечно. Была половина первого.

— А когда вы приехали?

— В четверть третьего.

— И вы сразу наняли извозчика?

— Именно так.

— Как вы думаете, как далеко отсюда до вокзала?

— Ну, я полагаю, около двух миль.

— То есть, по-вашему, сколько времени вы добирались сюда?

— Да около получаса, наверное; с такой дряхлой лошадью это неудивительно.

— То есть сейчас должно быть три часа?

— Да, или минут двадцать четвертого.

— Взгляните на свои часы.

Американец посмотрел на часы, после чего удивленно уставился на нас.

— Послушайте! — воскликнул он. — Они отстают. Или эта доходяга определенно побила все мыслимые рекорды. Но с другой стороны, солнце сейчас стоит довольно низко. Стоп, я что-то совсем запутался.

— Неужели вы, поднимаясь по холму, действительно не заметили ничего необычного?

— Ну, кажется, я припоминаю, что в какой-то момент меня неудержимо стало клонить в сон. Помню, что собирался тогда сказать что-то извозчику, но он совершенно не обращал на меня внимания. Еще помню, что почувствовал головокружение, но, думаю, это из-за жары. Вот, пожалуй, и все.

— То же самое происходило и со всей человеческой расой, — сказал мне Челленджер. — Все люди в один момент вдруг почувствовали головокружение. Никто из них до сих пор не понимает, что произошло. Все они будут продолжать прерванные дела, так же, как Остин подхватил этот шланг, а игроки в гольф вновь приступили к игре. Ваш редактор, Мэлоун, снова будет заниматься своей газетой и несказанно удивится, когда

поймет, что одного выпуска не достает. Да, мой юный друг, — добавил он, обращаясь уже к американскому репортеру с видом потешающегося гения, — возможно, вам интересно будет узнать о том, что мир уже проплыл через отравленный поток, который протекает, словно Гольфстрим в океане эфира. А также запишите себе, — для вашего же удобства в будущем, — что сегодня не пятница, двадцать седьмое августа, а суббота, двадцать восьмое августа, и что вы просидели без чувств в этой повозке на холме в Ротерфилде двадцать восемь часов.

И «прямо на этом», как сказал бы мой американский коллега (американцы вообще намного свободнее обращаются с английским языком), я могу заканчивать свой рассказ. Это, как вы, должно быть, понимаете, лишь краткие заметки, а более подробная версия моего рассказа была опубликована в понедельник в выпуске «Дейли газетт». Это был рассказ, признанный всеми как самая значительная журналистская сенсация всех времен. Газета разошлась тиражом более чем в три с половиной миллиона экземпляров. На стене моего рабочего кабинета в рамочке висят те незабываемые заголовки:

МИРОВАЯ КОМА ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬЮ В ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЧАСОВ

БЕСПРЕЦЕДЕНТНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

ПРЕДСКАЗАНИЯ ЧЕЛЛЕНДЖЕРА СБЫЛИСЬ

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ РАССКАЗ

КИСЛОРОДНАЯ КОМНАТА

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА АВТОМОБИЛЕ

МЕРТВЫЙ ЛОНДОН

ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕДОСТАЮЩЕЙ СТРАНИЦЫ

СИЛЬНЕЙШИЕ ПОЖАРЫ И ПОТЕРЯННЫЕ ЖИЗНИ

ЖДАТЬ ЛИ НАМ ПОВТОРЕНИЯ?

Под этим славным перечнем броских фраз были помещены девять с половиной колонок статьи, содержащей первый, он же последний и единственный, рассказ об истории планеты, насколько одиночный наблюдатель вообще способен описать один долгий день ее существования. Челленджер и Саммерли написали об

этом событии совместный научный труд, но освещение для широкой общественности досталось мне. Конечно, я теперь могу спеть «Ныне отпущаеши»[172]. Что еще остается делать журналисту после такого, как не снимать напряжение?

Но я не хотел бы заканчивать на сенсационных заголовках и моем личном триумфе. Лучше позвольте мне привести несколько высокопарных строк, которыми одна из лучших ежедневных газет окончила свою замечательную передовую статью — статью, которую любой здравомыслящий человек непременно сохранил бы.

> «То, что человеческая раса ничтожна перед лицом могущественных невидимых сил, окружающих нас, давно стало банальностью, — писала „Таймс“. — Одно и то же предупреждение получали мы и

[172] Примечания: 172

…«Ныне отпущаеши»… — В обыденной речи употребляется как возглас облегчения от какого-то тяжкого бремени (по завершении долгого трудного дела и т. п.). Источник — в Библии; Евангелие от Луки рассказывает о старце Симеоне, которому было обещано, что он не умрет, пока не увидит Мессию, и когда младенца Иисуса родители принесли в Иерусалимский храм, чтобы представить перед Богом и совершить положенный обряд, старец Симеон взял Иисуса на руки и воскликнул: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову твоему, с миром; ибо видели очи мои спасение твое, которое ты уготовил перед лицом всех народов» (Лука 2:29–31). *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

от пророков прошлого, и от философов современности. Но, как любая часто повторяемая истина, со временем она потеряла часть своей актуальности и неоспоримости. Чтобы вернуть ей убедительность, необходим был наглядный урок, некий реальный опыт. Только что мы пережили суровое, но благотворное испытание, наш разум все еще потрясен внезапностью удара, наш дух смирился с осознанием человеческой ограниченности и бессилия. Мир заплатил страшную цену за этот урок. Нам еще не известен размах несчастья, но уничтоженные огнем Нью-Йорк, Орлеан и Брайтон — это одна из величайших трагедий в истории человечества. Когда будут подведены итоги аварий на железной дороге и в море, это дополнит страшную картину катастрофы, хотя уже сейчас есть данные о том, что в подавляющем большинстве случаев машинистам в поездах и капитанам пароходов удалось остановить двигатели до того, как действие яда стало ощутимым. Однако не материальный ущерб, не колоссальные потери и людей, и имущества стали

главными для нас. Все это со временем может быть забыто. Но что не забудется никогда и что поражает и будет поражать наше воображение, — это осознание возможностей Вселенной, нанесшей удар по нашему невежественному самодовольству, показавшей, насколько узка дорожка материального существования и насколько огромной может быть пропасть по обе стороны от нее. Серьезность и смирение — вот основные чувства, которые поселились с сегодняшнего дня в наших сердцах. Возможно, они и станут той основой, на которой новая, более усердная и почтительная раса сможет выстроить свой более достойный храм».

Когда мир вскрикнул

1929

Я смутно припоминаю, что мой друг, Эдвард Мэлоун из «Газетт» рассказывал мне о профессоре Челленджере, с которым их объединяло какое-то удивительное приключение. Однако я слишком занят своей работой, и фирма моя постоянно

завалена заказами, так что я почти не слежу за тем, что происходит в мире вне моих узкопрофессиональных интересов. Помню, что тогда у меня осталось впечатление о Челленджере как о каком-то неистовом гении с необузданным и вспыльчивым нравом. Поэтому я был крайне удивлен, получив от него деловое письмо следующего содержания:

> «14 (бис), Энмор-парк, Кенсингтон
> Сэр!
> В настоящее время мне необходимы услуги специалиста по артезианскому бурению[173]. Не скрою, что сам я весьма невысокого мнения о специалистах узкого профиля и всегда считал, что человек, обладающий развитым интеллектом, как у меня, способен смотреть на вещи более широко и здраво, чем тот, кто ограничивается специальными знаниями (которые, увы, зачастую являются не более чем ремеслом) и таким образом

[173] Примечания: 173

…артезианскому бурению. — Бурение земли с целью проникнуть к артезианским (от artesium — латинского названия французской провинции Артуа, где такими водами пользовались издавна) водам, находящимся глубоко под землей в пластах горных пород. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

сужает свой кругозор. Тем не менее я намерен испытать вас. Просматривая перечень экспертов по артезианским скважинам, я обратил внимание на некоторую необычность — я чуть было не сказал „нелепость“ — вашего имени и, наведя справки, выяснил, что мой юный друг, мистер Эдвард Мэлоун, знает вас. В связи с этим я имею честь сообщить, что буду рад побеседовать с вами, и в случае, если окажется, что вы удовлетворяете моим требованиям, — а они, уверяю вас, достаточно высоки, — возможно, поручу вам дело чрезвычайной важности. Сейчас я не могу больше распространяться об этом ввиду исключительной секретности данного вопроса, который можно будет обсудить только при личной встрече. Поэтому прошу вас отложить все дела и прибыть ко мне по вышеуказанному адресу в 10.30 утра в следующую пятницу. Обратите внимание на скребок для очистки обуви от грязи и коврик у двери: миссис Челленджер в этом отношении крайне щепетильна.

При этом, сэр, остаюсь, как и ранее,
Джордж Эдвард Челленджер».

Я передал это письмо для ответа своему старшему клерку, и тот проинформировал профессора, что мистер Пирлес Джонс с радостью принимает приглашение в назначенное время. Ответ этот был чисто деловым и начинался с фразы: «Мы получили ваше письмо (без указания даты)». Результатом было следующее послание от профессора:

> «Сэр, — писал он, и почерк его напоминал витки колючей проволоки, — я заметил, что вы упрекаете меня в таком пустяке, как отсутствие на моем письме даты. Хотелось бы обратить ваше внимание на тот факт, что наше правительство, в качестве некоторой компенсации за чудовищные налоги, имеет обыкновение обеспечивать на обратной стороне конверта наличие маленькой круглой печати или штампа с датой почтового отправления. Если на письме такая печать отсутствует либо ее оттиск неразборчив, вся ответственность за это полностью ложится на соответствующее почтовое

ведомство. Я же тем временем предлагаю вам сконцентрироваться на моем деле и оставить свои комментарии по поводу формы, в которой составлены мои письма».

Было понятно, что я имею дело с сумасшедшим, поэтому я счел за необходимое, прежде чем предпринимать какие-то следующие шаги, переговорить с моим другом Мэлоуном, которого я знаю еще со времен, когда мы с ним вместе играли в регби за команду Ричмонда. Он был все тем же жизнерадостным ирландцем, и его немало позабавила моя стычка с Челленджером.

— Это еще мелочи, мой мальчик, — сказал он. — Побыв с ним более пяти минут, вообще начинаешь чувствовать себя так, будто с тебя живьем содрали кожу. По части оскорблений профессору нет равных во всем мире.

— Но тогда почему же мир прощает ему это?

— Никто и не прощает. Если собрать вместе все иски за клевету, скандалы, все обращения в полицию и в суд по поводу оскорбления действием…

— Оскорбления действием?

— Господи, да ему ничего не стоит спустить тебя с лестницы, если ты в чем-то с ним не согласен.

Это настоящий пещерный человек, хотя и одет в современный костюм. Я легко могу себе представить его с дубиной в одной руке и кремневым топором — в другой. Говорят, что некоторые люди рождаются не в своем веке; так вот этот родился даже не в своем тысячелетии.

— Но он же профессор!

— Это и есть самое поразительное! Величайший ум Европы, да еще и подкрепленный неуемной энергией, способной воплотить в жизнь его идеи. Все коллеги Челленджера искренне ненавидят его и изо всех сил пытаются сдерживать, но это все равно, как если бы флотилия траулеров пыталась остановить океанский лайнер. Он просто игнорирует их и плывет себе дальше.

— Что ж, — сказал я, — по крайней мере, одно мне ясно: я не хочу иметь с ним никаких дел. Я отменю нашу встречу.

— Наоборот, ты обязательно пойдешь туда и будешь точен до минуты — вот именно, до минуты, — иначе тебе несдобровать.

— Зачем мне это нужно?

— Я объясню тебе. Прежде всего, не принимай того, что я рассказал тебе о Челленджере, близко к сердцу. Все, кто сблизился с ним по-настоящему, от него просто без ума. В сущности, это совершен-

но безобидный старый медведь. Я помню, как он как-то нес на себе больного оспой индейского ребенка сотню миль из глубины страны до самой реки Мадейра. Челленджер велик буквально во всем. Если вы с ним поймете друг друга, все будет хорошо и он не причинит тебе вреда.

— Я просто откажусь и в принципе не предоставлю ему такой возможности.

— Как бы тебе потом об этом не пожалеть. Ты что-нибудь слыхал о тайне Хенгист-Дауна — о загадочных раскопках на южном побережье?

— Насколько я понял, это какие-то секретные разработки угольных месторождений.

Мэлоун заговорщически подмигнул мне.

— Что ж, можно назвать это и так. Видишь ли, я пользуюсь доверием у старика и поэтому не могу ничего говорить, пока он сам мне этого не разрешит. Но кое-что я тебе все-таки расскажу, поскольку это уже было в прессе. Некто Беттертон, человек, сколотивший капитал на каучуке, несколько лет тому назад оставил все свое состояние Челленджеру с условием, что тот использует его в интересах науки. Речь идет об огромной сумме — о нескольких миллионах. После этого Челленджер обзавелся недвижимостью в Хенгист-Дауне, в Суссексе. Земля эта находится на

краю зоны меловых отложений и совершенно никчемная; он купил там большой участок и обнес его колючей проволокой. Посредине этих владений находится глубокий овраг, где и начали рыть котлован. Профессор заявил, — тут Мэлоун снова хитро подмигнул, — что в Англии есть нефть и он берется это доказать. Он построил там небольшой образцовый поселок для своих рабочих, которые, получая приличное жалованье, держат язык за зубами. Сам овраг обнесен колючей проволокой, так же как и весь участок, причем это место охраняется свирепыми собаками, из-за которых несколько репортеров уже едва не поплатились собственной жизнью, не говоря уже про растерзанные брюки. Это действительно крупный проект, и ведет его фирма сэра Томаса Мордена, но и там все сотрудники дали слово молчать. Очевидно, настало время, когда им потребовалась помощь специалиста по артезианскому бурению. А теперь подумай, стоит ли отказываться от интересной работы, сулящей тебе новый необычный опыт и весьма щедрое вознаграждение по ее окончании, — не говоря уже о возможности пообщаться с самым поразительным человеком, которого ты когда-либо встречал или встретишь в будущем.

Доводы Мэлоуна показались мне убедительными, и в пятницу утром я направился в Энмор-парк, причем так старался не опоздать, что приехал туда на двадцать минут раньше. Я остался дожидаться назначенного времени на улице, когда вдруг узнал стоявший там «роллс-ройс» с эмблемой в виде серебряной стрелы на дверце. Это явно был автомобиль Джека Дэвоншира, младшего партнера в крупной фирме «Морден». Я всегда знал его как человека, обладающего изысканными манерами, и поэтому, когда он, внезапно появившись на крыльце, возвел руки к небу и с большим чувством громко произнес: «Черт бы тебя побрал!», я был просто шокирован.

— Что случилось, Джек? Сегодня утром вы выглядите несколько раздраженным.

— Здравствуйте, Пирлес! Так вы тоже участвуете в этом деле?

— Пока нет, но, думаю, шанс у меня есть.

— Тогда вам нужно быть готовым ко всему.

— Похоже, сейчас вам такой готовности как раз и не хватило.

— Пожалуй, можно сказать и так. Просто дворецкий заявил мне: «Сэр, профессор просил вам передать, что в данный момент он довольно занят — ест яйцо, — и, если вы соблаговолите прийти

в более подходящее время, он, весьма вероятно, вас примет». Вот такое послание я получил через слугу. Здесь только следует добавить, что я приехал, чтобы получить с Челленджера сорок две тысячи фунтов, которые он нам должен.

Я даже присвистнул.

— Так вы не можете вернуть свои деньги?

— Дело не в этом, с деньгами здесь как раз все в порядке. Нужно отдать должное этой старой горилле — в финансовых вопросах он не скупится. Но платит он когда хочет и как хочет, и никто ему при этом не указ. Однако пойдите и попытайте свое счастье, и посмотрим, насколько вам это понравится. — С этими словами Джек Дэвоншир запрыгнул в свой автомобиль и укатил.

Время от времени поглядывая на часы, я дождался, пока большая стрелка дойдет до шести. Должен сказать, что человек я довольно крепкий и к тому же регулярно участвую в соревнованиях в Белсайз-клубе среди боксеров среднего веса; тем не менее, никогда еще я не отправлялся на беседу с кем-либо с таким трепетом. Все это происходило не на физическом уровне, поскольку я был совершенно уверен, что смогу постоять за себя, если этот одержимый псих на меня набросится; это было некое сложное чувство, в котором

смешивались страх публичного скандала и опасение потерять прибыльный контракт. Однако когда воображение отступает и приходит пора действовать, все обычно оказывается проще. Я защелкнул крышку своих часов и решительно шагнул к двери.

Мне открыл пожилой дворецкий с таким выражением на каменной физиономии — точнее было бы сказать, с полным его отсутствием, — при виде которого складывалось впечатление, будто он уже настолько привык ко всякого рода потрясениям, что чем-то удивить его просто невозможно.

— Вам назначено, сэр? — спросил он.

— Разумеется.

Слуга неторопливо взглянул на список, который он держал в руке.

— Ваше имя, сэр? Совершенно верно, мистер Пирлес Джонс. Десять тридцать. Все в порядке. Приходится быть очень осторожными, мистер Джонс, поскольку нам очень досаждают журналисты. Возможно, вы знаете, что профессор недолюбливает прессу. Прошу вас сюда, сэр. Профессор Челленджер сейчас примет вас.

Еще через мгновение я уже оказался в обществе профессора. Думаю, что мне не описать этого

человека лучше, чем это сделал мой приятель, Тэд Мэлоун, в своих записках о Затерянном мире, поэтому эту часть повествования я здесь опускаю. Я увидел громадное туловище за письменным столом из красного дерева, широкую черную бороду лопатой и два больших серых глаза под надменно полуприкрытыми веками. Голова была откинута назад, борода торчала вперед, и весь вид Челленджера создавал впечатление заносчивой нетерпимости, как бы говоря: «Какого черта вам здесь нужно?» Я положил ему на стол свою визитную карточку.

— Ах да, — сказал профессор, взяв ее и держа двумя пальцами, словно от нее дурно пахло. — Ну, конечно. Вы и есть тот самый, так называемый, специалист. Мистер Джонс — мистер Пирлес Джонс. Вы должны быть благодарны своему крестному отцу, мистер Джонс, поскольку именно благодаря курьезному имени, которое он вам дал, я и обратил на вас свое внимание[174].

— Я пришел сюда, профессор Челленджер, для делового разговора, а не для того, чтобы обсуждать с вами свое имя, — с достоинством сказал я.

— Боже мой, да вы, оказывается, весьма обид-

---

[174] Примечания: 174

Пирлес (peerless) — бесподобный, несравненный (*англ.*). *(Примеч. пер.)*

чивы, мистер Джонс, нервы у вас натянуты, как струны. С вами нужно держать ухо востро, мистер Джонс. Прошу вас, присядьте и успокойтесь. Я читал вашу небольшую брошюрку о мелиорации Синайского полуострова. Вы сами ее написали?

— Естественно, сэр, ведь на ней стоит мое имя.

— Стоит, конечно, стоит! Только иногда этот факт ни о чем не говорит, не так ли? Тем не менее, я готов принять ваше утверждение и поверить вам на слово. В этой книжице просматриваются определенные достоинства, за унылым слогом порой угадывается некая общая идея и мелькают искорки мысли. Вы женаты?

— Нет, сэр, не женат.

— Тогда есть шанс, что вы сможете хранить секреты.

— Если я дам слово, то, безусловно, сдержу его.

— Но это вы так говорите. Впрочем, мой юный друг Мэлоун (он упомянул о Тэде так, как будто тот был десятилетним мальчишкой) хорошо отзывается о вас. Он уверяет, что вам можно доверять. А это дорогого стоит, поскольку в настоящее время я занимаюсь одним из величайших экспериментов в истории человечества, можно даже сказать, — самым великим. И я предлагаю вам принять в нем участие.

— Сочту за честь.

— Это действительно большая честь. Замечу, что ввиду гигантского масштаба всего предприятия я вынужден привлекать к нему лишь специалистов самого высокого технического уровня. Теперь, заручившись вашим обещанием сохранить все в тайне, я перехожу к существу вопроса. А оно заключается в том, что Земля, на которой мы живем, сама является живым организмом, наделенным, как я полагаю, кровообращением, органами дыхания и нервной системой.

Этот человек действительно был ненормальным.

— Я вижу, что сейчас ваш мозг не в состоянии воспринять данную информацию, — продолжал он. — Но постепенно он свыкнется с этой идеей. Вы вспомните, насколько торфяник или заросшая вереском пустошь напоминает покрытый шерстью бок гигантского животного. Похожие аналогии наблюдаются в природе повсюду. Тогда вы увидите, что проходящие в течение долгих веков подъемы и оседания почвы являются медленным дыханием великого существа. Вы наконец заметите те ерзанья и почесывания, которые с нашей лилипутской точки зрения

воспринимаются как землетрясения и колебания грунта.

— А как насчет вулканов? — спросил я.

— А что вулканы? Они соответствуют тепловым точкам на нашем теле.

Мозг мой лихорадочно пытался найти достойный ответ на эти чудовищные заявления.

— А температура?! — воскликнул я. — Ведь доподлинно известно, что она быстро повышается с погружением в глубь Земли и что в центре планеты находится расплавленная лава.

Однако он отмел мои возражения.

— Поскольку у нас школьное образование является обязательным, то вам, сэр, вероятно, должно быть известно, что Земля наша несколько сплюснута с полюсов. Это означает, что полюс находится ближе к центру, чем любая другая точка на поверхности, и, следовательно, должен быть подвержен действию тепла, о котором вы упомянули, в большей степени. Это, конечно, и объясняет, почему на обоих полюсах мы сталкиваемся с условиями тропического климата, не так ли?

— Вся эта концепция для меня абсолютно нова.

— Это как раз естественно. Лишь оригинально мыслящие умы наделены привилегией выдви-

гать идеи, которые оказываются по-настоящему новыми и зачастую принимаются простыми смертными в штыки. А теперь, сэр, скажите мне, что это? — С этими словами Челленджер протянул мне небольшой предмет, который взял со стола.

— Я бы сказал, что это морской еж.

— Верно! — удивленно воскликнул профессор таким тоном, как будто в его присутствии ребенок сказал нечто умное. — Это обычный морской еж. Природа повторяет сама себя в разных формах, независимо от размеров. Этот морской еж представляет собой прототип, модель нашего мира. Вы видите, что он почти круглый, но приплюснут с полюсов. Давайте представим себе нашу Землю в виде огромного морского ежа. Какие у вас возражения против такой модели?

Мое главное возражение заключалось в том, что то, о чем мы сейчас говорим — это полный бред, но я постеснялся произнести это вслух. Поэтому я решил подыскать менее категоричный аргумент.

— Живому существу необходима пища, — сказал я. — А как может Земля накормить свое громадное тело?

— Прекрасный вопрос, просто прекрасный! —

покровительственным тоном откликнулся профессор. — Вы быстро схватываете то, что лежит на поверхности, тогда как до скрытого подтекста добираетесь намного медленнее. Каким образом Земля питается? Вернемся к нашему другу, маленькому морскому ежу. Окружающая вода протекает через трубки в этом небольшом создании и таким образом обеспечивает его пищей.

— Значит, вы полагаете, что вода…

— Нет, сэр, не вода, а эфир. Земля пасется, следуя по круговой орбитальной тропинке через космические поля, и по мере своего движения постоянно омывается эфиром, который таким образом питает ее. Причем точно так же поступает целое стадо подобных планет — морских ежей — Венера, Марс и другие, и у каждого есть свое пастбище.

Этот человек явно был сумасшедшим, и спорить с ним не стоило. Челленджер же благодушно улыбнулся мне, восприняв мое молчание как согласие.

— Чувствую, что мы понемногу прогрессируем, — сказал он. — В полной темноте забрезжил лучик света. Разумеется, сначала весьма тусклый, но скоро мы к этому привыкнем. Прошу вас уделить каплю вашего внимания, чтобы я привел

еще пару аналогий с этим маленьким существом у меня в руке. Допустим, что на этой внешней твердой оболочке находятся какие-то чрезвычайно мелкие насекомые, которые ползают по ее поверхности. Будет ли морской еж знать об их существовании?

— Полагаю, что нет.

— Тогда вам легко представить себе, что Земля не имеет ни малейшего понятия о том, каким образом она эксплуатируется человеческой расой. Она даже не догадывается о грибковом налете нашей растительности и об эволюции крошечных микроскопических животных, которые собрались на ней в процессе движения вокруг Солнца, словно ракушки на днище древнего корабля. Так на сегодняшний день выглядит общая ситуация, и именно ее я и предлагаю изменить.

Я изумленно уставился на него.

— Как это «изменить»?

— Я предлагаю дать нашей Земле знать, что существует, по крайней мере, один человек, Джордж Эдвард Челленджер, который просит — нет, который требует — обратить на него внимание. И это действительно будет первым сообщением подобного рода.

— И как же вы, интересно, собираетесь это

сделать, сэр?

— Ага, вот здесь мы наконец переходим к делу. Вы попали в самую точку. Я опять хотел бы привлечь ваше внимание к этому маленькому существу у меня в руке. Под жестким защитным панцирем оно состоит из голых нервов и чувствительных центров. Очевидно, что если бы крошечному паразиту захотелось привлечь к себе внимание, ему следовало бы проделать отверстие в оболочке и каким-то образом возбудить сенсорный аппарат этого животного.

— Разумеется.

— Или же рассмотрим случай, когда по телу человека ползает обыкновенная блоха или комар. Мы вполне можем не знать об их присутствии. Но затем они протыкают своим хоботком нашу кожу, которая для нас является таким же панцирем, и тут же напоминают нам, — хоть и в неприятной форме, — что мы здесь не одни. Теперь мои планы, безусловно, становятся вам понятны, и тьму наконец прорезает свет.

— Господи! Так вы предлагаете проделать скважину в земной коре?!

Челленджер самодовольно прикрыл глаза.

— Вы видите перед собой человека, — напыщенно произнес он, — который первым проткнет

эту ороговевшую шкуру. Впрочем, об этом теперь можно говорить как о свершившемся факте, потому что я уже проткнул ее.

— Неужели вы это сделали?

— Да, думаю, уже можно сказать, что я это сделал, причем при активнейшем содействии компании «Морден». Несколько лет непрерывной работы, которая велась днем и ночью и проводилась с использованием всех известных на сегодня способов — сверл, буров, дробилок и взрывчатки, — в конце концов привели нас к достижению нашей цели.

— Но неужели вы в самом деле прошли сквозь земную кору?

— Если вы таким образом выражаете свое замешательство, я еще готов это принять. Но если речь идет о недоверии…

— Нет, сэр, ничего подобного.

— Вам придется принять мое утверждение на веру. Мы прошли через земную кору. Она была толщиной ровно четырнадцать тысяч четыреста сорок два ярда, что составляет приблизительно восемь миль. Возможно, вам будет интересно узнать, что в ходе подземных работ нам посчастливилось обнаружить несколько угольных пластов, разработка которых в будущем оку-

пит расходы на наше предприятие. Основные сложности были вызваны подземными водами в нижних меловых отложениях и гастингскими песками[175], но мы все же преодолели их. И теперь мы подходим к последнему акту — на сцене появляется не кто иной, как мистер Пирлес Джонс собственной персоной. В данном случае, сэр, вам отводится роль комара, а в качестве проникающего хоботка у вас будет бур для артезианских скважин. Интеллект здесь уже выполнил свою задачу, и мыслитель может удалиться. Наступил момент для выхода инженера, мистера Несравненного, с его металлическим жалом. Достаточно ли ясно я выражаюсь?

— Но вы только что сказали — восемь миль! — воскликнул я. — А вам известно, сэр, что для артезианского бурения глубина уже в пять тысяч футов[176] считается практически предельной? Правда, я знаю одну скважину в Верхней Силе-

[175] Примечания: 175

…гастингскими песками… — См. комментарий на с. 402. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

[176] Примечания: 176

1 фут = 0,30 метра. *(Примеч. пер.)*

зии[177], глубина которой составляет шесть тысяч двести футов, но она рассматривается как чудо современной техники.

— Вы меня не поняли, мистер Пирлес. Право, не знаю, с чем именно это связано — то ли я выражаюсь неясно, то ли у вас проблемы с головой. Я прекрасно осведомлен о возможностях и ограничениях артезианского бурения и не стал бы тратить миллионы фунтов на строительство своего колоссального туннеля, если бы для моих целей годилась скважина диаметром в шесть дюймов[178]. Все, о чем я вас прошу, это подготовить бур с максимально острым долотом, который имеет длину не более ста футов и оснащен приводом от электрического двигателя. Для этих целей вполне подойдет обычный бур ударного действия, поднимаемый на противовесах.

— А почему именно с электрическим двигателем?

— Я здесь, мистер Джонс, отдаю распоряжения, а не объясняю их мотивы. Прежде чем мы

---

[177] Примечания: 177

…Верхней Силезии… — Верхняя Силезия — историческая область на территории нынешней Польши. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

[178] Примечания: 178

1 дюйм = 2,54 сантиметра. *(Примеч. пер.)*

закончим начатое дело, может так случиться — не обязательно, но, повторяю, может так случиться, — что от этого бура, управляемого дистанционно с помощью электричества, будет зависеть ваша жизнь. Надеюсь, технически это осуществимо?

— Разумеется, никаких проблем.

— Тогда приготовьтесь выполнить это. На месте еще не все готово к вашему появлению, но подготовительные работы вы можете начинать уже сейчас. Больше мне вам пока сказать нечего.

— Но мне очень важно знать, какой именно грунт нам предстоит бурить, — попробовал возразить я. — Песок, глина или мел — все они требуют разного подхода.

— Скажем так — это будет своего рода желе, — ответил Челленджер. — Да, давайте сегодня исходить из того, что вам нужно будет ввести свой бур в некую желеобразную массу. А теперь, мистер Джонс, меня ждут другие важные дела, и поэтому разрешите пожелать вам всего хорошего. Вы также можете составить проект официального договора с указанием ваших расходов и представить его моему управляющему работами.

Я поклонился и, повернувшись, направился к выходу; но прежде чем я дошел до двери,

любопытство взяло во мне верх, и я вернулся. Профессор уже что-то писал, яростно скрипя пером, и поднял на меня глаза с явным недовольством и даже злостью.

— Господи! Сэр, ну что там еще? Мне казалось, что мы с вами уже попрощались.

— Сэр, я только хотел спросить, какова же все-таки цель столь необычного эксперимента?

— Все, сэр, проваливайте! — раздраженно проревел Челленджер. — Чтобы понять это, вам придется возвыситься над меркантильными и практичными задачами вашей коммерции, отбросить мелочные интересы бизнеса. Наука занимается поиском знаний. Причем, куда бы это ни привело нас, мы все равно должны продолжать стремиться к новым открытиям. Понять раз и навсегда, кто мы, зачем мы здесь и куда идем — разве ответы на эти вечные вопросы сами по себе не являются величайшими устремлениями человечества? Довольно, сэр, убирайтесь!

Его большая черноволосая голова снова склонилась над бумагами, после чего ее контуры слились с черной бородой. Гусиное перо заскрипело еще более отчаянно.

Когда я покидал дом этого необыкновенного человека, голова у меня шла кругом от мыслей

о странном деле, в котором я оказался его партнером.

Вернувшись в свой офис, я застал там Тэда Мэлоуна, которой с широкой ухмылкой на лице дожидался меня, чтобы узнать, чем закончился наш разговор.

— Прекрасно! — воскликнул он. — Похоже, обошлось без нападения и оскорблений действием, что уже очень неплохой результат. Ты, видимо, вел себя с ним крайне тактично. Ну, и что ты теперь думаешь о старине Челленджере?

— Самый невыносимый, высокомерный, нетерпимый и самонадеянный человек, какого я когда-либо встречал, но…

— Вот именно! — возбужденно прервал меня Мэлоун. — Все мы неизменно приходим к этому «но». Конечно, все, что ты о нем сказал — сущая правда; более того, к этому можно добавить и еще множество нелестных эпитетов. Но при этом чувствуешь, что такого большого человека нельзя подгонять под общие мерки; от него можно стерпеть такое, что никому из других смертных позволено быть не может. Разве не так?

— Ну, я еще не знаком с ним достаточно близко, чтобы это утверждать, но должен признать, что, если профессор не псих, страдающий манией

величия, и то, что он говорит, правда, тогда он, безусловно, стоит совершенно обособленно и находится вне конкуренции. Но действительно ли это правда?

— Конечно, правда. Челленджер всегда доводит дело до конца. А теперь скажи мне, насколько он ввел тебя в курс дела? Он рассказал тебе о Хенгист-Даун?

— Да, но в самых общих чертах.

— Можешь мне поверить, проект просто колоссальный, причем как по замыслу, так и по исполнению. Профессор горячо ненавидит репортеров, но мне он доверяет, поскольку точно знает, что я напечатаю не больше, чем он сам мне позволит. Поэтому я и знаком с его планами, или с частью его планов: это стреляный воробей, и поэтому с ним никогда нельзя быть уверенным в том, что он полностью открыл свои карты. Так или иначе, но мне известно достаточно, чтобы я мог тебя заверить: Хенгист-Даун — это вполне реальный и практически завершенный проект. Со своей стороны, могу посоветовать тебе подождать дальнейшего развития событий, занимаясь подготовкой всего необходимого. В самое ближайшее время кто-то из нас обратится к тебе — либо он, либо я.

Вышло так, что информация поступила ко мне именно от Мэлоуна. Через несколько недель он довольно рано пришел ко мне в офис и принес свежие новости.

— Я от Челленджера, — заявил он.

— Сейчас ты напоминаешь рыбу-лоцмана, которая следует перед акулой.

— Я горжусь, что могу быть ему полезен. Челленджер — просто удивительный человек. Свою часть работы он закончил. Теперь твой выход, после чего поднимется занавес и начнется спектакль.

— Я не поверю в это, пока не увижу своими глазами, но все мое оборудование уже готово и находится в грузовике. Я могу отправлять его в любой момент.

— Тогда давай сделаем это немедленно. Я рекомендовал тебя как человека очень энергичного и пунктуального, так что, пожалуйста, не подведи меня. А мы с тобой тем временем поедем поездом, а по дороге я тебя посвящу в то, что предстоит сделать.

Было прекрасное весеннее утро — утро 22 мая, если быть точным, — когда мы отправились в это роковое путешествие, в результате которого мне суждено было стать участником событий,

оказавшихся впоследствии историческими. В пути Мэлоун вручил мне письмо от Челленджера, которое я должен был рассматривать в качестве инструкции для себя. В письме говорилось следующее:

«Сэр!

По приезде в Хенгист-Даун вы поступаете в распоряжение мистера Барфорта, главного инженера, который посвящен во все мои планы. Мой юный друг, мистер Мэлоун, доставивший вам это послание, также постоянно поддерживает со мной связь, что ограждает меня от необходимости каких-либо личных контактов. В стволе шахты на глубине четырнадцати тысяч футов и более мы столкнулись с некоторыми явлениями, которые полностью подтверждают мои взгляды на природу тела планеты, но, прежде чем я смогу надеяться на то, что удастся произвести должное впечатление на закостенелое сознание современного научного мира, мне необходимо еще несколько сенсационных доказательств. Именно вам предстоит обеспечить их, а также

стать их свидетелем. Во время спуска в лифте вы сможете заметить, — предполагается, что вы обладаете редким даром наблюдательности, — что шахта последовательно проходит через вторичные меловые отложения, угольные пласты, слои с некоторыми признаками девонского и кембрийского периодов[179] и, наконец, гранит, сквозь который пробита бóльшая часть нашего туннеля. Дно шахты сейчас закрыто брезентом, к которому я запрещаю вам прикасаться, поскольку всякое неаккуратное обращение с чувствительной внутренней кожицей Земли может привести к преждевременным и непредсказуемым результатам. По моему указанию в двадцати футах над дном шахты поперек ствола установлены две прочные балки, между которыми имеется зазор, предназначенный для размещения в нем вашей артезианской трубы. Здесь будет достаточно бура длиной в пятьдесят футов, двадцать из которых должны быть расположены под балками

[179] Примечания: 179

…девонского и кембрийского периодов… — Периоды кайнозойской эры. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

перекрытия, так чтобы наконечник бура находился возле самого брезента. Если вам дорога ваша жизнь, не опускайте его ниже. Тридцать футов длины бура, таким образом, будут находиться в шахте выше опор, и при опускании можно рассчитывать, что не менее сорока футов бура войдет в вещество Земли. Поскольку вещество это очень мягкое, я полагаю, что бурения как такового здесь не потребуется и простого опускания трубы будет достаточно, чтобы она под собственным весом погрузилась в обнаженный нами слой. Этих инструкций, по идее, должно хватить для любого человека среднего ума, но я практически не сомневаюсь, что вам потребуются дополнительные указания, за которыми прошу вас обращаться ко мне через нашего юного друга, мистера Мэлоуна.

Джордж Эдвард Челленджер».

Нетрудно догадаться, что, когда мы прибыли на вокзал местечка Сторрингтон у северной оконеч-

ности Саут-Даунс[180], я находился в состоянии большого нервного напряжения. Здесь нас ожидал видавший виды «Воксхолл-30», на котором мы проехали еще шесть или семь миль по узким проселочным дорогам. Дороги, несмотря на свою удаленность, имели глубокую колею, что свидетельствовало о напряженном автомобильном движении. В одном месте нам встретился стоявший в траве сломанный грузовик (оказывается, ездить в таких условиях были в состоянии далеко не все), в другом — из кустов дрока торчал проржавевший узел какой-то громадной машины, похожий, судя по клапанам и поршню, на большой гидравлический насос.

— Это уже следы деятельности Челленджера, — ухмыльнувшись, сказал Мэлоун. — Говорят, что здесь размеры не сошлись с чертежом на одну десятую дюйма, и профессор просто выбросил эту технику на обочину.

— И ему, разумеется, предъявили иск.

— Иск?! Да нам впору открывать собственный суд. При этом дел для судей у нас хватит на год вперед. Да и правительство без работы не останется. Этому старому черту все нипочем.

---

[180] Примечания: 180
Возвышенность в юго-западной части Англии. *(Примеч. пер.)*

А разбирательства… «Король против Джорджа Челленджера», «Джордж Челленджер против короля» — мы бы только тем и занимались, что переходили из одного суда в другой. Ну, вот мы и на месте. Все в порядке, Дженкинс, впустите нас.

В машину с подозрительным видом заглянул здоровенный мужчина с приметным расплющенным ухом, как у профессиональных боксеров. Узнав моего спутника, он успокоился и поздоровался с ним.

— А, это вы, мистер Мэлоун. А я уж думал, что это Американ ассошиэйтед пресс[181].

— Значит, и они уже что-то вынюхивают?

— Сегодня — они, вчера — «Таймс»[182]. Так и крутятся здесь! Вы только взгляните! — Он указал на какую-то маленькую точку на горизонте. — Это телескоп «Чикаго дейли ньюс». Да, теперь они постоянно следят за нами. Я видел, как они, точно воронье, слетаются вон туда, к маяку.

— Бедная репортерская братия! — сказал Мэлоун, когда мы проходили через ворота к грозного

---

[181] Примечания: 181

…Американ ассошиэйтед пресс. — Телеграфное газетное агентство США. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

[182] Примечания: 182

«Таймс». — См. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 377. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

вида ограде из колючей проволоки. — Я и сам один из них, так что хорошо понимаю, каково им сейчас.

В этот момент позади себя мы услышали чей-то жалобный голос:

— Мэлоун! Тэд Мэлоун! — Голос этот принадлежал маленькому толстяку, который только что подъехал на мотоцикле и в настоящий момент пытался вырваться из железной хватки охранника.

— Отпустите меня немедленно! — возмущенно лопотал толстяк. — Уберите свои руки! Мэлоун, скажите этому головорезу, чтобы он оставил меня в покое!

— Оставьте его, Дженкинс! Это мой приятель! — крикнул Мэлоун. — Ну что, старик? Каким ветром тебя сюда занесло? Что тебя заставило бросить свою Флит-стрит и заявиться в эту глушь, в Сассекс?

— Ты и сам прекрасно знаешь, зачем я здесь, — ответил тот. — Я получил задание написать о Хенгист-Даун и не могу вернуться без материала.

— Мне очень жаль, Рой, но здесь ты ничего узнать не сможешь, и тебе придется остаться по ту сторону проволоки. А если ты хочешь большего, то для этого ты должен будешь обратиться

к профессору Челленджеру и получить его разрешение.

— Уже обращался, — уныло ответил репортер. — Сегодня утром.

— И что же он тебе сказал?

— Сказал, что выбросит меня в окно.

Мэлоун расхохотался.

— А ты что ему ответил?

— Я сказал: «А чем вам дверь не нравится?» — и тут же в нее выскочил, просто чтобы показать, что такой вариант ничем не хуже. С ним особо не поспоришь, поэтому я просто ушел. А ты, Тэд Мэлоун, похоже, в одной компании — причем довольно странной — с этим бородатым ассирийским буйволом из Лондона и наемным убийцей здесь на входе, который только что помял мой новый целлулоидный воротничок.

— Я действительно ничем не могу тебе помочь, Рой, а иначе обязательно сделал бы это. На Флит-стрит говорят, что тебя пока еще никогда не били, но сейчас ты невероятно близок к этому. Езжай назад в свой офис, и, если подождешь несколько дней, я сам подброшу тебе свежих новостей, как только старик даст на это добро.

— А сейчас — никаких шансов?

— Ни малейших.

— А деньги тут не сработают?

— Думай, что говоришь.

— Ходят слухи, что это будет кратчайший путь в Новую Зеландию.

— Для тебя, Рой, это будет кратчайший путь в больницу, если ты отсюда не уберешься. Давай, будь здоров. У нас своих дел невпроворот.

— Это был Рой Перкинс, военный корреспондент, — сказал Мэлоун, когда мы с ним шли через двор. — Мы несколько подпортили ему послужной список, так как до сих пор у него никогда не было осечек с получением материала. Благодаря своей пухлой невинной физиономии он способен просочиться куда угодно. Мы с ним когда-то вместе работали. А здесь живут наши рабочие, — сказал Мэлоун, показывая на группку аккуратных коттеджей под красными черепичными крышами. — Тут собрана команда лучших специалистов своего дела, которым платят намного больше обычного. Им приходится быть холостяками и трезвенниками, да к тому же крепко держать язык за зубами. Не думаю, что через них может произойти какая-либо утечка информации. Это их футбольная площадка, а вон в том отдельно стоящем домике находятся библиотека и комната отдыха. Старик — прекрас-

ный организатор, уверяю тебя. А вот и мистер Барфорт, главный инженер.

Рядом с нами возник высокий худой мужчина с глубокими складками озабоченности на мрачном лице.

— Полагаю, что вы и есть тот самый инженер по артезианскому бурению, — произнес он угрюмо. — Меня предупредили о вашем приезде. Не скрою, что я рад вашему появлению, поскольку лежащая на мне ответственность действует мне на нервы. Мы все продолжаем работать, и уже не знаешь, с чем столкнешься в следующий раз — с прорывом меловой воды, угольным пластом, струей нефти или с адским огнем. Последнего варианта нам до сих пор удавалось избегать, но, насколько я понимаю, ваше появление может вывести нас на него.

— А что, внизу настолько жарко?

— Что ж, там действительно жарко, никто этого не отрицает. И все же это можно было бы объяснить изменениями атмосферного давления и ограниченностью пространства. Ну и, конечно, там ужасная вентиляция. Мы закачиваем туда воздух, но даже двухчасовую смену большинство людей выдерживают там с трудом — и это при том, что работают здесь только добровольцы.

Профессор сам спускался туда вчера и остался всем весьма доволен. Мы с вами встретимся за ленчем, а потом вы все увидите своими глазами.

После торопливой и скромной трапезы управляющий с трогательной любовью познакомил нас со своим инженерным хозяйством и свалкой разнообразных отработавших механизмов, которые лежали тут же, прямо на траве. С одной стороны стоял огромный демонтированный гидравлический одноковшовый экскаватор Эррола, которым проводилась первичная быстрая выемка грунта. Рядом находился большой двигатель, приводивший в движение замкнутую петлю из длинного стального троса с закрепленными на нем скипами, с помощью которых порода со дна шахты поднималась наверх. В машинном отделении было установлено несколько мощных турбин Эшера-Висса, вращавшихся со скоростью сто сорок оборотов в минуту и обеспечивавших работу гидравлических аккумуляторов, которые создавали давление в тысячу четыреста фунтов на квадратный дюйм, передаваемое по трехдюймовым трубам вниз и приводившее в движение четыре горных перфоратора с полыми буровыми коронками брандтовского типа. Прямо к машинному отделению примыкало здание

электростанции, снабжавшей энергией большую осветительную установку; рядом находилась еще одна турбина мощностью в двести лошадиных сил, от которой работал вентилятор с десятифутовыми лопастями, нагнетавший воздух вниз, в зону работ, по двенадцатидюймовой трубе. Все эти чудеса главный инженер продемонстрировал нам с большой гордостью и при этом успел до смерти надоесть всевозможными техническими подробностями, а уж я, в свою очередь, теперь отыгрываюсь на читателях. Однако тут пришло неожиданное спасение: послышался шум колес, и я с радостью увидел, как во двор, раскачиваясь, заезжает мой трехтонный «лейланд»[183], доверху загруженный инструментами и секциями труб; в кабине сидел мой мастер, Питерс, со своим крайне перепачканным помощником. Они тут же принялись разгружать машину, тогда как мы с управляющим и Мэлоуном направились к шахте.

Это было совершенно удивительное место, намного превосходившее по своим масштабам

---

[183] Примечания: 183

...трехтонный «Лейланд»... — марка грузовых автомобилей одноименной британской автомобильной компании. Трехтонные паровые грузовики выпускались этой фирмой на рубеже XIX и XX веков. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

все, что я себе представлял. Вокруг огромной подковой располагались отвалы из тысяч тонн поднятой на поверхность породы, превратившиеся сейчас в довольно высокие холмы. Внутри этой подковы, состоящей из мела, глины, угля и гранита, вздымалось хитросплетение металлических опор и колес, вращавших насосы и наматывавших тросы подъемников. Вся эта конструкция была соединена с кирпичным зданием машинного отделения, располагавшимся между концами подковы. Позади него находился ствол шахты, огромное зияющее отверстие подземного туннеля диаметром от тридцати до сорока футов, стены и края которого были укреплены с помощью кирпичной кладки и бетона. Когда я наклонился вперед и, вытянув шею, заглянул в эту немыслимую бездну, глубина которой, как нам сказали, была около восьми миль, голова у меня пошла кругом от мыслей об этом грандиозном сооружении. Лучи солнца попадали в проем по диагонали, и мне было видно несколько сот футов грязной меловой стены, также укрепленной в слабых местах кирпичной кладкой. Однако глядя вниз, я заметил далеко-далеко в темноте крошечный проблеск света, буквально точку, которая, тем не менее, была четко видна на чер-

нильном фоне бездонного провала.

— Что это за свет? — спросил я.

Мэлоун также перегнулся через парапет рядом со мной.

— Это поднимается одна из клетей, — ответил он. — Правда, поразительно? Она находится от нас на расстоянии мили или даже больше, и на ней горит мощная дуговая лампа[184]. Движется клеть очень быстро, так что через несколько минут будет уже здесь.

И действительно, тонкий, как иголка, лучик становился все больше и больше, пока не залил серебристым сиянием весь туннель, и мне даже пришлось отвести глаза от его ослепительного света. В следующий момент к посадочной платформе с лязганьем подошла металлическая клеть, из которой выбрались четыре человека и направились к выходу.

— Задействованы почти все рабочие, — сказал Мэлоун. — Отработать два часа на такой глубине — не шутка. Ладно, кое-что из твоего оборудования уже готово, и его можно монтировать.

---

[184] Примечания: 184

…дуговая лампа… — То есть дуговая угольная лампа. Изобретена в 1876 г. П. Н. Яблочковым. Источником света в ней служит электрический разряд между угольными электродами. Применяется в прожекторах, кинопроекцирующих аппаратах, мощных излучательных установках. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

Думаю, что лучше всего нам спуститься туда прямо сейчас. Там, на месте ты сам сможешь оценить ситуацию.

В здании машинного отделения имелась пристройка, куда он и повел меня. Там на стенах висело несколько очень просторных костюмов из легчайшего индийского шелка. Следуя примеру Мэлоуна, я полностью разделся, облачился в одно из этих одеяний и обул легкие тапочки на резиновой подошве. Мэлоун переоделся раньше меня и вышел из раздевалки. Почти сразу же я услышал снаружи громкий шум какой-то потасовки, словно там одновременно передрался десяток собак; выскочив на улицу, я увидел, что мой друг катается по земле, сцепившись с чумазым рабочим, помогавшим разгружать артезианские трубы. Один отчаянно пытался что-то вырвать из рук другого, а второй ни за что не хотел это отдавать. Но Мэлоун оказался сильнее; забрав наконец этот предмет, он принялся топтать его, пока тот не разлетелся на мелкие кусочки. Только тогда я сообразил, что это был фотоаппарат. Рабочий с перепачканным лицом уныло поднялся с земли.

— Будь ты проклят, Тэд Мэлоун! — с чувством сказал он. — Это была совсем новая камера стоимостью десять гиней.

— Ничего не могу поделать, Рой. Я видел, как ты фотографировал, так что другого выхода у меня не было.

— И каким образом, черт побери, вы затесались в мой персонал?! — возмущенно спросил я, горя праведным гневом.

Этот плут только подмигнул мне и ухмыльнулся.

— Способ можно найти всегда, — ответил он. — Только не надо винить своего мастера. Его сбила с толку одежда. Я поменялся ею с вашим помощником, после чего прошел сюда.

— Как прошел, так и вылетишь, — сказал Мэлоун. — Спорить бесполезно, Рой. Был бы здесь Челленджер, он вообще спустил бы на тебя собак. Я сам побывал в твоей шкуре, поэтому поступать жестоко мне не хотелось бы; но сейчас я здесь — сторожевой пес, который может не только лаять, но и кусаться. Давай! Проваливай отсюда!

Двое рабочих с ухмылкой выдворили нашего предприимчивого посетителя со двора. Теперь широкой публике будет понятно, откуда взялась прекрасная статья на четыре колонки, называвшаяся «Сумасшедшая мечта известного ученого», с подзаголовком «Кратчайший путь в Австралию», которая появилась в «Эдвайзере» через

несколько дней и чуть не довела Челленджера до инфаркта, а редактора «Эдвайзера» — до самых неприятных и опасных объяснений в его жизни. Статья представляла собой сильно приукрашенный и искаженный репортаж о приключениях Роя Перкинса, «нашего опытного военного корреспондента», и содержала такие колоритные фразы, как «этот лохматый забияка из Энморпарка», «огороженная колючей проволокой территория, охраняемая бандой наемников с цепными псами», и, наконец: «Меня оттащили от края англо-австралийского туннеля двое головорезов, один из которых — наиболее жестокий — это человек, сменивший много профессий и в свое время известный прихлебатель из журналистской среды, а второй — зловещая фигура в странном тропическом одеянии — выдавал себя за инженера по артезианским скважинам, хотя по внешнему виду он скорее напоминал обитателя трущоб Уайтчепеля». Облив всех нас грязью, этот мошенник детально описал рельсы, ведущие в устье шахты, и зигзагообразный котлован, по которому вагончики фуникулера будут опускаться под землю. Единственным практическим неудобством, к которому привела эта вздорная статья, оказалось то, что в Саут-Даунс

стало заметно больше всяких зевак и бездельников, которые сидели здесь в ожидании, пока что-нибудь произойдет. Но когда время пришло и это действительно случилось, они горько пожалели, что приехали сюда…

Мой мастер со своим лжепомощником выгрузили все мое оборудование — ловильный колокол[185], монтажную крестовину, остроконечные буры, стержни и противовес — прямо посреди двора, но Мэлоун настоял, чтобы я не обращал на это внимания, и мы как можно скорее спустились на нижний уровень. Для этого мы зашли в клеть, представляющую собой решетчатую стальную конструкцию, и в сопровождении главного инженера ринулись в земные недра. Здесь было несколько расположенных последовательно автоматических подъемников, у каждого из которых была своя станция управления, находившаяся в нише стены шахты. Двигались они с большой скоростью, и ощущения при этом скорее напоминали вертикальную езду на поезде, чем неторопливое падение, с которым у нас обычно ассоциируются английские лифты.

---

[185] Примечания: 185

…ловильный колокол… — Инструмент для извлечения из скважины отломившейся части бура. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

Поскольку клеть была решетчатой и ярко освещенной, нам были прекрасно видны пласты пород, через которые проходил туннель. Я четко различал их, пока мы пролетали мимо: сначала шли желтоватые меловые отложения, гастингские слои кофейного оттенка, а за ними — чуть более светлые ашбернхемские; далее располагались темные каменноугольные глины и, наконец, блестя в лучах электрического света, пласт за пластом показался черный как смоль сверкающий уголь, перемежавшийся полосами глины. Кое-где виднелась кирпичная кладка, но в основном стены ствола держались сами, и можно было только восхищаться тем огромным трудом и инженерным талантом, которые здесь задействованы. Ниже угольных пластов я увидел какой-то смешанный слой, напоминавший бетонную трубу, а затем мы вошли в зону обычного гранита, где кристаллики кварца блестели и переливались так, как будто темные стены усыпаны бриллиантовой пылью. Мы опускались все ниже и ниже, в глубины, куда человек ранее еще никогда не проникал. Расцветка этих древних напластований постоянно менялась и была совершенно удивительной; я никогда не забуду широкий пояс розового полевого шпа-

та[186], неожиданно засиявший перед нами в свете мощных ламп неземной красотой. Мы проходили отрезок за отрезком, пересаживались с одного подъемника в другой, а воздух становился все более горячим и удушливым; даже в наших легких шелковых одеждах стало невыносимо жарко, пот катил с нас градом, стекая в тапочки с резиновой подошвой. Наконец, когда я уже думал, что мне этого больше не выдержать, наш последний подъемник остановился и мы вышли на круглую площадку, вырезанную в скале. При этом я заметил, как Мэлоун бросил странный подозрительный взгляд на окружавшие нас стены. Если бы я не знал его как человека чрезвычайно смелого, я мог бы подумать, что он сильно нервничает.

— Все это выглядит довольно странно, — сказал главный инженер, проводя рукой по поверхности скалы. Затем он поднес руку к свету и показал, что на ней блестит какой-то слизистый налет. — Здесь внизу все постоянно дрожит и трясется. Ума не приложу, с чем это может быть связано.

---

[186] Примечания: 186

...полевого шпата... — Полевой шпат — самый распространенный минерал. Применяется в керамической, фарфоровой, стеклянной, цементной промышленности, а также как поделочный камень. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

Профессор, похоже, всем этим очень доволен, но я с таким никогда раньше не сталкивался.

— Должен сказать, что я, например, четко вижу, как подрагивает эта стена, — сказал Мэлоун. — В прошлый раз мы устанавливали эти поперечные балки для твоего бура, и когда я крепил опоры к стене, она буквально вздрагивала при каждом ударе. Во всем Лондоне теорию нашего старика считают полным абсурдом, но здесь, на глубине восьми миль, я бы не отвергал ее столь уж категорично.

— А если бы вы увидели, что находится под этим брезентом, сомнений у вас было бы еще меньше, — заметил инженер. — Порода здесь внизу прорезалась, словно сыр, а затем мы подошли к некой новой формации, которая не похожа ни на что в мире. «Накройте это и не прикасайтесь к нему!» — распорядился профессор. Поэтому мы, согласно его указаниям, укрыли дно брезентом и оставили все в таком виде.

— А мы все-таки не могли бы взглянуть, что там находится?

На мрачном лице главного инженера появилось испуганное выражение.

— Нарушение приказов профессора — дело нешуточное, — сказал он. — К тому же Чел-

ленджер настолько хитер, что утаить от него что-либо очень сложно. Ну да ладно, давайте заглянем и будем надеяться, что он об этом не узнает.

Барфорт развернул отражатель лампы вниз, чтобы ее свет падал на черный брезент. Затем он наклонился и, взявшись за веревку, привязанную к краю брезента, открыл небольшой участок — в пять-шесть квадратных ярдов, — находившийся под тканью поверхности.

Нам открылось совершенно необычное и пугающее зрелище. Дно состояло из какого-то сероватого материала, гладкого и блестящего, который медленно пульсировал, то вздымаясь, то оседая. Это не были какие-то четкие толчки; складывалось впечатление, что по поверхности время от времени ритмично пробегает легкая рябь. Сама поверхность была неоднородной, и под ней, словно сквозь матовое стекло, виднелись какие-то неясные белесые пятна или полости, постоянно менявшие форму и размер. Мы втроем стояли и смотрели на эту невероятную картину, словно завороженные.

— Напоминает животное с заживо содранной кожей, — благоговейным шепотом произнес Мэлоун. — Возможно, старик не так уж далек от

истины с этим своим дурацким морским ежом в качестве аналогии.

— Господи! — воскликнул я. — И мне предстоит воткнуть гарпун в это существо?!

— Да, тебе будет оказана такая честь, мой мальчик, — сказал Мэлоун. — И, как это ни прискорбно, я должен буду — если не произойдет ничего непредвиденного — в этот момент находиться рядом с тобой.

— А вот меня здесь определенно не будет, — решительно заявил главный инженер. — Я категорически отказываюсь в этом участвовать, и ничто не сможет меня переубедить. А если старик будет настаивать, я просто подам в отставку. Боже мой, да вы только посмотрите на это!

Серая масса внезапно вздыбилась и приподнялась в нашу сторону, словно накатившая большая волна у стен мола. Затем она снова осела, и опять на поверхности заиграла все та же пульсирующая рябь. Барфорт опустил веревку и положил брезент на место.

— Мне все время кажется, что оно знает о нашем присутствии, — сказал он. — Иначе с чего бы ему так подниматься к нам? Думаю, что, может быть, свет оказывает на него такое воздействие.

— А какова сейчас моя задача? — спросил я.

Мистер Барфорт указал на две балки, лежавшие поперек проема как раз под местом, где останавливался подъемник. Зазор между ними составлял примерно девять дюймов.

— Это была идея старика, — сказал инженер. — Мне казалось, что я бы установил их и получше, но с таким же успехом можно было бы попробовать что-то доказать взбесившемуся буйволу. Намного проще и безопаснее просто делать то, что он говорит. По его задумке вы должны использовать свой шестидюймовый бур, закрепив его каким-то образом между этими двумя опорами.

— Что ж, не думаю, что здесь возникнут какие-то трудности, — ответил я. — Поэтому я приступлю к этому прямо сегодня.

Должен сказать, что это был самый необычный опыт в моей обширной практике, несмотря на то что мне приходилось бурить скважины на всех континентах. Поскольку профессор Челленджер решительно настаивал на том, чтобы работа оборудования контролировалась дистанционно, — да и сам я теперь видел в этом немалый смысл, — мне предстояло разработать метод электрического управления, что в шахте, электрифицированной сверху донизу, было совсем несложно. Со всей возможной осторожностью

мы вместе с моим мастером Питерсом спустили вниз все секции труб и состыковали их на площадке в скале. Затем мы подняли клеть самого нижнего подъемника, освободив для себя место. Предложив использовать здесь систему ударного действия, чтобы не полагаться при бурении исключительно на силу тяжести, мы установили наш противовес весом в сто фунтов и трубы с острой буровой коронкой на конце на одном тросе, пропустив его через установленный под площадкой подъемника блок. Кроме того, к противовесу был прикреплен еще один трос, другой конец которого был намотан на вал, вращаемый с помощью электродвигателя, что позволяло при необходимости приподнимать и отпускать груз. Вся эта кропотливая и сложная работа выполнялась при температуре выше, чем в тропиках. Нас не покидало чувство, что одно неловкое движение или инструмент, упавший на брезент под нами, может привести к неминуемой катастрофе. Да и вся окружающая обстановка внушала какой-то благоговейный страх. Я сам не раз видел, как по стенам пробегала дрожь, и даже чувствовал глухие толчки, когда прикасался к ним ладонями. Нужно сказать, что, подав наверх сигнал об окончании работ, мы с Питерсом без

всякого сожаления покинули это место, чтобы доложить мистеру Барфорту, что профессор Челленджер может проводить свой эксперимент в любое удобное для него время.

Впрочем, ждать нам пришлось недолго. Всего через три дня после завершения подготовки я получил письмо.

Это была обычная открытка, какие используют для приглашений на семейные торжества, в которой говорилось:

«Профессор Дж. Э. Челленджер,
член Королевского общества, доктор медицины, доктор наук и проч.
(последний президент Зоологического института и обладатель стольких титулов и званий, что для указания их всех здесь просто не хватит места)
приглашает
мистера Джонса (без дамы)
в 11.30 утра во вторник, 21 июня,
стать свидетелем триумфа мысли над материей
в Хенгист-Даун, графство Суссекс.
Специальный поезд отходит в 10.05 с вокзала Виктория. Пассажиры оплачи-

вают билеты за свой счет. По окончании эксперимента состоится торжественный обед — либо не состоится, в зависимости от обстоятельств. Остановка — Сторрингтон. Ответьте, пожалуйста, и немедленно (с разборчивым указанием имени прописными печатными буквами) по адресу: 14 (бис), Энмор-парк, Кенсингтон».

Оказалось, что Мэлоун тоже получил аналогичное приглашение, которое его весьма рассмешило.

— Посылать нам такое — чистое бахвальство! — воскликнул он. — Как сказал палач осужденному: «Мы оба должны быть там, что бы ни произошло». Но зато теперь, уверяю тебя, весь Лондон будет это оживленно обсуждать, и наш старик наконец-то окажется там, где ему всегда хотелось быть — посреди сцены, в свете прожекторов, когда всеобщее внимание приковано исключительно к его лохматой голове.

Наконец этот великий день наступил. Лично я для себя решил, что будет неплохо еще раз спуститься в шахту накануне ночью, чтобы убедиться на месте в том, что все в порядке. Наш бур был закреплен в рабочем положении, про-

тивовес отрегулирован, электропитание можно было легко включить в любой момент, и я испытывал чувство удовлетворения, что моя часть этого необычного эксперимента подготовлена так, чтобы все прошло как по нотам. Электрический пульт управления оборудованием мы установили примерно в пятистах ярдах от устья шахты, чтобы свести к минимуму любую возможную опасность для персонала. Когда в то роковое утро я со спокойной совестью поднялся на поверхность, стояла идеальная для Англии летняя погода, и я вскарабкался до середины склона холма, откуда открывался общий вид на все происходящее на шахте.

Казалось, что сегодня в Хенгист-Даун съехалась вся страна. Все дороги вокруг, насколько хватало глаз, были забиты спешащими сюда людьми. Многочисленные автомобили, подпрыгивая и раскачиваясь на кочках, подъезжали к воротам огороженной территории и высаживали там своих пассажиров. На входе их встречала мощная команда охранников, не реагировавших ни на обещания, ни на взятки, и внутрь могли попасть только счастливые обладатели желанных пригласительных билетов. Поэтому большинство прибывших расходились от ворот

и присоединялись к большой толпе, которая уже успела образовать на склонах и вершине холма плотную группу зрителей. Все это место чем-то напоминало Эпсом-Даунс в день проведения дерби. На внутренней территории было огорожено несколько участков с местами, предназначенными для привилегированной публики. Один из них был выделен для лордов, другой — для членов палаты общин, третий — для глав научных обществ и выдающихся ученых, включая господина Ле-Пелье из Сорбонны[187] и доктора Дризингера из Берлинской академии наук. Неподалеку располагалось специальное укрытие со стенами из мешков с песком и с рифленой металлической крышей для трех членов королевской семьи.

В пятнадцать минут двенадцатого вереница автобусов доставила со станции специально приглашенных гостей, и я спустился во двор, чтобы принять участие в их размещении. Профессор Челленджер во фраке, белом жилете и блестящем цилиндре стоял возле огороженной площадки для избранных, и выражение его лица представ-

[187] Примечания: 187

…из Сорбонны… — Сорбонна — общепринятое второе название Парижского университета (по имени основателя предшественника университета — богословского коллежа — Р. де Сорбона, духовника короля Людовика IX). *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

ляло собой странную смесь преувеличенной и почти навязчивой благожелательности и напыщенного самолюбования. «Типичная жертва комплекса Иеговы[188]», как сказал о нем один из его критиков. Челленджер помогал провожать, — а иногда и подталкивать, — гостей на их места, а затем, собрав вокруг себя элиту приглашенных, поднялся на небольшой холмик с видом председателя, ожидающего приветственных аплодисментов. Поскольку таковых не последовало, он сразу перешел к делу, обратившись к публике громовым голосом, который был слышен в самых дальних уголках территории шахты.

— Джентльмены, — пророкотал Челленджер, — сегодня мне нет нужды адресовать свое обращение также и дамам. Уверяю вас, я не пригласил их не потому, что не ценю их присутствие; наоборот, я могу сказать, что наши отношения с прекрасным полом всегда были чудесными и безусловно доверительными, причем взаимно. — Эти слова были произнесены им в неуклюжем шутливом тоне с выражением фальшивой скромности на лице. — Истинная причина состоит в том, что в нашем эксперименте все-таки имеет место неко-

[188] Примечания: 188

…комплекса Иеговы… — Т. е. комплекса Бога; мании величия. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

торый элемент риска и опасности, хотя это и не настолько серьезно, чтобы оправдать то беспокойство, которое я вижу на лицах многих из вас. Представителям прессы будет любопытно узнать, что для них я зарезервировал специальные места, размещенные на отвалах породы, откуда открывается замечательный вид на все, что здесь будет происходить. Они проявили к нашему проекту большой интерес, который порой граничил с наглым вмешательством в мои личные дела, так что в данном случае, по крайней мере, хотя бы журналисты не смогут упрекнуть меня в том, что я не позаботился об их удобстве. Если же ничего не произойдет, что также не исключено, я все равно буду знать, что для них я сделал все, что в моих силах. С другой стороны, если что-то все-таки произойдет, журналисты будут находиться на прекрасной позиции, чтобы все увидеть и впоследствии описать, если, конечно, окажутся в состоянии справиться с этой задачей.

Как вы сами понимаете, человеку науки очень сложно объяснить различные мотивы своих выводов и поступков тем, кого я, не стараясь никого обидеть, мог бы назвать серой и невежественной толпой. Я слышу, как кто-то пытается меня неучтиво перебить, и вынужден попро-

сить джентльмена в роговых очках перестать размахивать зонтиком. (Голос в ответ: «Ваша характеристика приглашенных гостей, сэр, звучит совершенно оскорбительно!») Вероятно, этого джентльмена покоробила моя фраза насчет «серой толпы». Ладно, пусть толпа моих слушателей сегодня будет «не серой». Не будем цепляться к словам. Прежде чем меня перебили этим бестактным замечанием, я собирался сказать, что вся концепция доходчиво и полно описана в моей новой монографии о Земле, которую я, без ложной скромности, мог бы охарактеризовать как одну из эпохальных книг в истории человечества. (Общий шум среди зрителей и выкрики: «Переходите к фактам!», «Зачем мы здесь собрались?», «Это что — розыгрыш?») Я как раз собирался все объяснить, но, если меня и дальше станут перебивать, я буду вынужден принять меры для восстановления приличий и порядка, которых, к сожалению, сейчас тут явно не хватает. Так вот, ситуация сейчас такова, что я проделал шахту сквозь земную кору и намереваюсь попробовать произвести энергичную стимуляцию чувствительной зоны Земли — деликатную операцию, которая будет проведена моими подчиненными, мистером Пирлесом Джонсом, утверждающим,

что он является специалистом по артезианскому бурению, и мистером Эдвардом Мэлоуном, в данном случае моим полномочным представителем. Мы нанесем укол в обнаженную чувствительную субстанцию, и можно только строить догадки, как она на это отреагирует. Будьте любезны сесть на свои места, после чего эти двое джентльменов спустятся в ствол шахты и произведут последние приготовления. Затем я нажму на кнопку электрического выключателя на этом столе, и эксперимент будет завершен.

Аудитория после речей Челленджера обычно чувствует себя так, будто ее защитный эпидермис[189] — как и у Земли — нарушен и все нервы обнажены. Это собрание не было исключением, и рассаживание по местам сопровождалось недовольным, возмущенным ропотом. Челленджер со своей густой черной гривой волос и трясущейся от возбуждения бородой, оставшись в одиночестве сидеть на насыпи за небольшим столиком, представлял собой зловещую картину. Мы с Мэлоуном, однако, не могли лично полюбоваться этой

[189] Примечания: 189

...эпидермис... — Эпидермис (от греч. epi — на, над — и derma — кожа) — у животных и человека поверхностный слой кожи, у растений — поверхностных слой клеток листьев, стеблей, корней. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

сценой, так как в тот момент торопливо направлялись выполнять свое удивительное задание.

Через двадцать минут мы спустились на дно шахты и сняли брезент с обнаженной серой поверхности.

Перед нашими глазами предстала поразительная картина. Казалось, что благодаря какой-то неизвестной космической телепатии наша старая планета узнала, что по отношению к ней будет предпринята попытка беспрецедентной дерзости. Обнаженная поверхность сейчас напоминала кипящий котел. Сквозь нее поднимались и громко лопались большие серые пузыри. Полости и пятна под верхней кожицей находились в возбужденной активности и постоянно сливались и снова разделялись. Пробегавшая по поверхности рябь стала гораздо сильнее, и ритм ее ускорился. В глубине теперь стали видны извилистые и соединенные между собой каналы, в которых пульсировала темно-пурпурная жидкость. Во всем этом явно чувствовалось биение жизни. В воздухе стоял удушливый и тяжелый запах, почти невыносимый для человеческого обоняния.

Мой взгляд был прикован к этому завораживающему зрелищу, когда Мэлоун неожиданно

схватил меня за локоть, предупреждая об опасности.

— Господи, Джонс! — закричал он. — Ты только посмотри сюда!

Я быстро повернулся к нему и сразу все понял. Разомкнув контакты электрической цепи, я тут же запрыгнул в кабину подъемника.

— Быстрее! — крикнул я. — От этого может зависеть наша жизнь!

То, что мы увидели, действительно выглядело просто зловеще. Казалось, что нижняя часть шахты пришла в такое же возбуждение, какое мы до этого видели только внизу, и теперь стены вздрагивали и пульсировали синхронно с дном. Это движение отразилось на отверстиях, в которых были установлены поперечные балки; было понятно, что стоит стенам сдвинуться еще хотя бы на несколько дюймов, и вся конструкция полетит вниз. А если это произойдет, тогда острый конец моего бура неминуемо вонзится в Землю независимо от действия электропривода. Но прежде чем это случится, для нас с Мэлоуном было вопросом жизни или смерти выбраться из этой шахты. Мы оказались в ужасном положении — на глубине восьми миль под землей в стволе шахты с трясущимися стенами, которая в любой момент могла

обвалиться из-за неожиданного толчка. Мы на полной скорости полетели к поверхности.

Это кошмарное путешествие нам не забыть никогда. Подъемники напряженно гудели, со свистом унося нас вверх по туннелю, и все же минуты здесь нам казались часами. Достигнув пункта пересадки, вы мгновенно запрыгивали в следующий подъемник, включали двигатель и неслись дальше. Сквозь стальную решетку на крыше клети мы видели вдалеке маленький кружочек света, которым было отмечено устье шахты. Он становился все шире и шире, пока не заполнил все пространство у нас над головой, и мы с радостью стали различать укрепленные кирпичной кладкой стены у входа в туннель шахты. Еще немного — и наступил счастливый момент, когда мы смогли выскочить из нашей темницы и вновь ступить на зеленую траву. Но радость наша длилась недолго, и опасность все еще не миновала. Не успели мы отойти от шахты и на тридцать шагов, как далеко внизу на большой глубине мое стальное копье упало, воткнувшись в обнаженный нерв нашей старушки Земли, и наступил великий момент.

Что же произошло? Ни я, ни Мэлоун этого сказать толком не можем, потому что мы оба тут же

были сбиты с ног, словно ураганом, и покатились по траве, кружась, как камни для керлинга[190] на ледяной дорожке. В тот же миг нас буквально оглушил страшный вопль; ничего подобного нам никогда раньше слышать не приходилось. Кто из сотен присутствовавших смог бы описать этот леденящий душу крик? В одном пронзительном звуке слились боль, ярость, угроза и негодование ее Величества Природы. Он продолжался целую минуту, словно вой тысячи сирен, парализуя многочисленные толпы зрителей своей неистовой силой и разносясь звонким эхом не только по всему южному побережью, но и достигнув даже наших французских соседей за Ла-Маншем. С криком раненной Земли не мог бы сравниться ни один другой звук с момента сотворения мира.

Ошеломленные и оглушенные, мы с Мэлоуном ощутили на себе только мощный толчок и действие звука. Об остальных подробностях этого чрезвычайного события мы узнали уже из рассказов других очевидцев.

Первыми из недр Земли вылетели клети подъ-

---

[190] Примечания: 190

...для керлинга... — Спортивная игра в Великобритании, Канаде, скандинавских странах и в др. Цель — попасть пущенной по льду битой (диск с рукояткой) в вычерченную на нем мишень. *(Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)*

емников. Остальное механическое оборудование было установлено в стенах ствола и поэтому избежало прямого удара, но сплошной пол клетей полностью принял на себя всю силу ударной волны. Если в трубку поместить несколько шариков и потом дунуть в нее, они вылетят оттуда по очереди отдельно друг от друга. Таким же образом и четырнадцать подъемников взмыли над шахтой один за другим и приземлились, описав в воздухе великолепные параболы; причем один из них упал в море возле волнореза в Уортинге, а второй — в полях недалеко от Чичестера. Очевидцы утверждают, что никогда в жизни не видели более необычного зрелища, чем четырнадцать подъемников, безмятежно парящих в синем небе.

Затем возник гейзер. Это была громадная струя какого-то отвратительного вещества, напоминавшего патоку, но с консистенцией смолы. Струя выстрелила вверх на высоту, которая по разным оценкам составила примерно две тысячи футов. Круживший над местом действия любопытный аэроплан был сбит, словно зенитным огнем, и совершил вынужденную посадку, а пилот вместе со своей машиной были залиты этой жижей. Ужасное вещество, обладающее все-

проникающим тошнотворным запахом, может представлять собой живую кровь нашей планеты или же, как настаивает профессор Дризингер и вся Берлинская школа, возможно, является защитным выделением, с помощью которого Природа защитила мать-Землю от навязчивости всяких Челленджеров (по аналогии со скунсом). Возможно, это действительно было именно так, но главный обидчик, восседавший на своем троне на насыпи, не пострадал, тогда как все представители прессы оказались на линии прямого огня и настолько вымокли и пропитались зловонной субстанцией, что в течение еще нескольких недель не могли показаться в приличном обществе. Струя этой гнилостной жидкости была снесена ветром в южном направлении и обрушилась на несчастную публику, которая так долго и терпеливо дожидалась на гребне холмов, чтобы посмотреть на то, что здесь произойдет. Однако серьезно никто не пострадал. Ни один из домов не был разрушен, зато многие из них стали «благоухать» и стены их до сих пор носят на себе следы великого события.

После этого настал черед и самой шахты. Как по законам природы медленно, снизу вверх закрываются раны на теле человека, так и Зем-

ля залечивает любые прорехи в своей живой материи, только делает это стремительно. Стены шахты с долгим и громким треском стали смыкаться, из глубины раздался звук, который, поднимаясь все выше и выше, закончился оглушительным хлопком, когда сплющилось кольцо кирпичной кладки внутри устья шахты и стенки его с грохотом разбились друг о друга. В то же время подземные толчки, напоминавшие небольшое землетрясение, встряхнули насыпи отвалов, образовав на том месте, где был туннель, пирамиду из мусора и покореженного железа высотой в пятьдесят футов. Эксперимент профессора Челленджера не только завершился, но и навсегда был погребен от человеческих глаз под землей. Если бы не памятный обелиск, впоследствии установленный здесь Королевским научным обществом, наши потомки вообще могли бы никогда не узнать, где происходило это знаменательное событие.

А потом наступил эффектный финал. После череды всех этих событий последовал долгий период полной и напряженной тишины, пока народ пытался собраться с мыслями и понять, что же здесь все-таки произошло. Затем внезапно люди осознали всю грандиозность этого дости-

жения, величие самой идеи, талант и силу воли при воплощении ее в жизнь. В едином порыве все повернулись к Челленджеру. Со всех сторон послышались возгласы восхищения, и со своего холмика к нему обратилось море лиц. Люди приветственно размахивали над головой носовыми платками. Я отчетливо запомнил Челленджера, он и сейчас стоит у меня перед глазами, словно все это было только вчера. Профессор встал со своего стула: глаза полузакрыты, на лице довольная улыбка, левая рука на поясе, а правая спрятана за борт фрака. Картина эта просто напрашивалась быть увековеченной, и вокруг меня, словно шары на крикетном поле, дружно защелкали затворы фотоаппаратов. В золотистых лучах июньского солнца профессор медленно повернулся и величественно поклонился на все четыре стороны света. Челленджер — сверхученый, Челленджер — первопроходец, Челленджер — первый человек в мире, кого вынуждена была признать сама мать-Земля.

Пару слов вместо эпилога. Разумеется, хорошо известно, что результаты этого эксперимента имели мировое значение. Правда, больше нигде потревоженная планета не издавала такого вопля, какой прозвучал в месте прямого

проникновения к ее телу, но зато она своим повсеместным поведением действительно продемонстрировала, что является единым живым организмом. Земля выражала свое возмущение через вулканы и другие имеющиеся отдушины. Разбушевалась Гекла, и исландцы готовились к большому извержению. Проснулся Везувий. На Этне произошел выброс расплавленной лавы[191], и итальянский суд вынес решение о возмещении Челленджером убытков за погибшие виноградники в размере полумиллиона лир. Даже в Мексике и Центральной Америке наблюдались признаки повышенной плутонической активности, а все восточное Средиземноморье оглашал рев вулкана Стромболи на Сицилии. Человеку свойственно хотеть, чтобы о нем заговорили все на земле. Но заставить вскрикнуть саму Землю до сих пор является исключительной привилегией профессора Челленджера.

[191] Примечания: 191

Разбушевалась Гекла ‹…›. Проснулся Везувий. На Этне произошел выброс расплавленной лавы… — Гекла, Везувий, Этна — действующие вулканы, первый — в Исландии, второй — в Италии, третий — на острове Сицилия. (Коммент. канд. филол. наук доцента А. П. Краснящих)

Комментарии

«Затерянный мир»

Над романом «Затерянный мир» А. Конан Дойл работал на протяжении октября и ноября 1911 года. Роман был задуман как первый в новом цикле историй, который автор намеревался предложить широкому кругу читателей вместо цикла о Шерлоке Холмсе: к тому времени писателя порядком утомило, что в восприятии читательской публики его имя прочно ассоциируется только с образом лондонского сыщика. По замыслу А. Конан Дойла новый роман тоже должен был быть приключенческого характера, но, в отличие от шерлокхолмсовских произведений, нести в себе не детективную фабулу, а фантастическую. Для А. Конан Дойла это был первый опыт работы в фантастическом жанре.

По-видимому, в намерения автора входило не столько уйти от устоявшейся персонажной схемы: заносчивый интеллектуал-эксцентрик и его простодушный, но честный и преданный напарник — летописец приключений главного героя, — сколько расширить ее за счет включения новых образов. Так, кроме профессора Челленджера и журналиста Мэлоуна, в характе-

рах и отношениях которых без труда узнаются черты Шерлока Холмса и доктора Ватсона, среди главных героев романа появляются лорд Рокстон — современный рыцарь без страха и упрека — и профессор Саммерли — язвительный соперник Челленджера. Причем лорд Рокстон — отличный стрелок, защитник угнетенных и обездоленных всего мира, отважный искатель риска и приключений, в домашних условиях комфорта и уюта впадающий в апатию и меланхолию, — несомненно, еще один извод Шерлока Холмса, а вечно брюзжащий профессор Саммерли — по сути тот же типаж, что и Челленджер.

Разбирая персонажную структуру романа, некоторые критики увидели в ней обращение к известным в литературе схемам и прежде всего — к четверке мушкетеров А. Дюма. Другие утверждали, что фабула «Затерянного мира» многим обязана произведениям Даниеля Дефо, Жюля Верна и Герберта Уэллса. Особенно Жюля Верна (1828–1905), ранний роман которого — «Путешествие к центру Земли» (1864) — был построен на гипотезе, что где-то — правда, в глубинах Земли, а не на ее поверхности — могли сохраниться флора и фауна доисторических времен.

Разумеется, роман, где детально изображен

экзотический животный мир кайнозойской и мезозойской эры, невозможно было написать без тщательного изучения научных трудов по палеонтологии. Известно, что осенью 1911 года А. Конан Дойл штудировал работы своего соотечественника, зоолога Эдвина Рея Ланкастера (1847–1929) — на то время наиболее авторитетного исследователя древних ископаемых животных (в «Воспоминаниях и приключениях» (1924) А. Конан Дойл отзовется о нем как о великом ученом-зоологе). Кроме того, при написании «Затерянного мира» А. Конан Дойл использовал и иные научные источники: «Конан Дойль охарактеризовал животных в основном конца верхнеюрской — начала нижнемеловой эпохи по материалам Британского музея, обладающего богатыми палеонтологическими коллекциями» (Рождественский А. К. О научной основе романа «Затерянный мир» // Конан Дойль А. Затерянный мир. — М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. — С. 235).

Однако скрупулезной научной подготовке к созданию романа предшествовала его идея, а ее могли вызвать два случая, происшедшие с писателем. В 1907 году, во время свадебного путешествия, в Эгейском море А. Конан Дойлу,

по его словам, довелось собственными глазами видеть животное, похожее на ихтиозавра: «В один прекрасный день мы проплывали на пароходе мимо острова Эгина. Море вокруг было спокойно. Капитан, учтивый итальянец, позволил нам подняться на мостик, и мы — я и моя жена — глядели в прозрачные глубины, как вдруг оба ясно увидели существо, никогда раньше, насколько мне известно, в науке не описанное. Оно было точно как молодой ихтиозавр, фута четыре длиной, с тонкой шеей и хвостом и четырьмя ластами-плавниками по бокам. Корабль миновал его быстрее, чем мы успели кликнуть кого-нибудь еще взглянуть на него. Я с интересом отметил, что несколько лет спустя адмирал Энстрадер описал и нарисовал в „Ивнинг ньюс“ совершенно такое же существо, которое он видел в водах у побережья Ирландии. До сих пор этот древний мир являет нам кое-какие сюрпризы» (Конан Дойл А. Воспоминания и приключения // Конан Дойл А. Жизнь, полная приключений: Пер. с англ. — М.: Вагриус, 2003. — С. 179).

О втором событии, повлиявшем на рождение замысла «Затерянного мира», можно узнать от биографов писателя: «В каменоломне по соседству с собственным домом Конан Дойл заметил

на камне отпечаток „колоссальной ящерицы“. Окаменелость так заинтересовала его, что он сообщил о находке в Британский музей, и оттуда прислали эксперта» (Сташауэр Д. Рассказчик: Жизнь Артура Конан Дойла: Пер. с англ. // Иностранная литература. — 2008. — № 1. — С. 60); «Первые мысли зашевелились в нем при виде игуанодона, доисторического монстра двадцати футов роста, чьи ископаемые отпечатки были найдены в Суссекской долине, вид на которую открывался из окон его кабинета. Эти ископаемые останки хранились теперь в его бильярдной» (Карр Дж. Д. Жизнь сэра Артура Конан Дойла // Карр Дж. Д.; Пирсон Х. Артур Конан Дойл: Пер. с англ. — М.: Книга, 1989. — С. 191).

Свой «затерянный мир» писатель поместил в Южной Америке, в верховьях Амазонки. Выбор именно этого места определила встреча А. Конан Дойла с полковником Фоссеттом — главой экспедиции, совершившей путешествие по местам, позже точно описанным в романе. Это — горы Рикардо Франко-Хиллс, расположенные на границе Боливии и Бразилии.

В качестве прототипов двух из четырех главных героев романа писатель снова, как это уже было с Джозефом Беллом, ставшим под пером А.

Конан Дойла Шерлоком Холмсом, использовал характеры и личности своих университетских учителей: профессор физиологии Эдинбургского университета Уильям Резерфорд (1853–1907) превратился в «Затерянном мире» в профессора Джорджа Эдварда Челленджера, а «долговязый и довольно деспотичный сэр Роберт Кристисон, которого студенты называли Гордый Боб» (Сташауэр Д. Рассказчик… — С. 61–62) — в его постоянного оппонента — «маститого профессора сравнительной анатомии, высокого, худого и резкого человека с морщинистым лицом богослова» — профессора Саммерли.

Упоминание об одном их этих прототипов можно найти в мемуарах писателя: «Ярче всего, однако, у меня в памяти сохранилась приземистая фигура профессора Резерфорда с его ассирийской бородой, громовым голосом, огромной грудью и своеобразными манерами. Он очаровывал и внушал трепет. Я попытался воспроизвести некоторые его черты в образе профессора Челленджера. Порой он начинал свою лекцию еще до того, как входил в аудиторию — мы слышали ревущий голос, сообщавший: „В венах имеются клапаны“, — или какую-нибудь другую информацию, а кафедра все еще оставалась пустой» (Конан

Дойл А. Воспоминания и приключения… — С. 30).

К этому необходимо добавить, что один из ведущих биографов писателя, Дж. Д. Карр, настаивает, что помимо особенностей профессора У. Резерфорда, А. Конан Дойл наделил Челленджера и рядом черт собственного характера: «Профессор Челленджер вырос из своего создателя, как Портос из Дюма, но значительно стремительней. Конан Дойл увлекся Дж. Э. Ч. более, чем кем-нибудь иным из своих созданий. Он мог подражать Челленджеру. Он мог, как мы сейчас увидим, налепить себе бороду и густые брови, как у Челленджера. И за объяснением не нужно ходить далеко. Ведь, не считая непомерного тщеславия Челленджера, он сделал его совершенно откровенной копией самого себя. Как и Челленджер в „Затерянном мире“ да и последующих рассказах, он мог совершать поступки, которые запрещены в привычной нам общественной жизни. И уж если находил на него такой стих, он вполне мог укусить экономку за лодыжку, чтобы проверить, может ли хоть что-то на свете нарушить ее невозмутимость. Он мог бы схватить за штаны репортера и протащить его с полмили по дороге. Он мог бы произносить звонкие внушительные сентенции, скрывая за льстивым тоном

изощренные издевательства, как ему всегда хотелось поступать в обращении с тупицами. И, доведенный до предела, он был вполне способен проделать все это в реальной жизни» (Карр Дж. Д. Жизнь сэра Артура Конан Дойла… — С. 191–192).

И наконец, о происхождении фамилии главного героя романа. Challenger — в переводе с английского — «бросающий вызов». Так назывался корабль, на котором совершил исследовательскую экспедицию еще один университетский учитель А. Конан Дойла — зоолог сэр Чарльз Уайвилл Томпсон. Отдельные комментаторы романа даже говорят о том, что именно это событие стало отправной точкой замысла произведения: «На саму идею о „затерянном мире“ Конан Дойля натолкнули, по-видимому, материалы кругосветной океанографической экспедиции на военном паровом корвете „Челленджер“, которая была снаряжена английским правительством в 1872–1876 годах. Оттуда же романист позаимствовал и имя одного из своих героев. Эта экспедиция впервые составила карту глубин трех океанов, провела разнообразные исследования по физике и химии моря и открыла своеобразный мир глубоководных организмов. Научное значение экспедиции было огромно. Для обработки ее

материалов был создан специальный институт в Эдинбурге „Challenger Office“, опубликовавший капитальное издание в 50 томах с описанием путешествия, океанографическими, ботаническими и зоологическими исследованиями» (Рождественский А. К. О научной основе романа «Затерянный мир»… — С. 234–235).

11 декабря 1911 года, по завершении работы над романом, А. Конан Дойл написал Гринхофу Смиту, редактору журнала «Стрэнд», где начиная с июля 1891 года — с «Приключений Шерлока Холмса» — традиционно первыми печатались почти все его произведения: «Я думаю, это будет лучший сериал (оставив в стороне особую ценность Ш. Холмса) из всех, мной сделанных, особенно в сопровождении фальшивых фотографий, карт и планов. ‹…› Я надеялся дать книге для мальчишек то, что Шерлок Холмс дал детективному рассказу. Я не уверен, что сорву лавры и тут, но все же надеюсь» (Карр Дж. Д. Жизнь сэра Артура Конан Дойла… — С. 192).

Фальшивые планы и карты, о которых идет речь в письме, как и фотографии А. Конан Дойла в парике, с накладными густыми бровями и с длинной черной бородой, о которых упоминает ранее Дж. Д. Карр, — часть мистификации, зате-

янной писателем, в рекламных целях решившим выдать свое художественное произведение за реальный документ — путевые записки журналиста Эдуарда Мэлоуна. Они — и фотографии, и карты — должны были, по задумке писателя, сопровождать в качестве иллюстраций публикацию романа в журнале. Однако «Гринхоф Смит забеспокоился. Он говорил, что при всей безобразности маски она недостаточно неузнаваема и может навлечь на журнал неприятности за фальсификацию. „Ладно, — согласился Конан Дойл спустя три дня. — Ни слова о фотографии проф. Ч. Я признаю свою дерзость. Хотя вообще-то это не я. Я лишь болванка, по которой лепился вымышленный образ. Но не выдавайте меня“» (там же — С. 193).

Роман «Затерянный мир» был впервые опубликован в журнале «Стрэнд», в семи ежемесячных выпусках начиная с апреля 1912 года, и в октябре того же года вышел отдельной книгой в издательстве Ходдера и Стаутона. Произведение имело огромный успех — как у читательской публики, так и у критики. «„В этой работе бесспорно более всего проявилась богатая фантазия автора“, — заявили в „Атенеуме“. „Он создал увлекательнейшую историю невероятных при-

ключений, которая заставляет сильнее биться сердца и перехватывает дыхание у самых пресыщенных читателей“, — высказалась „Таймс“» (Сташауэр Д. Рассказчик… — С. 62).

Любопытно, что среди читателей «Затерянного мира» нашлись и такие, кто, как и планировал автор, приняли все, о чем рассказывалось, за чистую монету. Дж. Д. Карр приводит выдержку из одной газетной статьи, где говорится об экспедиции в Южную Америку, предпринятой читателями романа: «Захватывающий роман сэра Артура Конан Дойла „Потерянный мир“ пробудил жажду приключений у группы американцев. Несколько дней назад яхта „Делавэр“ вышла из Филадельфии в плавание по широким водам Амазонки. Яхта принадлежит Пенсильванскому университету и направляется в Бразилию с группой отважных исследователей, которые предполагают достичь дальних пределов Амазонки и верховьев многих ее притоков в интересах науки и человечества. Они ищут „потерянный мир“ Конан Дойла или научных свидетельств его существования» (Карр Дж. Д. Жизнь сэра Артура Конан Дойла… — С. 207–208).

«Отравленный пояс»

Повесть стала второй историей в задуманном А. Конан Дойлом новом цикле — о приключениях профессора Челленджера и его друзей.

За работу над ней писатель принялся вскоре по окончании «Затерянного мира». Первые главы «Отравленного пояса» по словам самого писателя (Конан-Дойль А. La «Force Mystérieuse» // Конан-Дойль А. Уроки жизни. — М.: Аграф, 2003. — С. 297), были написаны в январе 1912 года, последующие — в течение этого же года.

В сюжете этой апокалиптической по настроению повести, жанр которой при желании можно определить как повесть-катастрофу, получили художественное отражение события, взволновавшие А. Конан Дойла на протяжении того года и, прежде всего, гибель «Титаника» — крупнейшего за всю историю британского пассажирского судна, затонувшего от столкновения с айсбергом во время своего первого же плавания, 14 апреля 1912 г., вместе с более чем полутора тысячей пассажиров. Дж. Д. Карр пишет: «Конец мира! Пояс смертоносного газа быстро перемещается по земле, истребляя на своем пути все живое. Пред-

ставьте себе небольшую группу из пяти человек, запершихся в воздухонепроницаемой комнате (в его воображении это был кабинет в Уиндлшеме (*Уиндлшем — „Тороватое“ — усадьба А. Конан Дойла в графстве Суссекс, где он жил с 1907 года и до конца жизни. — А. К.*) с окнами, выходящими на площадку для гольфа и холмы) и под свист кислородного баллона наблюдающих, как замирает жизнь вокруг. Они — словно пассажиры „Титаника“, зажатые во льдах со всеми своими мягкими диванами и уютной безопасностью» (Карр Дж. Д. Жизнь сэра Артура Конан Дойла… — С. 203).

Трагедию «Титаника» А. Конан Дойл, как и многие его современники, воспринял как знак свыше — предупреждение о грядущих, еще более глобальных мировых катастрофах — и в то же время как проверку на крепость человеческого духа, испытание мужества и самоотверженности человечества в целом и британского характера в частности. 20 мая 1912 года в газете «Дэйли ньюс» появилась статья А. Конан Дойла «Мистер Бернард Шоу и „Титаник“ — эмоциональный ответ Бернарду Шоу, саркастически высмеявшему попытки английской прессы героизировать поведение пассажиров и экипажа корабля во время крушения. „Что же касается общего обвинения в

том, что случай с „Титаником“ используется для прославления британского характера, то мы, как нация, утратили бы силу, если бы перестали отдавать дань восхищения проявленным в высших формах мужеству и дисциплине. ‹…› Вызывает сожаление, что человек, несомненно талантливый, использует свой талант для того, чтобы оклеветать и опорочить собственный народ. Не говоря уже о том, что написанное им причинит лишние страдания людям, на чью голову выпало уже и так достаточно горя“», — такими словами завершает свою отповедь Бернарду Шоу А. Конан Дойл (Конан-Дойль А. Мистер Бернард Шоу и «Титаник» // Конан-Дойль А. Уроки жизни… — С. 253).

Кроме того, в «Отравленном поясе» не могли не отразиться и общие предчувствия надвигающейся большой войны с Германией. Дж. Д. Карр пишет: «Мы, конечно, не станем утверждать, что ему виделись какие-то картины мировой катастрофы вроде мертвых городов и распластанных манекенов „Отравленного пояса“. Но любопытно, как переплетаются в это время некоторые направления его мысли: параллельно с этой повестью написал он статью „Великобритания и грядущая война“, появившуюся в „Фортнайт ревью“ в феврале 1913 года. Что империалисти-

ческая Германия думает о войне — и что она собирается предпринять и как, — открылось ему, когда он прочел книгу генерала фон Бернгарди „Германия и грядущая война“» (Карр Дж. Д. Жизнь сэра Артура Конан Дойла… — С. 204).

Впервые «Отравленный пояс» был напечатан в журнале «Стрэнд»: четырьмя выпусками с марта по июнь 1913 года. Публикация в следующем году французского перевода повести вызвала во французской и английской прессе литературный скандал локального масштаба: популярный французский писатель-фантаст Жозеф Анри Рони-старший (1856–1940), которого называли литературным наследником Жюля Верна, в предисловии ко второму изданию своего романа «Загадочная сила», повествующего, как в результате необратимых изменений в солнечном спектре на Земле наступает новый ледниковый период и конец цивилизации, высказал предположение, что А. Конан Дойл, работая над «Отравленным поясом», воспользовался его романом как первоисточником для своего сюжета. Переводчик «Отравленного пояса» Лабат, литературный агент А. Конан Дойла У. П. Уотт и французский критик Поль Судэ выступили с опровержением на страницах французской газе-

ты «Le Temps», а сам писатель направил письмо в газету «Таймс», где оно было опубликовано 2 мая 1914 года. В «Le Temps» А. П. Уотт приводит и письмо А. Конан Дойла к Лабату, в котором говорится: «Дорогой мсье Лабат! У меня достаточно забот в этой жизни, чтобы — мало того, что следить за творчеством г-на Рони, так еще и что-то такое у него списывать. Первые главы моего романа „В ядовитом поясе“ были написаны почти за год до окончания работы над ним. Я тотчас переправил рукопись издателю, и книга стала печататься в „Стрэнде“. Г-н Рони особенно упирает на тот факт, что он-де к этому моменту успел опубликовать две части своей книги. Однако здравый смысл должен бы подсказать ему, что даже при желании в чем-то его скопировать я не успел бы в таком случае закончить роман, не говоря уже о том, чтобы подготовить иллюстрации через два месяца после его окончания. Мой литературный агент мистер Уотт и редакторы „Стрэнда“ могут засвидетельствовать, что рукопись поступила к ним за два месяца до начала публикации. Остается надеяться, что г-н Рони принесет свои извинения за злостную инсинуацию, которая не заслуживала бы внимания, если бы не была рассчитана на то, чтобы ввести читателя в заблуждение» (Конан-

Дойль А. La «Force Mystérieuse» // Конан-Дойль А. Уроки жизни… — С. 296–297).

«Когда мир вскрикнул»

Рассказ вошел в последнюю книгу историй о приключениях профессора Челленджера и его друзей «Маракотова бездна и другие рассказы» (1929), включавшую, кроме него и заглавной повести, рассказы «Дезинтеграционная машина» и «История „навесного Спидигью“».

А. Краснящих